

ИВАН КАЛИТА

Николай
Борисов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1154

(954)

Николай Борисов

ИВАН КАЛИТА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2005

УДК 94(47)(092)“12/14”
ББК 63.3(2)42
Б 82

*Издательство «Молодая гвардия»
благодарит Российский государственный архив древних актов
за предоставленные иллюстративные материалы*

Издание третье

ISBN 5-235-02847-3

© Борисов Н. С., 2005
© Издательство АО «Молодая гвардия»
художественное оформление, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со школьной скамьи знакомо нам это имя — Иван Калита. Но что можно сказать о человеке, носившем это имя и это прозвище? Первый московский правитель... Князь-скопидом, прозванный за прижимистость «денежным мешком»... Хитроумный и беспринципный лицемер, сумевший войти в доверие к хану Золотой Орды и наводивший во имя своих личных интересов татар на русские города... Вот, кажется, и все.

Таков привычный образ Ивана Калиты. Но этот образ — не более чем миф, созданный на потребу простодушной любознательности. В источниках мы не найдем его безусловного подтверждения. Однако не найдем и полного его отрицания. Как это часто бывает, краткие исторические документы оставляют возможность для самых различных толкований. В таких случаях многое зависит от историка, от того, что он хочет увидеть, вглядываясь в туманное зеркало минувшего.

Как возникают исторические мифы? Иногда их создают «по заказу», с откровенно политическими целями. Диапазон таких политизированных мифов очень широк: от убогих изделий идеологического ширпотреба — до шедевров, созданных мастерами, искренне верившими в свое творение.

Но есть и другой путь создания мифов. С их помощью люди еще в глубокой древности начали объяснять мир. По мере развития науки мифы отступали, умирали, превращались в занятное чтение. Поэты использовали героев мифов как символы определенных чувств и качеств. И все же мифы как средство познания практически бессмертны. Перед человеком всегда будет лежать обширная область непознанного. Ее и заселяют неистребимые мифы. Приспосабливаясь к духу времени, они иногда облачаются в академические мантии. Но суть их все та же, что и в глубокой древности. Миф — это заплатка, прикрывающая прореху в наших познаниях.

Итак, миф всегда есть ответ на неразрешимую загадку. В основе мифа об Иване Калите также лежит тайна. Имя ей —

Москва. Мы никогда не знали и, вероятно, никогда уже не узнаем, почему именно этому маленькому окраинному городу Владимиро-Суздальской земли довелось стать столицей Российского государства.

Первый русский историк Н. М. Карамзин высказался на сей счет вполне откровенно: «Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века, возвысил главу и спас отечество» (80, 20)¹. Древний летописец на этом и остановился бы, склоняя голову перед непостижимостью Божьего Промысла. Но Карамзин был человеком нового времени. Чудо как таковое его уже не устраивало. Он хотел найти ему рациональное объяснение. И потому он первым начал творить ученый миф о Калите.

Начитанный в источниках, Карамзин прежде всего определил князя Ивана теми словами, которые нашел для него один древнерусский автор — «Собиратель земли Русской». Однако этого было явно недостаточно для объяснения. Почему именно князь Иван стал этим «Собирателем»? В конце концов все русские князья того времени как могли собирали землю и власть, иначе говоря — гребли под себя...

Тогда Карамзин предложил дополнительные пояснения. Оказывается, Калита был «хитрый». Этой хитростью он «сни-скал особенную милость Узбека и, вместе с нею, достоинство великого князя». С помощью той же «хитрости» Иван «усы-пил ласками» бдительность хана и убедил его, во-первых, не посылать более на Русь своих баскаков, но передать сбор дани русским князьям, а во-вторых — закрыть глаза на присоединение многих новых территорий к области великого княжества Владимирского.

Следуя заветам Калиты, его потомки постепенно «собрали Русь». В итоге могущество Москвы, позволившее ей в конце XV века обрести независимость от татар, есть «сила, воспитанная хитростью» (80, 21).

Другой классик отечественной историографии, С. М. Соловьев, в противоположность Карамзину был очень сдержан в характеристиках исторических деятелей вообще и Ивана Калиты в частности. Он лишь повторил найденное Карамзиным определение князя Ивана как «Собирателя земли Русской» и отметил вслед за летописью, что Калита «избавил Русскую землю от татей» (122, 234).

Некоторые новые мысли о Калите высказал Н. И. Косто-

¹ Первая цифра в скобках означает номер издания в списке источников и литературы, помещенном в конце книги. Вторая цифра — номер страницы.

маров в своем известном труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Он отметил необычайно крепкую для князей того времени дружбу Юрия и Ивана Даниловичей, а о самом Калите сказал так: «Восемнадцать лет его правления были эпохой первого прочного усиления Москвы и ее возвышения над русскими землями» (87, 159). При этом Костомаров не удержался от повторения созданного Карамзиным стереотипа: Калита был «человек характера невоинственного, хотя и хитрый» (87, 166).

Знаменитый ученик Соловьева В. О. Ключевский был большим любителем исторических парадоксов. В сущности, вся история России представлялась им как длинная цепь больших и малых парадоксов, завораживающих слушателя или читателя, но не выводящих к маякам путеводных истин. Жертвой одного из малых парадоксов стали и московские князья. «Условия жизни, — говорил Ключевский, — нередко складываются так своенравно, что крупные люди размениваются на мелкие дела, подобно князю Андрею Боголюбскому, а людям некрупным приходится делать большие дела, подобно князьям московским» (83,50). Эта посылка о «людях некрупных» и предопределила его характеристику Калиты. По Ключевскому, все московские князья, начиная с Калиты, — хитрые прагматики, которые «усердно ухаживали за ханом и сделали его орудием своих замыслов» (83, 19).

Увлечшись созданием художественного образа московского князя, Ключевский утверждал, хотя и без всяких ссылок на источники, что в руках у Калиты были «обильные материальные средства», водились «свободные деньги» (83, 16). Логика задуманного Ключевским образа потребовала следующего суждения: богатый — значит скупой. Отсюда произошла известная характеристика Калиты как «князя-скопидома», надолго прилипшая к нашему герою. Историка не остановила даже полная противоположность нарисованного им образа прозвищу князя Ивана, указывавшему на его щедрость и доброту. Он лишь слегка прикрыл эту натяжку беглым замечанием: «Может быть, ироническому прозвищу, какое современники дали князю-скопидому, позднейшие поколения стали усваивать уже нравственное истолкование» (83, 25).

Итак, к созданному Карамзиным портрету льстеца и хитреца Ключевский добавил еще пару темных мазков — скопидомство и посредственность. Возникший в итоге малопривлекательный образ благодаря его художественной выразительности и психологической достоверности стал широко известен. Он был запечатлен в памяти нескольких поколений русских людей, обучавшихся по гимназическому учебнику

истории Д. И. Иловайского. Здесь Калита — «собиратель Руси». Однако его моральные качества вызывают отвращение. «Необыкновенно расчетливый и осторожный, он пользовался всеми средствами к достижению главной цели, то есть возвышению Москвы за счет ее соседей». Московский князь «часто ездил в Орду с дарами и раболепно кланялся хану; он получал от хана помощь в борьбе с соперниками, и таким образом самих татар сделал орудием для усиления Москвы». Ко всем прежним порокам Калиты Иловайский прибавляет новый — жульничество. «Присвоив себе право собирать дань с удельных князей и доставлять ее в Орду, Калита искусно пользовался этим правом, чтобы увеличить свою собственную казну» (77, 71). Прозвище князя Ивана Иловайский решительно переводит как «мешок с деньгами».

Сознательно или бессознательно, но в этой исторической карикатуре на основателя Московского государства проявилось отношение либеральной русской интеллигенции к самому этому государству, точнее — к его историческому преемнику Российской империи. Неохотно признавая историческую необходимость этого государства, интеллигенция в то же время страстно ненавидела его атрибуты — самодержавную власть и бюрократический административный аппарат.

Развенчание и охуление Ивана Калиты в конце концов вызвало законный вопрос: да мог ли столь низменный человек исполнить столь великую историческую задачу, как основание Московского государства? Ответ напрашивался двоякий: либо он и не был основателем, либо созданный историками образ Калиты недостоверен. Первый ответ дал историк русского права В. И. Сергеевич. Он решительно отнял у Калиты последнее его достоинство «собирателя Руси» и назвал его «лишенным качеств государя и политика» (121, 65). Ко второму ответу пришел известный исследователь политической истории Руси А. Е. Пресняков. «Обзор фактических сведений о деятельности великого князя Ивана Даниловича, — писал он, — не дает оснований для его характеристики как князя-«скопидома», представителя «удельной» узости и замкнутости вотчинных интересов. Эта его характеристика, столь обычная в нашей исторической литературе, построена на впечатлении от его духовных грамот, которые, однако, касаются только московской отчины и ее семейно-вотчинных распорядков» (110, 159).

После 1917 года разногласия мнений в русской исторической науке быстро исчезают, сменяясь господством «высочайше утвержденных» представлений. Основатель новых, откровенно идеологизированных и политизированных подхо-

дов к отечественной истории М. Н. Покровский советовал прекратить споры об исторических личностях и перейти к изучению социально-экономических процессов. «Оставим старым официальным учебникам подвиги «собирателей» и не будем вдаваться в обсуждение вопроса, были ли они люди политически бездарные или политически талантливые», — писал Покровский (112, 122).

Последовав совету Покровского, историки на многие десятилетия отказались от жанра исторических портретов, исключая лишь заказные иконописные образы. Общее критическое отношение к старым правителям коснулось и Калиты. В школьных учебниках и исторических трудах о нем писали мало и в основном критически. Добрую ложку дегтя подлила «Секретная дипломатия» Карла Маркса — острый политический памфлет, полный сарказмов относительно русской истории и ее деятелей. Опираясь на Маркса, историк А. Н. Насонов в своей известной книге «Монголы и Русь» (М., 1940) писал: «Калита не был и не мог быть ни объединителем Руси, ни умиротворителем. Народное движение за объединение Руси началось тогда, когда открылись возможности борьбы с татарами; и это движение, поддержанное церковью, обеспечило победу московского князя внутри страны и успех в борьбе с татарами, завершившийся Куликовской битвой. О Калите Маркс правильно сказал, что он соединял в себе «черты татарского палача и низкопоклонника и главного раба» (105, 111).

Десять лет спустя другой известный историк, В. В. Мавродин, последовал тому же методу в оценке Ивана Калиты. «Поборы с населения, с торговых операций, присваивание татарской дани сделали московского князя самым богатым из всех русских князей. «Сумой, а не мечом он прокладывал себе дорогу», — говорит о Калите К. Маркс» (99, 95). Впрочем, у Маркса были разные суждения на сей счет. Мавродин соглашается и с таким: «При нем была заложена основа могущества Москвы».

Прошло еще десять лет. В 1960 году увидел свет капитальный труд Л. В. Черепнина, посвященный истории Руси в XIV—XV веках. Есть в нем и характеристика личности Ивана Калиты. «Калиту не нужно идеализировать. (Вот уж чего не было, того не было! — Н. Б.) Это был сын своего времени и класса, правитель жестокий, хитрый, лицемерный, но умный, упорный и целеустремленный» (130, 513). Легко заметить, что все составляющие этой тяжеловесной формулы уже имелись в трудах историков. От себя Черепнин добавил немного: «Этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения,

которые подрывали основы господства Орды над Русью... Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других русских князей, не брезгуя для этого татарской помощью, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества» (130, 512).

Восходящая к Марксу сентенция о «могуществе Москвы», которым она была обязана Калите, словно прилипла к князю, заслоняя все остальное. Имеется она и в действующем ныне университетском учебнике: «Оценивая итоги княжения Калиты, К. Маркс отмечал, что при Калите была заложена основа могущества Москвы» (издание 1975 года) (78, 151). В следующем издании того же учебника (1983) имя Маркса почему-то исчезло, и стало так: «В княжение Калиты была заложена основа могущества Москвы» (79, 138). Те же слова — во всех современных энциклопедиях и словарях.

Так и стоит он там, на дальнем горизонте нашего прошлого, со своей разбойной сумой на плече, злодей-основоположник злодейского государства, скверная копия с картины великого Макиавелли.

Но отложим пока в сторону все, что было написано об Иване Калите: в основном это не более чем игра ума великих историков прошлого или несложные упражнения наших современников. В этой книге мы попытаемся самостоятельно пробиться к московскому князю через толщу веков, через пропасти неведения и дебри противоречий в древних источниках. Приглашая читателя совершить вместе с нами это далекое путешествие, мы сразу же хотели бы объявить свои условия. Первое и главное — откровенность. В эпоху Калиты на десять вопросов историка приходится не более одного ответа. Мы не собираемся скрывать от читателя то, что историки обычно замалчивают: отсутствие достоверных сведений, недоказуемость большинства построений. Более того, мы даже радуемся этой неопределенности и готовы повторять вместе с французским историком Марком Блоком: «Я не думаю, что следовало бы скрывать сомнения нашей науки от людей просто любознательных. Эти сомнения — наше оправдание. Более того — они придают нашей науке свежесть молодости. Мы не только имеем право требовать по отношению к истории снисходительности, как ко всему начинающемуся. Незавершенное, которое постоянно стремится перерастить себя, обладает для всякого живого ума очарованием не меньшим, чем нечто, успешнейшим образом законченное» (49, 14).

Мы также хотим заранее предупредить читателя, что в нашем портрете некоторые черты будут дорисованы «по ло-

гике линий». Иначе говоря, мы позволяем себе воссоздавать малопонятные ситуации исходя из того, что Калита действовал в них так, как действовал бы на его месте любой другой здравомыслящий человек той эпохи. В этом, конечно, есть некоторая доля риска — но иного пути у нас просто нет. Ведь если быть абсолютно корректным, то вся наша книга будет состоять из одних вопросительных знаков. Некоторый допуск, основанный на профессиональной интуиции автора, много лет занимавшегося этой эпохой и этими людьми, просто неизбежен. При этом его величина не будет превышать допустимого в научных исследованиях, хотя мы и не собираемся каждый раз оговаривать возможность иной трактовки событий.

Девять десятых всех сведений, которыми мы располагаем об Иване Калите, дают летописи. Эти странные литературные произведения, где есть только два действующих лица — Бог и человек, никогда не заканчивались. Каждое поколение рукою книжника-монаха вписывало в них новые страницы.

В летописи удивительным образом соединяются противоположные начала: мудрость веков — и почти детская наивность; сокрушительное течение потока времени — и несокрушимость факта; ничтожество человека перед лицом Вечности — и его же безмерное величие как «образа и подобия Божия». На первый взгляд летопись проста и незатейлива. Погодное изложение событий в виде кратких сообщений иногда прерывается вставками — самостоятельными литературными произведениями, дипломатическими документами, юридическими актами.

Но за этой внешней простотой скрывается бездна противоречий. Во-первых, летописец видит события и изображает их «со своей колокольни»: с точки зрения интересов и «правды» своего князя, своего города, своего монастыря. Под этим слоем бессознательного искажения истины — еще один: искажения, которые возникли при составлении новых летописей на основе старых. Обычно новые летописи (точнее, летописные «своды») составляли по случаю каких-то важных событий. Составитель новой летописи («сводчик») редактировал и по-своему компоновал содержание нескольких летописей, находившихся в его распоряжении, создавал новые текстовые комбинации. Поэтому порядок событий в тексте летописной годовой статьи не всегда соответствует их реальной последовательности.

При составлении новых сводов часто сбивалась правильная хронология событий. Да и сам календарь был неоднозначен. В эпоху Калиты на Руси были в употреблении сразу три

системы исчисления времени. По одной из них год начинался с 1 марта, по другой — с 1 сентября, а по третьей — с 1 марта предшествующего года. Летописец никогда не сообщает, какую из этих систем он использует. Кроме того, составитель свода никогда не знал, каким стилем пользовались его предшественники. В результате события часто сдвигались в датировке на год и даже более вперед или назад.

Наконец, летописцы всегда были очень кратки в своих сообщениях. События целого года укладывались у них в несколько строк. Иногда, указав год, летописец лаконично замечает — «не бысть ничего». Но даже рассказав о событии более или менее внятно, он никогда не объяснял его причин. Пояснения такого рода обычно ограничивались традиционными сентенциями: «за грехи наши», «Божиим попущением», «по воле Божией». Этот лаконизм иногда придает летописному повествованию почти афористичную сжатость и выразительность. Но сколько слез было пролито историками над каждой недосказанной строкой!

Изучение истории ранней Москвы затрудняется еще и тем, что практически все ее книжное богатство погибло во время нашествия Тохтамыша в 1382 году. Стараясь сберечь книги, митрополит приказал собрать их в одну из кремлевских каменных церквей. Книг оказалось так много, что они достигли сводов. Но татарам удалось захватить и сжечь Кремль. От книг остался один пепел.

Древние московские книги погибали и в последующие века. Известно, например, что знаменитый деятель времен Петра I В. Н. Татищев (1686—1750) использовал для своего труда «История Российская» целый ряд летописей, не сохранившихся до наших дней. Историк Н. М. Карамзин (1766—1826) имел в своем распоряжении Троицкую летопись, погибшую в пожаре Москвы в 1812 году.

Подводя итог утратам и проблемам, отметим главное: наши знания об Иване Калите и его времени обрывочны и фрагментарны. Его портрет — словно древняя фреска, израненная временем и скрытая под толстым слоем поздней масляной живописи. Путь познания Ивана Калиты есть путь кропотливой реставрации. Но вместе с тем это и путь самопознания. Ведь мы имеем дело со строителем Московского государства, чья рука навсегда оставила свой след на его фасаде.

Идет время — но идет и дело. И вот уже сходит понемногу сухая шелуха поновлений. Вот приоткрылись подлинные черты лица, вот ожил взгляд, глядящий на нас сквозь века. И в этом строгом взгляде — безмолвный вопрос. Но что мы сегодня ответим ему, хранителю Руси и ее великому созидателю?

БАВИЛОНСКИЙ ПЛЕН

Ибо так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: железное ярмо возложу на выю всех этих народов, чтобы они работали Навуходоносору, царю Вавилонскому...

Иеремия, 28,14.

И оттоле нача работати Руская земля татаром...

Новгородская IV летопись, 1238 г.

Основатель московской династии и отец Ивана Калиты князь Даниил Александрович — самый неприметный из правивших тогда в Северо-Восточной Руси потомков Всеволода Большое Гнездо. Он родился в 1261 году и был младшим сыном Александра Невского. Точная дата его появления на свет неизвестна, но можно думать, что случилось это в самом начале зимы. Преподобный Даниил Столпник, в честь которого он получил свое имя, по старым месяцесловам праздновался 11 декабря.

В ноябре 1263 года, когда в возрасте 43 лет умер его отец, Даниилу не исполнилось и двух лет. Согласно завещанию отца он получил весьма скромный удел — основанную Юрием Долгоруким Москву с прилегающими к ней землями.

В силу своей незначительности Москва в первые сто лет своего существования ни разу не была стольным городом. Лишь в 1247 году сюда случайно залетел и ненадолго здесь обосновался задиристый и непоседливый князь Михаил Хоробрит, брат Александра Невского. Однако в Москве он явно скучал. Через год Михаил перебрался во Владимир-на-Клязьме, изгнав оттуда своего дядю, юрьевского князя Святослава Всеволодовича. Строитель гениального собора, Святослав был, по-видимому, неважным воином. Во всяком случае, он без боя уступил престол своему нахрапистому племяннику. А еще немного времени спустя Михаил Хоробрит сложил свою буйную голову в какой-то дикой схватке с литовцами на берегах сонной подмосковной речки Протвы. Его похоронили в Успенском соборе во Владимире, где своды еще чернели гарью от Батыева погрома в феврале 1238 года. А Москва с округой вновь вернулась в состав великого княжения Владимирского.

Душеприказчиком Александра Невского был его младший брат Ярослав Ярославич. Этот сильный, уважаемый современниками князь, известный прежде всего как родоначальник трагической династии тверских князей, взял в свою семью на воспитание малолетнего Даниила. (Мать дитяти, княгиня Александра, к этому времени уже умерла). То был мудрый, дальновидный шаг князя Ярослава. Повзрослев, Даниил сохранил добрые отношения с сыновьями Ярослава Святославом и Михаилом.

Удел Даниила, Москву, Ярослав поручил своим наместникам. Лишь через семь лет тиуны были отозваны и управление городом перешло к доверенным лицам Даниила. Впрочем, не исключено, что и позднее, в 1270-е годы, Москва находилась под контролем великих князей Владимирских: сначала Ярослава Ярославича, а с 1272 по 1276 год — Василия Ярославича.

С приходом на великое княжение Владимирское следующего поколения Рюриковичей — сыновей Александра Невского Дмитрия и Андрея — Даниил получает полную самостоятельность, но еще не скоро становится заметной для летописца фигурой. Впервые он появляется на страницах летописей в 1282 году, когда вместе с тверским князем Святославом Ярославичем и новгородцами участвует в походе на Переяславль-Залесский (21, 176). (Название этого города лишь с конца XV века приняло современную, сокращенную форму — Переславль).

Участие Даниила в этом походе едва ли было его собственной инициативой. Скорее этого требовали интересы Москвы, оказавшейся втянутой в охватившую всю Северо-Восточную Русь кровавую усобицу старших сыновей Александра Невского (94, 97).

Князь Дмитрий Александрович Переяславский занимал великое княжение Владимирское с 1276 года. Поначалу он правил спокойно и уверенно, энергично занимаясь укреплением своих позиций в новгородских землях. Любовь к Новгороду, унаследованная Дмитрием от отца, была отнюдь не бескорыстной. Именно здесь, в торговых городах северо-запада, искали источников пополнения своих доходов вечно нуждавшиеся в деньгах северо-восточные князья. А сколько вожаделенной добычи приносил удачный набег на богатые немецкие и шведские земли!

Увлечшись новгородскими предприятиями, Дмитрий ослабил внимание к делам Северо-Восточной Руси. А между тем здесь назревали драматические события. На их приближение указывали грозные знамения в природе. В 1280 году «быша

громи страшнии и ветры мнозии и бури велицы, и люди многи гром побии, и мнози молниями опалени быша, инудуже и дворы изо основания взя и с людьми восторже, и без вести быша. И тоя же зимы бысть знамение на небеси: явился облак огнен на западных странах, от него же искры на всю землю идяху; и, мало постояв, погибе.

И от того времени нача множитися в Руси брань межеусобная... Завистию дияволею великий князь Андрей Александрович... шед во Орду и испроси себе великое княжение под старейшим си братом Дмитрием, на него же и брани многи воздвизаше; многажды же и поганых татар и царевичев Ординьских навожаше» (26, 306).

Тяжкие жернова борьбы двух сильнейших русских князей, каждый из которых стоял во главе целой коалиции, могли легко перемолоть маленькое Московское княжество. Понимая это, осторожный Даниил ловко лавировал между старшими братьями, до последней возможности уклоняясь от решительных шагов.

Но как ни старался осмотрительный московский князь уходить от беды — она все же нашла его. В 1292 году в природе опять явилось грозное знамение, предвещавшее беду. Однажды ночью с северной и южной стороны небосклона появилась какая-то жуткая тень — «стоаху убо в нощи на воздухе яко полк воинский на полудниа, такоже и на полунощие» (22, 168). На другой год пришла беда. И накликали ее сами русские. Несколько князей во главе с Андреем Александровичем Городецким поехали к хану Тохте жаловаться на великого князя Дмитрия Александровича. Они надеялись, что хан вызовет его в Орду на суд. А поскольку исход суда в Орде обычно зависел от того, кто из соперников мог больше дать взятку ханским приближенным, — князья-мятежники надеялись, тряхнув мощной, решить дело в свою пользу.

Вначале все шло так, как и было задумано. Даже ростовский епископ Тарасий приехал в Орду, чтобы способствовать низложению великого князя Дмитрия Александровича. Однако хан внезапно изменил свое решение. Вместо суда над князем Дмитрием он решил устроить разгром его земель, а также владений тех князей, которые были дружны с провинившимся. Карательный поход на беззащитную Северо-Восточную Русь обещал быть прибыльным делом. Руководить экспедицией Тохта поручил своему брату Дюденю.

Вот что рассказывает об этом летопись. «В лето 6801¹ бысть

¹ Даты в летописях даются «от сотворения мира» и отличаются от современного счета «от Рождества Христова» на 5508 лет.

в Русской земли Дюденева рать на великаго князя Дмитрея Александровичя, и взяша столный град славный Володимерь, и Суждаль, и Муром, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву, Можаяск, Волок, Дмитров, Углече поле, а всех городов взяша татарове 14. Поиде бо из Орды ратью с татары князь Андреи и князь Федор Ростиславич на князя великаго Дмитрея Александровичя, на брата своего старейшаго, а князь великий Дмитрей тогда был в Переяславли. Слышав же горожане переяславци рать татарскую, разбегошася разно люди черныя и все волости переяславская. После же и сам князь великий Дмитрей и з своею дружиною побеже к Волоку (Волоколамску. — *Н. Б.*), а оттоле к Пскову. И тако замыется вся земля Суждалская.

Рать же татарская с князем Андреем и Федором, пришедше в Суждаль, и град весь взяша, также и Володимер взяша и церкви пограбиша, и дно (пол. — *Н. Б.*) чюдное медяное выдраша, и книги, и иконы, и кресты честныя, и сосуды священныя, и всяко узорочие пограбиша, а села и волости, и погосты, и монастыри повоеваша, и мнишьскому чину поругашася, попадьи жены оскверниша. Тако потом взяша Юрьев, и села, и люди, и кони, и скоты, и имение то все пограбиша. Таче же по сем приидоша к Переяславлю и стояли у города много днеи, понеже людеи несть, выбегли ис Переяславля, и поидоша к Москве, и московского Данила обольстиша, и тако въехаша в Москву, и сътвориша также, якоже и Суждалю и Володимерю, и прочим городом, и взяша Москву всю, и волости, и села» (25, 82).

Как «обольстили», то есть обманули татары московского князя Даниила Александровича — неизвестно. Летописец, как всегда, излагает следствия, но не стремится раскрыть причины. Такой подход соответствовал христианскому взгляду на мир, согласно которому все происходит по воле Божией. Уразуметь ее не дано простым смертным. Нашествие иноплемеников и другие «казни Божии» наказывают людей за грехи и заставляют вернуться на путь истинный. «Промысл Божий неведом и непостижим, и помыслы наши, и деяния, и будущее известны одному только Ему, — учил один из отцов Церкви святой Иоанн Дамаскин. — Говорю же я обо всем том, что не находится в нашей власти; ибо то, что находится в нашей власти, есть дело не Промысла, но нашей свободной воли» (40, 112).

Таинственный механизм осуществления Промысла является главной темой летописей. Он представлен летописцем в абсолютно чистом виде, без отвлечений на несущественные с этой точки зрения подробности и без неуместных в данном

случае авторских комментариев. В этом отношении летопись подобна иконе, где представлено не столько само событие, сколько его вневременное общечеловеческое значение.

Не опускаясь до рассуждений о земных причинах «Дюденевой рати» и не вдаваясь в подробности нашествия, летописец сообщает лишь, что от Москвы татары и их русские подручники направились к Твери. Город был переполнен беженцами из подвергшихся нашествию земель. Тверичи во главе со своим молодым князем Михаилом Ярославичем приготовились к борьбе с неприятелем. Узнав об этом, каратели повернули назад, ограничившись разграблением Волоколамска и его окрестностей.

Однако и тверичи не избежали общей участи. Зимой туда нагрянул новый татарский отряд, которым командовал «царь татарьскыи ... имя ему Токтомерь». Незванный гость «велику тягость учини людем», одних «посече», а других «в полон поведе» (25, 83).

Разгром Северо-Восточной Руси «Дюденевой ратью» в 1293 году современники называли новым Батыевым нашествием. «Победитель» князь Андрей Городецкий получил великое княжение Владимирское и вскоре был принят в Новгороде.

Князь Дмитрий Александрович во время нашествия со своей дружиной бежал во Псков. Там находили убежище многие князья-изгнанники того времени. В случае крайней опасности из Пскова всегда можно было уйти дальше — в Литву или Швецию. Татары Дюдены хотели поймать князя Дмитрия. Для этого им прежде нужно было пройти через новгородские владения, никогда прежде не подвергавшиеся нашествию татар. Лишь ловкость новгородских дипломатов и вынужденная щедрость городских богачей спасли народ от небывалой беды. Вот как рассказывает об этом летописец: «Татарове же восхотеша ити к Новугороду и ко Пскову, новгородцы же прислаша ко царю Дюдению и ко всем татаром послы своя, Семена Клемянтъевича да Ивана Михайловича, с множеством безчислено даров, дабы они не ходили ратью к Новугороду и властей (то есть «волостей», владений. — *Н. Б.*) их не воевали. Они же взявше безчисленное множество даров, возвратишася в свою землю в поле (то есть в степь. — *Н. Б.*), и идоша во Орду» (22, 169).

После ухода Дюденевой рати князь Дмитрий решил перебраться из Пскова в Тверь. Однако по дороге, где-то у

Торжка, его перехватил брат Андрей с дружиной. В короткой, но жестокой схватке Андрей разгромил отряд Дмитрия, захватил его казну и «выючный товар». Сам князь едва успел уйти от погони и плена, переправившись на другой берег Тверцы.

Некоторое время спустя между братьями был заключен мир, по условиям которого Дмитрий отказывался от притязаний на великое княжение Владимирское, а за это получал право вернуться в Переяславль-Залесский. Однако добраться туда он уже не успел. Потрясенный всем случившимся, ограбленный и униженный родным братом, старший сын Александра Невского умер где-то в дороге, близ Волоколамска в возрасте, в котором умер и его отец — около 43 лет. Перед кончиной он по примеру отца принял монашеский постриг, надеясь заслужить прощение и милость Божию. Его тело было предано земле в Переяславле-Залесском. Только там, под сводами храма во имя Спаса Преображения, выстроенного еще Юрием Долгоруким, этот вечный скиталец обрел наконец покой.

Соперничеству среди русских князей сильно способствовал и раздел власти в степях между двумя враждебными группировками. В свое время Александр Невский делал в своей политике ставку на правителя улуса Джучи (будущей Золотой Орды) хана Батюя, тогда как его брат Андрей пользовался поддержкой общеимперской администрации в Каракоруме. Теперь Андрей Городецкий искал понимания в столице улуса Джучи, тогда как его брат Дмитрий спешил выразить свое почтение могущественному мятежнику хану Ногаю, который намеревался вскоре стать правителем «всех, кто живет за войлочными стенами».

В XIII веке понятие «право» было весьма туманным и реальная сила всегда позволяла истолковывать его в свою пользу. А поскольку претендентов на власть стало уже гораздо больше, чем достойных внимания престолов, князья Рюриковичи постоянно воевали друг с другом за место под солнцем. При этом каждый из них свято верил в то, что сражается не ради корысти, а отстаивает свою правду, защищает свое поправное достоинство.

В старые, «дотатарские» времена эта борьба обычно ограничивалась демонстрацией силы, пограничными стычками, захватами небольших спорных волостей. В худшем случае дело доходило до битвы между княжескими дружинами, численность которых составляла в среднем несколько тысяч человек. Основная масса населения страны не была сильно затронута этими княжеско-боярскими потасовками.

Все изменилось с приходом татар. Их нашествие легло роковой межой в истории страны. И то, что было до этой межи, сильно отличалось от того, что появилось после нее...

Гроза надвинулась внезапно. В 1223 году лучшие русские витязи «в земле незнаемой» у реки Калки сложили головы в отчаянной схватке с неведомым доселе страшным врагом, пришедшим через «железные врата» Кавказа, — с отрядами «покорителя мира» Чингисхана.

На Руси пришельцев обобщенно называли «татарами». С научной точки зрения, это не совсем правильное название: «татарами» в конце XII века называлось одно из монголо-язычных кочевых племен Центральной Азии. Татары искони враждовали с собственно монголами и были почти полностью уничтожены Чингисханом.

Имя татар пережило сам народ. Этим именем называли всю разноплеменную массу кочевников, пришедших из завожских степей в 30-е годы XIII века.

Что касается современных татар, то они, унаследовав имя древнего народа, в этническом отношении не имеют ничего общего ни с татарами, уничтоженными Чингисханом, ни с «татарами», которых привел на Русь Батый. Да и современные монголы едва ли имеют прямые родственные связи с монголами, ходившими в походы под знаменами Чингисхана и Батыея. Не следует забывать, что, во-первых, собственно монголы составляли лишь небольшую часть огромной армии завоевателей; во-вторых, большинство монголов не вернулось из дальних походов. Они погибли в бою либо, оставшись в завоеванных странах, постепенно смешались с местным населением. Известно, например, что уже в XIV веке основную массу населения Золотой Орды составляли потомки половцев и других кочевых народов причерноморских степей.

Современные историки, говоря о завоевателях XIII столетия, называют их по-разному: «монголо-татары», «татаро-монголы», просто «монголы» или «татары». Под этим названием они подразумевают не какой-то определенный народ, а возникшее в начале XIII века государственное объединение десятков кочевых племен.

Удивительна и во многом до сих пор неясна история монгольской империи. В начале XIII века разноязычные кочевые племена Центральной Азии пришли в движение. Словно притянутые магнитом алчности и страха, они соединились вокруг племени монголов, во главе которого в 1206

году встал сын одного из родовых вождей — Тэмуджин, принявший имя Чингисхана, то есть Великого хана.

Чингисхан построил государство и войско на принципах слепого подчинения и жесточайшей дисциплины. Монгольская знать стремилась превратить свой народ в послушное орудие для завоеваний и грабежей. Используя монголов в качестве стержня своей разноплеменной армии, Чингисхан заставлял участвовать в походах и воинов покоренных народов.

Завоевательные походы монголов во многом объяснялись уровнем их общественного развития, особенностями ведения хозяйства. В монгольском обществе сохранялись глубокие следы первобытнообщинных и рабовладельческих отношений, однако в целом в начале XIII века оно было уже раннефеодальным. Основой экономического и политического могущества монгольской знати была собственность на землю.

Земля нужна была кочевникам-монголам не как поле, а как пастбище для скота. Поэтому общественный строй монголов иногда называют «кочевым феодализмом».

Переход к феодализму у всех народов отмечен повышенной военной активностью, стремлением растущей феодальной знати к быстрому обогащению за счет ограбления соседних земель. И в этом монголы не составляли исключения.

Крепнущая от похода к походу, от битвы к битве армия Чингисхана, покорив соседние кочевые племена, в 1211 году обрушилась на Северный Китай. Постепенно большая часть страны оказалась под властью завоевателей. Осенью 1219 года монголы вторглись в Среднюю Азию. Сильнейшим государством в этом районе была держава хорезмшаха Мухаммеда. Однако и она быстро распалась под ударами степняков. Завоевав в 1221 году всю Среднюю Азию, монголы двинулись дальше, на территорию нынешнего Афганистана, Ирана и Индии. Одновременно Чингисхан направил большой отряд для завоевания Северного Ирана, Кавказа и причерноморских степей.

Этому походу Чингисхан придавал особое значение. Командовать отрядом он поручил своим лучшим полководцам — Джэбэ и Субэдэю. Действуя где силой, а где хитростью и коварством, они пробивались на Северный Кавказ, разгромили аланов, предков современных осетин, и столкнулись с половцами. Потерпев несколько поражений, половцы обратились за помощью к русским князьям.

Русско-половецкое войско действовало неорганизованно, разобщенно, и 31 мая 1223 года на берегах речки Калки,

недалеко он Азовского моря, было наголову разбито. После этого сражения ослабевший от долгих переходов и тяжелых боев отряд Джэбэ и Субэдэя повернул на восток и ушел за Волгу.

Шли годы... На Руси стали забывать о татарах. Казалось, они бесследно растворились в бескрайних степях за Волгой. Однако за первым валом степного приboя поднимался второй, более грозный и сокрушительный.

В 1235 году состоялся курултай (съезд) монгольской знати, на котором было решено начать большой поход на запад. Командование войсками было поручено внуку Чингисхана Бату. Монгольское имя Бату (в русском произношении — Батый) означало «крепкий», «твердый», «несокрушимый». Бату был способным, удачливым полководцем. Недаром его впоследствии называли «Саин-хан», то есть «Счастливым». Беспощадно и последовательно шел он к цели.

Осенью 1236 года монголы вторглись на территорию Волжской Болгарии и вскоре «всю землю их плениша». Весной и летом 1237 года полчища Батыя прошли по степям от Каспия до Дона, уничтожая половцев и другие кочевавшие там народы. Теперь они стояли на самом пороге Руси.

Историк середины XVIII века Василий Никитич Татищев, имевший под руками некоторые не сохранившиеся до нашего времени летописи, сообщает, что князь Юрий Всеволодович Владимирский поселил в своих восточных крепостях тысячи беженцев из Волжской Болгарии. Опасаясь союза между восточными и западными врагами Руси, Юрий перехватил послов, отправленных ханом к венгерскому королю, задержал католических монахов, высланных на Русь папским престолом с целью разведки. Как и князя Южной Руси, Юрий стремился к объединению сил восточноевропейских государств для борьбы с новым врагом. Он пытался начать переговоры с венгерским королем Белой IV, сообщал ему о планах татар.

Узнав о нападении татар на Волжскую Болгарию, Юрий распорядился усилить укрепления некоторых поволжских городов.

В народе ходило множество полуфантастических рассказов и слухов о страшных завоевателях. Книжники выискивали в Священном Писании и древних хронографах известия о татарах. Литературные произведения той поры полны предчувствием надвигающейся беды. «Не дай, Господи, земли нашей в полон народам, не знающим Бога!» — восклицал накануне нашествия неизвестный автор «Моления Даниила Заточника».

В Киеве люди запасались «оберегами» — маленькими нагрудными иконками с отчаянным призывом: «Святая Богородица, помогай!»

И все же главное, единственное, что могло спасти Русь, — объединение — оставалось неосуществимой мечтой. Даже временный военный союз нескольких князей не смог организовать великий князь Владимирский: слишком тяжелым оказалось бремя недоверия и застарелой вражды между русскими князьями. Да к тому же и татарские лазутчики усердно сеяли по Руси слухи о том, что войска Батые двинутся одновременно с четырех сторон. Кому охота уходить от родного дома, когда на него в любой момент могут напасть враги. Так и сидели русские князья по своим гнездам, дожидаясь, пока беда сама постучит в ворота.

В конце 1237 года Батый двинулся на Северо-Восточную Русь. Одни за другим исчезали в огне пожаров деревянные русские города — Рязань, Коломна, Москва... Вскоре пришел черед стольного Владимира. 7 февраля 1238 года после ожесточенного сражения город был взят татарами.

Незадолго до подхода Батые князь Юрий с дружиной покинул Владимир и ушел на северо-запад, в сторону Углича. Там, в глухих лесах за Волгой, он надеялся соединиться с братьями Ярославом и Святославом и вместе ударить по врагу. Однако татары опередили его: 4 марта 1238 года они уничтожили дружины Юрия и Святослава в отчаянной схватке на берегах лесной речки Сить. Теперь перед ними открывался путь на Новгород.

В марте 1238 года Батый направил свои отряды на северо-запад, взял Торжок — южные ворота новгородской земли. Однако приступить к стенам великого города он так и не решился. Возможно, Батый понимал, что его ослабевшая, потерявшая десятки тысяч воинов армия едва ли сумеет завоевать сильные, густонаселенные северо-западные области Руси. К тому же и весенняя распутица со дня на день могла превратить новгородские леса и болота в западню для отяжелевшей от добычи монгольской армии.

Уходя на юг, Батый, как на степной облавной охоте, раскинул свои отряды в виде огромной петли, стремясь захватить этим арканом все живое, что оставалось на Руси. Завоевателям еще не раз пришлось испытать на себе силу русского оружия. Семь недель бились с врагами жители Козельска, пока не полегли все до единого в последней рукопашной схватке под стенами родного города.

Прогнали незваных гостей жители Смоленска. В народе родилась красивая легенда о том, что победил татар и спас

Смоленск всего один воин — прекрасный юноша по имени Меркурий.

Лето 1238 года Батый провел в половецких степях. После тяжелых боев войскам необходим был отдых и пополнение. Лишь в 1239 году татары смогли возобновить активные действия против Руси. Они вновь вторглись во владимирские земли, разорили Муром и Гороховец, воевали по Клязьме. В Южной Руси отряды, посланные Батыем, захватили Чернигов и Переяславль, опустошили многие области по левому берегу Днепра.

Новое большое наступление монголо-татар началось в 1240 году. Перейдя Днепр, они поздней осенью осадили Киев. По словам летописца, даже в городе скрип тележных колес, рев верблюдов, ржание коней заглушали голоса людей.

Целые сутки длился решающий штурм. 19 ноября 1240 года татары взяли Киев. На месте цветущего города остались одни лишь дымящиеся развалины.

Рассказ о нашествии татар летописец завершил такими словами: «Грех же ради наших попусти Бог поганья на ны. Наводит Бог, по гневу своему, иноплеменники на землю, и тако скрушеном им въспоманутся к Богу. Усобная же рать бывает от сважения дьяволя: Бог не хочет зла в человецех, но блага; а дьявол радуется злomu убийству и кровопролитью. Земли же съгрешивши коеи, любо казнить Бог смертью или гладом или наведением поганых или ведром (то есть засухой. — Н. Б.) или дождем сильным или казнями иными, аще ли покаемся... всех грех прощены будем» (10, 289). Такова была вкратце средневековая теория преступления и наказания и связанное с ней понимание мира как пространства, в котором человек блуждает между вечным добром — Богом и вечным злом — Дьяволом. Наделенный свободой воли, человек сам определяет свой путь. Он может приближаться к Богу на путях добродетели или же спускаться во мрак греха, где царит князь тьмы.

За грехопадением неизбежно последует наказание как в этой жизни, так и в загробном мире. Но грешник может вернуться к Богу через покаяние. «Раскаяние, — говорит Иоанн Дамаскин, — есть возвращение от того, что противно природе, к тому, что согласно с природою, и от дьявола к Богу, происходящее при помощи подвижнической жизни и трудов» (40, 116).

Нашествие татар было проявлением Божьего гнева. Но оно не вызвало немедленного раскаяния и очищения. И потому бедствия Руси не прекратились. Поначалу татары, опустошив русские земли, исчезли так же внезапно, как и появились.

Всем казалось, что они ушли навсегда, скрывшись за «железными горами Угорскими» — за Карпатами. Однако вскоре они вернулись. В 1242 году все русские князья, уцелевшие после нашествия, были вызваны в ставку Батыя. Там каждый из них, признав свою зависимость от Орды, получил особую грамоту — ярлык, дававший право на княжение. Русские земли превратились в особую, пользующуюся внутренней автономией, но все же подчиненную монголам область улуса Джучи. Отныне многие важные вопросы жизни Руси решались в степях Нижней Волги, а иногда и в Каракоруме — столице монгольской империи.

Постепенно русские князья стали втягивать в свои бесконечные споры татар точно так же, как прежде втягивали половцев и «своих поганых» — черных клобуков. Однако любая война с участием татар была несравненно более губительной для населения, чем самая тяжелая «дотатарская» княжеская свара. Во второй половине XIII века источники отметили 14 вторжений татар в русские земли. Все они были вызваны княжескими интригами и распрями. Особенно тяжело пострадала Владимиро-Суздальская земля, оказавшаяся главной целью татарских «ратей». Владимир, как и Киев, не имел постоянной династии и потому служил яблоком раздора для князей. А вслед за раздорами неизменно шли и «злые татары». Во Владимире повторялась драма Киева. Жизнь как бы вытекала из города. В поисках относительной безопасности люди уходили в западные и северные области. Этими потоками переселенцев наполнялась в первую очередь тверская земля, а также Московское, Ростовское, Ярославское, Белозерское княжества. Правители тех земель, куда устремились толпы беженцев, смогли быстро и без особых усилий получить многие тысячи новых подданных. От князей требовалось лишь одно: сохранять мир и порядок в своих землях.

Единственное, что удавалось унести с собой беженцам, была жгучая ненависть к «поганым». Те князья, которые хотя бы в мелочах или даже только на словах проявляли свободолюбие, быстро становились популярными в народе. И напротив, те, кто готов был платить любую цену за ханское расположение, вызывали ненависть и презрение. Люди остро ощущали позор и унижение чужеземного господства.

В этих условиях патриотизм стал не только естественной добродетелью, но и козырной картой в общерусской политической игре. Однако не менее сильной картой оставалась и дружба с «погаными», которая приносила княжеству «тишину», а князю — относительно устойчивое положение среди других правителей.

Жизнь показала, что в условиях абсолютного военного превосходства Орды оба пути — назовем их условно «путь сопротивления» и «путь повиновения» — ведут в пропасть. Одни князья ставили на сопротивление и, выиграв многое, в конце концов обычно проигрывали все. Их падение сопровождалось губительной для Руси татарской «ратью». Такова была судьба брата Александра Невского Андрея Суздальского, а в Юго-Западной Руси — Даниила Галицкого. Та же участь постигла и Дмитрия Переяславского в 1293 году.

Однако и путь повиновения в его открытой и циничной форме не сулил полного успеха. Те, кто шел этим путем, пили горькую чашу унижения. Печальной была и судьба князя Андрея Городецкого. Сокрушив брата ценой страшного разорения Руси Дюденевой ратью, он не получил ни славы, ни мира. Ему уже было под сорок, в бороде светилась первая седина. Казалось, он смог убедить всех в том, что недаром стремился к верховной власти. Но вместо этого он вынужден был разменять свою победу по мелочам. Старые счета не подлежали забвению. «Партия сопротивления» оказалась неистребимой, как и сама мечта о возвращении национальной независимости.

В реальной политике идеалы часто уступали прагматическим соображениям и при этом тесно переплетались с личными симпатиями и амбициями. Княжеская Русь по-прежнему делилась на два враждебных лагеря. В одном — новый великий князь Владимирский Андрей Александрович и его соратники, «ордынские служебники» князя Федор Черный и Константин Борисович Ростовский; в другом — сын умершего Дмитрия Александровича Иван Переяславский и его доброхоты Михаил Ярославич Тверской и Даниил Александрович Московский. Военная сила этой переяславско-московско-тверской коалиции была столь велика, что Андрей Александрович не смог одолеть ее в открытом бою, когда в 1296 году попытался захватить Переяславль-Залесский. Правовой статус этого города был не вполне ясен. Андрей Александрович полагал, что переяславскими землями прежние правители управляли именно как великие князья. Исходя из этого, он считал себя вправе претендовать на управление этими землями. Князь Иван Переяславский, напротив, считал, что его отец, дед и прадед владели городом и землей как своим уделом и теперь все права собственника принадлежат ему. Не имея возможности в одиночку бороться с великим князем Андреем, Иван Переяславский искал дружбы тверского и московского князей.

Князь Андрей Александрович не знал, что предпринять.

Жаловаться хану было на сей раз бессмысленно. Его недруги учли ошибки князя Дмитрия Переяславского и заручились доброжелательством «сильных людей» в Сарае. Впрочем, хан, вероятно, попросту устал от вечных сетований и жалоб со стороны Андрея. Он не желал более громить свой русский улус, ибо тот мог в конце концов превратиться в пустыню.

Потерпев неудачу в переяславском споре, князь Андрей обратился к новгородским делам. По традиции новгородцы принимали у себя на княжении либо самого великого князя Владимирского, либо кого-то из его сыновей. Задача князя в Новгороде состояла прежде всего в обороне границ и организации удачных грабительских походов на чужую территорию. Новгородцы ревниво следили за тем, чтобы князь не приобрел слишком большое влияние на внутреннюю жизнь города. Тем, кто пытался это сделать, грозило изгнание.

В 1290-е годы шведы развернули наступление в Карелии. Они учли, что князья Северо-Восточной Руси были заняты в это время своими собственными распрями и не могли оказать новгородцам быстрой и энергичной помощи. В 1293 году шведы построили мощную крепость Выборг — плацдарм для наступления на Карельском перешейке. Новгородцы на другой год попытались взять Выборг, но потерпели неудачу. В 1295 году шведы захватили город Корелу на северо-западном берегу Ладожского озера, а в 1300 году выстроили у впадения в Неву речки Охты сильную каменную крепость Ландскрона — «Венец Земли». Над балтийской торговлей Новгорода нависла смертельная угроза (132, 230).

Весной 1301 года великий князь Андрей Александрович повел новгородское войско на штурм Ландскроны. Поход завершился полной победой русских. Воины князя Андрея овладели крепостью и разрушили ее до основания. Этим походом Андрей доказал, что в его жилах течет кровь Александра Невского. То был первый и последний его военный триумф. Судьба словно улыбнулась напоследок этому человеку, который всю жизнь пытался стать больше самого себя.

Вернувшись в Северо-Восточную Русь, Андрей Александрович опять втянулся в борьбу за Переяславль-Залесский и вновь был побежден. Потом он без особого успеха ездил жаловаться хану. Скончался князь Андрей 27 июля 1304 года и был похоронен в своем удельном Городце на Волге. Подобно отцу и брату Дмитрию он принял перед кончиной монашеский постриг. Его похоронили в местной церкви Михаила Архангела. Так сошел в могилу последний из сыновей Александра Невского.

Даниил Московский умер более чем за год до кончины

старшего брата — 5 марта 1303 года. В последние годы жизни московский князь действовал необычайно активно и решительно. Несомненно, этого требовали изменившиеся обстоятельства и прежде всего закат могущества великого князя Андрея. Осенью 1300 года Даниил с войском вторгся в рязанские земли и захватил в плен местного князя Константина Романовича (94, 102). Вот как сообщает об этом летопись. «Того же лета князь Данило Александрович Московский приходил ратью на Рязань, и бишася у града у Переславля (современная Рязань. — *Н. Б.*), и князь великы Данило Александрович Московский одоле, и много бояр и людей избил, а князя их Константина Романовича Рязанскаго некоею хитростью ял (то есть «захватил». — *Н. Б.*), крамолюю их же бояр рязанских, и приведе его с собою на Москву, и дръжа его у себя в нятьи (то есть под стражей. — *Н. Б.*), но в брежении и в чести всяцей, хотяше бо ся с ним укрепити крестным целованием и отпустити его в его отчину на великое княжение Рязанское» (22, 173).

В результате этого похода к Московскому княжеству была присоединена Коломна с прилегающими к ней волостями. Этот город, расположенный у впадения Москвы-реки в Оку, принадлежал рязанским князьям. Завладев Коломной, москвичи, кроме плодородных коломенских земель, получили свободный выход в Оку.

Составленная в 1520-е годы в Москве Никоновская летопись, из которой взято приведенное выше сообщение о походе Даниила на Рязань, превосходит другие летописи по своей полноте. Ее создатели уделяли особое внимание московским князьям, подробно описывая их подвиги и добродетели. Еще дальше идет в этом направлении неизвестный автор «Степенной книги». Этот величественный памятник московской официальной публицистики, созданный в 1560—1563 годах в кружке книжников, работавших под началом митрополита Макария, представляет всю историю Российского государства в виде ступеней («степеней»). Каждая ступень — близкая по форме к житию биография того или иного князя. Главной целью «Степенной книги» было прославление династии Рюриковичей, и в особенности — ее владимирско-московской ветви.

Историческая ценность «Степенной книги» состоит в том, что она сообщает много уникальных, отсутствующих в других источниках сведений о своих героях. Достоверность этих сведений, часто основанных на устных преданиях, можно, конечно, оценивать по-разному.

Поход Даниила на Рязань в «Степенной книге» изображен

как война с «безбожными татарами». «Князь Данил Александрович некогда слыша, яко у града Рязани множество безбожных татар собирахуся, и тамо шествова с воинством своим възбранити устремление варварское, дондеже не приидут озлобити отечество его. И у града Переяславля Рязаньскаго множество татар победи и князя рязанского Константина изымав на Москву приведе» (26, 297).

Это сообщение «Степенной книги» перекликается с известием составленной в 1530-е годы при московском великокняжеском дворе Воскресенской летописи. Согласно ей в рязанском походе «одоле князь Данило и много татар изби» (21, 183).

Анализируя эти довольно невнятные известия, можно понять следующее. Князь Даниил был весьма озабочен безопасностью юго-восточных границ своих владений. Отсюда, с «ордынской» стороны, всегда можно было ожидать внезапного удара. Кроме того, именно через рязанские земли пролегал кратчайший путь из Москвы в Орду. И потому Даниил был кровно заинтересован в том, чтобы иметь на рязанском престоле своего союзника. С этой целью он и решил вмешаться в очередную ссору рязанских князей, поводом для которой послужила, вероятно, кончина в 1299 году Ярослава Романовича Пронского. Его дети, Иван и Михаил, терпели притеснения от своего дяди Константина Романовича, правившего в главном городе княжества — Переяславле Рязанском. Захватив в плен Константина Романовича, москвичи тем самым содействовали успехам пронской линии рязанского княжеского дома.

Наследник Константина Романовича, его сын Василий, должен был примириться с тем, что москвичи взяли под свое управление Коломенский удел. (Возможно, часть его была московским владением уже в XIII столетии (43, 5). Да и могли ли он спорить с захватчиками, которые держали в заложниках его отца? Впрочем, Василий Рязанский не хотел быть послушным орудием в руках москвичей. Вероятно, именно поэтому его отец был убит по приказу Юрия Даниловича в московской тюрьме в 1306 году, а два года спустя в Орде погиб при неясных обстоятельствах и сам Василий. Вся власть в рязанской земле перешла к пронским князьям. Тогда же москвичи окончательно утвердились в Коломне, которую историки справедливо называют «ключом к рязанской земле с севера» (110, 118).

При захвате Константина Романовича Даниил Московский, видимо, разгромил какой-то вспомогательный татарский отряд, служивший этому князю. Возможно, это были татары из орды мятежного темника Ногая, погибшего в 1300

году. Они были врагами центрального правительства, и потому сражение с ними не могло вызвать гнев у хана Тохты. Вообще такие победные схватки русских князей с небольшими отрядами татар, действовавшими на Руси без ханского повеления, в качестве наемников или просто грабителей, случались и ранее. Известно, например, что в 1285 году старший брат Даниила великий князь Дмитрий прогнал отряд татар, грабивший суздальскую землю. Но даже небольшая победа над «погаными» имела в ту пору самый широкий резонанс, становилась темой для светлого мифотворчества. На князя-победителя смотрели с надеждой: быть может, именно он сможет поднять и повести народ на борьбу с ненавистными чужеземцами.

Участие Даниила Московского в споре за Переяславль также отражено в «Степенной книге». В этой связи ее создатели развивали мысль о том, что первый московский князь получил первую крупную территорию, присоединенную к собственно московским землям, «без крамолы», то есть мирным путем, по завещанию.

Вообще же образ Даниила в «Степенной книге» построен не столько из реальных исторических сведений (их, по-видимому, просто не имелось у московских книжников середины XVI века), сколько из умозрительных представлений о том, каким должен быть основатель царствующей московской династии. Прежде всего первый московский князь (которого автор постоянно именуется «великим князем», хотя он никогда не носил этого титула) находился в особом положении среди других князей. Он — избранник Божий. «Сего блаженнаго Данила избра Бог» (26, 296).

В развитие этой идеи автор «Степенной книги» обращает особое внимание на то, что Даниил «бысть последний во братии своей, яко же и прадед его, великий князь Всеволод Георгиевич. Их же уподоби Господь древнему царю, богоотцу же пророку Давыду: мал бо бе и той во братии своей» (26, 296).

Помимо семейного положения, сближающего Даниила со знаменитым родоначальником всех северо-восточных князей Всеволодом Большое Гнездо и создателем Псалтири библейским царем Давидом, на его богоизбранность указывало и то, что владения его никогда не подвергались нападению врагов: «Всегда десница Господня бяхе защищая его и во вся дни живота его ничим же ни от кого же неврежена бысть держава его» (26, 296).

Мирный характер Даниила проявился и в том, что он «без крамолы» получил «великий град Переяславль».

Мысль о миротворческом характере исторической миссии московских князей принадлежала к самым ранним идеям

московской державы. Эту идею применительно к сыну Даниила Ивану Калите содержат летописи, сохранившие древнейшие пласты московского летописания.

Другая яркая черта образа Даниила в «Степенной книге» — благочестие. Он не только правил своим княжеством «богоугодно», но и построил в Москве Даниловский монастырь, главный храм которого освятил во имя преподобного Даниила Столпника — своего небесного покровителя. Игумен этого монастыря был возведен в почетный сан архимандрита. Здесь же, в Даниловском монастыре, первый московский князь принял монашеский постриг незадолго до кончины. Согласно его завещанию его похоронили не внутри храма, где обычно погребали князей, а на общем монастырском кладбище, «идеже и прочую братию погребаху» (26, 298).

Первого московского князя постигло горькое и незаслуженное забвение. Со временем запустела основанная им обитель. Заросла травой и сама могила Даниила на братском кладбище. Погруженные в собственные заботы потомки редко вспоминали своего смиренного предка...

Однако Бог не забыл своего угодника. На могиле Даниила происходили чудеса. Здесь получил исцеление тяжелобольной сын коломенского купца. В другой раз тут был жестоко наказан дерзкий придворный Василия III князь Иван Шуйский, осмелившийся, садясь на коня, встать ногой на надгробный камень Даниила. Его конь взвился на дыбы и пал мертвым на землю, едва не убив при этом и своего седока. Перепуганный Шуйский тут же покаялся и велел служить панихиду по князю Даниилу. Однажды Даниил сам встал из могилы и явился некоему юноше, придворному Ивана III. Он велел передать беззаботно охотившемуся в этих местах государю свой упрек: «Се убо сам всячески себе утешаеши, мене же почто забвению предал еси?» (26, 299).

Но, несмотря на все чудеса, беспечные потомки Даниила не спешили осознать свою вину перед ним. Лишь молодой царь Иван IV, воспитанный митрополитом Макарием в духе благочестия и уважения ко всякой родной старине, приказал восстановить Даниловский монастырь и выстроить здесь каменную церковь. Он взял за правило каждый год вместе с митрополитом и духовенством приходить на могилу Даниила и совершать здесь заупокойную службу.

Биография первого московского князя послужила канвой не только для сохраненных «Степенной книгой» монастырских преданий, но и для романтических легенд о коварстве и

любви. Живая народная фантазия свободно ткала здесь свой причудливый узор шелковой нитью вымысла. В «Повести о зачале Москвы», возникшей в XVII столетии, благоразумный отец Ивана Калиты предстает в ореоле шекспировских страстей. Неверная жена Даниила княгиня Улита, сговорившись со своими любовниками, сыновьями московского боярина Степана Кучки, готовит убийство мужа. Чудом вырвавшись из рук убийц, Даниил скрывается в лесной хижине, поставленной над чьей-то безымянной могилой. Здесь он проводит ночь, а наутро убийцы по совету Улиты пускают по следу любимого княжеского пса. Поспешив вслед за собакой, они находят Даниила «и скоро князю смерть дают лютую, мечами и копьями прободоша ребра ему и голову отсекоша, и опять в тот струбец (хижину. — Н. Б.) покрыли тело его» (74, 33). Но зло никогда не остается безнаказанным. Брат князя Даниила великий князь Владимирский Андрей идет войной на убийц, побеждает их и подвергает мучительной казни. После этого он берет к себе во дворец на воспитание малолетнего сына Даниила, княжича Ивана. Андрей любит Москву за ее живописность и подолгу живет здесь. Ради этого он даже снимает с себя великокняжескую корону и передает ее сыну Георгию. Со временем, став великим князем Владимирским, Иван Данилович отплатил добром за добро семейству своего дяди: он взял под свою опеку внука Андрея, княжича Дмитрия Юрьевича, отец которого рано умер...

Некоторые подлинные факты (убийство великого князя Владимирского Андрея Боголюбского в 1174 году его придворными, воспитание первого московского князя Даниила в доме великого князя Владимирского Ярослава Ярославича и др.) в «Повести» смешаны и перетасованы самым невероятным образом. Однако в этой наивной игре воображения угадывается одна настойчивая и нешуточная мысль: у истоков Москвы — измена, кровь, борьба между добром и злом. Таков был взгляд людей, живших в XVII веке и знавших трехвековой исторический путь «третьего Рима».

Легенды и предания о Данииле обычно отвергаются историками. Но в одном, несомненно, нельзя отказать первому московскому князю, отцу Ивана Калиты. Это был человек большого здравого смысла. Он правильно понял суть происходивших в Северо-Восточной Руси глубоких перемен. И когда ветер удачи наполнил паруса его ладьи, когда люди — главное богатство опустошенной страны! — стали переселяться в его владения, Даниил сделал все, чтобы не «спутнуть» переселенцев. Миротворивый и непритязательный, сговорчивый и добродушный, он умел ладить и с татарами и с

соседями-князьями. При этом Даниил был совсем не так прост, как могло казаться на первый взгляд. Он крепко знал свой личный интерес и при случае мог свалить противника внезапным, тщательно взвешенным ударом. Сородичи побавались его и старались не задевать понапрасну. В итоге он обеспечил своей земле мир — и она наполнилась жизнью и движением.

Почти незаметный для летописца в толпе других князей, Даниил и не стремился к славе. Он работал на будущее. И Господь воздал ему за его мудрость и терпение. Первый московский князь получил такое множество подданных — крестьян, ремесленников, воинов, — которое позволило его сыновьям разом выступить в первый ряд тогдашних русских князей.

Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн.

Иоанн, 1, 6,

Князь Даниил Московский умер, как и жил, — скромно. И день выбрал — словно подгадал. Шел Великий пост, время скорби и покаяния, когда все православные предавались размышлениям о своих грехах, о неизбежной смерти и Страшном суде. Уже отзвучал в церквях горестный Великий канон преподобного Андрея Критского, прошла первая, Федоровская седмица поста, а за ней и вторая. Наступила третья седмица, именуемая в народе «Безымянной». Во вторник Даниила не стало. Летопись сообщает: «В лето 6812 (от Рождества Христова — 1304-е, однако в действительности 1303-е) месяца марта в 5, в великое говение («говение» — пост, от слова «говеть», то есть поститься. — *Н. Б.*), на безымянной неделе во вторник, преставился князь Данило Александрович» (25, 85).

В этот день по богослужебному уставу не положено было совершать литургии. Читали только некоторые тексты из Священного Писания да жития святых. 5 марта церковью чествовался один из самых неприметных святых — мученик Конон Градарь, а попросту — Огородник.

Неуловимый как тень, Даниил остался таким и после смерти. Он бесследно растворился во времени, не оставив даже последнего следа — тяжелого могильного камня, возле которого любят постоять в задумчивости торопливые потомки. Согласно «Степенной книге» его похоронили в Даниловом монастыре, а по другим источникам — в Архангельском соборе московского Кремля. Именно так утверждает, например, Симеоновская летопись, хорошо сохранившая летописную традицию ранней Москвы. «Преставился князь Данило Александрович ... и положен бысть в церкви святого Михаила на Москве, в своей отчине» (25, 85).

На похоронах Даниила присутствовали его младшие сыновья — Александр, Борис, Иван и Афанасий. (Старший, Юрий, был в это время в Переяславле.) В старинных родословных росписях указаны еще два сына Даниила — Семен и Андрей (139, 637). Однако летописи о них ничего не знают.

Возможно, они умерли в младенчестве. Нет сведений и о женской линии потомства Даниила. Имел ли Иван Калита сестер — неизвестно.

Весть о кончине отца застала Юрия в Переяславле-Залесском. Он стерег город, только что перешедший под власть князей московского дома, от возможного внезапного нападения неприятеля — великого князя Андрея Александровича.

Переяславцы, не желавшие иметь своим князем Андрея Александровича — злейшего врага их прежних правителей, Дмитрия Александровича и Ивана Дмитриевича, — всеми силами поддерживали москвичей, боялись лишиться их покровительства. Летопись говорит, что они попросту не отпустили князя Юрия Даниловича на похороны отца, опасаясь, что в его отсутствие город захватит великокняжеская рать. Узнав о кончине Даниила, переяславцы «яшася за сына его за Юрья, и не пустиша его ис Переславля на погребение отца его» (22, 174).

Такова была обратная сторона княжеской службы. Родовые, вотчинные интересы всегда ставились выше, чем личные. Святые человеческие чувства — любовь, преданность, привязанность — отступали перед железной логикой власти, понимаемой не только как служение родовым интересам, но и как вечное предстояние перед Богом. Исполненный христианского сострадания летописец не преминул отметить на примере случая с Юрием невыносимую тяжесть княжеского бремени.

Среди стоявших у гроба Даниила юных сыновей, братьев Даниловичей, был и герой нашего повествования — будущий «сбиратель Руси» Иван Калита.

Это музыкально звучащее прозвище князя Ивана, в котором отразилось характерное московское «аканье», пристало к нему, должно быть, очень рано. Оно дано было Ивану за доброту и сострадание к несчастным — достоинства, которые обычно проявляются вместе с первыми ростками характера.

Как рассказывал позднее своим ученикам игумен Пафнутий Боровский (умер в 1477 году), Иван Данилович был прозван Калитой «сего ради: бе бо милостив зело и ношаше при поясе калиту, всегда насыпану сребрениц, и, куда шествуя, даяше нищим, сколько вымется» (3, 27).

Когда родился княжич Иван — достоверно неизвестно. Летописцы не отметили такое малозначительное событие, как появление на свет еще одного, четвертого сына в семье Даниила Московского. Вероятно, это произошло около 1288

года. К этой дате приводят наблюдения над некоторыми последующими событиями. В 1296 году в результате договоренности между сильнейшими русскими князьями на съезде во Владимире великий князь Андрей Александрович уступил своему младшему брату Даниилу новгородский стол. Это решение великого князя было вынужденным. Недовольные Андреевым правлением новгородцы незадолго перед тем изгнали из города его наместников и послали к Даниилу в Москву своих послов с предложением занять новгородский стол. Не имея достаточно сил для борьбы с тремя противниками одновременно — Даниилом Московским, его союзником Михаилом Тверским и Новгородом, — великий князь счел за лучшее временно уступить.

В одной древней новгородской рукописи имеется уникальная запись, проливающая свет на эти события. «В лето 6804 (1296) индикта 10 при владыце Клименте, при посаднице Андрее съгониша новгородци наместников Андреевых с Городища (место близ Новгорода, где находилась княжеская резиденция. — Н. Б.), не хотяше князя Андрея. И послаша новгородци по князя Данильа на Москву, зовуще его на стол в Новгород на свою отчину. И присла князь переже себе сына своего в свое место именем Ивана» (141, 150).

Князь Даниил недолго сидел на новгородском столе. Политическая ситуация менялась в те годы очень быстро. Известно, что в 1298 году в Новгороде уже вновь был принят великий князь Андрей Александрович. Вначале он сам приехал на берега Волхова, а затем оставил здесь вместо себя своего сына Бориса (10,90). Даниил Московский не попал даже в летописный список новгородских князей (10, 471). И все же за эти год-два княжич Иван успел впервые появиться на исторической сцене и получить полезный жизненный опыт. Знаменательно, что его дебют состоялся в Новгороде — городе, который позднее всегда будет находиться в центре внимания князя Ивана.

Конечно, в 1296 году Иван еще не играл самостоятельной роли в новгородских делах. Его пребыванием на Волхове Даниил лишь как бы обозначал свое политическое присутствие здесь. Все дела со знатью Новгорода (источники называют ее «триста золотых поясов») вели бояре из свиты московского княжича. Такую символическую миссию в Новгороде княжеские сыновья могли исполнять в возрасте не ранее 7 лет. Так, например, Александр Невский был оставлен отцом в Новгороде, когда ему было около 8 лет, а сам Невский послал в Новгород сына Дмитрия в возрасте около 9 лет. Примерно столько же было, по-видимому, и княжичу Ивану в 1296 году.

Не вполне понятно, почему Даниил отправил на Волхов именно Ивана, тогда как у него имелись три более взрослых сына — Юрий, Александр и Борис. В. А. Кучкин объясняет это тем, что Иван был не четвертым, как принято думать, а вторым сыном Даниила. Историк предполагает также, что Юрий Данилович в 1296 году находился в Орде у Ногая и потому в Новгород пришлось посылать не его, а следующего по старшинству Даниловича — Ивана (94, 99). Однако это построение противоречит источникам, которые почти единодушно называют Ивана четвертым сыном Даниила. Лишь одно весьма путаное родословие называет его вторым (10, 466).

По-видимому, Даниил особо выделял Ивана среди своих сыновей и готовил именно его (а не старшего сына, как это было принято) для трудной роли новгородского князя. То ощущение собственной богоизбранности, которое воодушевляло князя Ивана на протяжении всей его жизни, обычно зарождается в детстве. Оно подкрепляется различными провиденциальными совпадениями, необычными явлениями и знаменами. Но главными воспитателями этого чувства должны быть все же родители. Как часто именно они своим особым отношением к ребенку определяют его судьбу!

День рождения княжича Ивана определить еще труднее, чем год его появления на свет. Однако и здесь можно найти в источниках некоторые косвенные указания, приоткрывающие истину. На печатях Ивана Калиты изображен его патрональный святой, которого большинство исследователей определяет как Иоанна Предтечу (48, 61). Таким образом можно думать, что княжич Иван был назван в честь «ангела пустыни». Известно, что имя для младенца в княжеских семьях подбиралось по месяцеслову, как правило, не отходя далее восьми дней вперед или назад от дня рождения. Существовал определенный, довольно узкий круг «княжеских» имен, за пределы которого выходить было не принято. Бытовавший в домонгольской Руси обычай давать князю два имени — славянское и греческое, церковное — в XIII веке постепенно исчезает (хотя рязанские князья придерживались его до XV века).

Определить день рождения Калиты по одному только признаку — патрональности Иоанна Предтечи — невозможно. Однако источники дают еще одну подсказку.

Известно, что перед смертью Иван Калита принял монашеский постриг и вместе с ним новое, монашеское имя — Анания. Так же поступил и старший сын Калиты Семен, умерший 27 апреля 1353 года. Незадолго до кончины он

принял постриг с именем Созонта. Над этими именами стоит задуматься. В XIII—XIV веках монашеские имена давались достаточно произвольно, без связи с предыдущим именем человека. Иногда монашеское имя соответствовало имени того святого, чья память праздновалась в день пострижения. Однако и это не было обязательным. Александр Невский перед кончиной принял постриг с именем Алексия. Между тем ни в день его смерти, ни за несколько дней перед ним нет памяти святого Алексия.

Монашеское имя князя Семена было обусловлено днем его рождения. Летописи сообщают, что он появился на свет 7 сентября 1317 года — в день святого Созонта.

День рождения, несомненно, был особым днем в княжеских семьях. И хотя основное торжество приходилось на «день ангела» (день памяти святого, в честь которого человек был назван), — почитали и святого, чье празднование совершалось в день рождения. Известен, например, нагрудный образок царевича Ивана, старшего сына Ивана Грозного. На лицевой его стороне — преподобный Иоанн Лествичник, во имя которого царевич был назван, а на оборотной — святой Марк, епископ Арефусийский, и святой Кирилл-диакон. Их память приходилась на день рождения царевича (113, 231).

Продолжая эту цепь рассуждений, заметим, что в московской княжеской семье очень сильна была преемственность, почитание предков. Князь Семен весьма чтит своего отца Ивана Калиту, во всем следовал его заветам и даже в завещании умолял братьев хранить духовную традицию семьи. Сыновья Калиты скрепляли свои договоры целованием креста «у отня гроба» — у могилы отца.

Можно думать, что и в выборе монашеского имени Семен последовал примеру отца. А если это так, то значит, что и сам Калита взял свое монашеское имя по имени святого своего дня рождения.

Имя Анания было редким. Оно указывало либо на апостола Ананию, «единого от 70», либо на одного из «трех отроков» книги пророка Даниила. Заметим, что сам месяцеслов с течением времени изменялся. Даже в одно и то же время он мог быть различным в разных рукописях. Поэтому мы пользуемся сохранившимися до нашего времени месяцесловами XIV века, и в первую очередь — месяцесловом Евангелия Семена Гордого, сына Калиты. Согласно этим источникам апостол Анания чествовался индивидуально только один раз в году — 1 октября. Анания-отрок вспоминался церковью 17 декабря, но не особо,

а вместе с двумя другими отроками и пророком Даниилом. Если бы Калита родился в этот день, его монашеским именем стало бы наверняка имя наиболее чтимого из этой четверки — Даниила.

Итак, остается одна наиболее вероятная дата — 1 октября. Применительно к нашей гипотезе, она должна отвечать одному условию: где-то поблизости от нее должен быть день памяти Иоанна Предтечи. И такой день действительно есть! Во всех древних месяцесловах 23 сентября, за неделю до святого Анания, отмечен большой церковный праздник — Зачатие Иоанна Предтечи. Значит, есть все основания думать, что будущий «собиратель Руси» родился 1 октября 1288 (или около того) года. Он был назван во имя Иоанна Предтечи, но при этом чтит и святого своего дня рождения — апостола Ананию.

Среди ближайших потомков Калиты заметно какое-то особое отношение к дню 1 октября. Князь Семен Иванович в этот день в 1340 году торжественно взошел на великое княжение Владимирское. Внук Калиты Владимир Серпуховской в этот же день в 1372 году совершил свою интронизацию в Новгороде. Другой внук князя Ивана, Дмитрий Донской, приурочил к 1 октября торжественное вступление своих войск в Москву после Куликовской битвы. Правнук Калиты, московский князь Василий Дмитриевич, в этот день в 1405 году освятил каменный Успенский собор Симонова монастыря — семейного «богомолья» потомков Калиты, основанного Дмитрием Донским в 1370-е годы.

Со временем день 1 октября в русском православии стал днем одного большого праздника — Покрова Богородицы. Однако в XIV веке в Москве этот праздник был мало известен. В месяцеслове Евангелия Семена Гордого 1 октября — только «память св. апостола Анание Дамаскинска града епископа» (96, 4). Покрова здесь нет вовсе, как нет его и в псковском месяцеслове XIV века (136, 180).

Имя Анания в переводе с древнееврейского означало «тот, кого Бог даровал». То же самое — «благодать Божия», «Божий дар» — означает по-еврейски и имя Иоанн. Среди московских книжников были, конечно, люди, способные разъяснить родителям Ивана, а позднее и ему самому, сокровенное значение и связь обоих имен.

О том, как внимательно относились тогда к подобного рода вещам, свидетельствует летописный некролог князя Владимира Васильковича (Ипатьевская летопись, 1288 год), носившего крестильное имя Иоанн. Летописец строит свою похвалу на хорошо известном ему и его читателям значении

имени Иоанн: по-древнесеврейски — «Божий дар». «Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину наречено быть тебе имя во крещении Иван, всею добродетелью подобен есь ему» (то есть Божьему дару) (119, 180).

Иван Калита родился примерно в год кончины Владимира-Иоанна Васильковича Волынского — последнего могущественного правителя Юго-Западной Руси. Имя Иоанн было редким в ту пору в княжеской среде. Невольно возникает вопрос: а не назвал ли Даниил своего четвертого сына в честь знаменитого волынского князя? Как жаль, что летописи не сохранили сведений о жене Даниила: это многое могло бы объяснить в судьбах его сыновей...

Для людей нового времени названные нами совпадения могут показаться случайными, а построенные на них суждения — натянутыми. Однако не забудем, что речь идет не о наших современниках, а о людях Средневековья. Мир вокруг них был загадочным и пугающим. Символизм расцвел как почти единственное доступное средство его познания. Все числа и имена имели тайный смысл. «Средневековая символика начиналась на уровне слов, — говорит известный французский медиевист Жак Ле Гофф. — Назвать вещь уже значило ее объяснить» (95, 308). Среди различных форм средневековой символики важное место занимала символика чисел. К ней относилась и символика хронологическая — даты событий, количество лет между ними.

Поиски сокровенного смысла были любимым занятием людей хоть немного образованных и любознательных. Календарные даты и приуроченные к ним святые — классическое соединение темы чисел с темой имен. За всем этим угадывался тайный смысл мира, слышался грозный гул Провидения. Углубляясь в мир символики, люди подчиняли ей многие свои поступки, говорили на ее языке.

Помимо поездки княжича Ивана в Новгород в 1296 году есть лишь одно событие его отрочества, где он выступает самостоятельным действующим лицом. Речь идет о крещении сына виднейшего московского боярина Федора Бяконта, будущего митрополита Алексея (1354—1378). Иван Данилович, «еще тогда юн сый», был приглашен стать крестным отцом первенца-сына Федора Бяконта и его жены Марии. Младенец был наречен Елевферием. (По другим источникам — Симеоном.) Из источников известно также, что будущий митрополит был старше великого князя Семена Ивановича на 17 лет (114, 216). Семен родился в сентябре 1317 года. Следовательно, княжич Иван крестил сына Федора Бяконта в 1300 году.

Со временем Елевферий обнаружил склонность к монашеской жизни. Он принял постриг в московском Богоявленском монастыре, а в 1340 году стал митрополичьим наместником. Управляя епархией во время отсутствия митрополита Феогноста, Алексей проявил такие выдающиеся дарования, что Феогност к концу жизни решил сделать его своим преемником на кафедре.хлопоты митрополита и московского князя Семена Ивановича в Константинополе увенчались успехом. С 1354 по 1378 год Алексей возглавлял русскую церковь. Он вошел в историю и как фактический глава московского боярского правительства в период малолетства Дмитрия Донского (1359—1366). По инициативе митрополита Алексея началась «монастырская реформа» — введение общежительного устава в монастырях Северо-Восточной Руси. Здесь он тесно сотрудничал с преподобным Сергием Радонежским и его окружением. Впрочем, Алексей давно знал семью Сергия. Еще живя в Богоявленском монастыре, он подружился с его старшим братом — иноком Стефаном. Они вместе пели на клиросе, вели долгие беседы о земных и небесных путях.

Глубоко символично, что именно Иван Калита был крестным отцом одного из великих зодчих Московского государства. Можно думать, что впоследствии князь Иван следил за судьбой своего «крестника», сохранял с ним духовную близость.

В детстве Иван рано приобщился к миру взрослых. Едва он стал входить в разум, как отец порой сам, а порой через своих бояр начал знакомить его с историей и современным состоянием Руси. От этих долгих рассказов о том, «откуда есть пошла Русская земля», о старинных счетах Ольговичей и Мономашичей, о свежих обидах, за которые следовало отомстить, — от всего этого Ивана порой начинало клонить в сон. Но зато как увлекательно, а порой и жутко было слушать от очевидцев или бывалых людей о необычных событиях, случавшихся то тут, то там. Люди ждали чуда — и потому чудеса случались постоянно. Порой молва превращала в чудеса и вполне земные, объяснимые явления природы.

Летописцы сохранили для потомков эту трепетно-жуткую атмосферу близкого чуда и столь же близкого гнева Божьего.

В 1298 году «месяца мая в 9, на Николин день бысть знамение в небеси, огородилося бяше солнце грозно» (25, 84).

В 1300 году «с весны быша ветри велици, и буря многа, и вихри силни, и громове страшни, и молния, и дождеве; в Новоторжьской волости столь велика бысть туча, на едином часу велик ров учинило и хоромов снесло из основания» (25, 94).

В 1301 году «месяца июля в 5, по Петрове дни в среду, бысть буря велика зело, и много пакости бысть в людех, по селом хоромы порвало, а по полем дубье подрало. Тое же осени бысть знамение на небеси, явися звезда на западе, луча имуще, яко хвосты вверх, к полудению лиц» (25, 85).

В этой обстановке тревожного ожидания грозных проявлений гнева Божьего проходило детство Ивана в московских княжеских хоромех на Боровицком холме.

Иногда взрослые шепотом, с оглядкой обсуждали новости» доходившие из Орды: о заговорах против хана, о новых «сильных людях» у престола «поганого царя», о неведомых болезнях, тысячами уносивших степняков. Но стоило только появиться в дворцовых переходах надменному и злобному ханскому баскаку, двор которого находился тут же, в Кремле, — и все разговоры обрывались на полуслове, сменяясь низкими поклонами и полошливой суетой. Женщины спешно прятались по углам и чуланам, боясь попасться на глаза «басурману», привлечь к себе его внимание. Басурман уходил — а в коридорах еще долго не выветривался кислый запах овчины и никогда не мытого человеческого тела.

Все вокруг было зыбко и сложно. И потому так радовали душу простые и надежные вещи — добрый конь, острый клинок, тугой лук и меткие стрелы. В княжеских семьях сыновей с раннего детства готовили к их будущему назначению. В три года совершали «постриг»: мальчика впервые сажали на коня. В знак первого посвящения в воины ему обрезали прядь волос. Священник совершал подобающий случаю молебен. После этого всем двором шли веселиться и пить хмельной «мед» в обширную приемную палату — гридницу.

После «пострига» мальчик переходил от нянек и кормилиц на попечение воспитателей-мужчин. Его начинали понемногу приучать к суровому и непростому княжескому ремеслу.

С семи лет отрока учили грамоте. Обычно этим занимался священник. Главным учебником служила одна из ветхозаветных книг — Псалтирь. Пение и чтение псалмов составляло значительную часть церковных служб. Отсюда, из Псалтири, которую знали почти наизусть, воспринимали не только формы для обращения к Богу, но и самый дух пламенного благочестия, ощущение личной богоизбранности.

«Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня; многие говорят душе моей: «нет ему спасения в Боге». Но Ты, Господи, щит предо мною, слава моя, и Ты возносишь голову мою. Гласом моим взываю к Господу, и Он слышит меня со святой горы Своей. Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня. Не убоюсь тем народа, которые со всех сторон ополчились на меня. Восстань, Господи! спаси меня, Боже мой! ибо Ты поражаешь в ланиту всех врагов моих; сокрушаешь зубы нечестивых. От Господа спасение. Над народом твоим благословение Твое» (Псалтирь, 3, 2—9).

Страшный мир вокруг грозил новыми и новыми бедствиями. Люди рождались и умирали в страданиях. Но Псалтирь учила молитве, а молитва приносила покой. Постепенно Иван всей душой полюбил Священное Писание. От Псалтири он перешел к другим книгам Ветхого завета. И мудрость веков понемногу стала раскрывать перед ним свои головокружительные глубины. В то время как его беззаботные братья с воплями носились по двору, награждая друг друга синяками и ссадинами в потешных сражениях, Иван молился в пустой часовне или, безмолвно шевеля губами, водил пальцем по страницам старинных книг. А когда ночь расправляла над миром свой черный покров, он любил забраться на какой-нибудь пологий навес и глядеть в бездонное небо, с нетерпением ожидая того момента, когда одна из звезд, падая, вдруг прочертит на черной бесконечности короткий огненный след...

Одним из самых сильных ощущений, испытанных в детстве Иваном, был страх перед «злыми татарами». В раннем детстве он стал свидетелем Дюденевой рати, когда татары захватили Москву, а отец Ивана князь Даниил оказался их беспомощным пленником. Такие впечатления остаются на всю жизнь и порой накладывают неизгладимый отпечаток на характер человека.

Русские летописцы всегда очень сдержанно и лаконично описывают ужасы татарских нашествий. Обычно они используют для этого одни и те же традиционные выражения, восходящие к Священному Писанию. Лишь изредка в летописях можно встретить относительно подробные и реалистичные рассказы о бедствиях того времени.

Страх, от которого, по выражению летописца, «хлеб в уста не идет», страх мучительной смерти под татарским ножом подавлял в человеке все человеческое, превращал его в скота, озабоченного лишь собственным спасением. Еще хитроум-

ный Чингисхан понял великую силу слепого страха и покори́л с ее помощью многие народы. Он намеренно посылал впереди своего войска отряды, которые вырезали поголовно все мирное население, сжигали дома, но не захватывали никакого имущества. Казалось, сама смерть, вырвавшись из темных подземелий, справляет повсюду свое свирепое торжество.

Наследники «Потрясателя Вселенной» хорошо усвоили его уроки. Время от времени они по любому поводу (иногда самому пустячному) устраивали покоренным народам кровавую баню. Эти экзекуции должны были подавить в людях чувство собственного достоинства, искоренить всякую мысль о сопротивлении.

Историк В. О. Ключевский в своей знаменитой речи, посвященной младшему современнику Ивана Калиты, Сергию Радонежскому, говорил: «Он родился, когда вымирали последние старики, увидевшие свет около времени татарского разгрома Русской земли и когда уже трудно было найти людей, которые бы этот разгром помнили. Но во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала непокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиться в народную робость, в черту национального характера» (84, 65).

Словно чудовищные хари из заставок древних книг, стоявших плотным рядком на полке в комнате отца, со всех сторон глядели на княжича Ивана страхи и беды взрослого мира. Господство татар ввергло страну в отчаяние, проявлявшееся глубокими падениями в области морали. Ощущение безысходности, постоянное унижение порождали слепую злобу на того, кто находился рядом.

Страшную картину нравственного оскудения Руси в ту глухую и трудную пору нарисовал в своих «словах» (проповедях) владимирский епископ Серапион (1274—1275): «Зависть

умножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе ум наш, ненависть на другы вселися в сердца наша, несытовьство имения поработи ны, не дасть миловати ны сирот, не дасть знати человечьскаго естества — но, акы зверье жадають насытитися плоть, тако и мы жадаем и не престанем, абы всех погубити, а горкое то именье и кровавое к себе пограбити; зверье едше насыщаються, мы же насытитися не можем: того добывше, другаго желаем!» (13, 448).

Воздействие на людей таких проповедников, как Серапион Владимирский и его последователи, было, несомненно, очень велико. И все же церковная проповедь никогда не имела широкого распространения в русской церкви. Ее развитию препятствовали низкий образовательный уровень большей части духовенства, косность и консерватизм иерархии. В этих условиях на первый план выступал традиционно приоритетный для восточного христианства метод обучения и воспитания: личный пример, безмолвная проповедь совершенного. Естественными центрами такого воспитания должны были стать монастыри, общественное значение которых было очень велико. В частности, оно заключалось в монашеской молитве о спасении мира от гнева Божьего, а также воспроизведении иноческой общиной идеальных, евангельских отношений между людьми.

И потому князья в это темное время стали повсюду строить монастыри и собирать смиренных иноков, которые своими молитвами могли отвести наконец гнев Божий от многострадального народа. Первыми так поступили тверские князья, основавшие в 1265 году у впадения реки Тверцы в Волгу монастырь во имя Трех Отроков в пещи огненной (в просторечии — Отрочь монастырь). Легенда о трех отроках, спасенных ангелом в огненной печи, куда их бросили по приказу вавилонского царя Навуходоносора за отказ поклониться золотому истукану, была широко известна еще в домонгольской Руси. Изображения трех отроков имеются в рельефах Успенского собора во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. В церковных песнопениях тема Трех отроков в пещи огненной перекликалась с прославлением Божией Матери (100, 110).

Древняя легенда о трех отроках по-новому зазвучала после порабощения Руси татарами. Судьба их была так схожа с судьбами тысяч и тысяч русских людей того времени! Вавилонский плен иудеев ассоциировался с пленением Руси татарами, а образ грозного царя Навуходоносора явственно напоминал свирепого ордынского хана. Пророк Даниил и его собратья по несчастью отроки Анания, Михаил и Азария

побеждали языческих царей не силой оружия, но мудростью и помощью истинного Бога.

Несомненно, князь Даниил не раз беседовал с сыновьями на темы Священного Писания. Эти разговоры глубоко западали в восприимчивую душу княжича Ивана. Память о них он хранил всю жизнь.

Поведение пророка Даниила и отроков Анании, Азарии и Михаила в вавилонском плену стало образцом для русских правителей, оказавшихся в «ордынском плену». Согласно Библии главными принципами этих святых мужей в чужеземном плену стали преданность вере — и добросовестное служение «поганому царю» в качестве советников; мужество — и осторожная уклончивость, хитрость, дальновидность. Оценив способности Анании, Михаила и Азарии, царь Навуходоносор «возвеличил их и удостоил их начальства над прочими Иудеями в его царстве» (Даниил, 3, 97).

Пророк Даниил поднялся еще выше по лестнице чинов. Царь Дарий решил сделать его своим наместником. «Угодно было Дарию поставить над царством сто двадцать сатрапов, чтобы они были во всем царстве, а над ними трех князей, — из которых один был Даниил, — чтобы сатрапы давали им отчет и чтобы царю не было никакого обременения. Даниил превосходил прочих князей и сатрапов, потому что в нем был высокий дух; и царь помышлял уже поставить его над всем царством. Тогда князья и сатрапы начали искать предлога к обвинению Даниила по управлению царством; но никакого предлога и погрешностей не могли найти, потому что он был верен, и никакой погрешности или вины не оказывалось в нем. И эти люди сказали: не найти нам предлога против Даниила, если мы не найдем его против него в законе Бога его» (Даниил, 6, 1—5).

По наущению завистливых сатрапов царь издал указ, которым под страхом смерти запретил в течение тридцати дней молиться чужеземным богам. Даниил по своему обыкновению продолжал три раза в день молиться своему Богу — и был за это брошен в ров с голодными львами. Но чудо спасло пророка от гибели. Посланный Богом ангел «заградил пасть львам», и они не тронули Даниила.

Вся эта история также очень напоминала положение в русских землях. Страной правят многочисленные князья («сатрапы»), среди которых хан («царь») выделяет нескольких наиболее доверенных для общего руководства. Один из самых доверенных людей должен вскоре стать великим князем Владимирским («над всем царством»). Против него плетут интри-

ги все остальные властители, обвиняя его перед царем в экономических или религиозных преступлениях.

Даниилу Московскому не суждено было до конца пройти путем своего библейского тезки. Он умер на год раньше своего старшего брата Андрея Александровича и потому не успел выступить в роли претендента на власть «над всем царством».

Тщетными оказались бесконечные подсчеты людей и денег, которым так часто предавался московский князь в последние годы жизни. Воистину «много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом» (Притчи, 19, 21). Им и было определено, что главным наследием Даниила для Руси стал его четвертый сын — смиренный отрок Иоанн...

*И в наша лета чего не видехом зла?
Многи беды и скорби, рати, голод, от
поганых насилье...*

Серапион Владимирский

В жизни Ивана Калиты огромную роль сыграл его старший брат Юрий. Трагическая судьба Юрия стала для умного и наблюдательного Ивана незабываемым жизненным уроком.

В год смерти отца Юрию исполнилось 22 года. В нем кипела молодая хмельная сила. Мир казался ему огромным ристалищем, где главное — первым нанести удар. Ему нравилась та злая, беспощадная борьба за власть, которую под конец жизни начал Даниил. Однако если отец все же умел остановиться у какой-то незримой черты, за которой обычное зло, неотделимое от власти, превращается в злодеяния, — то Юрий сначала по молодости лет, а позднее по недостатку ума не понимал этой тонкой разницы. Для него не существовало непреодолимых нравственных преград.

Впрочем, Юрий, конечно, не родился злодеем. К несчастью для молодого московского князя, период его умственного и нравственного созревания совпал с самым жестоким временем в истории Северо-Восточной Руси.

Напомним, что в момент смерти отца — 5 марта 1303 года — Юрий находился в Переяславле-Залесском. Отец сам отослал его туда и не велел возвращаться даже на собственные похороны.

Судьбу переяславского княжества после смерти Даниила надлежало решить на съезде князей в Переяславле-Залесском осенью 1303 года. Летопись сообщает: «Съехашася на съезд в Переяславль вси князи и митрополит Максим, князь Михайло Ярославич Тферский, князь Юрьи Данилович Московский с братьею своею; и ту чли грамоты, царевы ярлыки, и князь Юрьи Данилович приат любовь и взял себе Переяславль, и разъехашася раздно» (25, 86).

Из сообщения следует, что вместе с Юрием на берега Трубежа приехали его младшие братья — Александр, Борис, Иван и Афанасий. Присутствие всех братьев должно было придать большую представительность московской делегации.

Съезд в Переяславле-Залесском — первое (если не считать

символического присутствия в Новгороде в 1296 году) появление князя Ивана на общерусской политической сцене. Конечно, сам он пока был лишь немым статистом. Однако он смотрел вокруг и запоминал. Здесь он впервые увидел всех главных лиц Северо-Восточной Руси — 32-летнего удальца тверского князя Михаила, звезда которого быстро восходила на политическом небосклоне; усталого и озлобленного великого князя Андрея Александровича; молодых ростовских князей — сыновей Дмитрия и Константина Борисовичей.

Непререкаемым авторитетом, своего рода председателем съезда был старый византиец митрополит Максим. Незадолго перед тем, в 1299 году, он в одночасье совершил то, о чем тщетно мечтал когда-то Андрей Боголюбский: перенес резиденцию главы русской церкви из Киева во Владимир-на-Клязьме. Летопись так объясняет причины этого решения: «Митрополит Максим, не терпя татарскаго насилия, остави митрополию, иже в Киеве, и избеже ис Киева и весь Киев розбежеса, а митрополит иде к Брянску, оттоле в Суждалскую землю, и так седе в Володимери с клиросом и с всем житием своим» (25, 84).

В Переяславль-Залесский Максима привела верность древней традиции. Издавна и в Византии, и на Руси церковные иерархи выступали в роли миротворцев. Их присутствие успокаивало кипевшие страсти, их веское слово порой заставляло соперников одуматься, вспомнить об ответственности перед тем, кто говорил: «У Меня отмщение, Я воздам» (Евр. 10, 30).

В 1297 году первый этап спора между князьями о Переяславле-Залесском завершился на съезде во Владимире, который подготовили владимирский епископ Симеон и сарайский владыка Измаил. После переезда во Владимир митрополита владимирский епископ был переведен им на ростовскую кафедру. Теперь сам Максим возглавил миротворческие усилия церкви по прекращению затяжного переяславского спора князей, то и дело выливавшегося в вооруженные столкновения.

Митрополит умел заставить уважать не только свой сан, но и самого себя. Слушая его неторопливую, с легким акцентом речь, наблюдая за исполненными глубокого достоинства жестами, Иван впервые почувствовал пленительное величие Византии — исторической наследницы Римской империи.

Можно думать, что на переяславском съезде в 1303 году именно митрополит Максим нашел компромисс, позволивший хотя бы на время избежать новой войны между князьями. Решено было, что Юрий сохраняет за собой переяславское

княжество. Однако, по-видимому, в договоре было одно существенное условие: в случае кончины великого князя Андрея Александровича его преемник во Владимире должен был вместе с другими территориями получить и переяславскую землю. Такое решение устраивало если не всех, то, по крайней мере, Юрия и Михаила. Каждый из них втайне надеялся на то, что именно он станет обладателем великого княжения Владимирского. Что касается самого Андрея, то он, видимо, был уже слаб здоровьем и беспокоился главным образом о будущем своего сына — малолетнего Михаила (91, 131). После того, как в 1303 году великий князь потерял старшего сына Бориса, Михаил оставался его единственным наследником. Беспокоясь о судьбе сына, Андрей пообещал Михаилу Тверскому получение великого княжения Владимирского после своей кончины. Гарантами были великокняжеские бояре, которым Андрей велел поддержать тверского князя.

Со своей стороны, Михаил Тверской поклялся блюсти интересы юного князя Михаила Андреевича и сохранить за ним весь отцовский удел. Свое слово он сдержал. В 1305 году наследник Андрея Городецкого «женился в Орде и седе на отчине на Городце, на Суздали, на Нижнем» (32, 81).

В новом, 1304 году Юрию удалось добиться и еще одного успеха. Летопись сообщает: «Тое же весны князь Юрьи Данилович с братьею своею ходил к Можайску и Можаяск взял, а князя Святослава ял и привел к себе на Москву» (25, 86).

Поход на Можайск был, в сущности, таким же разбойничьим набегом, какой совершил в 1301 году Даниил на Коломну. Такие самоуправства возможны были только в условиях упадка великокняжеской власти — высшего арбитра и стража порядка в Северо-Восточной Руси.

По поводу можайского похода Юрия в 1304 году известный исследователь междукняжеских отношений в XIV—XV веках А. Е. Пресняков дал следующий комментарий. «Быть может, в некоторой связи с борьбой за Переяславль стоит нападение князя Юрия на Можайск: он взял тут князя Святослава Глебовича, племянника Федора Ростиславича, которого мы видели в ряду противников московского князя, на стороне великого князя Андрея. Московское пленение — последнее известие о Святославе, а Можайск остался за Москвой, слитый с московской вотчиной» (110, 118). Последний можайский князь, вероятно, погиб в московской тюрьме.

К этому можно добавить, что захват в плен князя-соперника был, конечно, делом весьма не легким. Даниил захватил рязанского князя Константина Романовича «некоею хитростью». Несомненно, и можайский правитель стал жертвой

какой-то уловки Юрия. О том, какого рода были эти московские «хитрости», свидетельствует история, случившаяся в 1367 году. Московские правители пригласили тогда на переговоры своего недруга, тверского князя Михаила Александровича, клятвенно заверив его в полной личной безопасности. Даже митрополит Алексей, москвич по происхождению, дал тогда тверскому князю свои гарантии. Однако вскоре по приезде в Москву Михаил Александрович был схвачен и брошен в темницу. Только случайность позволила ему избежать гибели и выбраться из Москвы.

Добытый довольно темными путями Можайск стал, однако, очень важным приобретением для Даниловичей. Отныне все течение Москвы-реки от истоков близ Можайска до устья близ Коломны находилось в их владениях. В масштабах маленького княжества это означало примерно то же, что овладение всем течением Волги от Астрахани до истоков — для Российского государства в XVI столетии.

Верховья Москвы-реки через систему мелких рек и волоков (Истра — Сестра — Дубна; Лама — Шоша) были связаны с Верхней Волгой и тверской землей. Выход в Оку через Коломну открывал пути для торговли как в муromo-рязанских и нижегородских землях, так и в «верховских» (то есть расположенных в верхнем течении Оки) княжествах.

Смерть великого князя Андрея Александровича 27 июля 1304 года послужила сигналом для начала новой большой войны между русскими князьями. На этот раз в борьбу за великое княжение Владимирское вступили Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский. «И сопростася два князя о великом княжении: князь велики Михайло Ярославич Тверьский и князь велики Юрьи Данилович Московский, и поидоша во Орду ко царю в споре и в брани велице, и бысть замятня в Суздальстей земле во всех градах» (22, 175).

Некогда выступавшие заодно против великих князей Дмитрия и Андрея Александровичей правители Москвы и Твери впервые столкнулись друг с другом в споре о Переяславле. Время показало, что переяславский конфликт (точнее — недовольство тверичей переходом этого города под власть Даниила Московского) был лишь прелюдией к многолетней войне за великое княжение Владимирское между московскими потомками Александра Невского и потомками его брата Ярослава, основателя династии тверских князей. В конечном счете это была борьба за первенство в Северо-Восточной Руси и за главенство в процессе объединения русских земель в единое государство.

Судьба Твери может служить примером того, как много в истории зависит от конкретных людей, от их личных достоинств и недостатков, ошибок и точных расчетов.

Тверь как город возникла в середине XII века из нескольких поселений, расположенных у впадения в Волгу двух притоков. Левый приток, полноводная река Тверца, уходил своими верховьями далеко на север. Тверца являлась частью древнего торгового пути из Верхневолжья в Новгород. Верстах в 70 к северо-западу от Твери на берегах Тверцы располагался Торжок — южные ворота Новгородской земли. Правый приток, речка Тьмака, имела только местное значение.

Согласно уникальному известию В. Н. Татищева в 1182 году великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо поставил крепость на мысу у впадения Тьмаки в Волгу. Это и была первая Тверь — то есть «твердь», город-крепость. Она вошла в систему крепостей, выстроенных киевскими и владимирскими князьями вдоль Великого Волжского пути.

После смерти великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича в 1246 году Тверь выделилась из состава великого княжения в самостоятельный удел. Его первым правителем был, как полагают, Александр Невский. После 1252 года он передал Тверь своему брату Ярославу в обмен на Переяславль-Залесский (91, 115). Ярослав укоренился в Твери и стал родоначальником местной династии.

Во второй половине XIII века Тверь быстро росла за счет многих тысяч беженцев из центральных районов Владимиро-Суздальской Руси. Свидетельством этого роста стало открытие тверской епархии около 1265 года. Первый тверской епископ Симеон (около 1265—1288) был выходцем из Полоцка. Его преемник епископ Андрей (1289—1315) был сыном литовского князя. «Западное» происхождение первых тверских владык не случайно. Ярослав Ярославич и его сыновья Святослав и Михаил искали дружбы со своим западным соседом — быстро усиливавшимся Великим княжеством Литовским. Сотрудничество с Литвой (которое, разумеется, прерывалось время от времени военными стычками) постепенно стало прочной традицией тверской династии. В «западнической» ориентации Твери были свои преимущества, но и свои опасности. В частности, ордынские ханы очень подозрительно относились к любым самостоятельным контактам русских князей с другими правителями. Это была поистине дипломатия на лезвии ножа...

Во всех городах Руси, где имелись епископские кафедры, возвышались построенные еще в домонгольское время каменные кафедральные соборы. Вполне понятно, что уже первый

тверской владыка Симеон озаботился постройкой собора. Под 1285 годом летопись сообщает: «Того же лета заложена бысть на Твери церковь камена благоверным князем Михаилом Ярославичем и материю его княгинею Оксиньею, и преподобным епископом Сименом; прежде было Козма и Дамиан, и преложиша во имя святого Спаса честнаго Преображения» (25, 81).

Это был первый каменный храм, построенный в северной Руси после Батыева нашествия. Его строительство шло медленно и трудно. И на то были свои причины. Сооружение каменного храма и оснащение его всем необходимым требовало больших денег и уверенности в завтрашнем дне. В первые десятилетия татарского ига на Руси не было ни того, ни другого. Примечательно, что даже в Новгороде, не испытавшем прямого погрома, первая каменная церковь после Батыева нашествия была освящена только в 1292 году. Это была очень скромная и по размерам и по оформлению церковь Николая на Липне, сохранившаяся до наших дней.

Тверской владыка Симеон спешил. Постройка Спасо-Преображенского собора была делом его жизни. А жизнь уже ощутимо близилась к концу. И потому он решился на небывалое: в 1287 году освятил еще не достроенный храм. «Того же лета епископ Симеон Тверский свящал малым священником церковь камену на Тфери святого Спаса, еще не съвършену суцу, и служааше в ней, а мастера делаху святого Спаса» (25, 81). На следующий год тверской владыка скончался и был похоронен в стенах еще не завершеного собора. Летописец сопроводил известие о кончине Симеона кратким, но искренним некрологом: «Сий (то есть «этот владыка». — *Н. Б.*) бяше учителен и силен книгами, князя не стыдися пряся, ни велмож (то есть не боялся спорить с князем и вельможами. — *Н. Б.*), излише же чтяше чин ереискийи и мнишьскийи, нищяя же и сироты и вдовица жаловаше» (25, 82).

Вскоре тверичи обрели нового владыку. «В лето 6789 (1289) княгини Оксинья Ярославля с сыном Михаилом здумаша и выведоша игумена Андрея от святыя Богородица из общего монастыря, и послаша к Максиму митрополиту в Киев, и поставлен бысть епископ Тферскийи святому Спасу; сий Андрей бяше родом Литвин, сын Ерденев, Литовскаго князя» (25, 82).

Епископ Андрей довел до конца дело своего предшественника. 8 ноября 1290 года главный храм Твери был торжественно освящен. В этот день церковь праздновала Собор Михаила Архангела. Иначе говоря, сам тверской князь Ми-

хаил Ярославич отмечал в этот день свои именины. На языке церковных символов, который в ту пору был понятен каждому, выбор этой даты означал духовную близость епископа и князя, признание заслуг князя в строительстве епископского кафедрального собора.

Через два года после завершения Спасского собора живописцы покрыли его стены и своды прекрасными росписями.

Строительство Спасо-Преображенского собора в Твери, несомненно, привлекло внимание всей Северо-Восточной Руси. Оно знаменовало начало возрождения страны после первого, самого тяжелого периода чужеземного господства. К сожалению, практически ничего не известно об архитектурных формах этого храма (118, 71). Он был разобран в конце XVII века, а построенный на его месте новый собор подвергся полному разрушению в 1935 году. Изображение первого Спасского собора на одной древней тверской иконе весьма условно (72, 189). Новые данные могут принести лишь будущие археологические исследования фундаментов и таящихся в земле фрагментов тверской святыни.

Однако о многом говорит и само посвящение нового тверского собора. Он был одноименен Спасскому собору в Переяславле-Залесском, и это обстоятельство, конечно, не случайно. Прежний тверской собор был посвящен Косме и Дамиану. Новое посвящение отразило борьбу за владимиро-суздальское наследие. Особо отразилась в нем переяславская тема. Именно переяславские князья были после 1238 года главными претендентами и основными обладателями великого княжения Владимирского. Возводя у себя собор, одноименный переяславскому, тверские правители заявляли о своем новом политическом значении.

Переяславская параллель имела и еще один, весьма существенный аспект. Именно из переяславской земли, которая подверглась в 1281—1282 годах страшному разгрому от «поганных татар», шел в Тверь основной поток переселенцев. Переход от одного Спаса к другому был наиболее естественным и облегчал беглецам из переяславской земли выбор будущего места жительства.

Вероятно, тверской собор строили пришлые мастера. В Галицко-Волынской земле и после татарского нашествия продолжалось интенсивное каменное строительство, имелись первоклассные зодчие, работавшие по заказу Даниила и Василька Романовичей. На Северо-Востоке Руси почти полное отсутствие практики каменного зодчества в первые полстолетия после Батыевщины привело к исчезновению традиции, передававшейся в те времена только «из рук в руки», на живом

деле. За период с 1237 по 1285 год летописи сообщают лишь о нескольких случаях ремонтно-восстановительных работ в каменных храмах Владимиро-Суздальской Руси. Это ремонт церкви Бориса и Глеба в Кидекше в 1239 году, двукратное обновление придворной княжеской церкви Бориса и Глеба в Ростове (в 1253 и 1287 годах), замена кровли и пола в ростовском Успенском соборе в 1280 году, замена кровли в Успенском соборе во Владимире в 1280 году. На этих незначительных работах, связанных главным образом с ростовской епископской кафедрой, невозможно было сохранить прочный навык сложного искусства каменного строительства.

Культурные связи Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской земель во второй половине XIII века сохранялись главным образом благодаря династическим бракам. В 1250 году великий князь Владимирский Андрей Ярославич, брат Ярослава Ярославича Тверского, женился на дочери Даниила Галицкого.

В 1282 году дочь уже умершего к этому времени князя Ярослава Ярославича Тверского вышла замуж за внука Даниила Галицкого князя Юрия Львовича (25, 78). За этим браком, инициатором которого, по всей вероятности, был отец жениха князь Лев Данилович, старший сын умершего в 1264 году Даниила Галицкого, стояли сложные политические расчеты. Галицкий князь несомненно рассчитывал на совместные с Тверью действия против общего опасного соседа — Литвы. Тверичи, в свою очередь, надеялись через своего нового родственника укрепить собственные позиции при дворе хана Ногая, с которым Юрий был весьма близок.

Важную роль в подготовке этого брака сыграла и мать невесты тверская княгиня-вдова Ксения (Оксинья) Юрьевна. Дочь новгородского боярина Юрия Михайловича, она в 1264 году вышла замуж за князя Ярослава Ярославича Тверского. Это был второй брак великого князя, которому было тогда около 40 лет. От первого брака он имел сыновей Святослава и Михаила. Их мать, неизвестная по имени, погибла во время страшной Неврюевой рати 1253 года, а сами они попали в плен к «поганым», но вскоре вернулись на Русь.

Через семь лет после женитьбы на Ксении Ярослав Ярославич умер. Как и его отец Ярослав Всеволодович, Ярослав встретил смерть где-то в степях, на обратном пути из Орды. Быть может, в свои последние часы он вспомнил не только отца, но и брата Александра, который тоже скончался по дороге из Орды на Русь. Впрочем, мало кто из князей этого страшного времени умирал в своей постели...

Тело Ярослава привезли в Тверь и похоронили в деревян-

ной церкви Космы и Дамиана, которая служила городским собором. Немного времени спустя после кончины мужа княгиня Ксения родила сына, названного Михаилом.

Молодая княгиня осталась одна в чужой для нее Твери, с младенцем-сыном на руках, окруженная ненавистью родственников первой жены. Вероятно, и новый тверской князь Святослав, сын Ярослава от первого брака, не питал к мачехе и ее сыну особого расположения. Для Ксении настали трудные времена. Но сильный новгородский характер превозмог все беды. И постепенно судьба ее переменилась. Бог прибрал старших сыновей Ярослава. Где-то между 1282 и 1285 годами умер Святослав, не оставив потомства. Его брат Михаил (старший) умер, кажется, еще раньше. Летопись упоминает о нем только при рассказе о походе русских князей на немцев в 1268 году. Возможно, это просто ошибка летописца, внесшего в рассказ еще не рожденного на свет Михаила, сына Ксении.

После смерти Святослава отрок Михаил стал номинальным правителем Твери. А за спиной его стояла мать — умудренная жизнью, закаленная невзгодами и, может быть, ожесточившаяся от долгих унижений. О кончине Ксении в 1312 году летопись сообщает как о важном событии (25, 87).

Постройка Спасо-Преображенского собора способствовала подъему тверской культуры. Здесь, при дворе владыки, началось местное летописание, которое позднее переросло в великокняжеское и общерусское.

Собор Спаса Преображения стал главным, но далеко не единственным источником христианского благочестия в Твери. В городе было необычайно много монастырей. Помимо Отроча монастыря на левом берегу Волги, в XIV—XV веках существовали восемь обителей на правом берегу. Это Афанасьевский, Федоровский, Марфинский, Спасо-Высоцкий, Михайловский, Иоанно-Богословский, Афанасьевский Покровский и Григорьевский монастыри (72, 189). Трудно указать точное время их возникновения. Однако можно думать, что не менее половины из них существовали уже в начале XIV века. На это указывают посвящения их соборов. Со времен крещения Руси князья строили храмы в честь своих патрональных святых. Иногда такие храмы возводились подданными, желавшими выразить свою признательность правителю. Афанасьевский монастырь своим весьма редким названием указывает на первого тверского князя Ярослава Ярославича. Как и все князья того времени, он имел два имени: славянское — Ярослав и греческое — Афанасий. Михайловский

монастырь своим посвящением Михаилу Архангелу, вероятно, был обязан князю Михаилу Ярославичу или же его матери, увековечившей таким образом память о рождении сына.

В тверских монастырях конца XIII века существовал не только далекий от аскетизма особножительный устав, при котором каждый инок устраивался в обители в соответствии со своими материальными возможностями, но и более строгая, возвышенная форма монашеского устройства — так называемое «общее житие», предусматривавшее для всех иноков общую трапезу, одинаковую одежду, отсутствие частной собственности и строгое послушание игумену. Именно таким, общежительным, был монастырь святой Богородицы на реке Шоше, из которого происходил епископ Андрей. Летописец не случайно отметил этот факт. Он свидетельствовал о подлинно подвижнической жизни будущего владыки.

Зародившись в XI веке в Киево-Печерском монастыре, общее житие в силу его трудности и строгости не получило широкого распространения на Руси в XII—XIII веках. В Новгороде, насколько известно, оно поддерживалось только в одной обители — Антониевом монастыре. Если принять предположение о том, что в Твери общежительным был Афанасьевский Покровский монастырь, то создателями этой древней традиции можно считать князя Ярослава-Афанасия и епископа Андрея. Для русских людей того времени общежительный устав был связан с именем основоположника русского монашества преподобного Феодосия Печерского. Возрождая эту традицию в Твери, ее правители тем самым не только возвышали престиж города как религиозного центра, но и указывали на его связь с духовным наследием Киевской Руси.

Вполне понятно, что благочестие тверских правителей, выразившееся в постройке ими храмов и монастырей, привлекло к ним благосклонное внимание митрополита Максима. Перебравшись на Северо-Восток Руси, он стал их другом и доброхотом. Вероятно, по совету митрополита князь Михаил Ярославич заказал для себя копию перевода знаменитого византийского исторического сочинения «Хроника Георгия Амартола», где излагалась всемирная история от «сотворения мира» до событий в Византии в X веке. Одни исследователи считают, что «Хроника» была переписана в промежутке между 1294 и 1312 годами, другие — около 1294 года, третьи — вскоре после кончины Михаила Тверского в 1318 году.

В рукописи «Хроники» имеется загадочная миниатюра, изображающая мужчину и женщину, предстоящих Иисусу

Христу. Вероятно, это портретное изображение тверского князя Михаила и его матери княгини Ксении.

В Твери в конце XIII — начале XIV века возрождалось не только каменное зодчество и христианское благочестие, но и чувство национального достоинства. Мужественное сопротивление тверичей во главе с князем Михаилом Дюденовой рати 1293 года создало вокруг этого города ореол восхищения. Вероятно, стойкость тверичей во многом была обусловлена тем, что они надеялись на помощь хана Ногая, с которым был близок князь Михаил. Татары, приведенные Дюденем, были посланы соперником Ногая ханом Тохтой. И все же русские люди, не вникавшие в тонкости отношений в степях, усвоили одно: Тверь может постоять за себя даже против «поганых».

В 1300 году многолетняя борьба между Ногаем и Тохтой, подрывавшая силы Орды и отвлекавшая ее внимание от «русского улуса», завершилась решающей битвой, в которой войско Ногая было разбито, а сам он убит. Сразивший его воин, русский по происхождению, был казнен по приказу хана Тохты за то, что осмелился поднять руку на столь знатного татарина. Ставившие на Ногая русские князья, первым среди которых был Михаил Тверской, оказались в проигрыше. Однако Орда еще несколько лет не имела сил для карательных походов на Русь, да и не считала это необходимым. Сторонники Ногая быстро перестроились и теперь готовы были платить дань Тохте. Большого от них и не требовалось. Орда почла за лучшее не вмешиваться во внутренние дела Руси, предоставив князьям самим решать свои споры.

Эта временная безучастность Орды по отношению к своему «русскому улусу» и была причиной столь явного непослушания московских и тверских правителей великому князю Андрею Александровичу, разбойничьих налетов москвичей на Коломну и Можайск.

Поссорившись со своими московскими союзниками из-за их притязаний на Переяславль-Залесский, Михаил Тверской с лета 1302 года начинает сближаться с великим князем Андреем Александровичем. Возможно, спор о Переяславле был только поводом, а суть дела состояла в том, что Михаил Тверской надеялся на то, что великий князь окажет ему поддержку при дворе хана Тохты, с которым он был в давней близости. Андрей Городецкий пошел навстречу Михаилу. После его кончины владимирские бояре, выполняя волю покойного, отправились к Михаилу, признав его тем самым своим новым великим князем. Но это был только первый

успех. Главное решение должно было быть принято в Орде. Туда и устремились осенью 1304 года оба соперника — Михаил Тверской и Юрий Московский.

В условиях ослабления ордынского контроля за внутренними делами Северо-Восточной Руси (быть может, умышленного и провокационного) оба соперника действовали на свой страх и риск. Михаил, упреждая решение Орды, уже распорядился как великий князь Владимирский. Возможно, еще при жизни Андрея Александровича Михаил получил от хана какие-то посулы относительно своего будущего признания наследником великокняжеского престола.

Но и Юрий Московский не сидел сложа руки. Согласившись на сохранение за ним Переяславля-Залесского (хотя бы и как временного владения), хан Тохта тем самым подал и ему большие надежды на успех в будущей тяжбе о великом княжении. Верная своим привычкам ордынская знать занималась вымогательством, одновременно разжигая соперничество между сильнейшими русскими князьями.

Митрополит Максим, заботясь о мире на Руси (а может быть, и оберегая интересы Михаила), попытался убедить Юрия не искать великого княжения и не ездить с этой целью в Орду. Он «со многою молбою браняше ему ити в Орду» и обещал от своего имени, а также от имени матери Михаила княгини Ксении, что тверской князь, получив великое княжение, даст Юрия «изо отчины вашеа» (то есть из бывших владений Александра Невского) все, что тот захочет (110, 103).

Что конкретно могли предложить тверичи Юрию в качестве «отступного» — легко догадаться. Речь могла идти либо о том же Переяславле, либо о Нижнем Новгороде и Городце на Волге, уделе Андрея Александровича.

Московский князь принял предложение митрополита и обещал смириться. Однако это был не более чем маневр для усыпления бдительности врагов. На деле Юрий с братьями Александром и Афанасием тайно отправился в Орду. Два других брата были посланы им для прикрытия в ключевые города: Иван поехал в Переяславль, а Борис — в Кострому, входившую в состав территории великого княжения Владимирского. Ивану же поручена была и Москва.

Но и тверская разведка не дремала. Получив сведения о подлинных намерениях Юрия, тверские бояре (следуя, конечно, указаниям своего князя Михаила, уже отбывшего в Орду) начали настоящую войну против Даниловичей. Прежде всего они попытались помешать Юрию попасть в Орду, устроив засады на его предполагаемых путях. Летопись сообщает, что Юрия подстерегали в Костроме и Суздале, но он (случайно

или вовремя получив предупреждение от своих доброхотов?) проехал в Сарай другой дорогой.

Брат Юрия Борис, посланный в Кострому, оплошал и был там схвачен людьми Михаила Тверского. Его под стражей отправили в Тверь. Спohватившись, костромичи сочли себя оскорбленными таким самоуправством на своей земле. Они собрались на вече и решили изгнать из города тверских бояр. Во вспыхнувших беспорядках два знатных сторонника Михаила были убиты.

Надеясь на свои родственные связи с новгородским боярством по линии матери, а также на новгородских доброхотов своего отца, правившего там в 1260-е годы, Михаил решил послать своих наместников в Новгород. Принять их там значило бы признать Михаила великим князем Владимирским, так как только этот титул давал тогда право претендовать на новгородское княжение. Однако поспешность тверского князя и его самонадеянность только повредили делу. Новгородские бояре расценили действия Михаила как нарушение традиции и посягательство на их исконные права. Прежде чем принимать наместников, они хотели, как это обычно делалось, заключить с князем «ряд», то есть договор, в котором четко определялись бы его права и обязанности в Новгороде. Такой «ряд» новгородцы готовы были заключить с Михаилом лишь после того, как он получит от хана ярлык — официальное свидетельство его признания великим князем Владимирским. А пока неторопливые северяне решили выслать из своих земель тверских уполномоченных. Опасаясь военных посягательств со стороны тверичей, новгородские бояре, посоветовавшись с провинциальной знатью, выставили сильное войско в Торжке.

Московско-тверская распря, грозившая расколоть всю Северо-Восточную Русь на два противостоящих лагеря, коснулась и Нижнего Новгорода. Здесь бояре покойного великого князя Андрея Александровича решили привести местных жителей к присяге новому великому князю Михаилу Тверскому. Однако и в Нижнем Новгороде, так же как и в Костроме, горожане («черные люди») собрались на вече и, ополчившись против бояр, отказались признавать власть Михаила.

Но самые драматические события этих смутных месяцев ожидания разыгрались в Переяславле-Залесском. Здесь в 1304 году впервые проявил себя наш герой — князь Иван Данилович. Засев в городе по приказу Юрия, Иван ждал своего часа.

«И бысть ему весть тайно изо Твери, яко хотят на него изгоном приити ратью тверичи к Переславлю; он же укрепил всех своих бояр и переславцев, и к Москве посла совокупляя рать. И прииде на него изгоном (то есть внезапным набегом. — *Н. Б.*) под Переславль боярин тверьский Акинф... И выиде противу его князь Иван Данилович, с ним же переславская рать единомыслено бе и крепко стоаше, к тому же приспела и московская рать, и бишася зело крепко, и поможе Бог великому князю Ивану Даниловичю (ошибка летописца: князь Иван еще не был тогда «великим князем». — *Н. Б.*), и убиен бысть тут под Переславлем Акинф и зять его Давид, и много тверич избиено бысть ту; а дети Акинфовы Иван да Федор вмале убежаша во Тверь, и бысть в Твери печаль и скорбь велиа, а в Переславле веселие и радость велиа» (22,175—176).

Из летописного сообщения можно восстановить общие контуры событий. Боярин Иакинф (в просторечии — Акинф), перешедший к Михаилу Тверскому вместе с другими знатными людьми из свиты прежнего великого князя Андрея Александровича, был послан своим новым хозяином, чтобы смелою налетом захватить Переяславль-Залесский. Однако московская разведка в Твери и на этот раз вовремя сделала свое дело. Получив весть из Твери, сидевший в Переяславле юный Иван Данилович предпринял энергичные и разумные меры. Он заставил не только переяславцев, но и своих собственных бояр поцеловать крест на верность московскому делу. Это говорит о том, что возможность измены была вполне реальной.

Одновременно Иван послал гонца в Москву за подкреплением. Когда тверичи подошли к городу, Иван вывел свое войско им навстречу. Вероятно, он уже знал о приближении московской рати и сговорился с ее предводителями об одновременном ударе на тверичей с фронта и с тыла.

Несмотря на все преимущества москвичей и, вероятно, их численное превосходство, Акинф вступил в бой. Он сражался с мужеством отчаяния и сложил свою голову под московскими саблями. Вместе с ним в этой сече погиб и его зять Давид.

Согласно переяславскому преданию битва произошла верстах в трех к юго-западу от города, близ московской дороги, на том самом месте, где два с половиной века спустя Иван Грозный в память о рождении сына Федора поставил Федоровский монастырь.

Эта жестокая схватка, в которой довелось участвовать Ивану Даниловичу в возрасте около 16 лет, навсегда осталась в его памяти. Уже в конце жизни он основал в Переяславле монастырь с храмом во имя Успения Божией Матери. Оби-

тель была поставлена на холме («на Горицах»), неподалеку от того места, где произошла битва Ивана с Акинфом.

Быть может, именно тогда, глядя на окровавленное и бездыханное тело Акинфа, на лежащего рядом с ним на траве молодого Давида, Иван впервые почувствовал отвращение к войне. Это чувство он сохранил на всю жизнь. Придя к власти, он всегда старался избегать кровопролития. Конечно, в своем княжеском ремесле он не мог обходиться без произвола и жестокости. И все же современники запомнили его прежде всего как человека мира, а не войны.

Попытки тверских и владимирских бояр заставить кочевников, нижегородцев, переяславцев и новгородцев признать Михаила Ярославича великим князем Владимирским еще до его утверждения в Орде на первый взгляд выглядят весьма странно. Ведь воля хана могла разом перечеркнуть все старания доброхотов Михаила. Однако все объяснялось просто. Михаилу — как, впрочем, и Юрию Московскому — были до крайности нужны деньги (или же товары, которые могли быть быстро обращены в звонкую монету). Именно деньги решали тогда судьбу великого княжения в Орде.

Разоренный многолетней войной с Ногаем, хан Тохта как никогда нуждался в средствах. После гибели Ногай обстановка в степях еще лет десять оставалась нестабильной. На землях, где прежде распоряжался Ногай (Северное Причерноморье), пытались утвердиться его сын Джека и внук Каракишек. А в столице государства у хана был тайный соперник — его собственный брат Бурлюк.

По всем этим причинам алчность ханского двора в период пребывания там Юрия и Михаила была поистине беспредельной. Тохта требовал от русских князей полной и своевременной выплаты дани для государственной казны, а его приближенные надеялись наполнить русским серебром свои тощие карманы.

Орда не любила спешить в серьезных делах. Русские князья обычно по многу недель ожидали приема у хана, а после приема и вручения подарков опять ждали, пока доверенный чиновник не сообщит им о решении «повелителя всех тех, кто живет за войлочными стенами». Живя в Орде, князья часто слали на Русь гонцов с требованием привезти еще денег. Иногда они уезжали в Орду, обязав своих бояр срочно изыскать деньги тем или иным способом и выслать им вслед. Вероятно, именно эти попытки тверских бояр собрать в городах деньги для еще не утвержденного великого князя и

вызвали сопротивление жителей Новгорода, Костромы и Нижнего Новгорода в 1304 году. Ту же цель, вероятно, имел и налет Акинфа на Переяславль, успешно отраженный князем Иваном Даниловичем.

Издержав все свои запасы и не получив достаточно денег из Руси, Михаил Тверской, азартный по натуре, вступил на опасный путь игры ва-банк. Он обещал хану, что в случае его утверждения великим князем Владимирским он увеличит дань, выплачиваемую Северо-Восточной Русью в ордынскую казну.

Историк В.Н. Татищев на основе летописей, не сохранившихся до наших дней, так повествует о пребывании Михаила и Юрия в Орде осенью 1304 года. «Князем же бывшим во Орде, и яко кииждо хотяше великое княжение уллучити, даюсче дары многи хану, и ханшам, и князем ордынским, тии же елико емлюсче, толико более от другаго желаху. Юрий же, слыша, яко Михаил хосчет хану дань большую обесчати, шед к нему, рече: «Отче и брате, аз слышу, яко хосчеши большую дань поступити и землю Русскую погубити. Сего ради аз ти сосупаю отчины моя, да не гибнет земля Русская нас ради». И шедше ко хану, явиша ему о сем. Тогда даде хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпусти я» (38, 70).

Конечно, здесь представлена московская версия событий, которая идеализирует поведение Юрия Даниловича. Однако тут есть над чем поразмыслить. Летописцы могли по-своему оценивать факты, могли отбирать из своих источников то, что отвечало их взглядам. Но выдумывать, сочинять небылицы они себе не позволяли. Ведь в большинстве своем это были глубоко религиозные люди, которые ощущали огромную ответственность перед Богом за свой труд. Писание летописи было близко по сути к написанию иконы. И тут и там речь шла о приближении к Богу на путях изображения его творения.

Несомненно, безоглядная, страстная борьба Михаила Тверского за великое княжение Владимирское объяснялась не только его темпераментом. На карту было поставлено очень многое, и оба соперника это понимали. Речь шла не об очередной «смене караула» во Владимире, а о гораздо более масштабных вещах. Историк А. Е. Пресняков писал: «Перед нами значительный момент в истории Владимирского великого княжества, и нельзя не пожалеть, что летописные своды сохранили лишь отрывочные и слишком глухие известия. Но и по этим весьма недостаточным данным ясно, что борьба между Михаилом и Юрием пошла за широкую задачу — за власть над всей Великороссией, стало быть, за восстановление

единства ее политических сил и политического главенства над ними. Попытка Михаила Ярославича и его сторонников бояр захватить такие пункты, как Великий Новгород, Переяславль, Кострому и Нижний Новгород, не может быть сведена к «усилению Твери» или «увеличению тверского удела». Явственно проявились более широкие политические притязания; завязалась борьба за наследие великих князей Александра и Ярослава Ярославичей» (110, 105).

Согласно фрагменту из Татищева, Михаил выиграл спор благодаря добродетели Юрия, пожалевшего Русскую землю и во имя ее блага добровольно снявшего свою кандидатуру. Проще всего посмеяться над наивностью объяснения летописца и предположить, что Юрию просто не хватило денег, тогда как Михаил оказался более состоятельным. Однако простота объяснений не должна ввести в заблуждение внимательного исследователя. Следует почаще вспоминать слова С.М. Соловьева: «Мы считаем непозволительным для историка приписывать историческому лицу побуждения именно не нравственные, когда на это нет никаких доказательств». А потому не станем опровергать летописца и повторим вместе с ним: да, вероятно, Юрий и вправду был потрясен той безответственностью, с которой Михаил Тверской раздавал татарам свои векселя на обильно политое потом и кровью русское серебро.

Но благородные порывы человеческой души часто бывают подобны мгновенным вспышкам света, после которых сгущается мрак. Юрий вернулся на Русь побежденным. Его переполняли чувства стыда, унижения, досады и ненависти к победителю. Он, стиснув зубы, слушал рассказ о том, как Михаил Тверской торжественно взошел на великокняжеский стол во Владимире и как сам митрополит Максим возложил на его голову золотой венец. Но и Михаил Тверской был далек от великодушия победителя. Вернувшись домой, он узнал о разгроме тверичей под Переяславлем и о гибели Акинфа. Это было оскорбление, на которое по кодексу княжеской чести следовало ответить немедленно. Взывали к отмщению и неприкаянные души верных владимирских бояр, растерзанных разъяренной толпой в Нижнем Новгороде и Костроме.

И князь Михаил решил жестоко отомстить своим врагам. Его разбухенная ярость не знала границ. Единственный, кто мог бы остановить его на пути ненависти, был старый митрополит. Но 6 декабря 1305 года Максим ушел туда, «идеже несть печаль, ни въздыхание, но жизнь вечная». Его похоронили в Успенском соборе во Владимире на Клязьме, в приделе во имя святого Пантелеймона.

Предоставив Михаилу широкие полномочия, Орда, однако, не спешила помогать ему войсками. Повторялась прежняя ситуация, когда великий князь Андрей Александрович был властью без силы, а его московско-тверские соперники — силой без власти. Однако Михаил был далеко не Андрей. За ним стояла боевая мощь тверской земли — самой многолюдной части Северо-Восточной Руси в этот период. И эту мощь он сразу же решительно пустил в дело.

Возвращаясь из Орды, Михаил остановился в Нижнем Новгороде. Возможно, туда по его приказу уже были переправлены на судах войска из Твери. Князь решил примерно наказать всех «черных людей», принявших участие в мятеже и расправе с владимирскими боярами. Он беспощадно «изби всех вечников, иже избиша бояр». По этому поводу летописец наставительно замечает в заключение: «и ту же чашу испиша: им же бо судом судите, судят вам, и в ню ж меру мерите, возмерится вам» (22, 176).

(По некоторым летописям, эту расправу учинил не Михаил Тверской, а местный князь Михаил Андреевич Городецкий, сын умершего в 1304 году великого князя Андрея Александровича. Вообще следует иметь в виду, что при изложении событий этого времени летописцы, работавшие в более поздний период, придерживались двойной самоцензуры. О Юрие Московском не следовало давать компрометирующих его сообщений, так как он был одним из предков правящей династии; о Михаиле Тверском также следовало сохранять только положительный материал, ибо после трагической гибели этого князя в Орде в 1318 году церковь причислила его к сонму мучеников за веру и за землю Русскую.)

Тверской князь выиграл схватку в Орде, и это, конечно, была его великая победа. Но впереди еще была тяжелая борьба на Руси. Прежде всего Михаил должен был сломить сопротивление своих московских недругов. В 1305—1306 годах он совершил большой поход на Москву, где сидел побежденный в Орде Юрий с братьями. Летопись сообщает: «Князь Михаил Ярославич... иде ратью к Москве на великого князя Юрья Даниловича (это ошибка летописца: Юрий не был тогда великим князем. — Н. Б.)... и на братию его, и бысть им брань многа, и помале смиришася» (22, 176).

Так второй раз пришлось нашему герою юному князю Ивану смотреть на мир сквозь узкую щель в крепостной стене. Примечательно, что летописи, прошедшие позднее через руки московских редакторов, не сохранили подробностей этой войны. Несомненно, москвичи хотя и не были разгромлены, но все же остались в проигрыше.

Даниил Александрович, князь Московский.
Портрет из «Титулярника» 1672 г. Эрмитажное собрание,
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.

Монгол верхом
на коне.
*Китайский рисунок
XVII в.*

Угон русского
полона в Орду.
*Миниатюра
из венгерской
хроники. 1488 г.*

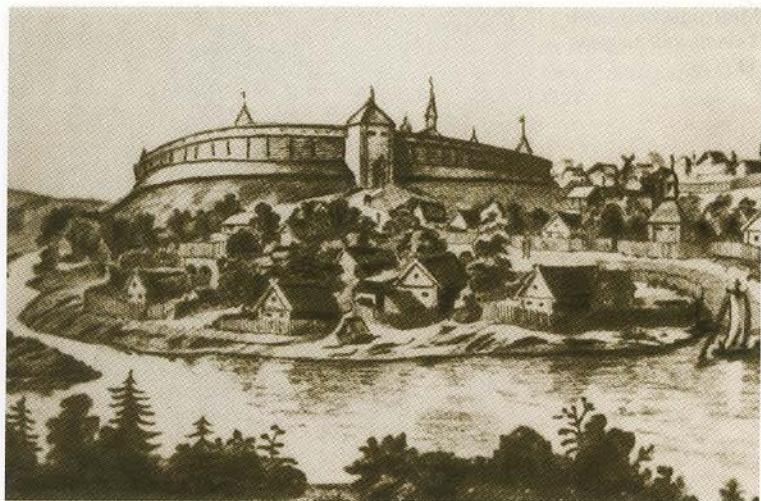

Монгольский воин.
Китайский рисунок
XVII в.

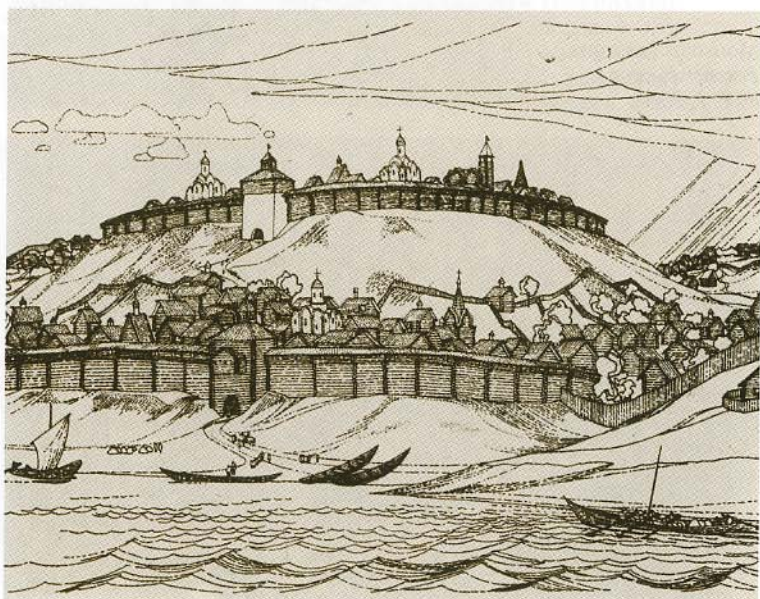
Монгольская юрта.
Реконструкция
по Г. Г. Юлю.

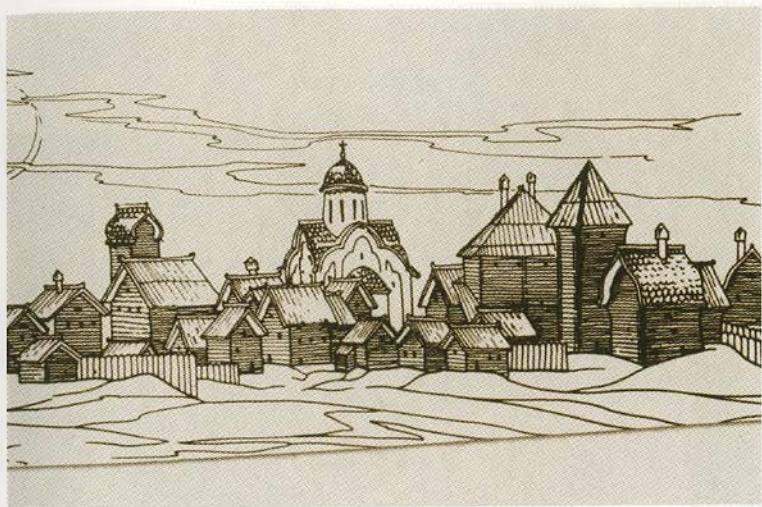

Москва. Кремль и посад в XII—XIII веках.
Реконструкция М. Рабиновича и Ю. Бржевской.

Нижний Новгород. Нижегородский кремль в XIV веке.
Реконструкция С. Л. Агафонова.

Новгород. Фрагмент застройки Неревского конца в XIV веке.
Реконструкция Г. В. Борисевича, В. П. Тюрина, Г. П. Чистякова.

Переяславль-Залесский. Спасо-Преображенский собор с окружающей застройкой в XII веке. *Реконструкция Г. В. Борисевича.*

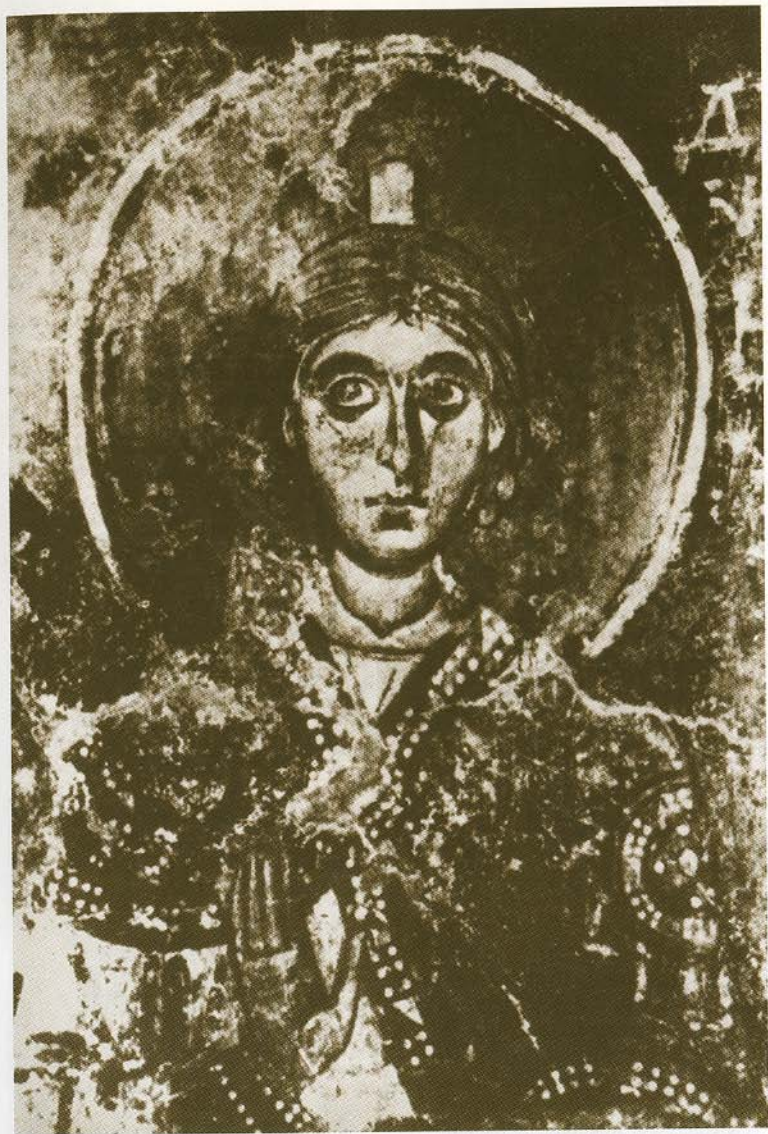

Софийский собор Великого Новгорода. 1045—1050 гг.

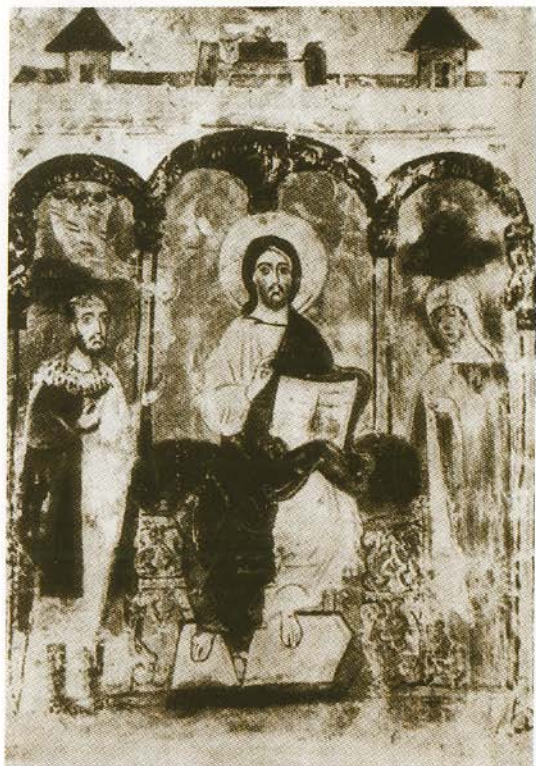
Новгород. Двор на Холопъей улице в XIV веке.

Реконструкция Г. В. Борисевича, В. П. Тюрина, Г. П. Чистякова.

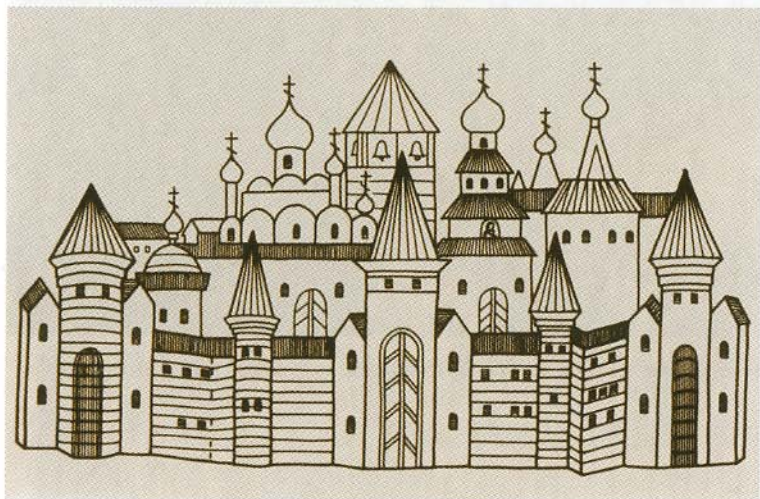

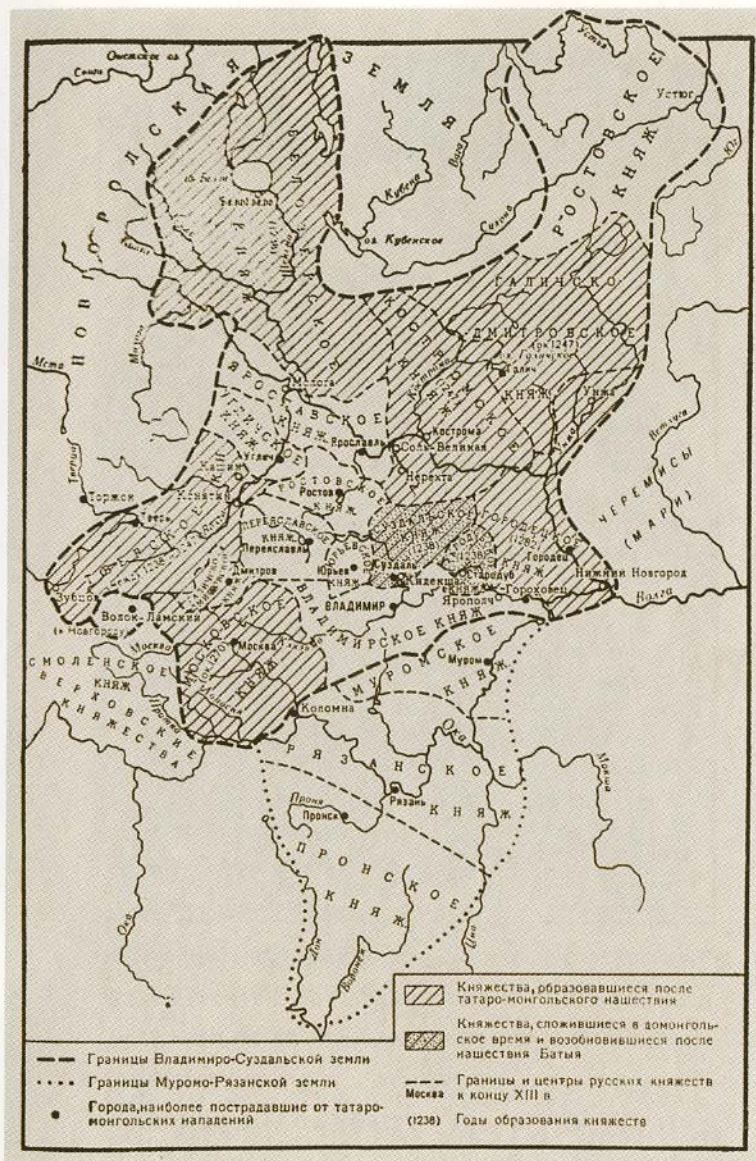
Пророк Даниил. Роспись барабана Софийского собора в Новгороде. 1108 г.

«Выходная»
миниатюра
тверского списка
«Хроники Георгия
Амартола».
Предположительно
изображены
великий князь
Михаил Ярославич
Тверской
и его мать Оксиния
(Ксения),
предстоящие Спасу.

Город Тверь.
Прорись с иконы
святых Михаила
и Ксении Тверских.

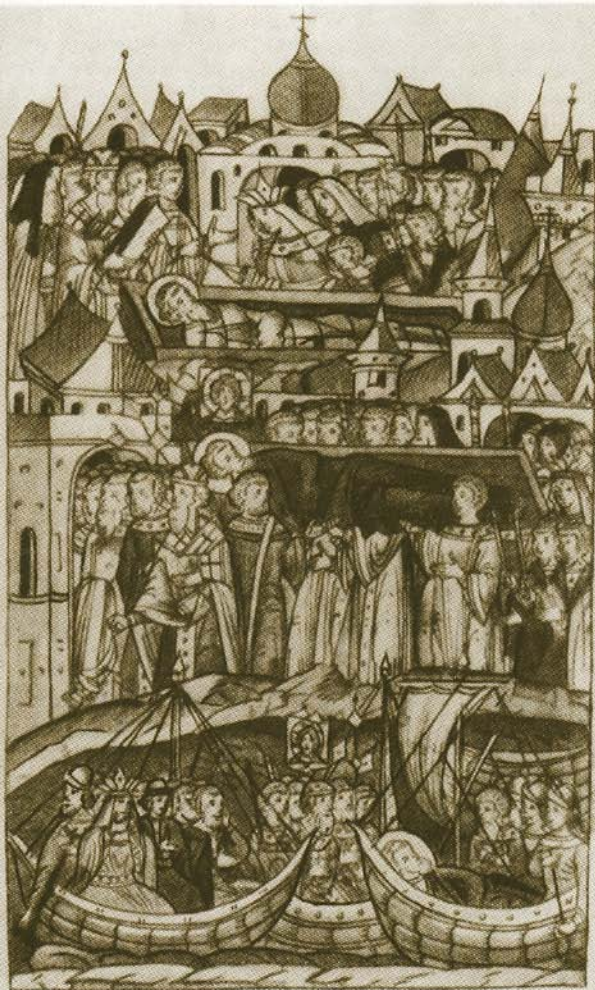

Северо-Восточная Русь к концу XIII века.

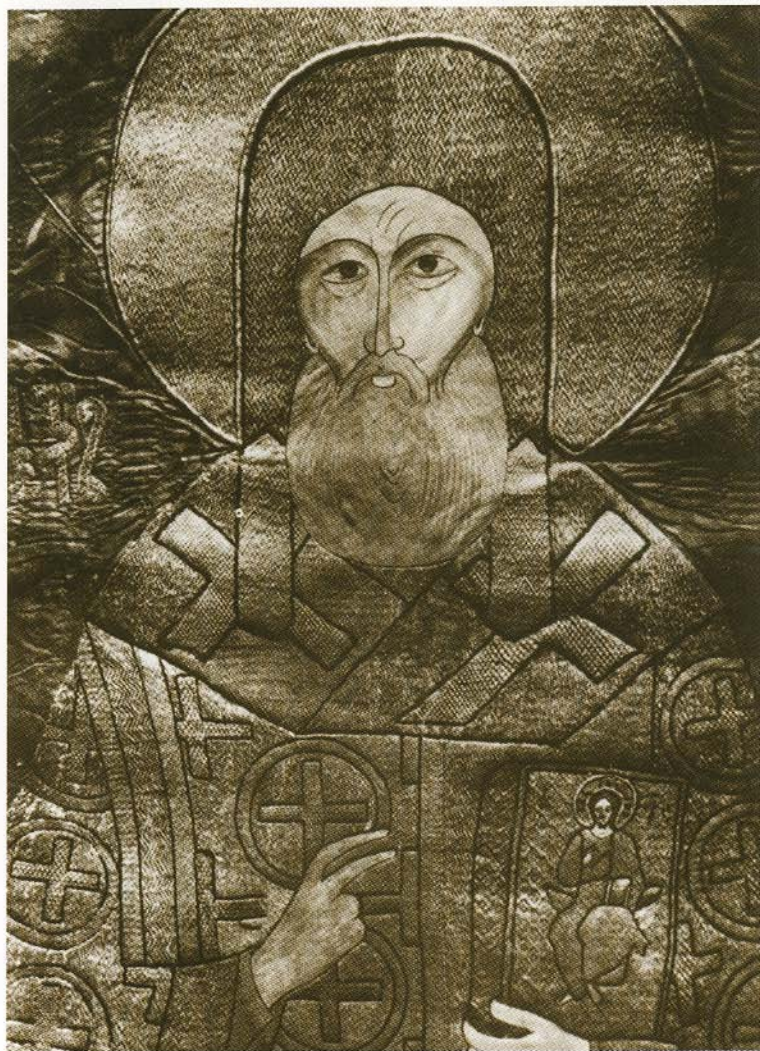
Слѣтѣ ѿ ѿ кз. Кнѣзь цѣнѣи мнѣха
 плѣтѣ рѣслѣ пнѣтѣ пѣ дерѣ кнѣн . прѣнѣ дѣ по
 ѿ рѣ доу кѣ црѣю ѿ мѣ ѿ рѣ ѿ ѿ рѣ жѣ снѣ гѣ
 плѣ доу сѣ пѣ до мѣ рѣ бѣ кнѣн . нѣ дѣ жѣ сѣ пѣ крѣ
 до мѣ рѣ кѣ вѣ мѣ рѣ . пѣ ѿ ѿ ѿ бѣ мѣ рѣ зѣ оцѣ
 пѣ жѣ ѿ рѣ кѣ ѿ сѣ . мѣ сѣ пѣ пѣ брѣ пѣ ѿ ѿ .

Князь Михаил Ярославич Тверской подносит в Орде дары хану.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

И сѣ тоша ргои на сзвѣхуа по во азкѣ сѣно
 шего дмитренъ александръ . павленъ
 вѣднша жинѣтн палитннхъ . репѣ в
 парѣоуофен . и шесъ чини жесѣи ннчесѣи
 со сѣбѣ цамн искамднлы неомнѣшъ жесѣтѣ

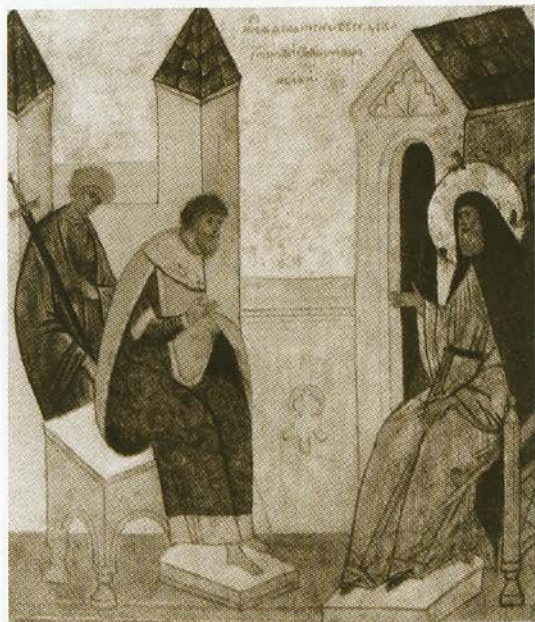
Погребение великого князя Михаила Ярославича.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

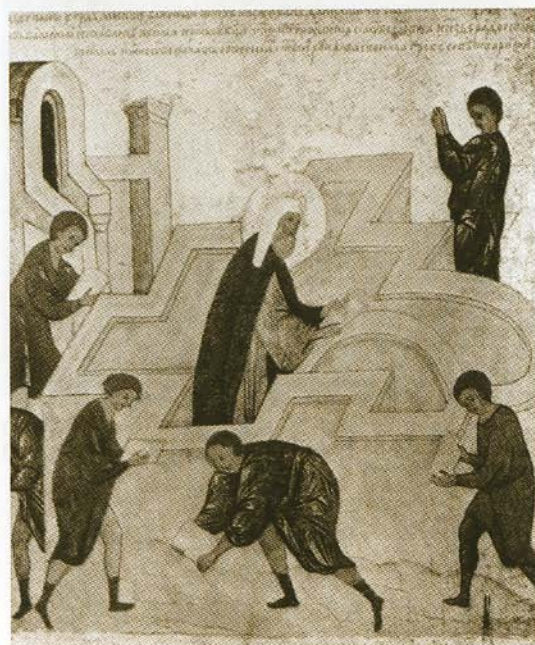
Покров с изображением святого митрополита Петра.
Вклад инокини Александры. 1574 г.

Голова святого Иоанна Лествичника.
Деталь росписи Снеготорского монастыря в Пскове. 1313 г.

Митрополит Петр
и Иван Калита.
Клеймо иконы
святого
митрополита
Петра
из Успенского
собора. Конец XV —
начало XVI в.

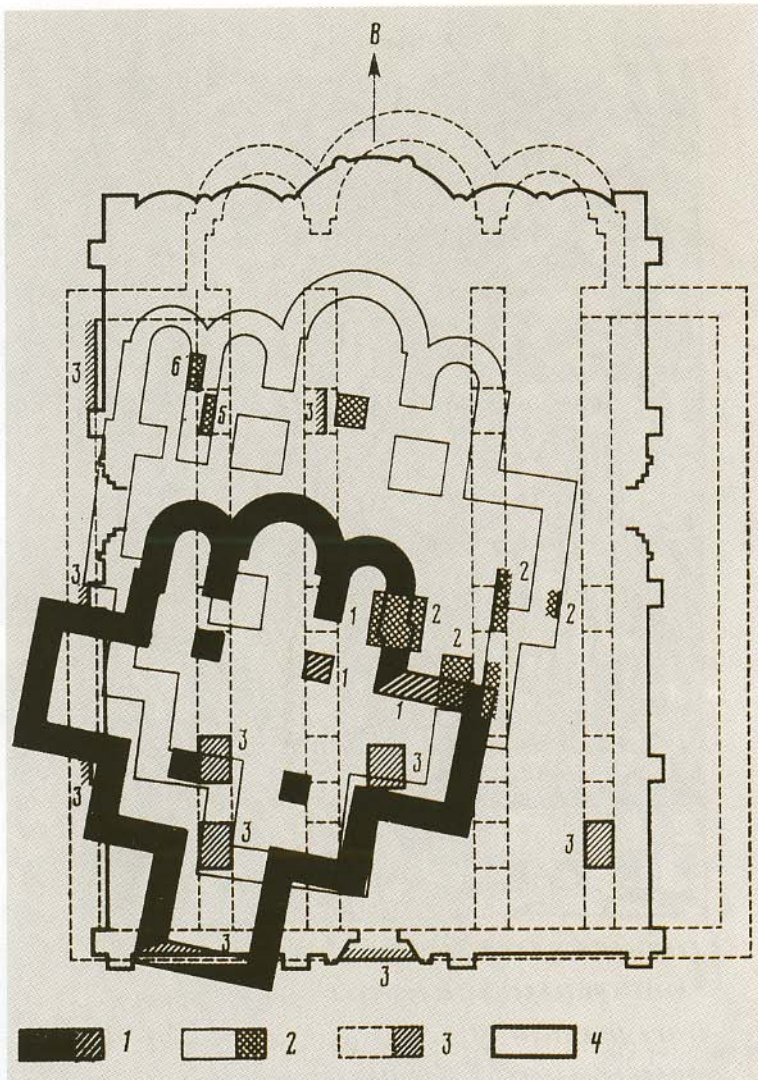

Митрополит Петр
на закладке
Успенского собора.
Клеймо иконы
святого
митрополита
Петра. Конец XV —
начало XVI в.

Митрополит
Алексей у гроба
святого
митрополита
Петра перед
поездкой в Орду.
Миниатюра
Лицевого
летописного свода.
XVI в.

Исѡсеѣвъ загорѣ мѡѣчлѡсоворнѣи цркви
 митрополѣскон прѣтмылѣцн . оугрока
 стѣго чюдотворца петрѣ . он же и въ
 молѣбенѣхъ свѣщенныи мѡсоворомъ . и
 свѣщеннѣи ура здробнлѣ . прздденаро
 доупабленіе . асамъ пондѣттогодншоу
 рдоу . и бжїемлѣтн . и прѣтмылѣцн . же
 анисаго чюдотворца петрѣ црѣдѣ тандлѣи цѣ .

Успенский собор московского Кремля. Совмещенные планы храмов.
 Схема-реконструкция В. И. Федорова:

1. План собора конца XIII в.	4. План собора 1475—1479 гг.
2. План собора 1326—1327 гг.	5. Гробница митрополита Петра.
3. План собора 1472—1474 гг.	6. Гробница митрополита Феогноста.

По-видимому, именно тогда тверичи отняли-таки у москвичей Переяславль-Залесский, который стал частью территории великого княжения Владимирского. Только овладев ярлыком на великое княжение уже после смерти Михаила в 1318 году, Юрий восстановил контроль над Переяславлем (91, 139).

Первое нашествие тверичей на Москву в конце концов попросту увязло в грязи. Все лето 1306 года лил дождь, превративший дороги в непролазные болота, а болота — в настоящие озера. Устав без конца расхлебывать эту небесную хлябь, Михаил прекратил поход и отправился домой, в Тверь. Там его уже ждали иные, приятные волнения и хлопоты. Предстояло отпраздновать рождение сына Константина, которого подарила ему жена, княгиня Анна — дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича. Михаил женился на ней в 1294 году, незадолго до кончины ее отца — правителя некогда могущественного, но к этому времени уже заметно ослабевшего Ростовского княжества.

Собравшись с силами, Михаил летом 1307 года предпринял второй поход на Москву. На сей раз летопись сообщает некоторые подробности событий. Тверичи ходили в поход «всею силою». Решающее сражение у стен Москвы произошло в пятницу 25 августа, на память апостола Тита. Московская крепость выдержала штурм. Тверичи «много зла сотвори и, града не взяв, отъиде» (22, 177).

Можно представить себе, какую страшную резню учинили бы воины Михаила, если бы им удалось захватить город...

На берегах Волхова с большим вниманием следили за тем, что происходило в Северо-Восточной Руси и в Орде. Борьба Твери и Москвы пагубно сказывалась на новгородской торговле, создавала обстановку тревожного ожидания. От исхода этой борьбы во многом зависело будущее не только Новгорода, но и Пскова.

Свидетельством этого пристального интереса северян к среднерусским спорам служит известная запись в книге «Апостол», сделанная во Пскове писцом по имени Диомид. Книжник указал точную дату завершения своего труда — 21 августа 1307 года. Далее следует его приписка: «Сего же лета бысть бои на Руськой земли, Михаил с Юрьем о княжене Новгородское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князях которы, и вещи скоротисаша человеком» (91, 137).

Этот псковский комментарий интересен уже тем, что в нем

звучат выражения из «Слова о полку Игореве». Очевидно, что писец Диомид хорошо знал древнюю поэму и высоко ценил ее художественные достоинства. Однако для историка не менее интересно и другое. Псковский книжник этой записью как бы откликнулся на дошедшие до него известия о втором походе Михаила Тверского на Москву, о битве 25 августа 1307 года. Им указана и причина войны, яблоко раздора — «князь-женье Новгородское».

Исход войны 1307 года «за новгородское княжение» (не вполне ясный из подвергнутых московской обработке летописей) однозначно определяет летописное известие о том, что в 1308 году Михаил Тверской был признан князем в Новгороде. Таковы, по-видимому, были условия мирного договора, подписанного Юрием в осажденной Москве в августе 1307 года.

Новгородцы под давлением обстоятельств приняли Михаила, но, кажется, были сильно настроены против него. Им, конечно, не нравились его властные замашки, его намерение увеличить размер ордынской дани. Кроме того, они еще помнили суровое правление его отца, который в 1270 году был по решению веча изгнан из города за самоуправство и произвол, а потом в отместку навел на город полчища татар. Только случайность — заступничество младшего брата Ярослава, князя Василия Костромского, — спасла тогда Новгород от небывалого погрома.

Не исключено, что теми же средствами, что и его отец, — угрозой татарского нашествия — воздействовал на новгородцев и Михаил. В летописи под 1307 годом мелькает загадочное сообщение: «На осень бысть Таирова рать» (25, 86). Странно, что при этом летописец не дает обычных пояснений: какие города и земли разорила эта «рать» и зачем приходила. Видимо, рать ушла без обычных трагических последствий. Она была лишь демонстрацией поддержки Ордой великого князя Михаила. Целью этой демонстрации было привести в трепет всех врагов тверского князя, и прежде всего — московских и новгородских правителей. Эта акция возымела действие: летом 1308 года Михаил торжественно въехал в Новгород, а москвичи смирились до времени со своим поражением.

Князь Юрий всегда тяжело переживал неудачи. Кипевшая в нем ярость толкала князя на безрассудство и жестокость. Чувствуя свое бессилие перед Михаилом Тверским, которого поддержало владимирское боярство и сам митрополит Максим, Юрий решил отвести душу на рязанских делах. Сбивчивые летописные известия позволяют проследить лишь общий

ход событий. Зимой 1307 года был убит в Орде рязанский князь Василий Константинович. Вслед за этим татарская рать вторглась в рязанские земли и разграбила их (25, 86). В это же время и Юрий ездил в рязанские земли. Вероятно, он принимал участие в карательной экспедиции. Вернувшись в Москву, Юрий решил воспользоваться благоприятным моментом, когда хан Тохта был раздражен против рязанских князей, и устранить еще одного врага — рязанского князя Константина Романовича, захваченного в плен Даниилом Московским в 1301 году и с тех пор томившегося в заточении. По приказу Юрия Константин был убит в московской тюрьме (31, 101).

Трагедия семьи рязанских князей потрясла уже ко всему привыкшую Русь. Дед, князь Роман Ольгович, был замучен в Орде в 1270 году за отказ исполнить языческие обряды татар; отец, князь Константин Романович, стал жертвой московских палачей; сын, князь Василий Константинович, как и его дед, был убит в Орде. Московский князь Юрий оказался таким образом в одном ряду с ордынскими палачами.

Небывалое ожесточение князей, готовых на преступление во имя власти и денег, вызвало осуждение неизвестного древнерусского книжника, создателя летописного некролога рязанскому князю-мученику Роману Ольговичу. «О, возлюбленной князи Руссии! не прелщайтесь суетною, и маловременною и прелестною славою света сего, еже хуждыши паучины есть, изменует бо ся в чясе временне, и яко стень мимо грядет, и яко дым исчезает, и яко сон есть вся; не принесосте убо на свет сей ничто же, ни отнести что можете, нази убо изыдосте из чрева матере своея, нази и отыидете; не обидите убо друг друга, и не лукавствуйте меж собою, и не возхищайте чюжих, и не обидите меньших сродник своих. Ангели бо их видят лице Отца вашего, иже есть на небесех. Возлюбите истинную правду, и смирение, и длгготръпление, и чистоту, и любовь и милость, да радости святых исполнитесь» (22, 149—150).

Эти обличения сребролюбия и тщеславия восходят к библейской книге Екклесиаста («Есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему. И гибнет богатство это от несчастных случаев: родил он сына, и ничего нет в руках у него. Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей» (Екклесиаст, 5, 12—14)). Однако сквозь библейскую риторику прорывается искренняя горечь современника, свидетеля небывалого нравственного одичания русских людей в первые десятилетия чужеземного ига.

Свирепая расправа Юрия с рязанским князем возмутила и напугала даже его собственных братьев. К тому же Юрий, кажется, не хотел видеть в них самостоятельных правителей уделов, но предпочитал держать в роли своих подручников. В итоге два брата Юрия, Александр и Борис, в 1307 году бежали из Москвы в Тверь, к Михаилу Ярославичу (31, 101). Борис, плененный тверичами в 1304 году в Костроме, был отпущен Михаилом на свободу и, вероятно, питал к нему добрые чувства. Александр был следующим по старшинству за бездетным Юрием Даниловичем и потому мог претендовать на московский престол в случае внезапной кончины старшего брата или же его низложения. Однако Александру не суждено было стать московским князем. Через год или два после своего отъезда в Тверь он умер (25, 87). Где и при каких обстоятельствах это произошло — летопись не сообщает. Во всяком случае, смерть его была весьма выгодна для Юрия.

Другой беглец, Борис, надолго канул во мрак неизвестности. О нем нет более никаких известий до 1320 года, когда он умер, будучи нижегородским князем. Примечательно, что его похоронили не в Москве, а в Успенском соборе во Владимире.

Судьба Бориса очерчивается следующим образом. Где-то между 1308 и 1311 годами он вернулся в Москву, где после смерти Александра Даниловича стал рассматриваться как наследник престола в случае кончины бездетного Юрия. Несомненно, Юрию не очень хотелось иметь его рядом с собой, но в то же время опасно было и отталкивать Бориса в ряды врагов. Наконец представился отличный случай пристроить Бориса в безопасное место.

В 1311 году умер бездетным внук Александра Невского Михаил Андреевич, правивший в Городце и Нижнем Новгороде. Юрий Московский тотчас захватил эти земли под тем предлогом, что они являются неотъемлемой частью общей вотчины потомков Александра Невского. Положение об общей вотчине всех Александровичей (из которых в живых оставались только московские Даниловичи) существовало в тогдашнем княжеском праве и было признано в 1304 году Михаилом Тверским, его матерью Ксенией и митрополитом Максимом. Конечно, Михаил Тверской в 1311 году готов был восстать против той самой идеи, которую он в 1304 году признавал справедливой: теперь ему уже не нужны были компромиссы. Он двинул на Нижний Новгород войско под началом своего сына Дмитрия. Дело оборачивалось новой московско-тверской войной. Однако митрополит Петр, сменивший умершего в 1305 году митрополита Максима, под угрозой отлучения от церкви запретил тверичам продолжать

поход. Простояв три недели во Владимире, тверские полки вернулись восвояси.

Бескровное завершение нижегородского конфликта стало возможным только благодаря тому, что, припугнув тверичей отлучением, митрополит Петр в то же время нашел компромиссное решение княжеского спора: в нижегородских и городецких землях будет сидеть как самостоятельный правитель не Юрий Московский и не Михаил Тверской, а Борис Данилович. Михаил, несомненно, относился к Борису не так враждебно, как к Юрию. Для Юрия это тоже было удачное решение проблемы: он обеспечивал своенравного брата уделом, но не за счет своих собственных владений.

Для Ивана Даниловича все эти события были важным уроком. Он понял, сколь большую силу имеет глава русской церкви. Более того, именно вмешательство Петра в нижегородский конфликт привело к тому, что князь Борис навсегда покинул Москву, открыв тем самым Ивану дорогу к московскому престолу. Не здесь ли истоки того глубокого почтения, которое Иван неизменно проявлял в отношении митрополита Петра?

Будущий митрополит Петр родился где-то в середине XIII века на Волыни. С детства он имел склонность к затворничеству и уже в 12 лет поселился в монастыре. Со временем он сам становится известным подвижником, основателем и игуменом монастыря на реке Рате близ Львова. Прослышав о «высоком житии» Петра и его иноков, митрополит Максим посетил их обитель. Это произошло в 1301 году, когда Максим объезжал Галицко-Волынское княжество перед своим визитом в Константинополь. Игумен Петр поклонился иерарху и преподнес ему икону Божией Матери собственного письма. Эта икона под именем «Максимовской Богоматери» со временем стала одной из главных святынь московского Успенского собора.

После кончины митрополита Максима 6 декабря 1305 года великий князь Михаил Ярославич Тверской направил в Константинополь своего кандидата на митрополию — игумена Геронтия. Галицкий князь Юрий Львович, в свою очередь, послал к патриарху другого соискателя — игумена Петра Ратского. В Константинополе оба кандидата предстали перед очами патриарха Афанасия I (1289—1293, 1303—1309). Этот выдающийся деятель византийской церкви отличался твердым и независимым характером, аскетизмом и любовью к монашеству. Он стремился укрепить внутрицерковную дис-

циплину, обеспечить должный порядок во всех епархиях своей обширной патриархии. Дав согласие на открытие самостоятельной Галицкой митрополии в первые годы XIV века, Афанасий исходил из того, что после бегства митрополита Максима из Киева во Владимир эти земли остались без должного архипастырского надзора.

Игумен Петр понравился Афанасию своим подвижническим жаром и преданностью делу православия. В качестве кандидата на Галицкую митрополию Петр прожил в Константинополе не менее двух лет. Патриарх много раз встречался и беседовал с ним, наблюдал за его поведением через доверенных лиц. Убедившись в незаурядных достоинствах Петра и увидев в нем своего единомышленника, Афанасий решил передать под его управление всю русскую митрополию (46, 206).

Как и Афанасий, Петр не одобрял бегства Максима во Владимир. Поначалу он решил вернуть Киеву его значение церковной столицы «всая Руси». Однако для успешного осуществления своих замыслов Петру нужно было заручиться признанием Орды. Понимая это, новый митрополит вскоре отправился в Орду. Там ему был выдан ярлык ханом Тохтой (1290—1312). По одним расчетам это произошло 12 апреля 1308 года (111, 69), по другим — 21 апреля 1309 года (109, 581). В ярлыке, в частности, говорилось: «А как ты во Владимире сядешь, то будешь Богу молиться за нас и за потомков наших» (111, 68).

5 июня 1309 года в древней столице Залесья митрополит рукоположил новгородского архиепископа Давыда (10, 92).

Несомненно, митрополит тщательно выбрал день для своего первого торжественного деяния в качестве духовного главы Северо-Восточной Руси. Вероятно, это вообще была его первая хиротония. Но на первый взгляд день для поставления новгородского владыки был избран самый заурядный. 5 июня 1309 года — четверг. Обычно хиротонии совершались в воскресенье.

Согласно новгородской летописи владыка Давыд был поставлен «на память святого Никандра» (10, 92). Однако в месяцесловах той эпохи под этим днем значится другой святой — Маркиан. Данное противоречие решается легко: 5 июня церковь вспоминает целое сообщество египетских мучеников, пострадавших во времена гонений при императоре Максимиане. Среди десяти имен первым стоит Маркиан, а за ним — Никандр. В месяцесловах называли только первого.

Но подлинной загадкой остается сам выбор Петра. Чем привлекали его эти малоизвестные десять мучеников? Что

хотел он сказать этим приурочиванием? Ответ может быть только один: день был выбран Петром вовсе не из-за египетских мучеников. Его привлекала другая, редкая память этого дня, отмеченная в месяцеслове Евангелия Семена Гордого, «Память с человеколюбьем нанесенная на ны страшная беда нашествием поганых» (96,12). Эта память, как и весь месяцеслов Евангелия Семена Гордого, имеет византийское происхождение. Друг и собеседник патриарха Афанасия, митрополит Петр не мог не знать ее. Ведь в ту пору для Византии не было более серьезной беды, чем «нашествие поганых». Объединенные под властью султана Османа I Гази (1288—1326), турецкие племена к началу XIV века вытеснили византийцев из Малой Азии. В 1302 году императорская армия была разгромлена Османом в битве при Никомидии. Для борьбы с турками византийский император Андроник II Палеолог (1288—1326) решился на крайний шаг: призвал в свои владения каталонских наемников во главе с Рожером де Флором. Однако это лишь ухудшило положение: наемники вышли из повиновения Константинополю и в 1306—1307 годах разграбили многие западные области империи.

Византийская тема «нашествия поганых» была столь же актуальна и для Руси. В формулировке месяцеслова из Евангелия Семена Гордого (возможно, повторившего месяцеслов из книг святого митрополита Петра) выражена самая суть главной политической, нравственной и теологической проблемы того времени — «ордынского плена». Избрав этот день для хиротонии новгородского владыки, митрополит как бы указывал русскому духовенству на его главную задачу: нравственное исцеление общества во имя возвращения милости Божией. Воздействие этого урока было тем сильнее, что сама хиротония обычно сопровождалась съездом высшего духовенства и происходила при огромном стечении народа. Этот день навсегда оставался праздничным, памятным и для новопоставленного архиерея, и для его паствы. Возможно, митрополит произносил в этот день «слово» к народу.

Петр с огромной ответственностью относился к своему пастырскому служению. Это был один из тех счастливых людей, которые твердо знают свое предназначение и принимают его как дар. Его воодушевляли заветы патриарха Афанасия, которым он следовал и в большом и в малом. Подобно своему наставнику, Петр усилил дисциплинарные требования к пастве, ввел более строгие брачные нормы для мирян и духовенства. Ему принадлежит известное правило «о вдовых попах», согласно которому они должны либо уйти в монастырь, либо перестать служить. Эта суровая мера имела целью

повысить престиж духовенства, избавиться от попов-распутников. Столь же решительно ополчился святитель и на пьянство. Осуждая за это мирян, он обличал и пьянство священников, которым грозил лишением сана. И если в общественной жизни идеалом Петра была «сильная церковь, независимая от светской власти и даже посягающая на некоторые функции государства» (46, 212), — то в области нравственной он звал свою паству на путь активного благочестия, формулой которого были известные (и столь любимые обоими пастырями!) слова апостола Иакова: «Вера без дел мертва» (Иаков, 2, 20).

Митрополит следовал апостольской заповеди всеми силами. Он много ездил и много писал. Им была введена в русскую церковную жизнь традиция окружных посланий к мирянам и духовенству. Эти послания рассылались по епархиям и читались с амвона в церквях.

Но как бы высоко ни стоял Петр как архипастырь, низменная жизнь все время ставила на его пути свои препоны. Привычка делить людей на своих и чужих заставляла многих видеть в нем прежде всего возможного союзника или тайного врага. За этими представлениями следовали и действия, на которые святитель должен был так или иначе отвечать. Не знаем, всегда ли ему хватало осторожности и предусмотрительности, — но мужества ему доставало всегда. Весной 1310 года с митрополитом случилось приключение, в котором ярко проявились и его личность, и обстоятельства, среди которых ему приходилось действовать. Прибыв в Брянск, находившийся тогда под властью князей из смоленского дома, святитель неожиданно оказался в самом пекле свирепой междоусобицы. Князь Василий Брянский привел из Орды татар на своего дядю Святослава Глебовича, силой отнявшего у него Брянск. Полагают, что Святослава поддерживали московские князья, тянувшиеся к брянским землям (69, 56).

Весть о приближении татар переполошила брянцев. «И бысть мятеж велий в граде» (22, 177). Митрополит посоветовал князю Святославу не вступать в сражение, а договориться с племянником о разделе власти или же просто бежать из города. Но тот, надеясь на поддержку горожан, не послушал Петра. Собрав под свое знамя горожан, Святослав вышел из крепости навстречу татарам.

Битва была жестокой. «И помрачиша стрелы татарские воздух, и бысть аки дождь... и бысть сеча зла» (22, 177). Могучий витязь князь Святослав отважно сражался впереди своих воинов. Однако постепенно татары стали теснить неопытных в военном деле горожан. Под конец брянцы дрог-

нули и побежали, оставив князя Святослава с небольшим отрядом на поле битвы. Здесь в последней отчаянной схватке этот храбрец и честолюбец сложил свою голову под татарскими саблями.

Ворвавшись в город на плечах бегущих ополченцев, татары učinили там страшный погром. Митрополит Петр затворился в церкви и только по счастливой случайности спасся от гибели. Между тем победитель, князь Василий, повел татар дальше на Карачев и там убил еще одного сородича — князя Святослава Мстиславича Карачевского.

Несомненно, брянская история потрясла Петра и навсегда осталась в его памяти. Похоже, что летописец излагает ее со слов самого святителя: так много в этом эпизоде живых подробностей. Такой истово религиозный человек, как Петр, не мог не увидеть в своем спасении знак свыше. И потому попробуем внимательнее взглянуться в хронологию этих событий.

Согласно летописи битва Святослава с татарами произошла «месяца апреля в 2 день» (25, 87). В 1310 году день 2 апреля был четверг. В этот день в месяцесловах XIV века нет примечательных в историческом отношении памятей. Месяцеслов Евангелия Семена Гордого вспоминает в этот день Никиту Исповедника, псковский месяцеслов — Иосифа, творца канонов. По пасхальному циклу 1310 года 2 апреля было четвергом на пятой седмице Великого поста. В этот день утреннее богослужение называется Андреевским стоянием, так как единственный раз в году в этот день читается полностью Великий покаянный канон Андрея Критского. Тогда, в растерзанном татарами Брянске, покаянный канон Андрея Критского зазвучал и в душе увидавшего свою близкую гибель митрополита.

Запомним имя святого Андрея Критского: его особое почитание воспримут со временем от Петра и московские князья. Своего четвертого сына, родившегося 4 июля 1327 года, князь Иван Данилович назовет Андреем — в честь праздновавшегося в этот день Андрея Критского.

Помимо даты рокового боя и взятия татарами Брянска, источники сохранили и сообщение о времени прибытия митрополита в город: «В ту же зиму, по Крещении» (21, 185). Выражение «по Крещении» указывает на период с 7 по 14 января. По церковному календарю Отдание Богоявления совершается 14 января. В этом промежутке летописцы и употребляли выражение «по Крещении».

Несомненно, митрополит Петр избрал для въезда в город выходной день — воскресенье 11 января. В этот день

праздновалась память одного из основоположников христианского монашества Феодосия Великого. В церковной традиции он считался основателем общежительного уклада монашеской жизни. Традицию Феодосия Великого на Руси продолжил его тезка — преподобный Феодосий Печерский, положивший начало «общему житию» в Киево-Печерском монастыре. Вероятно, отражением этой духовной преемственности стало соединение в некоторых месяцесловах той эпохи памяти обоих святых под одним днем — 11 января.

Для жителей Брянска память Феодосия Печерского имела особое значение. Главной обителью города был основанный в 1288 году князем Романом Михайловичем Успенский Свенский монастырь. Он стал своего рода ветвью Киево-Печерского монастыря. Главной иконой обители служил образ Богоматери Печерской, на котором Богородица была представлена сидящей на престоле с предстоящими ей Антонием и Феодосием Печерскими. В монастыре существовал храм во имя преподобных Антония и Феодосия. Таким образом, день памяти Феодосия был для брянцев своего рода общегородским праздником.

Можно думать, что резиденцией митрополита Петра в Брянске был именно Свенский монастырь, так же как в Киеве — Киево-Печерский.

Что же заставило святителя провести в Брянске почти три месяца? Вероятно, это был его первый приезд в крупнейший город днепровского левобережья и бассейна Десны. Во второй половине XIII века сюда вслед за беженцами из разоренных татарами южных земель перебрались черниговские князья и епископ. Важнейшее военно-стратегическое значение Брянска, его расположение на перекрестке торговых путей влекли сюда смоленских, московских и тверских князей, а также литовцев и татар. В начале XIV века в Брянске правили князья из смоленского дома, имевшие, как полагают, родственные связи с московскими Даниловичами (43, 36).

Свое пребывание в Брянске митрополит Петр использовал для поиска союзников в той тяжелой борьбе, которую ему приходилось вести с влиятельными недоброжелателями в Северо-Восточной Руси. Здесь мы оставим Брянск и обратимся к еще одному важному событию в жизни Петра, а вместе с ним и нашего героя, Ивана Калиты. Событие это — поместный собор в Переяславле-Залесском, обсуждавший жалобы на митрополита. Однако необходимо небольшое предисловие...

Уже с первых дней своего пребывания в Северо-Восточной

Руси митрополит Петр почувствовал глухую враждебность со стороны великого князя Михаила Тверского. Считая именно Петра виновником неудачи тверского кандидата на митрополию игумена Геронтия, Михаил не мог преодолеть неприязни к этому молчаливому вольнянину. Любыми путями он решил избавиться от него. Вместе со своим епископом Андреем князь направил к патриарху послов с жалобами на митрополита. Главным обвинением была «симония» — поставление в сан за деньги.

Конечно, торговля церковными должностями строго запрещалась канонами, осуждалась «отцами церкви». Однако в практике византийской церкви принято было платить епископу при поставлении в сан определенную пошлину: одну «златницу» за чтеца, три — за дьякона и три — за священника (37, 404). На Руси аналогичное постановление принял церковный собор 1274 года: «семь гривен от поповства и от дьяконства от обоего» (11, 92).

Кроме установленных пошлин, соискателю приходилось нести и некоторые дополнительные расходы — «на свечи, на вино и прочия пошлины, и на тряпезу» (37, 399). В этих традиционных расходах при желании можно было увидеть плату за поставление в сан. Именно так рассуждали, например, псковские вольнодумцы второй половины XIV века. Возражая им, константинопольский патриарх Нил в послании во Псков (1382 г.) утверждал: «Ино бо еже взимати мзды поставления деля, ино же о нужных потребах исторы» (37, 399).

Но самые большие платежи имели место при поставлении епископов митрополитом. Источники умалчивают о каких-либо правилах на сей счет. Но такая традиция несомненно существовала. Какие-то дары, вероятно, были поднесены митрополиту в связи с поставлением новгородского владыки в июне 1309 года. Без подарков ездить к начальству было не принято. Известно, например, что в 1334 году новгородский архиепископ Василий приезжал во Владимир к митрополиту Феогносту «со многими дары» (22, 207). Эти ставшие обычаем подношения недоброжелатели Петра вполне могли представить как плату за посвящение в сан.

Патриарх Афанасий, по-видимому, не верил доносам на Петра. Сам окруженный недоброжелателями и стоявший на пороге низложения, он успел послать на Русь своего доверенного клирика с негласным указанием поддержать митрополита (46, 208). Прибыв на место, патриарший уполномоченный велел Петру созвать поместный собор для открытого обсуждения дела. Этот собор состоялся в 1310 году в Переяславле-

Залесском. Обвинителями митрополита выступали как духовные, так и светские лица. Тверскую делегацию формально возглавляли несовершеннолетние сыновья князя Михаила Ярославича 11-летний Дмитрий и 9-летний Александр. Однако за их спиной стояли бояре и тверской епископ Андрей. Сам Михаил Тверской был тогда в Орде.

Обстановка на соборе была так накалена, что, по выражению автора «Жития Петра», «вмале не безместно что бысть» (6, 211). Проще говоря, дело чуть не дошло до рукоприкладства.

Энергичную поддержку Петру оказала московская делегация во главе с молодым князем Иваном. Даниловичи вообще в эти годы очень внимательно следили за внутрицерковной борьбой. По некоторым сведениям, они посылали в Константинополь послов, убеждая патриарха не возводить на митрополию тверского игумена Геронтия (120, 13).

Уникальные сведения о соборе 1310 года и участии в нем князя Ивана сообщает В. Н. Татищев. «Митрополит Петр созва на Переславль собор велий, быша ту вси епископи, игумены, попы, диаконы и чернцы, и от патриарха Афанасиа клирок ученый. И многу прению бывшу, и едва преосвященный Петр... от божественного писания и помосчию и заступлением князя Ивана Даниловича преодоле и проклят того еретика» (38, 72). Татищев смешивает два известия: о соборе по делу Петра и о суде над новгородским еретиком Вавилой. Однако суть дела ясна: с помощью москвичей Петр оправдался от обвинений. Присланный патриархом Афанасием «ученый клирик», подводя итог прениям, признал его невиновным.

Исход переяславского собора князь Иван мог по праву считать и своей победой. После собора митрополит имел все основания смотреть на московских Даниловичей как на своих друзей и соратников. Переяславская победа досталась Ивану нелегко. В этой связи интересен вопрос: на чьей земле князь Иван одержал свою бескровную победу? Согласно убедительно обоснованному мнению историка В. А. Кучкина, Переяславль в результате московско-тверской войны 1305 года надолго ушел из рук московских князей и стал частью территории великого княжения Владимирского. Победа над Акинфом, одержанная князем Иваном в 1304 году, была перечеркнута успешными действиями Михаила Тверского в 1305 году (91, 138).

Исходя из этого, становится понятным, почему для собора был избран именно Переяславль. Здесь существовал своего рода баланс сил: формальная власть великого князя Влади-

мирского Михаила Тверского уравнивалась сильными промосковскими настроениями горожан. Ясно и то, почему Юрий Московский не явился на собор лично: риск попасть в капкан был слишком велик.

Вскоре после кончины митрополит Петр стал почитаться как святой. Вероятно, еще Иван Калита построил в Переяславле близ древнего белокаменного храма Спаса Преображения (в котором и проходил собор 1310 года) церковь во имя святого Петра-митрополита. В 1585 году по указу благочестивого царя Федора Иоанновича на смену деревянной пришла существующая и ныне каменная церковь — памятник важнейшему событию в истории возвышения Москвы.

Вмешательство митрополита Петра в 1311 году в спор между Юрием Московским и Михаилом Тверским о Нижнем Новгороде можно объяснить желанием иерарха отомстить тверичам за их вражду к нему. Однако это объяснение «от худшего». Между тем ничуть не менее убедительно и объяснение «от лучшего». Петр действовал как миротворец, ибо считал это своим пастырским долгом. Он ощущал огромную личную ответственность перед Всевышним за все, что происходило вокруг. Уже в брянской междуусобице он смело встал между воюющими сторонами, но не сумел смирить обезумевших властолюбцев и сам едва не погиб. В нижегородском споре можно узнать тот же поведенческий почерк Петра: смелость, твердость, вера. Однако здесь, после переяславского собора и своего торжества на нем, он имел уже больше опыта и авторитета, больше уверенности в своих силах. И он победил, ибо предотвратил большую войну между Тверью и Москвой.

Летопись не указывает точной даты нижегородского конфликта. Вероятно, он произошел зимой 1310/11 года. События развивались быстро, и к весне все уже было улажено. После этого митрополит решил приехать в Тверь, чтобы восстановить нормальные отношения с ее правителями. Рогожский летописец датирует события этих лет с опозданием на один-два года. Сообщение о приезде Петра в Тверь он помещает под 1312 годом. Однако сочетание числа и дня недели указывает на 1311 год. В субботу 20 марта 1311 года Петр вместе с тверским епископом Андреем рукоположил во епископа Харлампия (на какую кафедру — неизвестно) (23,36). А на следующий день, в воскресенье, был возведен в сан новый ростовский епископ Прохор.

За этими датами встает образ преподобного Иоанна Лествичника — любимого святого русских иноков. 21 марта 1311 года — четвертое воскресенье Великого поста, переходящее

празднование автора «Лествицы». Служба ему начиналась вечером накануне, то есть 20 марта.

Назначение нового ростовского владыки весьма примечательно. Ему предшествовал уход с кафедры (вероятно, по воле Петра) прежнего ростовского владыки Симеона. Этот Симеон был ставленником митрополита Максима и до 1300 года занимал владимирскую кафедру. Перебравшись из Киева во Владимир, Максим перевел Симеона в Ростов, а Владимир с округой включил в состав митрополичьей епархии. Новый ростовский владыка Прохор (1311—1328) известен как ревностный почитатель митрополита Петра, автор первой редакции его жития. Кроме того, он отличался любовью к монастырям. В 1314 году Прохор основал знаменитый Толгский монастырь под Ярославлем. Заметим, что почти все епископы, поставленные Петром, проявили себя как ревнители монашеского устройства.

Заменив в 1311 году ростовского владыку, Петр на другой год свел с кафедры и сарайского епископа Измаила, поставив на его место Варсонофия. Епископская кафедра в столице Орды была учреждена в 1261 году. Занимавшие ее иерархи имели прямой доступ к хану, часто оказывались в центре всевозможных дворцовых интриг. На этом месте митрополиту нужен был достойный и преданный делу православия человек. Впрочем, и сам Петр «у царя бысть в чести велице» (22, 178). Поддержка Орды заставляла князей считаться с мнением митрополита не меньше, чем авторитет приславшего его константинопольского патриарха.

Примирившись с митрополитом Петром на словах, тверские правители тайно продолжали интриговать против него. Весть о низложении его константинопольского покровителя патриарха Афанасия подала им новые надежды на успех. Михаил Тверской вместе с епископом тверским Андреем отправили к новому патриарху Нифонту I (1310—1314) монаха Акиндина с жалобами на Петра. Главным обвинением вновь была симония — взимание платы за поставление в сан. Возможно, поводом послужили какие-то подарки, полученные Петром во время хиротонии епископов в Твери в марте 1311 года. Патриарх вызвал Петра в Константинополь для объяснений. Конец этой истории доподлинно неизвестен. Одни историки полагают, что Петр ездил к патриарху и был оправдан, другие — что он не спешил исполнять повеление Нифонта и был избавлен от этой заботы его кончиной в 1314 году. Как бы там ни было, Петр знал о тверских кознях, однако относился к ним с благодушной снисходительностью. Известно, что после переяславского собора он благословил

своего главного недруга епископа Андрея Тверского и отпустил его со словами: «Мир ти, чадо. Не ты бо сие сотвори, но диавол» (120, 25).

В воскресенье 28 марта 1316 года тверской епископ Андрей объявил собравшемуся в собор народу о своем решении покинуть кафедру и уйти в монастырь (22, 408). Историки обычно объясняют это решение конфликтом Андрея с митрополитом и представляют дело так, что именно Петр заставил Андрея сложить епископский сан (110, 124). Однако при этом упускают из виду, что Петра в момент отречения Андрея попросту не было в Северо-Восточной Руси. Цепь событий, предшествовавших уходу епископа, заставляет рассматривать его решение прежде всего в моральной плоскости. Эта цепь выстраивается следующим образом. В феврале 1316 года князь Михаил Тверской разгромил новгородское войско под Торжком. Но радость победы была омрачена злодеянием. Вероломно захватив в плен своих недругов — новгородских бояр и их военного вождя князя Афанасия Даниловича Московского, — Михаил Тверской совершил клятвопреступление. Этим он навлек на себя и на свой город гнев Божий. Возмездие не заставило себя ждать. В пятницу 19 марта 1316 года в Твери вспыхнул сильный пожар. Горела сама деревянная крепость — кремль (24, 408). Огонь удалось сбить общими усилиями сбежавшихся горожан. Но все эти события произвели очень сильное впечатление на епископа Андрея. Впереди он увидел новые бедствия для Твери. Несомненно, Андрей был человеком незаурядной духовности. Летопись не случайно называет его «преподобным» (24, 408). Владыка остро чувствовал свою личную вину перед Богом за грех князя и вызванную им кару. Уход в монастырь был прежде всего его личным покаянием.

Найти достойного кандидата на опустевшую кафедру было нелегко. Да и сама процедура поставления нового тверского владыки долго откладывалась из-за отсутствия митрополита. Он был тогда на Волыни и вернулся в Северо-Восточную Русь только в начале зимы 1316/17 года. Такой вывод позволяют сделать наблюдения над летописными текстами. Среди статей, находящихся в рукописи Комиссионного списка Новгородской Первой летописи перед текстом самой летописи, есть и такая: «А митрополит был Петр, иже бе пришел из Волыня на Суждальскую землю, на Москву, в лето 6824 (1316), и приа его князь великий Иван Данилович с честью великою» (10, 469).

Это известие трудно заподозрить в недостоверности: во-первых, оно содержится в рукописи середины XV века; во-

вторых, именно в 1316 году Иван Данилович действительно был правителем Москвы, в то время как его брат Юрий пребывал в Орде.

Другой летописец (Тверской сборник) сообщает, что митрополит Петр поставил тверского владыку Варсонофия в 1316 году «той же зимы» (24, 409). Значит, наиболее вероятный срок возвращения Петра из Южной Руси — осень 1316 года. На юге митрополит пробыл, конечно, не менее года: ему нужно было какое-то время пожить в Киеве, а также посетить епархии Галиции и Волыни. Если принять мнение о том, что в эти годы Петр ездил в Константинополь для оправданий от тверских жалоб, — то его не было в Северо-Восточной Руси года два-три.

Приехав в Северо-Восточную Русь, митрополит застал здесь Михаила Тверского на вершине власти. Это было его лучшее время, когда он чувствовал себя полным победителем. Конечно, великий князь был раздражен новой неудачей своих диверсий против Петра. И у Петра при всей его кротости и невозмутимости немало накопело на душе в отношении своих тверских недругов. Поэтому вполне понятно, что митрополит, приехав на северо-восток, направился не в великокняжеский Владимир, где хозяйничали люди Михаила Тверского, а в Москву. Здесь его с радостью принял его давний доброхот князь Иван Данилович. Вероятно, здесь, в Москве, Петр и поставил нового тверского владыку Варсонофия.

Знаменательно, что с приездом Петра для Михаила Тверского началась полоса неудач, из которой ему так и не удалось выбраться до самой смерти. Но здесь мы должны на время оставить митрополита Петра в его московском дворе и вернуться к рассказу о военной и дипломатической тяжбе между Москвой и Тверью в 1311—1318 годах. Там мы вновь увидим нашего главного героя — московского князя Ивана Даниловича.

После нижегородского спора 1311 года, завершившегося компромиссом, в соперничестве Москвы и Твери наступило временное затишье. Оно было прервано прилетевшей из Орды тревожной вестью: в августе 1312 года умер хан Тохта. В январе 1313 года на престол взошел племянник Тохты Узбек (1313—1342). Его приход к власти, как и все прочие престолонаследные акции в Золотой Орде, сопровождался периодом смуты и внутренней нестабильности степной державы.

«К власти в Золотой Орде Узбек пришел через убийство сына Токты Ильбасмыша и расправу над оппозицией, высту-

пившей против курса нового хана на централизацию государства, его мусульманизацию и сближение кочевой знати с оседлой частью населения. В числе наиболее деятельных участников оппозиции, убитых в 1313 году, были эмиры правого крыла Таз и Тунгуз. Это был решительный шаг ханской власти к укреплению ее позиций в правом крыле Золотой Орды. Но цель была достигнута, по-видимому, лишь через несколько лет. К 1317 году власть Узбека была утверждена в междуречье Днепра и Дона, о чем свидетельствует начало в том году работы Азакского монетного двора по чеканке монет этого хана. К началу 20-х годов XIV века она восторжествовала и в кочевьях Днепровского Правобережья», — отмечает Ф.М. Шабульдо (131, 21).

Все русские князья потянулись в Орду, чтобы получить у ее нового хозяина подтверждение своих владельческих прав. Туда же отправился и митрополит Петр за новым ярлыком, в котором содержался перечень всех ранее установленных привилегий русской церкви: освобождение церковных людей от уплаты дани в Орду, от содержания татарских послов на Руси и некоторых других повинностей. Летопись так рассказывает об этом событии: «Умре царь Тахта татарский... Того же лета сяде царь Азбяк на царстве и обесерменился (то есть принял мусульманство. — Н. Б.). Того же лета князь велики Михайло Ярославич Тверский поиде в Орду, такоже и Петр, митрополит Киевский и всеа Руси, вкупе с ним поиде во Орду того ради, понеже тогда во Орде Тахта царь умре, а новый царь Азбяк сел на царстве, и вся обновишася, и вси прихожаху во Орду и ярлыки имаху, койждо на свое имя, и князи и епископи; но милостию Божию Петр митрополит во Орде у царя бысть в чести велице, и отпущен бысть от царя со многу честию вборзе, и прииде на Русь» (25, 178).

За кратким летописным известием угадывается новая вспышка страстей. Михаил пробыл в Орде более года. Его главной заботой, как и в 1304 году, было противодействие домогательствам Юрия Московского, претендовавшего на великое княжение Владимирское. Вновь Михаилу отчаянно нужны были деньги. Он вошел в столь тяжкие долги у ордынских ростовщиков, что не мог выплатить их до самого конца своей жизни. Кроме того, тверской князь взял на себя новые обязательства относительно русской дани в ханскую казну. Едва ли не каждую неделю он слал домой, в Тверь, спешных гонцов с одним-единственным требованием — денег, денег и еще раз денег...

Стремящийся к злу стремится к смерти своей.

Притчи, 11, 19.

Главным источником «серебра» для издержавшихся великих князей всегда был Новгород. Михаил Тверской, следуя заветам своего отца, был крут в обращении со спесивыми новгородскими «золотыми поясами». Он знал их слабые места и при случае бил без промаха. Где-то за год до поездки в Орду Михаил успешно разыграл «хлебную карту». Узнав о беспорядках в Новгороде (причины которых не вполне ясны), князь вывел оттуда своих наместников и захватил южные районы Новгородской земли — Торжок, Бежецкий Верх. Через эти города шло снабжение Новгорода хлебом из Средней Руси. Перекрыв подвоз хлеба, тверской князь поставил город под угрозу голода.

Между тем в самом Новгороде бушевала смута: горели дома богачей, был сожжен и разграблен торг, смещен глава городской администрации — посадник. Тлевшая под пеплом равнодушной покорности ненависть бедняков выплеснулась на улицы. Голод, которым грозила хлебная блокада, мог еще больше раздуть пожар мятежа. В этих условиях городская верхушка, как и предвидел Михаил, пошла на уступки. Архиепископ Давыд отправился на переговоры к князю. Тот назначил цену мира в полторы тысячи гривен серебра. Проклиная все на свете, новгородские богачи собрали деньги. Получив выкуп, Михаил, по выражению летописи «ворота отвори» (10, 93).

Находясь в Орде, Михаил вновь решил «потрясти» новгородцев. Его наместники стали всеми способами вымогать деньги у горожан. Однако те на сей раз не покорились. Они собрались на вече и постановили изгнать из города тверских наместников. Конечно, это была игра с огнем. Все понимали, что если Михаил вернется из Орды победителем — кое-кому в городе придется заплатить кровью за такое самоуправство. И потому никто не спешил браться за меч. Хитроумные новгородские бояре в 1314 году послали гонцов в Москву, к Юрию, приглашая его занять новгородское княжение. Юрий, уже вернувшийся из Орды, не был вполне уверен в новгород-

цах и их решимости держаться за Москву. Кроме того, он не знал, с какими полномочиями вернется из Орды Михаил Тверской. И потому обычно более скорый на дела, чем на размышления, московский князь на сей раз решил не спешить. Он тайно связался с князем Федором Ржевским и предложил ему отправиться в Новгород в качестве московского наместника. Федор изъявил полную готовность взять на себя эту рискованную миссию. Выждав еще некоторое время, Юрий велел Федору приступить к делу. Тот не медля с отрядом своих витязей двинулся в Новгород. При поддержке новгородцев он захватил тверских наместников и посадил их под стражу. После этого лихой Федор собрал новгородскую рать и вторгся с ней в тверские земли, предавая все на своем пути огню и мечу.

Между тем Михаил Тверской все еще вынужден был жить при дворе хана Узбека, ожидая решения своей судьбы. В Твери на отцовском престоле сидел сын Михаила Дмитрий. Позднее современники дали ему прозвище «Грозные Очи». Не устранившись от незваного гостя, Дмитрий с тверским войском выступил навстречу отряду Федора Ржевского. Казалось, кровопролитное сражение неизбежно...

Пыл бойцов остудила осень. Выйдя к противоположным берегам Волги близ Твери, два войска простояли шесть недель в томительном ожидании. Силы были примерно равны, и никто не хотел рисковать, переправляясь через холодную реку. Наконец был подписан мир, и противники без боя разошлись восвояси. Начинались заморозки, и жить долее в полевых шатрах было просто невозможно.

Новгородцы, безнаказанно пограбившие тверские земли и подписавшие мир «на своей воли», ощущали себя победителями. Однако они понимали, что Михаил Тверской, вернувшись из Орды, будет жестоко мстить им за содеянное. И потому они с удвоенной настойчивостью — и, вероятно, с новыми посулами — стали звать к себе Юрия Московского. Тот, поразмыслив, согласился. На сей раз он мог сделать это на законном основании, ибо по договору, подписанному после шестинедельного стояния на Волге, тверской князь согласился официально отозвать своих наместников из Новгорода. Зимой 1314/15 года Юрий прибыл в Новгород вместе с младшим братом Афанасием. В Москве вновь, как и в 1304 году, Юрий оставил брата Ивана. Он явно доверял ему больше, чем другим братьям. Иван не бежал к тверскому князю в 1307 году, как это сделали Александр и Борис. Вероятно, именно тогда Юрий решил, что в случае, если он умрет, не оставив наследника, Иван должен будет занять московский престол.

Михаил Тверской, находившийся в Орде, получил известие о действиях Юрия в Новгороде. Он доложил об этом самоуправстве московского князя хану Узбеку, а тот велел срочно вызвать Юрия в Орду для объяснений. 15 марта 1315 года Юрий выехал из Новгорода, «позван в Орду от цесаря» (10, 94).

Праздник Пасхи 23 марта 1315 года Юрий, конечно, встретил у себя дома, в Москве. Для этого ему пришлось за семь дней проскакать, меняя лошадей, около шестисот верст. Вероятно, путь его лежал в объезд тверских земель, а значит, был еще более длинным. Этот бешеный прогон был по плечу только очень крепкому всаднику. Но таким и был князь Юрий Данилович. Выехавшие вслед за ним в Орду новгородские послы оказались не столь расторопными и осмотрительными. Они были перехвачены тверичами, приведены в Тверь и брошены в темницу.

Из Москвы Юрий поехал в Ростов (22, 179). Должно быть, он хотел собрать там кое-какие деньги с ростовских князей.

Остановка в Ростове перед отъездом Юрия в Орду имела и другую, сокровенную цель. Этот город с середины XIII века стал излюбленным местом поселения для живших на Руси татар. Среди них были опальные ордынские вельможи и купцы, чиновники налоговой службы и люди из свиты знатных ордынских невест, выданных замуж за ростовских князей Глеба Васильковича и Константина Борисовича. Вся эта пестрая татарская колония имела прочные связи со своими сородичами в степях. Здесь, в Ростове, можно было узнать самые свежие новости из Орды, получить полезный совет и протекцию при ханском дворе.

Конечно, для коренных ростовцев было весьма неприятным беспокойное соседство татарской слободки. Время от времени они поднимали восстания и выгоняли татар из города. Однако те вскоре возвращались. Местные князья были заинтересованы в дружбе со «своими погаными» и оберегали их интересы.

В Ростове Юрий имел возможность переговорить со своими сородичами по линии жены. Известно, что в 1297 году он женился на дочери одного из ростовских князей. Полагают, что его тестем был князь Константин Борисович (110, 126). Имя невесты неизвестно. В браке с нею Юрий имел дочь Софью, которая позднее вышла замуж за князя Константина Михайловича Тверского.

Ростовский княжеский дом в конце XIII века разделился на две враждующие между собой группировки. Предводителем одной был князь Дмитрий Борисович, а другой — его брат

Константин. Соперники разделили не только территорию княжества, но и сам город Ростов. Однако вражда продолжалась и после раздела 1287 года. Примечательно, что князь Михаил Ярославич Тверской был женат на Анне, дочери князя Дмитрия Борисовича, тогда как Юрия Даниил Московский женил на дочери другого брата — Константина. Соответственно, оба имели собственную партию в Ростове. В 1315 году в Ростове княжил Василий Константинович. Он также в 1316 году был вызван в Орду для объяснений, возможно — по делу Юрия.

Погостив в Ростове, московский князь погнал своего коня на юг, в степи. Там ему суждено было пробыть долгих два года. На Русь он возвратился из Орды только осенью 1317 года. Эти два с лишним года Москвой управлял князь Иван. В сущности, он стал московским правителем задолго до того, как официально получил этот стол.

В то время как Юрий направлялся в Орду, его соперник Михаил Тверской уже собирался в обратный путь. Осенью 1315 года он был отпущен ханом на Русь в сопровождении татарского войска под командованием «окаянного Таитемера» (10, 94). «Поганые» должны были помочь Михаилу занять великое княжение Владимирское и утвердиться в Новгороде. Как обычно, пребывание татар сопровождалось произволом, грабежами и расправами. По замечанию летописца, ордынский «посол» «много зла учини в Русской земле» (25, 88).

Взойдя на великое княжение Владимирское и приведя к покорности всех северо-восточных князей, Михаил Тверской в конце 1315 года приступил к главному и самому трудному делу — покорению Новгорода. Огромное войско, в состав которого, помимо собственно тверских сил, входили полки «низовских» князей и татарский отряд Таитемера, готовилось выступить в поход на Торжок и дальше — на Новгород.

Жители Торжка, узнав о надвигающейся беде, обратились за помощью к новгородцам. На вече закипели жаркие споры, в которых вечная вражда между бедными и богатыми перемешивалась с распрями боярских кланов. В итоге московский князь Афанасий Данилович и его помощник Федор Ржевский выступили из Новгорода на помощь Торжку «с новгородскими бояры без черных людей» (22, 179).

Шесть недель князь Афанасий стоял в Торжке с новгородцами, ожидая похода противника и собирая сведения о его передвижении. Наконец явился и Михаил Тверской, ставший лагерем близ города. 10 февраля 1316 года Афанасий вывел войско из крепости и приготовился к битве. Михаил немед-

ленно поднял стяги и двинулся вперед. Закипела кровавая сеча.

Силы сражавшихся были явно неравны. Выйдя из крепости, храбрый Данилович заведомо обрек себя на поражение. Его могла спасти только удача, которая любит смельчаков. Но на сей раз она была занята кем-то другим...

Новгородский летописец рассказывает о битве под Торжком в своей обычной сдержанной манере. «Тогда же поиде князь Михаило со всею Низовьскою землею и с татары к Торжку; новгородци же с князем Афанасьем и с новоторжци изидоша противу на поле. Бысть же то попущением Божиим: съступившема бо ся полкома обема, бысть сеча зла, и створися немало зла, избиша много добрых муж и бояр новгородских... и купец добрых много, а иных новгородцев и новоторжцев Бог весть; а инии останок вбегоша в город и затворишася в городе с князем Афанасьем» (10, 94—95).

Остатки разгромленного новгородско-новоторжского войска укрылись в крепости Торжка. Это было мощное по тем временам сооружение. Крепость располагалась на высоком холме над рекой Тверцой. С двух сторон ее защищал глубокий овраг, по дну которого протекал ручей, а с третьей — сама река. По гребню холма высились коренастые башни, между которыми тянулись высокие беревенчатые стены с навесами, закрывавшими стоявших на них воинов. Как пограничная крепость и форпост Новгородского государства, Торжок в XIV—XV веках много раз подвергался нападениям. Старая крепость ветшала, перестраивалась. В первой половине XVII века стены Торжка имели одиннадцать башен, из которых пять были проезжими воротами, а шесть — глухими. Каждая башня имела название — Борисоглебская, Петровская, Михайловская, Тайнинская, Спаская, или Водяная, через которую горожане выходили к реке. Вероятно, примерно так же выглядела крепость Торжка и во времена Ивана Калиты.

Засевшие в Торжке новгородцы вступили в переговоры с Михаилом. Тверской князь потребовал прежде всего немедленной выдачи обоих враждебных ему князей. Осажденные «по неволи» согласились на выдачу одного лишь Федора Ржевского. Выдать Афанасия Даниловича новгородские бояре наотрез отказались, так как понимали, что в этом случае могут испортить дружественные отношения с его старшим братом Юрием Даниловичем.

Вопрос о выдаче Афанасия был снят только после того, как осажденные выплатили Михаилу Тверскому контрибуцию — «пять тысящ гривенок сребра». После этого было заключено перемирие и начались переговоры между тверича-

ми и возглавляемой Афанасием Даниловичем делегацией новгородцев. Целью переговоров было заключение прочного длительного мира. Однако в ходе переговоров Михаил выдвинул какие-то небывалые, неприемлемые для новгородцев условия («и начат с ними укреплятися чрез обычай их изстаринный. Сим же не хотящим тако крепость на себя дати») (22, 179).

Великий князь не стал вступать в долгие прения с новгородцами. Возможно, и сами непомерные требования были выдвинуты им лишь как повод для срыва переговоров. Он приказал своим людям схватить князя Афанасия Даниловича и сопровождавших его новгородских бояр, отвезти их в Тверь и там держать под крепкой стражей. Несомненно, князь нарушил при этом свои обязательства относительно безопасности участников переговоров.

Вступив на путь вероломства и безоглядного насилия, Михаил уже не мог сойти с него. Он велел продать в рабство всех захваченных в плен новгородцев за исключением взятых заложниками. У жителей Торжка отобрали всякое оружие, а сами они вынуждены были заплатить выкуп за свою свободу. Князь отыскал в городе лучших ремесленников и насильно вывез их в Тверь.

Весть о битве под Торжком через несколько дней достигла берегов Волхова. «И бысть скорбь велиа в Новеграде», — замечает летописец (22, 179). Потрясенные новгородцы не нашли сил, чтобы сопротивляться новому произволу Михаила. Он прислал в город своих наместников и заставил возвести в должность посадников (ключевой пост в городском самоуправлении) своих ставленников. Кроме того, Михаил заставил побежденных новгородцев подписать с ним мирный договор, согласно которому они признавали его своим князем. За освобождение новгородских пленников и заложников, за обязательство великого князя не нападать на Новгород и обеспечивать новгородским купцам свободную торговлю в его владениях новгородцы обязывались в четыре срока выплатить ему огромную сумму в 12 тысяч гривен серебра.

По окончании похода на Торжок ордынский посол в сопровождении великокняжеских бояр отправился в Ростов. Там он передал местному князю Василию Константиновичу вызов в ханскую ставку, а также, вероятно, хорошо отдохнул в кругу ростовских татар.

Опьяненные погромом Торжка, воины Таитемеря бесчинствовали в Ростове и «много зла подеаша». Вероятно, сопровождавшие посла тверские бояре умело направляли бесчинства татар против местных недругов своего князя.

Наконец татары Таитемеря ушли к себе в Орду. Жизнь на

Руси стала понемногу возвращаться в нормальное русло. Очень скоро Михаил понял, что его победа над Новгородом была хотя и внушительной, но далеко не окончательной. Летом 1316 года в Новгороде вспыхнуло восстание против тверского князя. Его наместники были изгнаны из города, а доброхоты князя из числа самих новгородцев были казнены традиционным способом — сброшены с Великого моста в Волхов со связанными руками и ногами.

Узнав об этом, Михаил немедленно стал готовить большой поход на непокорный город. Для начала он разграбил область Волока Ламского (современный город Волоколамск в 110 км к северо-западу от Москвы) — территорию, издавна принадлежавшую Новгороду. После этого великий князь «со всею землею Низовскою» пошел на Новгород.

Новгородские бояре поняли, что в этом бою будет решаться судьба их независимости. Забыв прежние распри и уняв спесь, они обратились за помощью ко всем городам и волостям Новгородской земли. И земля услышала этот призыв. В Новгород пришли отряды из Пскова, Старой Руссы, Ладоги, а также от неславянских племен края — корелы, ижоры, води. Готовясь к обороне, новгородцы выстроили новый острог «около города по обе стороны» (10, 95).

Михаил Тверской остановил свое войско в селе Устьяны на Ловати, не доходя верст 50 до Новгорода. Здесь он прекратил поход и велел всем возвращаться по домам.

Что было причиной столь неожиданного поворота событий? Новгородские летописцы объясняли это вмешательством небесных сил. Горожане горячо молились, калялись в грехах. «Господь же Бог и пречистая Богородица услышавше моление их, и не попустиша на них ратьным быти». Некоторые интересные подробности сообщает в своей «Истории Российской» далекий от провиденциализма В.Н. Татищев: «Князь же великий, пришед на усть Цны, первее сам заболел, потом прииде мор на кони. Слышав же, яко Юрий московский готовится на нь со братиею, хотяще волость его погубити, возвратися во Тверь» (38, 74).

Обратный путь Михайлова войска был столь же неудачен. «И поиде по неведомым местом и по незнаемым путем, и заблудишася в злых лесех, и в болотех и во озерах, дондеже приидоша на Волоть (то есть на реку Ловать. — Н. Б.), и тамо стоаше в великой печали и скръби. И бысть в них глад велий, понеже и кожи ядыху, и голенища и ремениа жваху, и мнози от глада изомроша, оставшии же много зла пострадаша, а друзии пеши едва приидоша в дома своя» (22, 180). Так рассказывает московская летопись.

Новгородский летописец, повествуя о неудаче Михаила, не только с явным удовлетворением живописует бедствия тверичей, но и проводит аналогию с событиями I века нашей эры, когда иудеи, распявшие Иисуса Христа, были наказаны Богом, пославшим на них римское войско во главе с императором Веспасианом и его сыном Титом. «Князь же Михаилу, не дошед города, ста в Устьянех; и тако мира не возмьа, поиде прочь, не успев ничтоже, нь болшую рану (то есть несчастье, горе. — Н. Б.) възприим; възвратися назад, и заблудиша во озерех, в болотех; и начаша измирати гладом, и ядыху конину, а инии, с щитов кожо сдирающе, ядыху, а снасть свою всю пожгоша; приидоша пеши в домы своя, примшше рану, якоже древле иерусалимляне, внегда предасть я Бог в руце цесарю Титу Римьску» (10, 337).

История о том, как Бог наказал иудеев нашествием римлян и разрушением Иерусалима (ярко и подробно изложенная в хорошо известной в Древней Руси книге римского историка Иосифа Флавия «Иудейская война»), была прямой аналогией с нашествием татар на Русь. Это уподобление и вытекающие из него идеи, переплетаясь с темой «вавилонского плена», очень часто встречались в русской общественной мысли XIII—XIV веков.

Возвращение Михаила из-под Новгорода было столь поспешным, что он фактически бросил на произвол судьбы своих лишившихся коней воинов, которые заплутались в дремучих новгородских лесах и едва добрали домой пешком. Единственное, что могло заставить его поступить так безоглядно, — весть о движении московского войска к Твери. На это прямо указывает и Татищев: «Слышав же, яко Юрий московский готовится на нь со братиею» (38, 74). Необходимо только учесть, что сам Юрий был в это время в Орде, Афанасий — в тверской тюрьме, Борис — в Нижнем Новгороде, а Александр — в могиле. Таким образом, военную акцию против Твери (или ее имитацию) мог осуществить только Иван Данилович, оставленный Юрием в Москве. Своими действиями он спас Новгород от угрозы полного разгрома и потери независимости. Одновременно он нанес первый тяжелый удар могуществу Твери. Неудача Михаила в этом походе во многом предопределила и его дальнейшие несчастья, и в конечном счете гибель.

Судя по тому, как серьезно воспринял Михаил весть о намерениях московичей, он считал Ивана способным на быстрые и дерзкие предприятия.

Едва ли Иван за короткий срок успел снестись с Юрием и получить от него распоряжения. Видимо, он действовал

самостоятельно, но при этом уже знал, что брат находится в милости у хана...

За время своего пребывания в Орде в 1315—1317 годах Юрий сделал неожиданный и удачный ход. Овдовевший к этому времени 34-летний московский князь посватался к сестре Узбека Кончаке. Это был далеко не первый случай, когда русские князья вступали в родственные отношения с «погаными». Еще в домонгольской Руси браки между Рюриковичами и невестами степного происхождения были довольно обычным делом. На половчанках были женаты Юрий Долгорукий и его внук Ярослав Всеволодович. Татары стали наследниками половцев в степях. И вполне понятно, что смешанные браки вскоре возобновились.

Первым среди русских князей был удостоен чести породниться с татарами ростовский князь Глеб Василькович. В 1257 году он «оженися в Орде» (25, 71). Его примеру позднее последовали племянник Константин Борисович Ростовский и внук Федор Михайлович Белозерский. Вторым браком женился на ханской дочери ярославский князь Федор Черный. Тем же путем последовал и сын великого князя Андрея Городецкого Михаил.

Конечно, для подневольных русских князей браки в Орде были как правило вынужденным, корыстным решением. Этой унижительной очевидности не могли скрыть ни обязательное крещение невесты по православному обряду, ни, быть может, прекрасные семейные отношения. Сложные, противоречивые чувства, которые вызывали у современников такие брачные союзы, как и вообще личная близость с татарами, хорошо отразились в летописном некрологе ростовского князя Глеба Васильковича, умершего в 1277 году. Его несомненное унижение летописец оправдывает как самопожертвование во имя спасения русских людей от произвола татар. «... Преставился князь Глеб Василькович Ростовский, жив от рождения своего лет 41. Сей от уности своея, по нахождении поганых татар и по пленении от них Русскыя земля, нача служити им и многи христианы, обидимыа от них, избави и печалныа утешая, брашно свое и питие нещадно требующим подавая, и многу милостыню нищим, убогим, сиротам, вдовицам, маломощным подаваше» (25, 76).

Особенно распространены были ордынские браки среди ростовских князей. И если справедливо предположение А. В. Экземплярского о том, что Юрий Данилович был женат первым браком на дочери князя Константина Борисовича Ростовского, — то, значит, в своем семейном выборе он последовал примеру тестя. Тот, овдовев, женился вторым

браком в 1302 году в Орде на дочери знатного татарина Кутлукортки.

Хан Узбек любил устраивать выгодные брачные союзы. Известно, что в 1320 году он выдал свою дочь Тулунбай замуж за египетского султана. Жениху пришлось уплатить за невесту огромный выкуп — 30 тысяч динаров. Однако, получив невесту, султан вскоре разочаровался в ее достоинствах. Прогнав ее от себя, он велел жениться на ней одному из своих эмиров. На запрос разгневанного тестя султан ответил, что его жена умерла (124, 439).

Конечно, Юрий Данилович был жених помельче, чем египетский султан. Но и ему пришлось, должно быть, заплатить хану хороший калым. Только после этого Узбек разрешил ему взять в жены Кончаку. Приняв крещение с именем Агафии, правнучка Чингисхана стала московской княгиней.

Князь Юрий долго размышлял над тем, какое имя дать своей новой жене при крещении. В конце концов он был больше всех заинтересован в том, чтобы это имя было звучным, красивым и принятым в княжеских семьях. Имя Агафия (в переводе с греческого — «добрая») вполне отвечало этим требованиям.

Обычно имя давалось новокрещенным по тому святому, память которого праздновалась в день крещения. По-видимому, и Кончака была крещена в день памяти святой Агафии. Этот день по месяцесловам той эпохи был только один раз в году — 5 февраля (96, 9). Конечно, крещение состоялось накануне свадьбы, а сама свадьба — в воскресенье. Именно такая комбинация имела место в 1317 году. В субботу, 5 февраля 1317 года, Кончаку окрестили, а на другой день, в «неделю мясопустную», обвенчали с князем Юрием.

Осенью 1317 года Юрий с молодой женой вернулся на Русь. Хан Узбек в виде свадебного подарка передал ему ярлык на великое княжение Владимирское. С Юрием был сильный отряд татар во главе с «послами» Кавгадыем, Астрабылом и Остревом. Они шли вдоль Волги, направляясь, вероятно, к Твери. Получив весть о появлении Юрия, князь Михаил созвал на совещание «суздальских», то есть, видимо, всех послушных ему северо-восточных князей. Они изъявили готовность встать за права Михаила с оружием в руках. Тверской князь понимал, что его спасение только в наступлении. Если Юрий утвердится на великокняжеском столе во Владимире и приведет к присяге прочих князей, его сила многократно возрастет. И тогда он непременно организует поход объединенной армии всех северо-восточных князей вместе с новгородцами на Тверь. Предотвратить такой исход событий Михаил мог только стремительным разгромом Юрия. Но вместе

с тем он боялся поднять оружие на шедших с Юрием татарских «послов».

С большим войском Михаил встретил Юрия близ Костромы. Сам факт готовности тверского князя и союзных ему князей к сопротивлению ханским «послам» весьма примечателен. В этих первых, осторожных стычках с татарами понемногу возрождалось утраченное достоинство русских князей.

Два войска долго стояли друг против друга на берегах Волги. Никто не хотел быть в уязвимой роли нападающего. Наконец, Юрий решил не испытывать более судьбу и объявил о своем отказе от претензий на великокняжеский титул в пользу Михаила. После этого тот ушел назад, в Тверь.

(Летописи противоречиво излагают эти события. Некоторые из них говорят, что во время этой встречи благоразумие проявил не Юрий, а Михаил, добровольно отказавшийся от великого княжения Владимирского.)

Михаил понимал, что Юрий не остановится на полпути. Москве нужен был полный разгром Твери. Однако Юрий хотел получше подготовиться к новой войне и тянул время. Осознав это, Михаил принялся спешно строить новые городские укрепления («и заложи болший град кремленик»). Вероятно, Михаил надеялся на переменчивость судьбы и на то, что Юрий не сумеет выполнить тех обязательств, которые он давал Узбеку, выпрашивая великое княжение. Подобно тому как раньше время работало на Юрия, теперь оно стало союзником Михаила.

Но и Юрий понимал, что должен спешить. После ухода Михаила он вернулся в Москву. Здесь он встретился наконец с братом Иваном, которого не видел более двух лет. Встреча эта была теплой. Иван исполнил поручение Юрия: сберег Москву и Московское княжество, не дал Михаилу Тверскому утвердиться в Новгороде.

Тотчас по приезде в Москву Юрий принялся за дело. Он отправил гонцов ко всем князьям с требованием явиться с полками к Костроме для совместного похода на Тверь.

Кострома не случайно стала местом сбора сил Юрия. Этот город и прилегающие к нему волости входили в состав территории великого княжения Владимирского. Расположившись именно здесь, Юрий тем самым наглядно показывал всем, что он как бы уже занял великокняжеский престол. Кроме того, Юрию, конечно, хотелось держать буйных татарских «послов» подальше от московских земель. Там, где проходили, а тем более останавливались эти «послы», обычно оставались одни пепелища. Вероятно, там, у Костромы, на приволжских пойменных лугах, Юрий и оставил отряд Кав-

гадья, уехав в Москву. Прежние союзники Михаила Тверского, князья суздальские, поразмыслив, присоединились к Юрию. Новгородцы поначалу заняли позицию выжидательного нейтралитета, так как не были уверены в успехе Юрия и боялись нового тверского нашествия. Поддержка новгородской знати, «золотых поясов» была очень важна для Юрия. И потому он послал к ним для переговоров осенью 1317 года своего брата Ивана.

Вероятно, это был второй (после 1296 года) приезд князя Ивана в Новгород. В будущем ему много придется тягаться с непокорными северянами. Но на сей раз все прошло удачно. Желая убедить осторожных новгородцев в том, что за ним стоит Орда, Юрий, кроме брата, отправил в Новгород и татарского вельможу Телебугу.

Новгородцы согласились с доводами Ивана и Телебуги. Их войско вышло на помощь Юрию и в полной готовности стало в Торжке, на границе тверских земель.

Осенью 1317 года над Тверью появилось странное, пугающее знамение. «Тое же осени бысть знамение на небеси, месяца сентября, в день суботный до обеда: круг над градом над Тверью, мало не съступился на полнощь, имея три лучи: два на восток, а третей на запад» (22, 180). Перепуганные жители в страхе ждали худшего. Но князь Михаил сохранял присутствие духа и энергично готовился к обороне города.

Настали первые морозы, сковавшие осеннюю хлябь дорог. И Юрий немедленно начал долгожданную войну. Его войско двинулось из Костромы на Тверь через Ростов, Переяславль, Дмитров и Клин. Новгородцы вторглись в тверские земли с севера. Горели села и деревни, кричали люди, уходили в глухие чащи лесные звери. Победители убивали, грабили, насиловали, захватывали пленных, угоняли скот...

Михаил с дружиной затворился в новой тверской крепости, штурмовать которую москвичи не решились. Юрий стоял лагерем в восьми верстах от города пять недель. Татарские «послы» ездили к Михаилу в крепость для переговоров, но, по замечанию летописца, «с лестию» (22, 181). Вероятно, они уговаривали его лично встретиться с Юрием. Опасаясь западни, Михаил не шел ни на какие встречи и уступки. Устав от бесплодного ожидания, Юрий распустил свои отряды по всему Тверскому княжеству для полного его разорения.

Узнав о бесчинствах москвичей, Михаил не стерпел. Он вышел из крепости с войском, двинулся на Юрия и настиг его в 40 верстах от Твери. Здесь, на берегу Волги, у села Бортенева, 22 декабря 1317 года произошла «битва велиа». Ярость тверичей удваивала их силы. В «злой сече» они раз-

громили войско Юрия. Сам московский князь с небольшим отрядом («в мале дружине») на отборных конях ускакал с поля боя. Битва произошла «в вечернюю годину», то есть уже в сумерках короткого декабрьского дня. Наступившая темнота спасла Юрия. Он ушел от погони, и след его затерялся в дремучих заволжских лесах.

Среди пленных, захваченных тверичами после Бортеневской битвы, оказалась жена Юрия Агафия и его брат Борис Данилович Нижегородский. Их отправили в Тверь и там содержали под стражей.

Ханский «посол» Кавгадый со своим отрядом участвовал в битве на стороне Юрия. Однако, увидев, что москвичи терпят поражение, татары обратились в бегство. «А Кавгадый повеле дружине своей стяги поврещи, и неволею сам побежа в станы» (22, 181).

На другой день Кавгадый прислал к Михаилу с предложением мира. Князь, не желавший портить отношений с татарами, не только охотно принял предложение, но и пригласил Кавгадыя со всеми его татарами в Тверь. Там он угощал и чествовал своих недавних врагов. Татары уверяли Михаила, что приходили с Юрием не как послы от хана, а по своей воле. Такое вполне могло быть в то смутное, беспорядочное время.

«Князь Михайло же Ярославич Тверский татар Кавгадыевых избивати не повеле, но приведе их во Тверь, и многу честь въздаде Кавгадыю и татаром его, а они лстяху, глаголюще: «Мы отныне твои есмя, а приходили есмя на тебя со князем Юрием без повеления царева, и в том есмя виновати, и боимся от царя опалы, что есмя таково дело сотворили и многу кровь пролили». Князь же Михайло Ярославич ят веры им (то есть поверил им. — *Н. Б.*), и многими дары одари их, и отпусти их с честью» (24, 181).

Летописец в подробностях описал эту историю, так как считал ее своего рода прологом к обширному трагическому повествованию о гибели князя Михаила Тверского в Орде в 1318 году.

В то время как Михаил пировал с татарами Кавгадыя, Юрий лесными тропами пробрался к Новгороду и ударил челом новгородцам о помощи. Московский князь «прибежа в Новьгород, и позва всех новгородчов с собою, и идоша с ним весь Новгород и Плесков, поимше с собою владыку Давыда (новгородского архиепископа. — *Н. Б.*); и пришедше на Волгу» (10, 338).

Михаил узнал о том, что Юрий с новгородцами вновь появился в тверской земле. Собрав воинов, он встретил врага у брода через Волгу. Два войска стояли на берегах замерзшей

реки, перестреливаясь и обмениваясь парламентарями. Никто не хотел испытывать судьбу в новом сражении. К тому же новгородцы помнили, что в тверской тюрьме находятся заложники — их друзья и родичи, взятые в плен в Торжке в феврале 1315 года.

Михаил, поверив Кавгадыю, решил, что Юрий начал войну с ним без ханского дозволения. Поэтому он предложил московскому князю перенести дело на суд Орды. Юрий согласился, надеясь на милость Узбека. В итоге князья заключили перемирие и целовали крест на том, что оба прекратят военные действия и поедут в Орду. С этим Михаил пропустил Юрия в Москву через свои земли и выпустил из тверской темницы «братью Юрьеву» — Бориса и Афанасия Даниловичей (18, 257). В условия договора входило и освобождение новгородских бояр, взятых в плен вместе с Афанасием. Но самым важным для Юрия было то, что тверичи обязались отпустить его жену княгиню Агафию. Однако в этом последнем они не сдержали слова. Вскоре после заключения волжского договора Агафия умерла в тверском плену. Новгородская Первая летопись сохранила распространившийся в связи с этим упорный слух, что ханскую сестру в Твери «смерти придаша» (10, 96). Владимирский летописец выражается еще определеннее: в Твери жена Юрия «зелием уморена бысть» (31, 103). Не все верили этих слухам. Никоновская летопись по поводу отравления Агафии осторожно замечает: «Иные же глаголют» (22, 181). Но сам Юрий, кажется, не имел сомнений относительно причин смерти жены. С этого времени между ним и Михаилом вспыхнуло то «нелюбие велие» (то есть лютая ненависть), которое в конечном счете свело их обоих в могилу (22, 182).

Смерть Агафии поставила тверичей в довольно сложное положение: им вовсе не хотелось выглядеть убийцами ханской сестры. Кроме того, они не знали, что делать с телом несчастной.

Князь Михаил Тверской отправил в Москву с известием о кончине Агафии своего боярина Александра Марковича. Тот ехал с «посольством о любви» (22, 182). Но сообщать дурные вести всегда было делом неблагодарным. В приступе ярости Юрий приказал убить тверского посла. Из летописного текста можно понять, что он сделал это своими руками...

Убийство посла было тягчайшим оскорблением тому, кто его отправил. После этого никаких переговоров между Юрием и Михаилом быть уже не могло. Не желая оставлять у себя в Твери тело Агафии, князь Михаил велел отвезти его в Ростов и похоронить там с честью в княжеской усыпальнице —

городском Успенском соборе. Вероятно, в этом решении отразились родственные связи Агафии с ростовскими татарами, среди которых были и потомки самого Чингисхана.

Роковой спор князей близился к трагическому исходу. Но прежде свое слово должен был сказать «вольный царь» — хан Узбек. Юрий с братом Афанасием, новгородцами и многочисленной свитой, включавшей всех врагов Михаила, первым отправился в Орду. Это произошло в конце весны — начале лета 1318 года. Москву он, как обычно, оставил на попечение Ивана. Михаил Тверской, отправив вперед себя 12-летнего сына Константина, замешкался. Он хотел собрать побольше даров для ханского двора. К тому же его, вероятно, задержал мор, свирепствовавший в это время в Твери.

Медлительность Михаила была его серьезной ошибкой. Враги во главе с Юрием и его приятелем татарским воеводой Кавгадыем успели настроить хана и его окружение против тверского князя.

Михаил выехал из Твери в Орду 1 августа 1318 года, во вторник. В этот день по церковному календарю был праздник Спаса Всемилоственного. Именно Спасу был посвящен городской собор в Твери. Установление праздника Спаса в день 1 августа связано с победой Андрея Боголюбского над болгарями в 1164 году. Избрав этот день для отъезда, Михаил как бы отдавал себя под покровительство Всемилоственного Спаса. И сам князь, и вся его семья предчувствовали недоброе. Княгиня Анна с младшим сыном Василием провожала мужа до устья реки Нерль Волжская. Вдоль Нерли до Переяславля и далее «волоком» до другой Нерли, Клязьменской, шел кратчайший путь из Твери во Владимир. Когда-то этим путем возили на ладьях белый камень, добытый в старицких каменоломнях для строительства владимирских соборов. Но с приходом татар строительство замерло, и теперь только заросшие бурьяном кучи белых камней, видневшиеся кое-где по берегам Нерли, напоминали о былом расцвете стольного Владимира.

Старшие сыновья Михаила Дмитрий и Александр провожали отца до Владимира и здесь простились с ним.

Заметим, что маршрут, по которому ехал Михаил в свой последний путь (через Переяславль и Владимир), свидетельствует о том, что именно он занимал в это время великокняжеский престол.

Казнь Михаила Ярославича Тверского в Орде 22 ноября 1318 года — один из самых драматических моментов московско-тверского противостояния. Это событие послужило

темой для особой повести, созданной в Твери вскоре после 1318 года. Сам Михаил был причислен церковью к мученикам за православную веру, за Русскую землю.

Вот как рассказывает о гибели Михаила Тверского в своей «Истории России» С. М. Соловьев:

«Начальником всего зла летописец называет Кавгадыя: по Кавгадыеву совету Юрий пошел в Орду. Кавгадый наклеветал хану на Михаила, и рассерженный Узбек велел схватить сына Михайлова, Константина, посланного отцом перед собою в Орду; хан велел было уморить голодом молодого князя, но некоторые вельможи заметили ему, что если он умертвит сына, то отец никогда не явится в Орду, и Узбек приказал выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то он боялся присутствия Михайлова в Орде и послал толпу татар перехватить его на дороге и убить; но это не удалось; чтоб воспрепятствовать другим способом приезду Михайлову, Кавгадый стал говорить хану, что тверской князь никогда не приедет в Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на его войско. Но в августе 1318 года Михаил отправился в Орду, и когда был во Владимире, то явился туда к нему посол из Орды, именем Ахмыл, и сказал ему: «Зовет тебя хан, поезжай скорее, поспевай в месяц; если же не приедешь к сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавгадый обнес тебя перед ханом, сказал, что не бывать тебе в Орде». Бояре стали говорить Михаилу: «Один сын твой в Орде, пошли еще другого». Сыновья его, Дмитрий и Александр, также говорили ему: «Батюшка! не ездь в Орду сам, но пошли кого-нибудь из нас, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнев его пройдет». Михаил отвечал им: «Хан зовет не вас и никого другого, а моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души». Давши ряд сыновьям, разделив им отчину свою, написавши грамоту, Михаил отправился в Орду, настиг хана на устье Дона, по обычаю, отнес подарки всем князьям ордынским, женам ханским, самому хану и полтора месяца жил спокойно; хан дал ему пристава, чтоб никто не смел обижать его. Наконец Узбек вспомнил о деле и сказал князьям своим: «Вы мне говорили на князя Михаила: так рассудите его с московским князем и скажите мне, кто прав и кто виноват». Начался суд; два раза приводили Михаила в собрание вельмож ордынских, где читали ему грамоты обвинительные: «Ты был горд и непокорлив хану нашему, ты позорил посла ханского Кавгадыя, бился с ним и татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к

немцам с казною и казну в Рим к папе отпустил, княгиню Юрьеву отравил». Михаил защищался; но судьи стояли явно за Юрия и Кавгадыя; причем последний был вместе и обвинителем и судьей. В другой раз Михаила привели на суд уже связанного; потом отобрали у него платье, отогнали бояр, слуг и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханом, который ехал на охоту; по ночам руки у Михаила забивали в колодки, и так как он постоянно читал Псалтирь, то отрок сидел перед ним и перевертывал листы. Орда остановилась за рекою Терекон, на реке Севенце, под городом Деяковым, недалеко от Дербента. На дороге отроки говорили Михаилу: «Князь! Проводники и лошади готовы, беги в горы, спаси жизнь свою». Михаил отказался. «Если я один спасусь, — говорил он, — а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?» Уже двадцать четыре дня Михаил терпел всякую нужду, как однажды Кавгадый велел привести его на торг, созвал всех заимодавцев, велел поставить князя перед собою на колени, величался и говорил много досадных слов Михаилу, потом сказал ему: «Знай, Михайло! Таков ханский обычай: если хан рассердится на кого и из родственников своих, то также велит держать его в колодке, а потом, когда гнев минет, то возвращает ему прежнюю честь; так и тебя завтра или послезавтра освободят от всей этой тяжести, и в большей чести будешь»; после чего, обратясь к сторожам, прибавил: «Зачем не снимете с него колоды?» Те отвечали: «Завтра или послезавтра снимем, как ты говоришь». — «Ну по крайней мере поддержите колоду, чтоб не отдала ему плеч», — сказал на это Кавгадый, и один из сторожей стал поддерживать колоду. Наругавшись таким образом над Михаилом, Кавгадый велел отвести его прочь; но тот захотел отдохнуть и велел отрокам своим подать себе стул; около него собралась большая толпа греков, немцев, литвы и руси; тогда один из приближенных сказал ему: «Господин князь! Видишь, сколько народа стоит и смотрит на позор твой, а прежде они слышали, что был ты князем в земле своей; пошел бы ты в свою вежу». Михаил встал и пошел домой. С тех пор на глазах его были всегда слезы, потому что он предугадывал свою участь. Прошел еще день, и Михаил велел отпеть заутреню, часы, прочел со слезами правило к причащению, исповедался, призвал сына своего Константина, чтобы объявить ему последнюю свою волю, потом сказал: «Дайте мне Псалтирь, очень тяжело у меня на душе». Открылся псалом «Сердце мое смутится во мне, и страх смертный прииде на мя». «Что значит этот псалом?» — спросил князь у священников; те, чтоб не смутить его еще больше, указали ему на другой псалом:

«Возверзи на господя печаль свою, и той ты пропитает и не даст вовеки смятения праведному». Когда Михаил перестал читать и согнул книгу, вдруг вскочил отрок в вежу, бледный, и едва мог выговорить: «Господин князь! Идут от хана Кавгадый и князь Юрий Данилович со множеством народа прямо к твоей веже!» Михаил тотчас встал и со вздохом сказал: «Знаю, зачем идут, убить меня», — и послал сына своего Константина к ханше. Юрий и Кавгадый отрядили к Михаилу в вежу убийц, а сами сошли с лошадей на торгу, потому что торг был близко от вежи, на перелет камня. Убийцы вскочили в вежу, разогнали всех людей, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену, так что вежа проломилась; несмотря на то, Михаил вскочил на ноги, но тогда бросилось на него множество убийц, повалили на землю и били пятами нещадно; наконец один из них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце. Вежу разграбили русь и татары, тело мученика бросили нагое. Когда Юрию и Кавгадыю дали знать, что Михаил уже убит, то они приехали к телу, и Кавгадый с сердцем сказал Юрию: «Старший брат тебе вместо отца; чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?» Юрий велел своим прикрыть тело, потом положили его на доску, доску привязали к телеге и перевезли в город Маджары; здесь гости, знавшие покойника, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и поставить в церкви с честью, со свечами, но бояре московские не дали им и поглядеть на покойника и с бранью поставили его в хлеве за сторожами; из Маджар повезли тело в Русь, привезли в Москву и похоронили в Спасском монастыре. Из бояр и слуг Михайловых спаслись только те, которым удалось убежать к ханше; других же ограбили донага, били как злодеев и заковали в железа» (122, 214—217).

Унижения князя Михаила Ярославича в Орде, его мученическая кончина породнили его с народом, от которого он прежде был отгорожен незримой стеной сословного отчуждения и зримой стеной высокомерных придворных и телохранителей.

Три князя-мученика — Михаил Всеволодович Черниговский (казнен в 1246 году), Роман Ольгович Рязанский (казнен в 1270 году) и Михаил Ярославич Тверской (казнен в 1318 году) — словно три вехи, отметившие крестный путь Руси через самый страшный период ее истории. Они продолжили ряд русских святых, начатый страстотерпцами Борисом и Глебом.

Русский народ всегда сочувствовал жертве, не забываясь о

том, заслуживает ли она его сочувствия. Победитель в жизни всегда оказывался побежденным в истории, в памяти народа. Из жестокой княжеской распри родился миф о проигравшем тверском князе как о носителе свободного, светлого начала. Печальная судьба победителя настигла князя Юрия Даниловича — главного соперника Михаила, виновника его гибели. В памяти потомков он остался холопом и негодяем, тогда как Михаил — благородным рыцарем, жертвой клеветы и злобы.

Конечно, Юрий и сам немало потрудился, чтобы снискать такую горькую славу. Чего стоит одно лишь его надругательство над телом Михаила, которое он захватил как трофей и за выдачу которого впоследствии требовал от тверичей каких-то уступок или выкупов. Но ведь и Михаил, обманом захватив когда-то братьев Юрия, торговал ими как товаром. «Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6, 7).

Конечно, одно дело — торговля живыми, а другое — мертвыми. Юрий никогда не понимал некоторых тонкостей духовного мира человека. И все же в жизни, а не в легенде, Юрий недалеко ушел от Михаила, а Михаил — от Юрия. Оба они, всю жизнь мечтавшие победить друг друга, были побеждены общим врагом, имя которому — князь тьмы.

Мудрый старец митрополит Макарий, под началом которого составлялась «Степенная книга», так рассказал о вражде Юрия Московского и Михаила Тверского: «И тогда мног мятеж бысть во князех Руських наипаче же в начальствующих державных, овогда кождо собою межоусобную брань составляху. К сим же тогда великий князь Михаил Ярославич Тверский и безбожьных татар привождаше, тако же и великий князь Юрьи Данилович тех же татар в помощь имея себе; и тако множеству христианскому, иже во отечестве их, велика пагуба и пленения быша. И в таковых межоусобных крамолах убиен бысть во Орде великий князь Михаил Ярославич» (26, 316).

Летом 1319 года ростовский епископ Прохор по поручению нового великого князя Владимирского ездил в Тверь, где передал предложение Юрия: встретиться с одним из сыновей Михаила для переговоров. Дмитрий Михайлович, старший сын Михаила, не захотел встречаться с Юрием. Второй сын, Александр, лишь получив гарантии безопасности от ростовского епископа и авторитетного князя Федора Ивановича Стародубского, также посланного к нему Юрием, приехал во Владимир. Там он заключил с Юрием договор, условия которого нам неизвестны. Не приходится сомневаться в том, что они были тяжелы для Твери. Признав Юрия великим князем Владимирским, тверичи получили, наконец, гроб с телом Михаила, находившийся дотоле в Москве. Были отпущены

захваченные Юрием после казни Михаила тверские бояре из его свиты, а также сын Михаила Константин. Всех их Юрий пригнал из Орды в Москву в 1319 году «яко полон», то есть под стражей и, вероятно, связанными.

6 сентября 1319 года тверичи встречали печальную процессию с телом князя Михаила Ярославича. По зловещей иронии судьбы это был день его имени — праздник Воспоминание чуда святого архистратига Михаила в Хонех. В этот день ровно год назад князь прибыл в Орду. Похоронили князя-мученика на берегу Волги, в построенном им вместе с матерью белокаменном Спасо-Преображенском соборе.

В то время как над притихшей Тверью плыл заунывный погребальный звон, в Москве Даниловичи потирали руки и весело глядели в будущее. Впрочем, Юрию не давала покоя одна горькая мысль. В наказание за его грехи Господь не дал ему сына, наследника всех дел и трудов. Со смертью Агафий Юрий потерял надежду передать московский престол своим собственным потомкам: церковные каноны воспрещали третий брак. Казалось, само Провидение устранило еще одно препятствие на пути московского князя Ивана к вершинам земной власти...

*В недобрых борьбах злосчастнее тот,
кто победил.*

Василий Великий

Эти слова святого Василия Великого, должно быть, часто приходили на ум князю Ивану, когда он размышлял о судьбе своего брата Юрия. Избавившись от Михаила Тверского, Юрий мог наконец торжествовать победу и пожинать ее плоды. Однако судьба, словно в наказание за гибель Михаила, готовила ему тяжкие испытания.

Самым невыносимым для князя Юрия было одиночество. И дело было не только в отсутствии той повседневной семейной теплоты, которая размягчает сердце, делает его более отзывчивым к добру. Для человека Средневековья, воспитанного на библейских представлениях о роде как высшей ценности, это была не только личная обездоленность, но и социальная неполноценность.

И словно в насмешку над Юрием в счастливой семье у брата Ивана рождался один сын за другим. (Летописи не сообщают дату женитьбы Калиты. Известно лишь, что его первую жену звали Елена. Некоторые историки считают ее дочерью смоленского князя Александра Глебовича (43, 36). 7 сентября 1317 года в семье Калиты появился на свет первый сын, Симеон, в просторечии Семен. А два года спустя, 11 декабря 1319 года, княгиня Елена подарила Ивану второго сына, нареченного Даниилом.

Два других брата, Афанасий и Борис, так же, как и Юрий, не имели сыновей. Казалось, какое-то проклятье тяготеет над домом Даниила. И только один из Даниловичей, Иван, сподобился стяжать милость Божию...

Долгожданная великокняжеская власть невыносимым бременем легла на плечи Юрия Даниловича. Словно толпа неотступных заимодавцев, заботы терзали его днем и ночью. Ему приходилось действовать одновременно на нескольких направлениях, главным из которых был Новгород. Едва успев получить от хана ярлык на великое княжение Владимирское, Юрий прямо из Орды отправил туда своего брата Афанасия в качестве наместника (18,258). Новгород-

цы хорошо знали его по войне 1315 года и согласились с выбором Юрия.

Из Орды Юрий вернулся на Русь весной 1319 года. Приехав во Владимир, он торжественно взошел на великое княжение. Сюда, во Владимир, к Юрию приезжал для переговоров князь Дмитрий Михайлович Тверской. Гарантом безопасности тверского князя и посредником выступил ростовский епископ Прохор. Из этого можно сделать вывод, что митрополит Петр был тогда в Юго-Западной Руси. В противном случае кому как не ему следовало бы выступить в роли миротворца? Ведь Владимир находился в его митрополичьей епархии. Да и гарантии Петра были бы гораздо весомее тех, что мог дать епископ Прохор. По-видимому, Прохор был оставлен в качестве первоиерарха Северо-Восточной Руси на время отсутствия митрополита.

Утвердившись во Владимире, князь Юрий отправился в Ростов. Здесь он постоял над могилой жены, помолился у раки с мощами преподобного Леонтия Ростовского в Успенском соборе. Но не только личные чувства привели великого князя в Ростов. Город в эти годы служил яблоком раздора между местными князьями, а также между Москвой и Тверью. В борьбу враждовавших семейств вовлекались ростовские и ордынские татары. Источники не позволяют проследить всех перипетий этой многолетней тяжбы. Однако ясно, что частые приезды московских князей Даниловичей в Ростов — как мирные, так и воинственные — были связаны с местными усобицами и спором за ростовское наследие.

Из Ростова Юрий поехал в Новгород, где совершилась его интронизация в качестве новгородского князя. Недолго пробыв на берегах Волхова, новый правитель Северо-Восточной Руси отбыл обратно. Наместником своим Юрий по-прежнему оставил Афанасия. В Низовских землях Юрия ждали новые заботы, и прежде всего — тверские и ордынские дела.

В Твери после гибели Михаила Ярославича престол занял его старший сын — 20-летний Дмитрий. Согласно завещанию Михаила Тверского (реконструированному на основе более поздних сведений о тверских уделах В. А. Кучкиным) Тверское княжество было разделено следующим образом. Старший сын, Дмитрий, получил тверской стол и земли вокруг Твери; второй сын, Александр, — южные области Тверского княжества с городами Зубцов, Старица, Холм и Микулин; третий сын, Константин, был пожалован обширными, но слабо заселенными областями на северо-западе княжества; наконец, младший, Василий, получил восточные районы, центром которых был Кашин (91, 180).

Тверские Михайловичи собирались с силами, вынашивали планы мести. Однако главной причиной тревог Юрия были новые идеи и настроения хана.

Исследования историка И. Б. Грекова убедительно показывают, что «русская политика» правителей Золотой Орды всегда была составной частью их восточноевропейской политики. Решения, относящиеся к Руси, принимались только с учетом общего расклада сил в Восточной Европе. Необходимо также отметить, что в политических отношениях того времени большое значение играли династические браки. Только исходя из этих двух посылок можно понять причины падения Юрия Московского и неожиданного возвышения его брата Ивана.

Хан Узбек отчетливо понимал, что в Восточной Европе происходит быстрая консолидация крупных государственных образований — Великого княжества Литовского, королевств Польши и Венгрии. Среди многих причин этого явления не последней была угроза немецкой и татарской экспансии. В начале XIV века особенно быстро росла Литва, где правил великий князь Гедимин (1316—1341). Его многочисленные сыновья и дочери вступали в браки с детьми правителей соседних земель, создавая тем самым новые возможности для литовской дипломатии. Так, например, в 1318 году правивший в Витебске (удел Полоцкого княжества) князь Ярослав Васильевич выдал свою дочь замуж за сына Гедимины Ольгерда. А уже через два года витебский князь умер и городом завладел его зять (44, 38). В начале 1320-х годов другой сын Гедимины, Любарт, женился на дочери волынского князя Андрея Юрьевича (131, 23). И он после смерти тестя стал претендовать на власть в Галицко-Волынских землях.

Особую остроту приобрела в эти годы проблема раздела территории Юго-Западной Руси. Здесь схлестнулись интересы Польши, Венгрии, Литвы и Орды. Последние местные правители из династии Рюриковичей уже сходили с политической сцены, и назревала большая схватка за их наследство. Орда, привыкшая собирать здесь дань и считавшая эти края частью «русского улуса», не собиралась никому уступать. Между тем Польша и Венгрия в 1320 году заключили союз, имевший целью совместные действия против немцев и татар (131, 23). Готовился к наступлению на юг и литовский князь Гедимин.

В этих условиях главной задачей ханской дипломатии было не допускать присоединения Литвы к антиордынской

коалиции, найти пути к сближению с Гедимином, но при этом наглядно показать ему, сколь тяжкие последствия будет иметь для его владений война с Ордой. Вместе с тем Узбек имел целью включить некоторые владения Гедимины в состав своего «русского улуса». В этой связи ему казались весьма желательными браки правителей Северо-Восточной Руси как с дочерьми Гедимины, так и со знатными невестами из дома Чингизидов. Первые «притягивали» Литву к Руси, вторые — Русь к Орде.

Началом целой серии брачных маневров Орды была свадьба Юрия Московского и сестры хана Узбека Кончаки в 1317 году. Сыновья Юрия и Кончаки-Агафии должны были со временем возглавить русские земли и обеспечить их полную лояльность по отношению к Орде. Возможно, хан имел и более далекие планы на сей счет.

Смерть Агафии в тверском плену разрушала всю комбинацию. Несомненно, это был сокрушительный удар по могуществу Юрия. Вторую знатную невесту для московского князя хан искать не собирался. Более того, со смертью Кончаки-Агафии Юрий становился лишним в той игре, которую задумал Узбек. Бездетный великий князь Владимирский должен был уступить свой трон другому — тому, кто мог бы стать лучшим исполнителем ханского замысла.

Юрий быстро осознал случившееся. Тяжело униженный, лишенный не только политического будущего, но и семейных надежд, — он был похож на раненого зверя. Здесь открывается причина той лютой ненависти, которую Юрий питал к Михаилу Тверскому после Бортневской битвы. Эта кипевшая ненависть выплескивалась то бесцельным убийством тверского посла, то злорадством при виде казненного тверского князя, которое возмутило даже выдавших виды татар. Отсюда же — и надругательство Юрия над телом Михаила по дороге из Орды на Русь, и циничный торг с сыновьями Михаила о цене за выкуп ими тела отца. Огнем этой ненависти отсвечивает и подозрительный тверской пожар осенью 1318 года, когда «погоре большая половина града» (23, 38).

Глухая кончина ордынской жены Юрия стала «палкой о двух концах»: один ударил по Юрию, а другой — по самому Михаилу, которого обвинили в убийстве (отравлении) сестры хана. И если Кончака действительно стала жертвой политического убийства, а не того «зело сильного мора», который гулял по Твери в 1318 году (27, 403), — Михаил Тверской шел на смертельный риск. Однако в этом и была его обычная тактика: дерзкая, жестокая игра, ставкой в которой станови-

лась не только честь, но и жизнь. Собственной жизнью ему и пришлось заплатить за гибель жены Юрия.

Но когда гнев Узбека поутих, настал час расплаты и для Юрия. Ему предстояло освободить место. Для кого? Ответом на этот вопрос стал брак 22-летнего тверского князя Дмитрия Михайловича с дочерью Гедимины Марией зимой 1319/20 года.

Столь важный в политическом отношении династический союз, конечно, не мог быть заключен без воли Узбека. Потерпев неудачу с московско-ордынским семейным альянсом, хан видел теперь претендентами на литовские уделы будущих детей Дмитрия Михайловича и Марии Гедиминовны. Да и сам этот брак намечал путь к сближению Литвы и Орды (через ее «русский улус»). Его логическим следствием должна была стать передача Дмитрию великого княжения Владимирского. Это хорошо понимали в Твери. Перед их князем открывались новые политические горизонты не только на Руси, но также в Литве и Орде. Не случайно, сообщив о свадьбе Дмитрия, тверской летописец замечает: «И бысть всем людем радость во Твери» (22, 187).

Эти годы вообще были обильными на свадьбы. Все понимали, что за гибелью Михаила Тверского последует новый тур междукняжеской войны. За время краткой мирной передышки родители спешили устроить семейную жизнь своих детей, а заодно и составить с помощью браков новые политические союзы.

Князь Михаил Ярославич долго тянул с женитьбой своих старших сыновей Дмитрия и Александра. Сначала он просто не имел для этого времени: в 1313—1315 годах он жил в Орде, в 1316 году занимался покорением Новгорода. А после брака Юрия Московского с Кончакой в начале 1317 года Михаил стал лихорадочно искать для своих сыновей такие партии, которые могли бы уравновесить успех москвичей. Для этого нужна была милость хана, благоприятная ситуация. Михаил так и не дождался ее. Но уже осенью 1319 года, похоронив мужа и расставив сыновей по уделам согласно его завещанию, княгиня Анна стала подыскивать своим сыновьям подходящих невест.

Зимой 1318/19 года (по Никоновской летописи — осенью 1320 года) женился второй сын Михаила Тверского — 18-летний Александр (21, 41). Его женой стала княжна Анна — дочь князя Святослава Глебовича, убитого татарами под стенами Брянска 2 апреля 1310 года (43, 51). В браке у них родился сын Лев. Ранняя кончина Анны заставила Александра жениться вторично. Его новую жену звали Анастасия. Она была

сильной, энергичной женщиной, сумевшей впоследствии, после гибели мужа, взять в свои руки удельные дела малолетних сыновей. Брак этот был увенчан многочисленным потомством. Потомки Александра и Анастасии правили в Твери до самого конца ее независимости (1485 год).

В конце 1319 года тверичи послали сватов к московскому князю Юрию Даниловичу. Сын Михаила Тверского 13-летний Константин предлагал руку и сердце дочери Юрия Софье (138, 67). Предложение было принято, и в начале февраля 1320 года сыграли свадьбу.

В то время княжеские свадьбы праздновали долго и основательно. Молодые обычно венчались в городе, где княжил отец невесты. Там устраивали первый свадебный пир. Затем торжества продолжались у отца жениха (43, 11). Но на сей раз традицию пришлось нарушить. Венчание состоялось не в Москве или Твери, а на нейтральной территории, в Костроме. (Ехать друг к другу в гости сваты, кажется, опасались.) Церемония была совершена в городском соборе во имя Федора Стратилата. Точная дата этого события неизвестна. Летопись говорит только — «к великому заговенью», то есть перед началом Великого поста (104, 89). Следовательно, венчание произошло в сыропустную («масленную») неделю, которая в 1320 году начиналась в понедельник 4 февраля и заканчивалась в воскресенье 10 февраля. (В позднейшее время церковь не разрешала совершать бракосочетание на масляной неделе (54, 1236). Однако в XIV веке это правило не было еще общепринятым (68, 389). Возможно, однако, что летописец не случайно отметил «к великому заговению», увидев в этом некую дерзость.)

В какой из дней «масляной» недели состоялось венчание? Обычным днем княжеских свадеб было воскресенье. «Великое заговенье» — это и есть в прямом смысле воскресенье, канун первого дня Великого поста («говения»). Воскресенье 10 февраля имело особый христианский смысл. Это было «Прощеное воскресенье» — день примирения и прощения своих врагов по примеру Спасителя. В этот день в монастырях, соборах и приходских церквях совершался торжественный обряд взаимного прощения. В песнопениях этого дня звучит то же возвышенное настроение: «Друг друга обьемем, рцем, братис! и ненавидящим нас, простим вся».

Примечательно, что за два дня до венчания, в пятницу 8 февраля, был день памяти общего предка московских и тверских князей великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича (1238—1246). Один его сын (Александр Невский) стал родоначальником московской линии князей, а

другой (Ярослав) — тверской. Родившийся 8 февраля 1190 года, в день памяти святого Федора Стратилата, Ярослав Всеволодович имел церковное имя Федора. Несомненно, что в день именин общего предка (прадеда жениха и прапрадеда невесты) обе семьи уже были в Костроме и вместе встречали престольный праздник в костромском соборе Федора Стратилата. Чествование памяти общего предка должно было укрепить между недавними врагами ту новую «любовь», в которой Александр Тверской клялся Юрию при встрече во Владимире в августе 1319 года (23, 40). Знаменательно, что летопись в рассказе о событиях 1319—1320 годов постоянно повторяет родословную московских и тверских князей: «правнук Ярославль», «внук Александров» (22, 187). Здесь — отражение примирительного и покаянного настроения, которое овладело тогда князьями. Все устали от крови и ненависти. Настал миг прояснения. Людям до отчаяния нужна была хотя бы временная «тишина», возможность уладить отношения со своей страждущей совестью.

В этом кратком примирении угадывается и миротворческая воля митрополита Петра. Его участие в подготовке костромской свадьбы несомненно: как епархиальный архиерей он должен был дать разрешение на брак, в котором жених доводился троюродным братом отцу невесты (54, 1178). Можно думать, что Петр дал гарантии безопасности родне жениха перед приездом в Кострому, а также сам присутствовал на торжествах. Известно, что Петр вообще любил Кострому, устраивал там поместный собор для разрешения различных вопросов церковной жизни (2, 344).

Трудно сказать, что заставило тверских Михайловичей породниться с Юрием Московским. Вероятно, это была воля хана, которому в связи с переменами в Восточной Европе нужна была сильная и относительно единая Северо-Восточная Русь, способная успешно противостоять Литве. Возможно, что Юрий Московский, выпуская Константина из московской темницы, взял с него и его родственников клятву относительно этого брака. Бесспорного ответа на эти вопросы мы уже никогда не узнаем, как не узнаем и того, что думал по этому поводу князь Иван Данилович. А ему тут явно было над чем призадуматься: в ту пору зятя часто претендовали на выморочный удел тестя.

Костромская свадьба показывает и беспощадную логику власти. Отправляя свою единственную и, должно быть, любимую дочь в гнездо своих врагов, Юрий фактически приносил ее в жертву своим политическим расчетам. Он надеялся таким способом расколоть дружную когорту тверских Михай-

ловичей, перетянуть на сторону Москвы хотя бы одного из них. События, происшедшие уже после смерти Юрия, показали правильность его расчета. Став в 1328 году тверским князем, Константин никогда не враждовал с Москвой.

Впрочем, единство тверских Михайловичей подрывалось и самой удельной системой, отсутствием твердых принципов наследования верховной власти. Младший сын Михаила Василий Кашинский позднее также сотрудничал с московскими князьями, которые помогали ему в борьбе за власть в Твери.

«Летописные своды сохранили крайне скудные сведения о великом княжении Юрия Даниловича; не отметили даже его «посажение» на великокняжеском столе», — констатировал историк А.Е. Пресняков (110, 131). Видимо, Юрий мало заботился о собственном летописании или же о каких-то иных способах запечатления своего труда (98, 61). Насущные дела и заботы совершенно закрывали от него далекие горизонты истории.

Из редких известий летописей можно все же заключить, что положение его было весьма шатким. Победитель мог теперь на собственном опыте убедиться в том, что сохранить верховную власть несравненно труднее, чем ее приобрести. Орда постоянно напоминала о себе спесивыми и наглými «послами», которые требовали почестей и денег. Ссора с «послом» грозила непокорному князю гибелью. «Послы» эти, в сущности, были своего рода сборщиками дани. Они имели от хана поручение любыми способами взять недоимки с жителей обреченных городов и областей. Обычно они действовали просто: грабили, пытками вымогали деньги, захватывали пленных, которых угоняли в Орду и там продавали в рабство в счет долга. Именно в первой четверти XIV века летописи особенно часто сообщают о «злых послых». Их наезды связаны были с измельчанием и обнищанием большинства северо-восточных князей в этот период, с их неспособностью выплачивать дань в установленных размерах. Кроме того, массовая миграция населения из центральных и восточных районов Владимиро-Суздальской Руси в Москву и Тверь обогащала Даниловичей и Михайловичей, но повергала в нищету ростовских, ярославских, суздальских и других князей. Составленные, вероятно, еще давно, на основании переписи 1257 года ставки ордынского «выхода» уже не соответствовали реальной численности населения тех или иных княжеств. Однако Орда не желала считаться с этими

переменами и требовала уплаты положенной суммы любой ценой.

По наблюдению историка В. Л. Егорова, метод воздействия на русских князей с помощью «лютых послов» широко применялся ханом Узбеком в период с 1312 по 1328 год (73, 205). За эти годы на Руси побывало девять таких «посольств».

Появление ордынского посла сопровождалось бедствиями для населения и тяжкими унижениями для князей. Прием посла был обставлен обрядами, о которых рассказывает польский публицист середины XVI века Михалон Литвин. «Прежде москвитяне были в таком рабстве у заволжских татар, что князь их наряду с прочим раболепием выходил навстречу любому послу императора и ежегодно приходящему в Московию сборщику налогов за стены города и, взяв его коня под уздцы, пеший отводил всадника ко двору. И посол сидел на княжеском троне, а он сам коленопреклоненно слушал послов» (9, 77).

Извечная проблема недоимок только ускорила падение Юрия, которое было predeterminedено смертью Агафии и общими переменами в русской политике Орды. Под 1320 годом Никоновская летопись сообщает: «Того же лета приходил из Орды посол Байдера к великому князю Юрию Даниловичю, и много зла учиниша в Володимери» (22, 187).

Это был дурной знак для Юрия. Орда гневалась на него за что-то. Нужно было срочно ехать к хану для объяснений. Была и другая причина для беспокойства. В 1320 году в Ростове после кончины местного князя Юрия Александровича началась смута. В ней досталось и каким-то «злым татарам», находившимся тогда в Ростове: «и собравшеся людие, и гониша их из города» (18, 258). Таких самоуправств Орда русским никогда не прощала. Великому князю Владимирскому надлежало лично доложить хану о принятых мерах. И вполне достоверным выглядит в этой связи сообщение некоторых летописей о поездке Юрия Даниловича в Орду в 1320 году (104, 215).

В Орде Юрий мог убедиться в том, что его карьера висит на волоске. Хан уже был полон новых замыслов, в которых Юрию не отводилось места. К тому же ордынские доброхоты тверских князей не теряли времени даром. Они старались убедить хана в том, что Михаил Тверской пал жертвой клеветы Юрия и его приятеля Кавгадыя.

Вернувшись на Русь, Юрий уже был далек от того примиренческого настроения, которое овладело им в начале 1320 года. Тверичи продолжали интриговать против него. И он не мог оставаться безучастным.

В 1320—1321 годах в Северо-Восточной Руси свирепствовала эпидемия неизвестной тяжелой болезни. Летопись кратко сообщает: «Мор бысть на люди» (18, 258). Возможно, это была новая вспышка той эпидемии, которая посетила Тверь в 1318 году и о которой другой летописец заметил: «Мор бысть на люди во Твери силен зело» (32, 83). Болезнь не щадила и князей. 30 мая 1320 года умер правивший в Нижнем Новгороде брат Ивана и Юрия князь Борис Данилович. Его похоронили в Успенском соборе во Владимире. Вопрос о том, кому достанется нижегородский стол, оставался открытым: Борис умер бездетным.

Для решения этого вопроса в желательном для Москвы направлении Юрий, только что вернувшийся из Орды, отправил к хану своего брата Ивана. Вероятно, Юрий хотел, чтобы Иван стал нижегородским князем, подобно Борису. В случае неудачи этого замысла Ивану следовало по меньшей мере добиться возвращения нижегородских земель в состав территории великого княжения Владимирского — то есть под власть Юрия Даниловича.

Судя по всему, Юрий безоговорочно доверял Ивану, который в эти годы фактически был его соправителем. Он управлял Москвой с лета 1315-го до осени 1317-го, затем с лета 1318-го, до весны 1319-го — в периоды пребывания Юрия в Орде. Осенью 1317 года Иван ездил в Новгород и привел новгородцев на помощь Юрию, воевавшему с Михаилом Тверским.

В 1320 году, незадолго до своего отъезда в Орду, Иван сопровождал Юрия в походе на Рязань. Новгородская летопись сообщает: «Ходи князь Юрьи ратью с братом Иваном на Рязань на князя Ивана Ростиславского, и докончаша мир» (10, 338). Вероятно, здесь ошибка летописца: вместо «Иван Ростиславский» следует читать «Иван Рязанский» (10, 96). Князь Иван Ярославич правил в Переяславле Рязанском в 1301—1327 годах. Он наследовал своему дяде Константину Романовичу, взятому в плен Даниилом Московским в 1301 году и убитому Юрием в московской тюрьме в 1306 году. Ускользнув от рук москвичей в 1320 году, Иван Ярославич подобно многим своим сородичам был убит татарами. Это случилось в 1327 году.

Некоторые историки подозревают Ивана в вероломстве, в том, что, «воспользовавшись отсутствием Юрия, он решил при помощи ордынского хана сам добиваться власти над Русью» (130, 474). Однако такое суждение по принципу «от худшего» не имеет подтверждения в источниках.

Иван Калита пробыл в Орде около полутора лет (1320—1321). Это было его первое основательное знакомство с ханским двором и столицей степного государства, с укладом жизни и нравами татар.

Русских людей в Орде поражало прежде всего небывалое смешение языков и наречий, верований и обрядов. Казалось, что кочевники поклонялись одновременно всем известным миру богам. В их стане бубен шамана уживался с крестом несторианского монаха и чалмой поклонника аллаха. Но под тонким покровом роскоши скрывались первобытная простота и дикость. Ведь не столь давно монголы, не зная, что делать с награбленным в Китае золотом и серебром, отливали из него кормушки для своих коней.

Одевшись в тончайшие китайские и хорезмийские ткани, кутаясь в собольи меха, монгольские темники, следуя заветам предков, никогда не мылись в бане, обтирали жирные от еды руки о полы халатов и не стеснялись ничьим присутствием, исполняя простейшие желания.

За много веков борьбы со Степью русские люди имели возможность хорошо узнать быт и нравы кочевников. И все же многое из того, что принесли пришельцы с другого конца Азии, удивляло даже выдавших виды русских князей и бояр.

Русские люди всегда отличались пытливостью и наблюдательностью. Их интересовали жизнь и обычаи других народов. К сожалению, до нас не дошло ни одного подробного русского описания Орды. Для того, чтобы представить обстановку, в которой оказывались приезжие при дворе монгольских ханов, увидеть то, что видел в степях Иван Калита, мы должны обратиться к сочинениям иностранных авторов, прежде всего арабского путешественника Ибн Батуты, посетившего Орду в 1334 году.

Впервые увидев кочевавшую в степях ханскую ставку, Ибн Батута был поражен этим незабываемым зрелищем.

«Подошла ставка, которую они называют Урду (Орда), и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху: они варят пищу во время самой езды своей, и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки» (124, 289).

Всевластным хозяином этого кочевого города был хан Узбек. «И в пребывании его на месте, и в путешествии его, и в делах его порядок удивительный, чудесный. Одна из привычек его та, что в пятницу, после молитвы, он садится в

шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он состоит из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями. (Отсюда и возникло наименование государства — Золотая Орда, то есть «золотая ставка», «золотой шатер»). Однако русские люди, для которых золотой цвет всегда был символом чего-то доброго и прекрасного, никогда не пользовались этим названием татарского государства в период иноземного ига. Лишь позднее, когда «злые татары» стали легендой, имя «Золотая Орда» появляется в русском фольклоре. — *Н. Б.*) Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями» (124, 290).

В золотой шатер в приемный день собирался весь ханский двор. Сюда же являлись и люди, прибывшие издалека, чтобы поклониться хану, выразить ему свою покорность и получить какую-нибудь милость. Ханские эмиры кланялись своему повелителю, встав на одно колено. Вероятно, таким же способом выражали свою преданность и русские князья.

Во время официальных приемов хан не вел переговоров. Он только рассеянно выслушивал просьбы, забавляясь со своим ручным соколом и попивая кумыс. Иногда он с холодным любопытством разглядывал просителя, нехотя задавал интересовавшие его вопросы. Многие монгольские ханы питали слабость к крепким напиткам. Во время долгой церемонии они так основательно набирались, что в конце ее были заметно пьяны.

Высшей честью для гостя было получить от хана чашу с кумысом. Иногда хан заставлял посетителя выпить несколько чаш. Русские не привыкли к кумысу и считали его нечистым питьем. Поэтому им разрешалось пить на приеме у хана вино или хмельной русский «мед». Впрочем, и сами монголы постепенно пристрастились к русскому «меду». Ибн Батута замечает, что «большой частью они пьют медовое вино» (124, 300).

Во время приема хан обычно не решал дела, с которыми приходил проситель, а только вникал в его суть. Потом он советовался со своими придворными, собирал сведения и обдумывал вопрос. Ответ передавался несколько дней или даже недель спустя через ханских доверенных лиц.

Ибн Батута был поражен тем, какое большое почтение оказывалось в Орде ханским женам. Старшая из них, Тайдула, обладала огромной властью. Среди нескольких жен Узбека была даже принявшая ислам дочь византийского императора. Впрочем, она явно тяготилась новой верой, непривычным

степным бытом, а главное — своей второстепенной ролью при дворе. Получив от мужа разрешение навестить отца в Константинополе, «хатунь Баялунь» уже не вернулась назад в степи.

Хозяева Орды не очень-то заботились об удобствах для своих гостей. «Эти тюрки, — замечает Ибн Батута, — не знают ни обычая отвода помещения приезжему, ни отпуска ему продовольствия, а только посылают ему овец и лошадей для заклания и меха с кумысом» (124, 291).

Во времена Ибн Бату́ты к традиционному степному быту татар прибавился и новый уклад жизни — городской. Правители Орды летом кочевали в степях, а на зиму возвращались в столицу своего государства — Сарай. Этот город находился в 100 км севернее Астрахани, близ современного села Селитерное на реке Ахтубе (один из рукавов Нижней Волги). Ныне там лишь голая степь, изрытая ямами археологов и кладоискателей.

Сарай особенно энергично застраивался и украшался в период правления хана Узбека. Мусульманин по вере, он любил городскую жизнь, знал и ценил мусульманское искусство мастеров Ирана и Средней Азии. Строили Сарай мастера из Хорезма — древней культурной области в нижнем течении Амударьи. Хорезм входил в состав Золотой Орды. Именно столица Хорезма Ургенч с его бесчисленными минаретами и медресе послужила образцом для Сарая.

Вот как описывал столицу Орды Ибн Батута в своей книге «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий»: «Город Сарай — один из красивейших городов, достигающий чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненной людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать размеры его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов. В нем тридцать мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как-то: монголы — это настоящие жители страны и владыки ее, некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кыпчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стены окружают имущество купцов» (124, 306).

Иван Калита много раз бывал в Сараях, ездил со свитой по

его узким улицам, дивился творениям хорезмийских зодчих и ремесленников. Любил он и потолкаться на шумном восточном базаре. Чего здесь только не было! Сарай славился как крупнейший торговый перекресток, мост между Европой и Азией. Русские купцы везли отсюда украшенную цветной глазурью посуду, краски для иконописцев, ладан, мыло, губки. Хороши были восточные украшения: ожерелья, перстни с драгоценными камнями, крупный морской жемчуг. А сколько замечательных вещей для праздничного стола копилось на бесконечных прилавках! Всевозможные пряности, сахар, миндальные ядра и грецкие орехи, сушеные фрукты и травы.

Важной статьей русского импорта были шелковые, шерстяные и бумажные ткани как восточного, так и западного производства. Даже русские иконописцы XIV—XV веков изображали святых в одеяниях из дорогих итальянских тканей.

Случалось, зааживал князь Иван и на русский базар. Он лично знал многих новгородских и среднерусских купцов, торговавших в Сарае традиционными русскими товарами — мехами, льняным полотном, изделиями из железа и меди, воском и медом.

Правители Орды были кровно заинтересованы в транзитной торговле через Сарай. Здесь они собирали с купцов таможенные пошлины, составлявшие от 3 до 5 процентов стоимости товара. Заботясь о пополнении своей казны, ханы обеспечивали безопасность торговых караванов на всей подвластной им территории, а в случае необходимости даже снабжали их военным конвоем.

Сосредоточиваясь в Сарае, товары Средней Азии и Китая уходили отсюда на запад двумя путями. Первый из них шел через Азовское и Черное море. Здесь, в городах Тана (Азов), Кафа (Феодосия) и Сурож (Судак), существовали крупные колонии итальянских купцов, занимавшихся перевозкой восточных товаров в Средиземноморье и страны Западной Европы. Второй путь шел на северо-запад: через среднерусские земли и Новгород — на Балтику, в страны Северной Европы. Поощряя развитие второго пути, правители Орды освобождали новгородских купцов от уплаты всех таможенных пошлин на пути через «русский улус». Лишь в Сарае они платили в ханскую казну все положенное.

Наживаясь за счет транзитной торговли, татары, однако, не были ее активными участниками. Ордынские купцы были, как правило, мусульмане среднеазиатского происхождения. Собственно татарские товары — это в основном скот, продукты животноводства и невольники. И если первые два вида товаров имели ограниченный спрос и вывозились в основном

в Русь, то рабы были поистине универсальным товаром, покупатели на который находились везде.

Невольничьи рынки Сарая были переполнены «живым товаром», добытым татарами во время набегов на соседние страны. Больше всего здесь было, конечно, русских. Трудно даже представить себе, сколько людей теряла Русь после каждой ордынской «рати» или «лютого посла». Летописцы в этих случаях ограничивались обычными скорбными словами: «и поидоша во свояси, много зла сотворивше христианом..., овех (иных) посече, а овех в полон поведе» (25, 83).

Некоторое представление о невольничьих рынках Сарая во времена Ивана Калиты может дать более позднее свидетельство — «Записки о Московии» австрийского посла барона Сигизмунда Герберштейна. Он дважды посетил Москву в правление великого князя Василия Ивановича (1505—1533) и собрал много сведений о прошлом и настоящем России. Рассказывая об успешном набеге на русские земли крымского хана Мухаммед-Гирея летом 1521 года, Герберштейн замечает: «Взятый им в Московии полон был столь велик, что может показаться невероятным: говорят, что пленников было более восьмисот тысяч. Частью они были проданы туркам в Каффе, частью перебиты, так как старики и немощные, за которых невозможно выручить больших денег, отдаются татарами молодежи, как зайцы щенкам, для первых военных опытов; их либо побивают камнями, либо сбрасывают в море или с высоты, либо убивают каким-либо иным способом. Проданные же либо оставленные пребывают рабами полных шесть лет, после чего они хотя и становятся свободными, но не имеют права покидать страну и должны служить или иным каким способом добывать себе пропитание» (4, 175).

Можно представить себе, какие сцены происходили на базарах Сарая, когда приезжие русские узнавали среди выставленных на продажу невольников своих родственников и друзей. Но многих ли они могли выкупить на свободу и вернуть к родным очагам? Те князья, которые имели достаточно средств и выкупали из плена многих соотечественников, оставили по себе добрую память в потомстве и даже — как Федор Ростиславич Черный — удостоились церковного прославления. Народ прощал им не совсем праведные пути обогащения и чтит за их великодушие по отношению к попавшим в рабство соотечественникам.

И не здесь ли, на невольничьем рынке Сарая, среди криков и рыданий земляков, помочь которым он был не в силах, князь Иван стал тем великим миротворцем, которым он и оставался до конца своих дней?!

В 1321 году Юрий Данилович начал новую тяжбу с Тверью, которая в конечном счете оказалась для него роковой. Весной этого года в Кашин, где правил младший из тверских Михайловичей — Василий, приехал из Орды знатный татарин Гаянчар «с жидовином должником» (23, 41). Последний надеялся с помощью татар собрать деньги, которые задолжали местные жители. По-видимому, «жидовин» был не частным лицом, а откупщиком ордынской дани. Заплатив за кашинцев в ханскую казну, он теперь надеялся с лихвой вернуть истраченные деньги.

Приведенные откупщиком татары «много тягости учинили Кашину» (23, 41). Однако собрать денег они так и не смогли. Тогда откупщик пожаловался великому князю Юрию Даниловичу. Тот решил воспользоваться случаем, чтобы взять сбор «выхода» с Твери в свои руки, а заодно и пресечь прямые контакты тверичей с Ордой. Осенью 1322 года «со всею силою Низовскою и Суждальскою» Юрий из Переяславля-Залесского выступил в поход на Кашин.

Старший сын Михаила Тверского и его наследник Дмитрий носил громкое прозвище — «Грозные Очи». Известен и другой вариант его прозвища — «Звериные Очи» (8, 19). Это был дерзкий боец, умевший постоять за себя. Узнав о движении Юрия, он поднял все имевшиеся военные силы тверских земель и вместе с братьями Александром, Константином и Василием выступил навстречу врагу. Поход имел столь важное значение, что Дмитрий Михайлович собрал городское ополчение — «тверской и кашинский полк». Две армии расположились на противоположных берегах Волги.

Тягостное ожидание длилось долго. Наконец в роли миротворца выступил бывший тверской епископ Андрей, живший на покое в монастыре Богородицы на реке Шоше. Возможно, он привлек к миротворческим усилиям и митрополита Петра. Так или иначе, между соперниками был заключен мир. Тверские Михайловичи выплатили Юрию причитающуюся с них сумму ордынской дани — две тысячи рублей серебра. Юрий как великий князь Владимирский должен был отвезти эти деньги в Орду. Кроме того, Дмитрий Тверской поклялся, что не будет искать великого княжения Владимирского. После этого противники разъехались по домам. Юрий торжествовал новую победу над Тверью.

Но никогда не бывает так слаб человек, как в день своего торжества. Судьба уже приготовила ему сокрушительный удар. Едва успев вернуться в Москву, Юрий узнал, что из Орды к нему идет «лютый посол» Ахмыл с большим отрядом. Вместе с Ахмылом находился и князь Иван Данилович. В

условиях зимы татары избрали более удобный путь — по замерзшему руслу Волги. В этом был и иной, трагический смысл. Ахмыл начал свой рейд, судя по всему, с Нижнего Новгорода, где собрал недоимки умершего без наследников Бориса Даниловича. Может быть, Ахмыл возвел на нижегородское княжение Ивана Даниловича. Известно, что после кончины Калиты в Нижнем Новгороде некоторое время правил его сын Семен. Но когда князь Иван утвердился здесь — точно неизвестно. Из Нижнего Новгорода татары с князем Иваном пошли к Ярославлю. Здесь незадолго перед тем умер князь Давыд Федорович. Трудно сказать, собирав ли Ахмыл его неоплаченные долги или же усаживал на престол неугодного ярославцам наследника. Но итог этой разборки был страшен. Татары «Ярославль взяша и сожгоша, и много полона безчислено взят» (22, 188).

От Ярославля Ахмыл повернул на юг, к Ростову. Вероятно, он имел указание хана «проучить» ростовцев за их восстание против татар в 1320 году. Узнав о приближении карательного отряда, жители Ростова стали в ужасе разбегаться кто куда. В бега пустились и местные князья, и ростовский епископ Прохор. Но жившие в городе татары вышли навстречу Ахмылу, поднесли ему богатые дары и уговорили не разорять Ростов (16, 34).

Обосновавшись в Ростове, Ахмыл вызвал к себе князя Юрия Даниловича, относительно которого он имел особые распоряжения хана (24, 414). Судя по всему, Ахмыл привез Юрию категорическую директиву Узбека: сложить полномочия великого князя Владимирского, передать московское княжение брату Ивану, а самому явиться на суд в Орду. Вероятно, Ахмыл имел приказ захватить Юрия и силой доставить его в Сарай, если он не поедет добровольно. Поэтому «посол» и не поехал в Москву, а остался ждать Юрия в Ростове, где исполнить это было гораздо легче. Источники подтверждают предположение о том, что Иван Данилович стал московским князем не после смерти Юрия, а уже весной 1322 года. В сообщении о его кончине в марте 1340 года Никоновская летопись добавляет: «Княжил лет 18» (22, 211). Владимирский летописец, хорошо сохранивший традицию московского летописания XIV столетия, содержит более пространную формулировку той же хронологии: «На великом княжении был князь великий Иван Данильевич 18 лет» (31, 106). Здесь московское княжение Ивана перепутано с великим, что вполне естественно для летописца, работавшего в середине XVI века.

Над головой Юрия словно грянул гром. В одночасье он

потерял все, чего достиг годами борьбы. Стремительный поворот колеса Фортуны увлекал его с вершин власти в бездну ничтожества. И как было не вспомнить тогда сокрушенному князю стоны библейского Иова: «Ужасы устремились на меня; как ветер, развеялось величие мое, и счастье мое унеслось, как облако» (Иов, 30, 15).

Юрий не поехал на встречу с посланцем. Он оставил Москву и бежал в Новгород, захватив с собой причитавшееся хану тверское серебро. Должно быть, он отправил Ахмылу, а через него Узбеку послание, где объяснял свой поступок необходимостью собрать дань с новгородцев, а также срочной военной тревогой на северо-западных рубежах «русского улуса».

Удаляясь в Новгород, Юрий хотел выиграть время. Ему нужно было выждать и оглядеться. Кроме того, на Волхове он надеялся отличиться каким-нибудь военным успехом, скопить денег и с их помощью изменить настроения в Орде в свою пользу.

Какую роль в падении Юрия сыграл его брат Иван? Источники не дают прямого ответа на этот вопрос. И было бы несправедливо обвинять его в том, что он пришел к власти, «подсидев» старшего брата. В действительности все было гораздо сложнее. Придя к выводу о том, что Юрий Московский — отыгранная фигура в политической игре, хан решил полностью устранить его со сцены. Отняв у Юрия великое княжение Владимирское, но оставив ему Москву, Узбек получил бы все ту же ситуацию вечной усобицы и двоевластия, которая существовала в Северо-Восточной Руси уже многие десятилетия. Но теперь такое положение не устраивало Орду. Ей нужна была консолидация сил Северо-Восточной Руси под началом одного правителя — князя Дмитрия Тверского. Москва должна была признать первенство Твери и отказаться от соперничества. Для этого ей нужен был новый правитель: более смиренный и менее амбициозный, чем Юрий. Именно таким человеком и был князь Иван Данилович. Приглядевшись к нему за те полтора года, что Иван прожил при дворе, Узбек пришел к выводу, что он идеально соответствует политическим видам Орды. И тогда от размышлений повелитель степей перешел к делу.

Ссылаясь на то, что Юрий «обманул» его и оклеветал Михаила Тверского, хан лишил его не только великого княжения Владимирского, но и московского стола. Великое княжение временно оставалось вакантным, но ясно было, что оно предназначается для Дмитрия Тверского. Он поспешил в Орду в 1322 году и вернулся обладателем великокняжеского ярлыка.

Примчавшись в Новгород весной 1322 года, опальный Юрий первым делом попытался выжать из бояр побольше денег для новой борьбы в Орде с тверским князем. Однако «золотые пояса» давно привыкли к властным княжеским замашкам. Их трудно было взять нахрапом. Летопись глухо сообщает, что по приезде в Новгород Юрий имел с боярами некую «размолвку», но вскоре «смирился с новгородцами» (22, 188). Понимая, что деваться Юрию некуда, бояре предложили ему честно заработать нужные деньги на ратной ниве. Они давно собирались как следует проучить шведов, настойчиво наступавших на новгородские владения по западному берегу Ладожского озера. Для такого важного дела нужен был сам великий князь Владимирский. Только он мог успешно провести поход на мощную крепость Выборг — форпост шведского наступления в Приладожье.

Юрий согласился на предложение бояр и приказал начать ремонт старых и постройку новых стенобитных машин — «пороков». В городе пошла веселая и бестолковая суета, предшествовавшая всякому серьезному военному предприятию. Новгородская голытьба пропивала в кабаках последнее, надеясь либо разбогатеть, либо сложить непутевые головы «за святую Софию» в надвигавшейся войне.

Летом 1322 года Юрий повел новгородское войско на Выборг. Эта каменная крепость, заложенная шведами в 1293 году, была очень хорошо укреплена. Ее защищал большой гарнизон.

Поход на Выборг не принес Юрию ни славы, ни денег. Осада крепости при помощи шести стенобитных машин продолжалась около месяца без всякого успеха. Шведы отразили решающий штурм, состоявшийся 9 сентября 1322 года. Через несколько дней Юрий ни с чем ушел обратно в Новгород, оставив в холодной карельской земле немало новгородских «добрых удалцов».

В Новгороде Юрия ждала печальная весть. Его брат Афанасий скончался. Перед кончиной он принял монашеский постриг и завещал похоронить себя «у святого Спаса в Нередицах в монастыри» (18, 258). Видимо, князь любил эту скромную обитель, находившуюся неподалеку от княжеской резиденции на Городище.

В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» называет его князем можайским («Того же лета преставился князь Афонасей Данилович можайский в Великом Новеграде» (38, 80). Несомненно, историк имел какие-то неизвестные нам источники, позволившие ему называть Афанасия можайским князем. Скорее всего это было завещание Юрия Даниловича, по

которому московский престол переходил в случае его смерти к Ивану, а младший брат получал удел в Можайске. Однако Афанасий умер раньше Юрия и поэтому так и не стал в действительности удельным правителем. Юрий использовал его как своего порученца, утешая перспективой на будущее. Удельных князей обычно хоронили в их столицах. Погребение в Новгороде — еще одно свидетельство в пользу того, что Афанасий был не полноправным, а лишь нареченным можайским князем. Умер он бездетным, и потому Можайск остался во власти московского князя.

После кончины Афанасия из пяти братьев Даниловичей в живых остались только двое — Юрий и Иван.

Провал Выборгского похода сильно уронил престиж Юрия в Новгороде. Однако он все же получил кое-какую денежную помощь и в сопровождении новгородского отряда поехал в Орду к степному «царю». Тверская разведка отследила его путь. На реке Урдоме, притоке Волги, Юрия перехватил князь Александр Михайлович, брат Дмитрия Грозные Очи. В короткой схватке он разгромил отряд Юрия и захватил его казну. Добрые кони и глухие заволжские леса и на сей раз спасли Юрия от тверского плена и расправы. Однако следовало хорошенько подумать о том, что делать дальше.

Юрий понимал, что в Орде уже высоко взошла звезда Дмитрия Тверского. Ехать туда без денег, с вестью о поражении в шведской войне и о позорном грабеже на Урдоме было не только бессмысленно, но и опасно. Не стоило, конечно, и являться в Новгород в таком унижительном положении. На Волхове не любили слабых и были беспощадны к ним. Незачем было и пробираться окольными путями в Москву: там уже наверняка ждали его злые и алчные татарские «послы» с требованием явиться к хану.

И все же многоопытный Юрий нашел выход из того трудного положения, в котором он оказался. Отдышавшись немного и залечив раны, он повел свой маленький отряд на северо-запад, во Псков. Выбрав именно этот путь, князь показал, что готов к самому худшему. Если бы татары или тверское войско стало преследовать его с целью захвата, он всегда мог уйти через Псков за рубеж, в Швецию. (Именно так поступил в свое время гонимый татарами брат Александра Невского князь Андрей Суздальский. Несколько лет он провёл в Скандинавии, а когда ханский гнев утих, вернулся на Русь и мирно правил у себя в Суздале до конца жизни.)

Осенью 1322 года псковичи приняли Юрия с честью. Оглядевшись и убедившись в том, что никто не собирается требовать его выдачи, Юрий решил вновь вступить в полити-

ческую игру с целью поправить свои денежные дела и в конце концов вернуть себе утраченное великое княжение Владимирское. Обстановка в Северо-Западной Руси благоприятствовала Юрию, и Псков был лучшим местом для начала новой игры. Именно в это время псковичам как никогда нужен был сильный и опытный князь — предводитель городского ополчения. Псков давно уже вел самостоятельную политику и часто вступал в конфликты со своим могущественным соседом — Новгородом. В борьбе со Псковом новгородские бояре нашли союзников даже в рыцарях Ливонского ордена. В свою очередь, псковичи обращались за помощью к литовским князьям витебской и полоцкой земли. В конце января 1323 года новгородцы заключили с рыцарями договор о взаимопомощи в случае войны с псковичами.

Зная все это, Юрий зимой 1322/23 года вел себя очень осторожно. Он отказался от предложения псковичей возглавить их войско в начавшейся осенью 1322 года войне с ливонскими рыцарями.

Оценив осторожное поведение Юрия во Пскове и позабыв о его неудаче под Выборгом в сентябре 1322 года, новгородские «золотые пояса» вновь пригласили опального князя на берега Волхова. Он прибыл туда весной 1323 года.

Между тем немецкое наступление на Псков принимало серьезный оборот. В мае 1323 года немцы осадили город и 18 дней стояли под его стенами. Отчаянные призывы псковичей остались без ответа: новгородцы злорадно наблюдали за бедствиями своего непокорного соседа, не оказав Пскову никакой помощи. Псковский летописец с глухим возмущением повествует об этих событиях. «И бяше тогда притужно велми Пскову, и мнози гонци посылаху псковичи в Новгород к князю Юрью и к новгородцем, с многою печалию и тугою, абы помогли: и не помогли» (19, 11).

Не дождавшись помощи от Юрия Даниловича и новгородцев, псковичи пригласили к себе служилого князя Давыда Гродненского из Литвы. Благодаря его энергичным действиям, а также мужеству и стойкости самих псковичей, нашествие немцев было успешно отражено. (Псковичи не забыли новгородского эгоизма и 25 лет спустя оплатили соседям той же монетой. В решающий момент войны со шведами, захватившими новгородскую крепость Орешек, псковский отряд покинул новгородский лагерь и ушел домой. «Немцы (шведы) же видевшие, начаша смеяться» (22, 220).

В Новгороде Юрий постарался вернуть себе расположение горожан и новыми заслугами заработать деньги для выплаты старых долгов татарам. С этой целью он активно занялся

шведскими делами. Длившаяся уже 30 лет затяжная война со шведами за земли на Карельском перешейке тяжело сказывалась на новгородской торговле. Путь по Неве находился под постоянной угрозой, и купцы боялись им пользоваться. Выбить шведов из Западной Карелии не удалось, а значит, единственный выход состоял в том, чтобы заключить прочный мир, признав территориальные потери. Это был трудный, но необходимый шаг.

Прежде чем пойти на переговоры, Юрий вместе с новгородцами летом 1323 года построил крепость на Ореховом острове, у входа в Неву из Ладожского озера. Выбор места оказался безупречен: «Никакой другой пункт на Неве не был столь выгодно стратегически расположен, не создавал таких возможностей для господства над невским путем» (133, 109). Желая продемонстрировать шведам новую крепость, а вместе с ней и готовность русских к борьбе, Юрий пригласил уполномоченных прибыть на переговоры именно сюда, на Ореховый остров. Здесь в августе 1323 года Юрий Данилович, новгородский посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Аврам заключили со шведскими уполномоченными знаменитый Ореховецкий договор. Это был не только первый договор между Россией и Швецией. Историк И.П. Шаскольский отмечает: «Во всей истории Руси феодальной эпохи Ореховецкий договор был первым соглашением о «вечном мире» с соседней страной; ранее международные соглашения столь высокого ранга еще не заключались. Более того, и в последующие столетия, до конца XVII в., договоры о «вечном мире» заключались только со Швецией в Тявзине и Столбове. Лишь в 1686 году был впервые подписан договор о «вечном мире» с наиболее крупным соседним государством — Польшей. С третьим соседом — Турцией и подвластным ей Крымским ханством — заключались лишь временные соглашения» (133, 121).

Согласно Ореховецкому договору Новгород признавал захват шведами Западной Карелии. Устанавливалась новая граница между русскими и шведскими владениями. Стороны обязывались обеспечить безопасный проезд купеческих караванов, а также не возводить новых крепостей вдоль границы. Шведы обещали не помогать немцам и датчанам Ливонии в случае их войны с Новгородом.

В тексте Ореховецкого договора Юрий Данилович назван «великим князем». Это выглядит неожиданно, так как еще в 1322 году Орда передала ярлык на великое княжение Владимирское Дмитрию Михайловичу Тверскому. Используя этот титул, Юрий тем самым показал, что не считает решение хана

окончательным. Едва ли это был акт гордого неповиновения Орде. Скорее Юрий просто трезво оценивал ситуацию, знал переменчивость ханской милости и относительность некоторых его решений. Судьба великого княжения только наполовину решалась в Орде. Добыв ярлык, победитель должен был сам заставить себя уважать. Ханский ярлык был не более чем входным билетом, дававшим право выйти на арену и принять участие в схватке сильнейших. Получение ярлыка одним князем не означало немедленного низложения его предшественника. В сложных и во многом не ясных для нас русско-ордынских отношениях вечные законы власти сочетались с характерной для примитивных обществ импульсивностью поступков, с почти неуловимой для историка живой игрой симпатий и антипатий. И потому каждый проигравший до последней минуты мог надеяться на неожиданный успех в следующей партии.

Заклучив Ореховецкий договор, Юрий принялся за новое дело, которое также было очень важным для Новгорода. В 1323 году устюжане захватили дань, собранную новгородцами с населения Югорской земли. (Так назывались области Северного Урала и Зауралья, населенные предками современных хантов и манси.) Эта дань — прежде всего ценные меха — была важным источником пополнения новгородской казны. Пушнина входила в состав ордынской дани. Кроме того, у сибирских народов имелось и серебро, добытое в местных копях или полученное в обмен на меха у соседей.

Измена устюжан сильно обеспокоила новгородское боярство. Юрий Данилович взялся возглавить поход на Устюг. Вот что говорит об этом новгородская летопись. «В лето 6832 (1324). Идоша новгородци с князем Юрьем на Заволочье, и взяша Устюг на щит, и приидоша на Двину; и ту прислаша послы князи устюскыи к князю и к новгородцам и докончаша мир по старой пошлине; и приидоша новгородци вси здрави; а князь Юрьи поиде в Орду из Заволочья по Каме по реце» (10, 339).

Во время устюжского похода Юрий, по-видимому, выторговал у новгородцев какие-то доходные статьи с этих земель лично для себя. Не случайно после гибели Юрия Иван Данилович настойчиво добивался от новгородцев выплаты ему какого-то загадочного «закамского серебра». Возможно, это и была доля Юрия, вернувшего Новгороду доходы Заволочья и далекого Прикамья.

Наученный горьким опытом, Юрий по окончании устюжского похода поехал в Орду не через владими́ро-суздальские земли, где могли поджидать его тверские засады, а далеким,

но более безопасным окольным путем, через глухие леса пермской земли. Добравшись до Камы, он на кораблях спустился до Волги, а по Волге отправился на юг, в Орду. Устюжская экспедиция пополнила его казну дорогой пушнинной и серебром. И все же Юрий ехал к хану с тяжелым сердцем. Смутное предчувствие беды тревожило его днем и ночью. Не раз, должно быть, вспоминал он Михаила Тверского и свою злосчастную победу над ним. И скрытой угрозой звучали ему слова Священного Писания: «Кто делает зло, на того обратится оно, и он не узнает, откуда оно пришло к нему; посмеяние и поношение от гордых и мщение, как лев, подстерегут его» (Сирах, 27, 30—31).

Между тем час мщения был уже недалек. Узнав о том, что Юрий поехал в Орду, Дмитрий Тверской немедленно отправился туда же. Причину его поспешности В.Н. Татищев объясняет весьма убедительно: Дмитрий боялся, что Юрий «и его самого, яко отца его, оклеветает» (38, 80).

И подобно тому как бездетный Юрий оставлял Москву в свое отсутствие на брата Ивана, так и бездетный Дмитрий оставил Тверь на попечение брата Александра.

Князья долго жили в Орде, ожидая ханского суда. На помощь Дмитрию приехал из Твери его брат Александр. Видимо, он привез еще денег и взял на свое имя новые займы у сарайских ростовщиков.

22 ноября 1325 года исполнялось семь лет со дня гибели в Орде Михаила Тверского. Для братьев Михайловичей это была черная дата: день памяти и вместе с тем — день мести. «Кто учит своего сына, тот возбуждает зависть во враге, а пред друзьями будет радоваться о нем. Умер отец его — и как будто не умирал, ибо оставил по себе подобного себе; при жизни своей он смотрел на него и утешался, и при смерти своей не опечалился; для врагов он оставил в нем мстителя, а для друзей — воздающего благодарность» (Сирах, 30, 3—6).

Накануне дня памяти отца, 21 ноября 1325 года, Дмитрий Грозные Очи, повстречавшись с Юрием, в порыве гнева убил его. Вероятно, это произошло где-то неподалеку от сарайского кафедрального храма, куда оба князя направлялись для участия в торжественном богослужении по случаю праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Была ли эта роковая встреча случайной, или же тверской князь искал ее, заранее вынашивая свой замысел, — неизвестно. Последнее кажется более вероятным. Летопись сообщает, что Дмитрий убил Юрия «без царева слова, надеясь на царево жалование, понеже царь Азбьяк чтяше князя Дмитрея Михайловичя Тверскаго, и он на то надеясь уби великого

князя Юрья» (22, 189). В. Н. Татищев, повторяя в целом рассказ Никоновской летописи, добавляет, что Дмитрий убил Юрия «мстя кровь отчу» (38, 81).

Дмитрий надеялся, что хан простит ему этот самосуд, так как Юрий давно уже впал в немилость. Однако повелитель Орды как истинный деспот мог простить своим подданным все что угодно, кроме самоуправства. Он велел отправить тело Юрия в Москву для погребения, а его убийцу взять под стражу. Выждав почти целый год, хан объявил наконец свой приговор. Дмитрий Тверской осуждался на смерть. 15 сентября 1326 года ханские палачи сделали свое кровавое дело. По странной прихоти Узбека казнь была совершена в день рождения князя Дмитрия. В этот день ему исполнилось 28 лет...

Вместе с Дмитрием смертную чашу испил и другой русский князь. Летопись сообщает: «И того же дни, на том же месте, на Кандраклее реке, повелением Азбьяка царя убиша великого князя Александра Новосилского» (22, 190). Несомненно, казнь князя Александра Семеновича Новосильского (мелкого южнорусского правителя, которого летописец из одной лишь вежливости именует «великим князем») была связана с судом над Дмитрием Тверским. Вероятно, Александр принадлежал к числу близких друзей тверского князя и вместе с ним готовил убийство Юрия Московского.

Это сухое, знойное лето 1326 года надолго запомнилось всем. Обмелели реки, иссякли родники и пересохли колодцы. Повсюду горели леса и торфяные болота. Сизый дым стелился по земле, заполнял низины и овраги. Ветер доносил тревожный, горький запах гари даже в самые высокие светелки княжеских теремов, где под присмотром матушек и тетюшек тешились рукодельем, ссорами да пересудами созревшие княжны-невесты.

И вместе с горьким ветром долетали до островерхих теремов и тревожные вести с юга, из степей. И вот уже рыдает Тверь и, выплакав все глаза, уходит в монастырь на вечное одиночество молодая литвинка Мария — вдова Дмитрия Грозные Очи. «Подлинно, совершенная суета — всякий человек живущий. Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется то» (Псалтирь, 38, 7).

Люди чаще, чем обычно, ходили в церковь, усердно молились, и каждый понимал: после нескольких лет спокойной жизни над Русью собралась гроза новой кровавой усобицы. Там, на юге, в выжженных солнцем степях, идет жестокая схватка за власть, от исхода которой зависит многое...

Хан Узбек и его вельможи долго тянули с решением. Они

дали время собраться в Орде всем заинтересованным лицам. Из Москвы явился брат убитого Юрия князь Иван, а из Твери — брат Дмитрия князь Александр. Каждый из них привез немало всякого добра. Но великий хан, не торопясь, попивал свой кумыс, перебирал лазуритовые четки и размышлял о том, с какой из своих многочисленных жен он проведет нынешнюю ночь.

После гибели Дмитрия Грозные Очи князь Александр Тверской действовал всецело в духе своего отца и брата. Он давал любые обещания, не заботясь о том, как он сможет их исполнить. Желанная цель заслоняла от него все остальное. В итоге он получил и тверской стол, и великое княжение Владимирское. Однако Александр вернулся на Русь не только с победой, но и с толпой жадных кредиторов, которые требовали платы по векселям. «Тогда же прииде из Орды князь Александр Михайлович Тверский и татарове с ним, должники его» (38, 81).

Иван Калита, как некогда Юрий в том давнем первом споре с Михаилом Тверским о великом княжении в 1304 году, отступил. Он получил московский стол и вернулся домой без триумфа, но и без долгов. Чутье уже немолодого, искушенного в ордынских делах правителя подсказывало ему, что время тверских князей подходит к концу. Их манера вести дела была слишком резкой и вызывающей.

Ставка на силу, шантаж, террор привели их к глубокому антагонизму с Новгородом, без поддержки которого ни один великий князь не мог сводить концы с концами в Орде. И сам ордынский хан постепенно укрепился в мысли о том, что московский вариант консолидации Северо-Восточной Руси по многим причинам предпочтительнее тверского. Рассказав о казни Дмитрия Тверского, летописец замечает: «И бысть царь Азбьяк гневен зело на всех князей тверских, и называше их крамольники и противных и ратных себе» (22, 190). Хан дал Александру Тверскому великое княжение, но тучи над Тверью сгустились. Московскому князю Ивану оставалось только терпеливо ждать. А это он умел делать как никто другой...

И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, врата ада не одолеют ее...

Матфей, 16, 18

В то время как князь Юрий Данилович метался от одного края Руси к другому, поспешая навстречу своей ужасной судьбе, — его младший брат Иван по большей части пребывал в Москве. Здесь он вырос, возмужал, обзавелся большой семьей. Москвичи знали его как рачительного хозяина и хорошего управителя, но при этом и как набожного, «христолюбивого» человека. Добрый и благочестивый, Иван мог, однако, при необходимости крепко постоять за свою правду. На войне он умел действовать быстро и решительно.

Особенное почтение Иван Данилович проявлял к митрополиту Петру. В церковном отношении Москва входила в состав митрополичьей епархии. И потому московские князья по своим духовным делам обращались прямо к митрополиту как к своему епархиальному архиерею. В случае отъезда митрополита епархией управлял его доверенный клирик — наместник.

Москва была крупнейшим городом митрополичьей епархии. Обедневший, многократно разоренный татарами Владимир уже не мог служить достойным местопребыванием для главы всей Русской Православной Церкви. Кроме того, митрополит не любил владимирского одиночества. Это был город мертвых, в котором господствовали не живые люди, а величаво-угрюмые призраки прошлого. Поначалу Петр предпочитал жить в небольшом, но уютном Переяславле — втором по значению городе великого княжения Владимирского. Было во всем облике этого приозерного городка нечто утонченно-духовное, евангельское. Стояли на холмах стройные, как свечки, деревянные церкви. Радовало глаз своим светлым, веселым простором озеро. Тихо плескали весла в тенистых протоках неторопливого Трубежа. А по берегам сушили сети и смолили лодки рыбаки — далекие русские братья тех галилейских рыбаков, которых сам Спаситель призвал когда-то на тернистый путь апостольский.

Однако печать запустения, которой так явственно отмечен

Великий князь Иоанн Данилович. Портрет из «Титулярника» 1672 г.
Российский государственный архив древних актов.

Восстание в Твери в 1327 году.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Видение Ивана Калиты
(Видение «горы снежной»)
Клеймо иконы святого
митрополита Петра.
Конец XV — начало XVI в.

Знаменитая калита.
Реконструкция.

Того же вѣтъакнѣ създѣни иванъ даниловичъ
 зложилъ цркви каменную на оснѣвѣ на пло-
 щадни новѣ градѣ стго архангѣла миха-
 ила и того же вѣтъакнѣ шена не вѣрѣна
 въ стѣ пресѣченнѣ феша стѣ мѣ митро-
 подитѣ оу кѣ оу кѣ и оу кѣ роу си . и оу кѣ на
 ердѣ о . и на пѣ мѣ стго мѣ кѣ оу кѣ фѣ
 плаки до ии же стѣ мѣ .

Иван Калита на закладке Архангельского собора.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

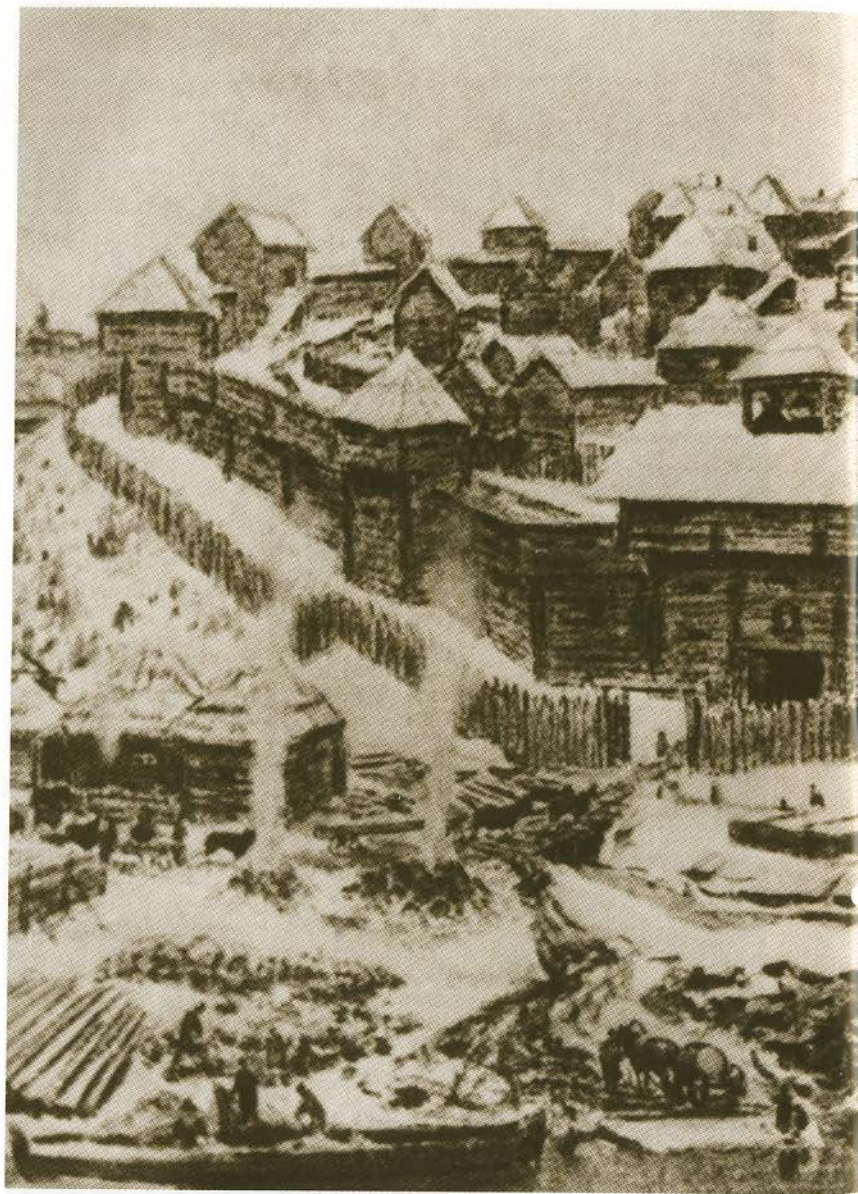
Александр Невский и Иван Калита.
Фрагмент росписи Благовещенского собора московского Кремля. XVI в.

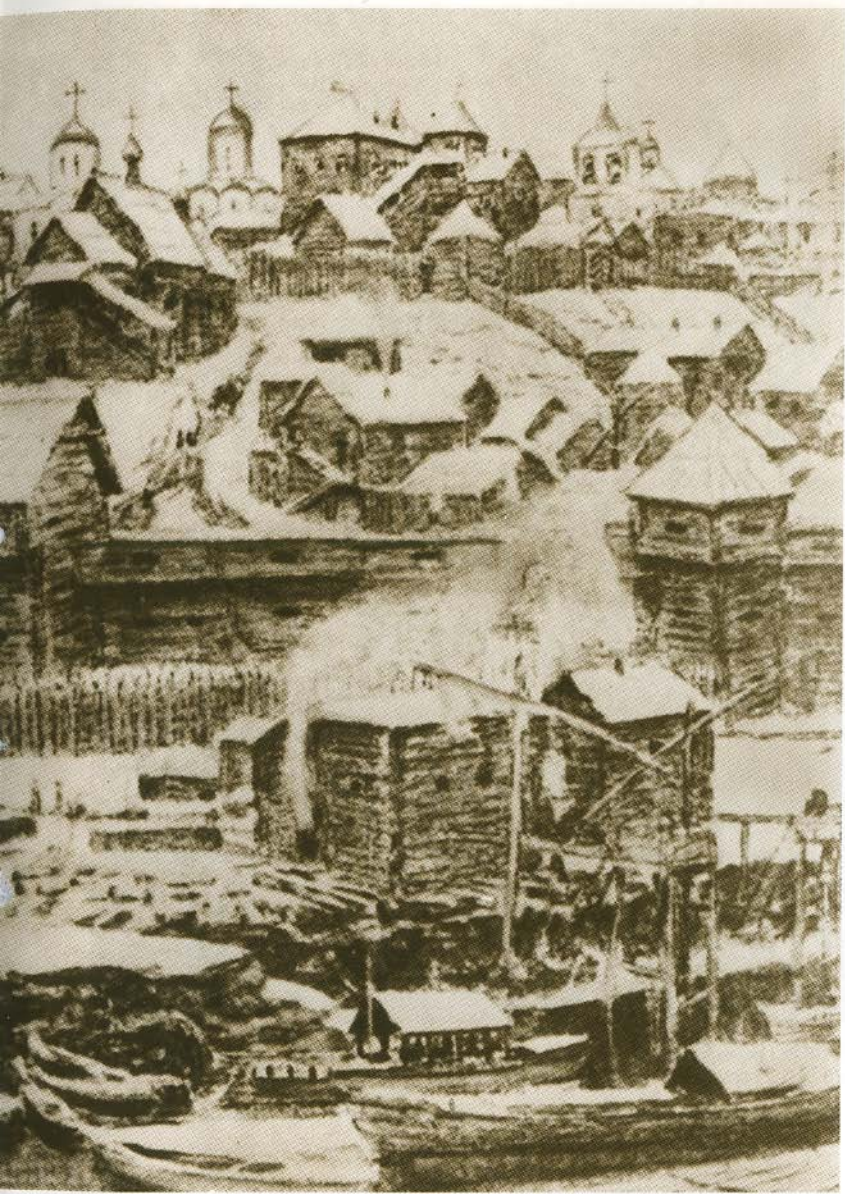
Новгородский архиепископ Моисей. Фреска из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде. 1363 г. Фото 1910 г.

Константин и Елена. ►
Фрагмент росписи Благовещенского собора московского Кремля. XVI в.

Кремль Ивана Калиты. Акварель А. М. Васнецова.

Князь Иван Красный, сын Ивана Калиты. Портрет из «Титулярника» 1672 г. Российский государственный архив древних актов.

Церковь Николы на Липне близ Новгорода. 1292 г. Фото автора.

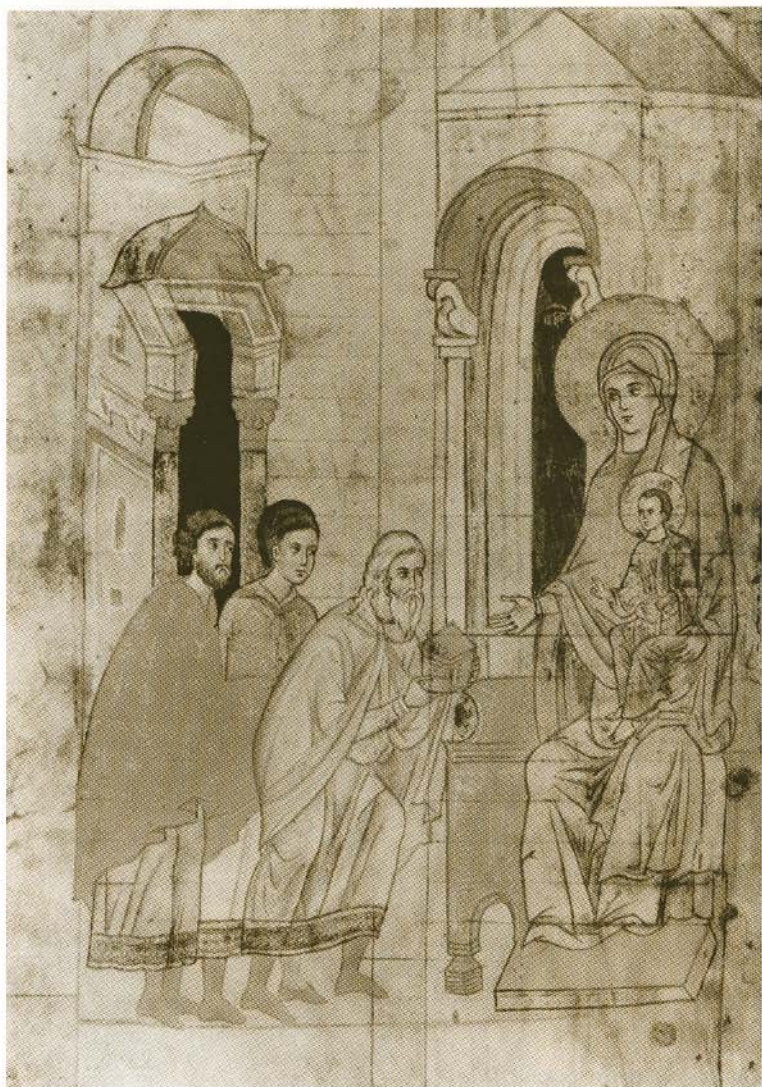

Духовная
грамота
великого князя
Ивана
Даниловича
Калиты.
Около 1339 г.
Первый вариант.

Духовная грамота
великого князя
Ивана Даниловича Калиты.
Около 1339 г. Второй вариант.
Обе фотографии предоставлены
Российским государственным
архивом древних актов.

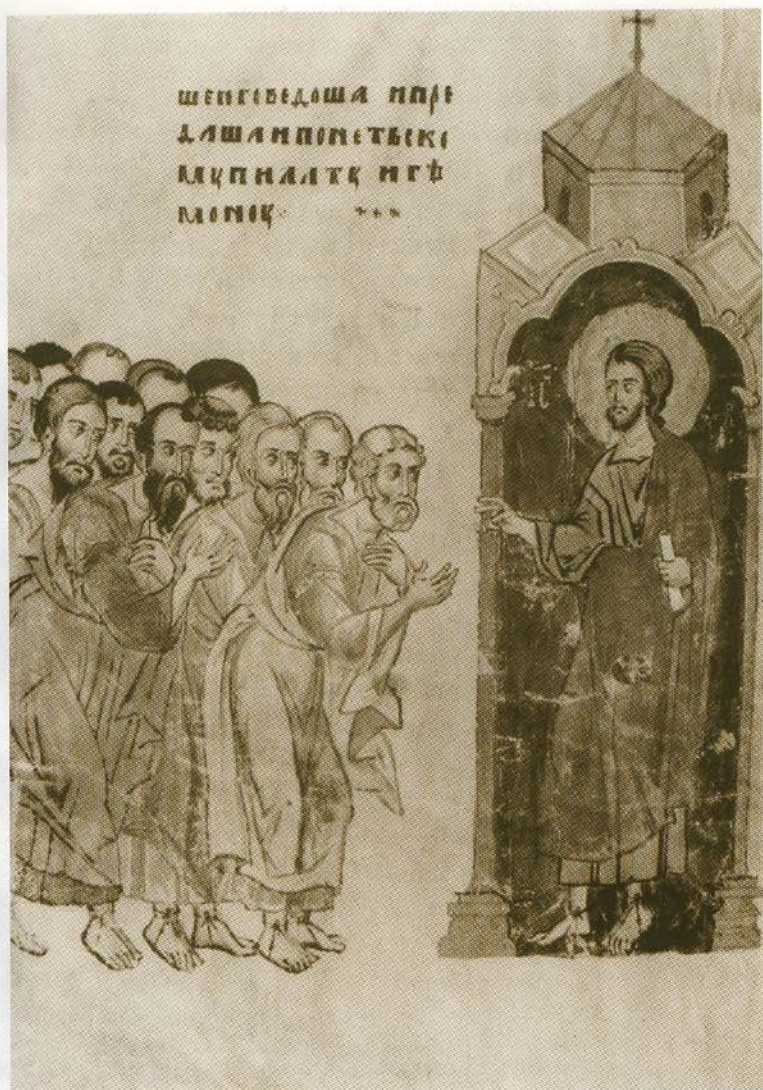

Печать великого князя Ивана
Даниловича с привешенной
к ней татарской тамгой
(ныне утеряна).
Рисунок из книги:
*Собрание государственных
грамот и договоров, хранящихся
в Государственной коллегии
иностранных дел. Ч. 1. М., 1813.*

Поклонение волхвов.

Миниатюра Сийского Евангелия. 1339—1340 гг. Заказ Ивана Калиты.

Отослание апостолов на проповедь.
Миниатюра Сийского Евангелия. 1339—1340 гг.

был Владимир, легла и на Переяславль. Многократно разоренный татарами, город обезлюдел, сжался в кольцо древних валов. Тут и там виднелись незастроенные пепелища. Даже приезд владыки не мог возродить бывшего величия Переяславля. Впрочем, Петр не имел времени, чтобы подолгу оставаться на одном месте. Исполняя свой архипастырский долг, он неустанно странствовал по Руси, наставляя и обличая, убеждая и проклиная. Лишь к концу жизни, устав от вечных скитаний, он избрал своим любимым пристанищем Москву. Здесь его всегда приветливо встречал благочестивый князь Иван Данилович.

Сложившаяся при митрополите Петре «двуглавая» структура митрополичьей епархии (Владимир—Переяславль, позднее Владимир—Москва) воспроизводила на епархиальном уровне возникшую после татарского нашествия «двуглавую» схему всей русской митрополии (Киев—Владимир).

Митрополит Петр возвышался над князьями не только величием своего сана и авторитетом стоявшего за его спиной константинопольского патриарха. В своих поступках он исходил прежде всего из интересов церкви и нравственных императивов Евангелия. Никто из князей не мог использовать его в качестве орудия для достижения своих корыстных целей. Однако за добро Петр всегда платил добром. Гостеприимство князя Ивана, а главное — его неподдельное, истовое благочестие побуждали Петра к ответному доброжелательству. В сложных обстоятельствах он поддерживал москвичей. А эта поддержка значила в ту пору очень много.

В условиях политической разобщенности, всеобщего материального и духовного оскудения, вызванного монгольским завоеванием, значение церкви в жизни русского общества неизмеримо возросло. Ордынское владычество истощало страну, а вместе с ней и церковь. Однако церковь не подвергалась каким-либо гонениям со стороны завоевателей. Монголы отличались большой религиозной терпимостью, чтили чужие верования, но при этом требовали от русских князей, приезжавших в ханскую ставку, исполнения старинных монгольских языческих обрядов. Последнее стало причиной казни в Орде некоторых русских князей, считавших исполнение этих ритуалов изменой христианству. Так погиб в ставке Батыея в 1246 году князь Михаил Всеволодович Черниговский. Вскоре после смерти он стал почитаться церковью как святой.

Следуя заветам Чингисхана, его потомки повсюду в завоеванных странах оказывали покровительство местному духовенству. На Руси оно было освобождено от всех податей и

повинностей в Орду. Русские митрополиты получали из рук хана особые грамоты (ярлыки), подтверждавшие эти привилегии. Льготы распространялись не только на духовенство, но и на некоторые категории населения, связанные с церковью.

В свою очередь, русское духовенство — от митрополита до сельского священника — обязано было публично, при всем народе молить Бога о благополучии ордынского «царя». Оправдание этому унижению находили в Библии.

«Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: так скажите государям вашим: Я сотворил землю, человека и животных, которые на лице земли, великим могуществом Моим и простертою мышцею Моею, и отдал ее, кому мне благоугодно было. И ныне Я отдаю все земли сии в руку Навуходоносора, царя Вавилонского, раба Моего, и даже зверей полевых отдаю ему на служение. И все народы будут служить ему и сыну его и сыну сына его, доколе не придет время и его земле и ему самому; и будут служить ему народы многие и цари великие» (Иеремия, 27, 4—7).

Толкование «вавилонского плена» иудеев как Божией кары, которой нельзя противиться, было использовано русским духовенством применительно к «ордынскому плену». Конечно, такой вывод был вполне естественным для человека Средневековья. Кроме того, «примиренчество» диктовалось самим здравым смыслом. Это был единственный путь к самосохранению народа — путь Александра Невского и Ивана Калиты, путь святителей Петра и Алексея.

Москва искала расположения митрополита. Но и митрополит имел все основания искать дружбы одного из сильнейших княжеских семейств. Он нуждался в энергичной поддержке светской власти. Одной из причин этого было широкое распространение в ту пору всевозможных вероучений и ересей. Одни из них шли на Русь с запада, другие — с востока, из Орды. Русской церкви приходилось напрягать все силы в борьбе с другими верованиями. И здесь она не могла обойтись без помощи княжеской власти.

Вслед за татарами на Русь пришло мусульманство. После переписи 1257 года Орда передавала право на откуп русской дани оборотистым мусульманским купцам из Средней Азии и Волжской Болгарии. Они выплачивали в ханскую казну сразу всю сумму дани, причитающуюся с той или иной области Руси. После этого они приезжали на Русь и, обосновавшись в одном из городов, собирали эту дань с населения с большим «наваром» для себя. В случае необходимости им содействовали баскаки — представители ордынской администрации в русских землях. Иногда баскаки имели собственные

вооруженные отряды. Но главное — они могли жаловаться хану и вызывать на провинившиеся области карательные экспедиции.

Русские люди ненавидели откупщиков-«бесермен» («басурманин», «бесерменин» — искаженное «мусульманин»). Однако нашлись и те, кто, желая угодить откупщикам, а может быть, и вполне бескорыстно, разуверившись в христианском Боге, обращались в мусульманство. Летопись сообщает, что в 1262 году в Ярославле во время народного восстания против «бесермен» был растерзан толпой один из таких отступников — бывший православный монах Зосима (25,72).

Митрополит Петр противодействовал мусульманской проповеди на Руси. В это время при хане Узбеке мусульманство окончательно торжествует в Орде и становится ее государственной религией. Несомненно, имели место и попытки распространения мусульманства в «русском улусе». Согласно «Житию» митрополит, без усталости странствуя по Руси и повсюду укрепляя христианскую веру, однажды столкнулся с неким Сеитом, судя по имени — мусульманским духовным лицом. Одолев противника в споре, святитель проклял его. Когда произошел этот случай, источник не сообщает (120, 16).

Отражением религиозной борьбы тех лет стала история гибели в Болгарах купца Феодора Иерусалимлянина. Ревностный христианин, начитанный в Священном Писании, Феодор смело вступил в спор о вере с местными мусульманами. «Они же окаянии не стерпеша своего поругания, замучиша его за православную веру» (22, 189). Это произошло 21 апреля 1323 года. В этот день по церковному календарю празднуется память древнего христианского мученика Феодора, «иже в Пергии». Более того, память еще двух мучеников с тем же именем празднуется накануне (Феодор Трихина, 20 апреля) и на следующий день (Феодор Сикеот, 22 апреля). Видимо, именно в день своих именин, подражая первым христианским мученикам, Феодор Иерусалимлянин решил публично исповедать свою веру перед иноверцами, за что и поплатился жизнью.

Живший в Твери земляк Феодора, выходец из Византии игумен Иван Цареградец, решил увековечить мученичество постройкой каменной церкви. Вслед за известием о гибели Феодора летопись сообщает: «Того же лета совершена бысть и свещена церковь камена во Твери во имя святого Феодора, юже соверши и украси игумен некий, именем Иван Цареградец» (22, 188). Феодоровский монастырь, в котором игуменствовал Иван Цареградец, был расположен на островке у

впадения реки Тьмаки в Волгу, прямо под стенами тверского кремля. Строительство каменного храма велось, несомненно, под надзором тверского епископа Варсонофия — ставленника митрополита Петра. Второй каменный храм Твери стал памятником всем христианам-мученикам, павшим от рук иноверцев.

Еще большую опасность, чем мусульманство, представляли для русского православия всевозможные ереси. В 1313 году митрополит Петр должен был созвать поместный собор для осуждения взглядов новгородского протопopa Вавила. Уникальное известие об этом соборе (смешанное, впрочем, с сообщением о переяславском соборе 1310 года) содержится в «Истории Российской» В.Н. Татищева. «Того же лета явился в Новеграде еретик Вавила, протопоп новгородский, к нему же пристаха мнозии от причта церковна и мирян, и епископ тверский Андрей помагаше има, глаголя: «Се яко рай на земле погибе»; и святыи ангельский монашеский чин ругаху безбожным и учением бесовским именоваху. И мнозии, от инок изшедше, оженяхуся. Преосвященный же митрополит Петр созва на Переславль собор велии, быша ту вси епископи, игумены, попы, диаконы и чернцы, и от патриарха Афанасия клирик ученый. И многу прению бывшу, и едва преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, от божественного писания и помосчию и заступлением князя Ивана Даниловича преодоле и проклят того еретика; а сам иде по градом, поучая право верити, и укроти молву, а смущение диаволе прогна» (38, 72).

Интересное предположение высказал Б. А. Рыбаков. Оно касается древнерусского публицистического сборника «Власфимия». В нем под видом «хулы на еретиков» содержится острая критика официальной церкви. По мнению Рыбакова, новгородский протопоп Вавила, которого проклял митрополит Петр, «был одним из первых читателей (а может быть, и создателем?) полной, воинствующей Власфимии (1274—1312 гг.)» (117, 156).

Примечательно, что согласно Татищеву Иван Калита уже в 1313 году помог митрополиту Петру в борьбе с еретиком, имевшим таких влиятельных покровителей, как тверской епископ Андрей.

Весьма сомнительную с точки зрения ортодоксального православия идею о том, что «рай на земле погибе», вслед за Андреем отстаивал и другой тверской владыка — Феодор (1342—1360). В 1347 году новгородский епископ Василий Калика обличал его за это в своем известном послании «о земном рае».

Среди духовных соблазнов для православных в ту пору не последнее место занимало и несторианство. Эта ересь, основателем которой был константинопольский патриарх Несторий (428—431), подверглась осуждению на Эфесском вселенском соборе в 431 году. Суть несторианства — в признании преимущественно человеческой природы Христа. Из этого следовало, что дева Мария не может быть названа Богородицей. Осужденное собором и изгнанное из западных провинций Византии, несторианство ушло на Восток и там получило значительное распространение. Среди кочевников Золотой Орды было немало несториан. И хотя прямых сведений о проникновении этой ереси на Русь не имеется, не приходится сомневаться в том, что митрополит Петр сталкивался с нею.

«Житие Петра» очень лаконично и наивно рассказывает о приезде митрополита в Москву. Святитель много путешествовал, исполняя свой пастырский долг. Он учил слову Божьему повсюду: «не токмо по градом, но и вся и везде в странах, и вся места преходя». Однажды в своих странствиях он попал в город, известный только своей «кротостию в смирении» (120, 25). Это была Москва. Здесь жил князь Иван Данилович, милостивый до святых церквей и до нищих, любивший святые книги, внимавший наставлениям духовенства. И святитель стал жить в Москве.

Вероятно, Петр прочно обосновался на своем московском подворье лишь в 1322 году. Именно тогда, после получения Дмитрием Тверским великого княжения и бегства Юрия в Новгород, Иван Данилович стал московским князем. В восточной части Кремля князь выстроил для митрополита новый обширный «двор».

Митрополит советовал Ивану возвести в Москве каменный епископский собор, подобный тем, что украшали все главные города Северо-Восточной Руси. Иван, вероятно, и сам думал об этом, но вечная нехватка средств, которые без остатка уходили на ордынские тяжбы с тверскими князьями, не позволяла приняться за дело.

Москвичи не имели большого опыта в каменном строительстве. По некоторым сведениям, еще князь Даниил построил каменный храм в Даниловом монастыре. Кроме того, археологи обнаружили остатки каменных фундаментов еще двух храмов, стоявших на Соборной площади московского Кремля (59, 148). Письменные источники ничего не сообщают о них. Летописец называет Успенский собор, построенный

Иваном Калитой, «первой каменной церковью на Москве» (25,89).

Бывая в Москве наездами, митрополиты останавливались на своем подворье, располагавшемся на западной оконечности Боровицкого холма. Там, среди высоких сосен древнего бора, высилась стройная деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи. Предание называет ее первой церковью в Москве. Полагают, что она была поставлена на месте древнего языческого капища. В 1461 году по указу московского князя Василия Темного на смену деревянной была поставлена каменная церковь того же названия. Этот храм был, в свою очередь, заменен новым, каменным же, в 1508 году. Постояв до 1848 года, он пришел в ветхость и был разобран по распоряжению императора Николая I.

Весть о гибели в Орде князя Юрия Даниловича достигла Москвы где-то в самом конце 1325 года. А 8 февраля 1326 года, в первую субботу Великого поста, москвичи встречали гроб с телом Юрия, привезенным из Орды. В этот день праздновалась память сразу двух святых — Феодора Стратилата и Феодора Тирона. Оба они были великомучениками, казненными за веру во времена гонений на христиан. Несомненно, князь Иван избрал день для печального действия не случайно, но после совета с митрополитом. В памяти народа Юрий должен был остаться как воин и мученик за веру. Мало кто знал тогда подоплеку его убийства. Все думали, что оно было совершено по приказу хана Узбека. Ведь убийца Юрия князь Дмитрий Тверской еще не был наказан.

Тверичи почитали князя Михаила как мученика за веру и отечество. Москва, по мысли Ивана Калиты, должна была иметь своего мученика — «невинно убиенного» князя Юрия.

Похороны новомученика Георгия (Юрия) были очень торжественными. Его отпевал сам митрополит Петр с четырьмя епископами. В это время в Москве находился новгородский архиепископ Моисей, только что поставленный в сан митрополитом, а также тверской владыка Варсонофий, прибывший на хиротонию Моисея. Вместе с ними в церемонии участвовали ростовский епископ Прохор и рязанский владыка Григорий.

По одним летописям, Юрий был похоронен «в церкви святого Михаила» (деревянном храме, предшественнике Архангельского собора московского Кремля), по другим — «у Димитрия Селунского» (одна из церквей московского Кремля, позднее обращенная в придел Успенского собора). Досто-

верно известно, что в конце XV века прах Юрия находился в аркосолии в стене Димитриевского придела старого Успенского собора (27, 487). В новом соборе 1479 года его поместили в том же Димитриевском приделе, но в земле, под полом, «и надгробницу учиниша над ним» (27, 499).

В Древней Руси князья обычно ложились на вечный покой в храмах, построенных ими самими. Можно думать, что именно Юрий построил церковь св. Димитрия. Культ этого святого воина получил особое распространение в Северо-Восточной Руси со времен Всеволода Большое Гнездо (1177—1212), который в крещении был наречен Димитрием. Русские люди чтит в солунском герое не только мученика, но и «отечестволюбца». В летописях сохранилась молитва Дмитрия Солунского о его родном городе Селуни: «Господи! Аще погубиши град сей, то и аз с ним погибну. Аще ли спасеши, то и аз спасен буду» (26,336). «Повесть о Михаиле Тверском» сравнивает князя-мученика с Дмитрием Солунским, так как оба они готовы были пострадать за свое отечество.

Князь Юрий Данилович был дорог москвичам как их давнишний предводитель и неугомонный боец за возвышение Москвы. Они искренне скорбели о нем. Новгородский летописец, вероятно, со слов свидетеля событий архиепископа Моисея, повествует: «И плакася по нем брат его князь Иван и весь народ от мала до велика плачем великим зело» (10, 340).

Схоронив Юрия, Иван остался наследником всех дел и забот, коими был такотягощен его старший брат. Погибший внезапно, Юрий, вероятно, не успел оставить никакого завещания. Да и кому, кроме Ивана, он мог завещать свои земли и власть?

Теперь для Ивана настало время размышлений. По воле Провидения он поднялся на вершину и стоял там в одиночестве. Он почувствовал вдруг, что сам Господь ведет его к неведомой цели по зыбким мосткам случайностей, перекинутым через пропасти невозможного. И страх охватил смиренного Ивана...

Вновь и вновь обращался он за советом и поучением к старому митрополиту, выдавшему так много на своем веку. Митрополит не жалел своих вечерних часов для бесед с давно полубившимся ему московским князем. Они говорили обо всем, и каждый раз князь возвращался в свои покои в глубокой задумчивости.

Они часто вспоминали Юрия. Святитель убеждал Ивана отказаться от проторенной Юрием тропы войны и крови. И зачем в отчаянной борьбе за призрачную власть швырять

последнее русское серебро в ненасытную пасть ордынского дракона? Следует надеяться на Бога и делать угодное Ему.

Москва должна стать средоточием русского православия. Тогда ей не страшны будут превратности судьбы. Для начала следует построить в Москве каменный собор, посвященный Успению Божией Матери. Уже одно это посвящение скажет людям о многом. Главный храм стольного Владимира, собор Киево-Печерского монастыря и знаменитая Десятинная церковь святого Владимира — таковы будут духовные сородичи этого храма.

Следуя примеру Петра, и другие митрополиты станут жить в Москве, имея достойный храм для богослужений. Собор станет их усыпальницей. А рядом с собором надлежит выстроить новый дворец для святителей. И в этом — залог грядущего процветания Москвы и ее правителей, потомков князя Ивана. Создатель Пространной редакции «Жития митрополита Петра» митрополит Киприан так передает наставление Петра князю Ивану: «Аще мене, сыну, послушаеши и храм Пресвятое Богородици въздвигнеши в своем граде, и сам прославившись паче инех князий, и сынове и вьнуци твои в роды, и град сей славен будет во всех градах Русских, и святители поживут в нем, и възьдут «руки его на плеща враг его», и прославится Бог с нем» (120, 83).

Так говорил митрополит Петр, и, слушая его, Иван словно заглядывал за пределы дозволенного смертному, приоткрывая завесу над будущим.

Москве нужны свои святые и праведники. «Лучше один праведник, нежели тысяча грешников» (Сирах, 16, 3). Нужно искать праведников и прославлять их. И сам князь должен в меру своих сил стать праведником, ибо «каков правитель народа, таковы и служащие при нем; и каков начальствующий над городом, таковы и все живущие в нем» (Сирах, 10, 2). Князь вопрошал: но может ли быть власть без греха? Ведь с ней всегда сопряжены насилие и обман, лицемерие и жестокость. Но и правитель не чужд путей спасения, возражал Петр. Путь к этому указан в Писании. Пророк Даниил наставлял когда-то свирепого царя Навуходоносора: «Искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным: вот чем может продлиться мир твой» (Даниил, 4, 24).

Они подолгу говорили между собой, эти два великих строителя Руси. Часы беседы текли незаметно, словно само время замедляло свой бег у их порога. Столь разные во всем, они узнавали и понимали друг друга, ибо в каждом из них совмещались две правды — жестокая правда Власти и милосердная правда Евангелия. В этом была их боль — и вместе

их величие. Ведь только тот, кто способен соединять несоединимое и вмещать невместимое, поднимается над толпой и остается в истории.

Святитель убеждал Ивана не воевать с Тверью и не мстить за брата. Оставив месть Тому, кто знает все пути и судьбы, нужно думать о спасении души, молиться и творить милостыню. Что же до Твери, то она сама обрекла себя на гибель своим высокомерием. Ведь «гордость ненавистна и Господу и людям, и преступна против обоих» (Сирах, 10, 7). Михаил Тверской поднял оружие на татар; Дмитрий Тверской осудил на смерть Юрия Даниловича, присвоив себе право, данное Богом одному лишь «царю» — ордынскому хану.

Нельзя воинствовать против царя Навуходоносора ни в делах, ни даже в мыслях своих, убеждал митрополит князя Ивана. Бог даровал ордынскому царю — как некогда царю Навуходоносору — его царство, величие, честь и славу. «Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет» (Даниил, 4, 14). И только Бог может отнять у него все это, когда захочет. Нужно не за страх, а за совесть служить царю, молиться о его здравии, как молится и сам митрополит, — ибо царь сей есть орудие Божьего промысла о Руси. Нужно очиститься от грехов, сохранить свою веру, — и тогда Господь сам вернет своему народу все его достояние и свободу.

И, разгибая тяжелую книгу, святитель читал: «И ныне Я отдаю все земли сии в руку Навуходоносора, царя Вавилонского, раба моего... И вы не слушайте своих пророков и своих гадателей, и своих сновидцев, и своих волшебников, и своих звездочетов, которые говорят вам: «не будете служить царю Вавилонскому». Ибо они пророчествуют вам ложь, чтобы удалить вас из земли вашей, и чтобы Я изгнал вас и вы погибли. Народ же, который подклонит выю свою под ярмо царя Вавилонского и станет служить ему, Я оставлю на земле своей, говорит Господь, и он будет возделывать ее и жить на ней. И Седекии, царю Иудейскому, я говорил всеми сими словами, и сказал: подклоните выю свою под ярмо царя Вавилонского и служите ему и народу его, и будете живы. Зачем умирать тебе и народу твоему от меча, голода и моровой язвы, как изрек Господь о том народе, который не будет служить царю Вавилонскому?» (Иеремия, 27, 6—13).

Временами Петр поднимал взгляд от книги и внимательно смотрел в глаза Ивану, словно желая убедиться, дошла ли до князя сокровенная мудрость пророчества. В глубокой задумчивости князь повторил слова пророка: «подклоните выю свою под ярмо царя Вавилонского и служите ему и народу его, и будете живы»...

Слова митрополита западали в отзывчивую душу Ивана Даниловича. Они открывали ему дорогу к действию во имя будущего. И в этих долгих беседах понемногу совершалось чудесное превращение неприметного московского князя Ивана в «собирателя Руси» Ивана Калиту.

Успенский собор в московском Кремле был заложен в понедельник, 4 августа 1326 года. Уже одно только время закладки — конец лета! — свидетельствует о крайней поспешности всего дела. Обычно каменное строительство начинали весной и заканчивали осенью. Зимой на санях возили глыбы камня и бревна для строительных лесов.

Князь хотел начать дело до своего отъезда в Орду. Если ему не суждено будет вернуться домой — строительство храма продолжат сыновья. Кроме старшего сына Семена, родившегося 7 сентября 1317 года, и второго, умершего в младенчестве Даниила (родился в 1320 году), Иван имел тогда и еще одного наследника — сына Ивана. Родившийся 30 марта 1326 года, в Фомино воскресенье, именуемое в народе Красной горкой, он получил прозвище «Красный».

Митрополит также не хотел откладывать начало строительства. Его уже неодолимо клонили к земле годы и болезни. И он в любой час мог уйти в тот путь, из которого никто не возвращался...

Необычным был день торжественной церемонии закладки храма (стен на фундаменте или самих фундаментов?). В этот день не было никакого большого праздника, да и сам день недели был самый прозаический — понедельник, когда благоразумные люди Древней Руси избегали начинать что-либо важное (52, 131). Несомненно, митрополит увидел в дне 4 августа нечто важное, особое, символическое. Такова была традиция той эпохи.

Конечно, сегодня уже очень трудно восстановить эту символику. Ведь биографии наших героев известны нам лишь в самых общих чертах. Мы не знаем многих важных событий их жизни, а также жизни их предков, — то есть тех самых «частич» калейдоскопа бытия, из которых символическое мышление складывало свои фигуры.

И все же некоторые очертания таинственных фигур угадываются в тумане минувшего.

Закладка первого каменного собора в Москве — событие слишком значительное, чтобы дата его носила частный, семейно-родовой характер. В этой дате митрополит Петр и князь Иван как бы «зашифровали» свои сокровенные чаяния

о Руси. Попробуем же разгадать эту духовную тайнопись с помощью церковного календаря — месяцеслова. В этот день, 4 августа, церковь вспоминала древнего христианского мученика Елевферия (казнен в 310 году). Вероятно, не этот малоизвестный святой привлек внимание московских храмоздателей. Но в тот же день праздновалась и память «семи отроков эфесских» — христиан из Эфеса, замурованных в пещере по приказу императора-язычника Декия. Спустя много лет вход в пещеру был случайно открыт и на глазах у всех собравшихся людей совершилось чудо: юноши ожили, как бы очнулись от многолетнего сна. Это чудо предзнаменовало всеобщее воскресение из мертвых на Страшном суде. Своим чудесным пробуждением отроки посрамили тех, кто не верил в воскресение мертвых — один из главных постулатов христианства.

Легенда о семи отроках пользовалась особой популярностью на Руси в XII—XIV веках. О них упоминает в своем «Хождении» в Святую землю русский игумен Даниил (начало XII века). Посетив Эфес, он записал в своей книге: «И ту есть пещера, иде же лежат тела 7-ми отрок, иже спали 300 и 60 лет; при Декии цари успоша, а при Феодосии цари явишася» (12, 28). Их изображение встречается в росписи жертвенника благовещенской церкви Аркажского монастыря близ Новгорода (конец XII века). Композиция «Семь спящих отроков», вписанная в круг, занимает видное место в резных декорациях Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Здесь она обозначала прежде всего духовное единение, а также могущественную «охранительную силу божества» (57, 96). Наряду с такими популярными во владими́ро-суздальской пластике композициями, как «Три отрока в печи огненной» и «Даниил во рву львином», тема «Семи отроков эфесских» наполнилась новым звучанием в период ордынского ига. Они символизировали «твердость духа, стойкость в сопротивлении деспотической воле, то есть в конце концов идею героического подвига» (57, 99).

Исследователи отмечали также несомненную теологическую связь культа семи отроков с прославлением Божией Матери (57, 98).

История семи отроков, чье воскресение явилось прообразом воскресения мертвых на Страшном суде, была созвучна не только настроениям самого Ивана Калиты и его советника митрополита, но и всех русских людей того тревожного времени. Нагрудные иконки с изображением семи отроков эфесских в сочетании с главными образами русского православия — Богородицею, Николой, Спасом — были особенно популярны на Руси именно в XIII—XIV веках (51, 55).

Есть основания полагать, что композиция «Семь спящих отроков» присутствовала в росписи первого московского Успенского собора или же пристроенного к нему в 1329 году Петроверигского придела. Спящих отроков встречаем и в росписи Благовещенского собора московского Кремля (1508 год). Эта роспись представляла собой своего рода «лицевой свод» московских святых XIV—XV веков.

Заложив вместе с митрополитом Успенский собор, Иван Данилович не спешил отправляться в Орду. Действуя прямолинейно, он устремился бы туда с требованием расправы над убийцей брата немедленно по получении вести о его гибели. Однако Иван знал, что хан не любит настойчивых. И потому он терпеливо ждал, когда владыка степей сам примет решение. Из Москвы князь выехал лишь где-то в середине октября 1326 года, получив известие о казни в Орде князя Дмитрия Тверского, состоявшейся 15 сентября 1326 года (23, 42). Скорые гонцы могли донести эту весть до Москвы примерно за месяц. (Присутствие Ивана Даниловича в Москве в начале октября 1326 года сомнению не подлежит: 4 июля 1327 года княгиня Елена родила четвертого сына, Андрея. Своих жен русские князья в Орду не брали.)

Назначение нового великого князя Владимирского требовало у хана продолжительных размышлений. Его внимание было приковано к событиям вокруг Юго-Западной Руси. Там вновь явственно проявлялись опасные для ордынского господства тенденции. В 1324 году галицко-волынским князем стал Болеслав-Юрий II Тройденевич — ставленник Польши. В начале 1325 года был заключен союз между Польшей и Литвой, скрепленный 16 октября того же года браком дочери великого князя Литовского Гедимина Анны и наследника польского престола Казимира. Этот союз открывал путь к соединению обоих государств для борьбы с Орденом и Ордой.

В этой обстановке хан решил «поиграть мускулами». В 1325 году он посылал каких-то «князей» (возможно, не только татарских, но и русских) в поход на Литву. Порученцы «много зла сотвориша Литве, и со многим полным приидоша во Орду» (20, 189). Благодаря военной активности Орды Галицко-Волинская Русь и Киевская земля, находившиеся под властью правителей из Польши и Литвы, продолжали платить дань «вольному царю» Узбеку (131, 35).

Не довольствуясь временными успехами своих «ратей», хан хотел создать у восточных границ Литвы внушительную владимирско-тверскую военную силу. Уже самим своим положением Тверь была призвана стать западным форпостом «русского улуса». Кроме того, Узбек не терял надежду вовлечь

Литву в политическую систему великого княжения Владимирского, фактической столицей которого была бы Тверь.

Князь Дмитрий Тверской, несомненно, знал, какую важную роль отводил ему в своих замыслах Узбек. Отсюда та наглая самоуверенность, с которой он расправился с Юрием. Хан и вправду долго не хотел расставаться с Дмитрием и с теми политическими комбинациями, которые были на нем «завязаны». Люди вообще не любят отказываться от своих «насиженных» мыслей.

Пока Узбек задумчиво перебирал свои неторопливые четки, русские князья вынуждены были терпеливо ждать. Они томились в своих походных шатрах, охотились с птицами, упражнялись в стрельбе из лука, а по вечерам пили с ордынскими «царевичами» хмельной русский «мед» и монгольскую просяную водку.

Наконец хан решил остановиться на новом варианте той же «тверской» темы. Дмитрий Михайлович отправился под нож ханского палача, а его место занял следующий по старшинству сын Михаила Тверского — Александр. В отличие от Дмитрия он не был бездетным. В 1321 году княгиня Анна родила ему сына Льва. Несомненно, брак Александра открывал для Орды возможности династических комбинаций.

После казни Дмитрия Александр получил ярлык на великое княжение Владимирское и одновременно стал правителем Твери. Вернувшись к старой схеме Владимир — Тверь — Литва, хан обогатил ее одним существенным дополнением. В Твери он велел разместить сильный татарский отряд под началом Чолхана (в русском произношении — Шевкал, Щелкан). Историки обычно объясняют этот шаг тем, что «хан хотел поставить великого князя под свой контроль» (130, 475). Однако, кроме самоуправства Дмитрия Тверского в споре с Юрием в 1325 году, нет никаких признаков того, что великий князь мог выйти из-под ордынского контроля.

Присутствие отряда Шевкала в Твери явно указывает на его «международное» значение. Это войско должно было служить своего рода дамокловым мечом, постоянно нависавшим над восточными областями Литвы. Вместе с тем Шевкал мог при ином повороте событий выступить и как союзник Литвы в войне в Ордене. Все это открывало новые возможности для ордынской дипломатии в Восточной Европе. Конечно, хан сознавал, что пребывание татар в Твери может привести к конфликту с местными жителями. Однако князь Александр, видимо, обещал уладить этот вопрос.

Разумеется, ни летописцы, ни тем более простые люди не были осведомлены относительно целей прихода Шевкала.

Они объясняли дело в привычном русле народной фантазии и эсхатологии. Наученный дьяволом, Шевкал просил хана: «Господине царю! Аще ми велиши, аз иду в Русь и разорю христианство, а князя их избию, а княгини и дети к тебе приведу» (23, 42–43).

Узнав решение «царя», русские стали собираться домой. Одним из первых откланялся и погнал коней на север князь Иван Данилович. Ему не терпелось поглядеть на то, как идет строительство собора. Гонцы из Москвы приносили смутные вести. Старый митрополит, совсем расхворавшись, велел приготовить себе белокаменную гробницу в восточной части строящегося собора, в стене жертвенника. Он хотел и после кончины остаться в Москве. Это противоречило древней традиции, по которой митрополитов хоронили в киевском Софийском соборе. Впрочем, традицию нарушил еще митрополит Максим, перенесший свою резиденцию из Киева во Владимир-на-Клязьме. Он был похоронен там же, во Владимире, в Пантелеймоновском приделе Успенского собора.

Иван мчался к Москве по заметным снегом лесным дорогам, загоня коней и оставив далеко позади свой обоз. И все же он не успел проститься с учителем. В ночь с 20 на 21 декабря 1326 года Петр скончался. Князь вернулся в столицу на другой день. Вместе со своими боярами он на руках отнес гроб с иссохшим телом старца в назначенное место. Тяжелая белокаменная плита закрыла его саркофаг.

Слушая печальные напевы панихиды, Иван вспоминал один из последних своих разговоров со святителем. Тогда он попросил старца истолковать странный сон, приснившийся ему накануне. Во сне, будто наяву, ехал он на коне по окрестностям Москвы и вдруг увидел впереди небывалую высокую гору, вершина которой была покрыта сверкающим на солнце снегом. Пораженный, князь остановился. Вскоре снежная вершина исчезла из глаз, а вслед за нею растаяла в воздухе и сама гора.

Выслушав рассказ Ивана, митрополит поглядел на него своим внимательным взором и так объяснил видение: как исчез снег на вершине горы — так и он, Петр, скоро исчезнет из этого мира; но потом придет черед и самого Ивана покинуть сей мир; исчезнув без следа, как эта могучая гора. И еще святитель предрек Ивану, что перед смертью к нему придет некий старец — вестник скорой кончины (26,317).

Так рассказывал эту историю игумен Пафнутий Боровский, хорошо знавший семейные предания московских кня-

зей (120, 111). В предании угадываются черты действительности. Библейский пророк Даниил славился как прозорливый истолкователь своих собственных и чужих видений и вещей снов. Внимательный читатель книги Даниила, Иван Калита с особым интересом относился и к своим снам, искал в них пророческого смысла. Вполне естественно было его обращение к митрополиту с просьбой объяснить значение загадочной снежной горы. Ответ старого иерарха не содержал в себе ничего особенного, кроме горькой мудрости Екклесиаста: «Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах» (Екклесиаст, 3, 20).

Несколько иная версия этого предания, согласно которой князь Иван Данилович имел видение горы с заснеженной вершиной во время охоты в урочище Высокое близ Москвы, содержится в «Сказании о чудесах митрополита Петра», созданном около 1470 года московским книжником по имени Кифа. Эта версия запечатлена в четырнадцатом клейме знаменитой житийной иконы митрополита Петра, созданной в конце XV века художником из круга Дионисия. Два всадника — князь Иван и его спутник боярин Протасий — в изумлении взирают на дивную гору с заснеженной вершиной. Ее явление непостижимо: «а место же тамо равно, ни холмов не имея, а время не снежное беяше» (120, 111).

Но особенно красочно эта история изложена в Мазуринском летописце (конец XVII века). Здесь, кроме горы и снега, появляется третий символ — широкое поле, по которому ехал князь с Протасием. Митрополит объяснил Ивану его видение так: «Поле великое — твое государство Московское, а гора великая ты, государь, а снег на горе, то аз многогрешный; начат снег таяти, то преже мне умрети, а после меня и тебе, государю, преставитися, егда услышиши старца к тебе пришедша и у дверей толкущесе, и ты уразумеши жития твоего конец». С тех пор князь Иван «всегда старца того ожидаше пришествия» (32, 84). На месте видения снежной горы князь Иван устроил монастырь с храмом в честь иконы Боголюбской Божией Матери (32, 84). Эта икона со времен Андрея Боголюбского считалась палладиумом Владимирской Руси (58, 133). В соборе Высоко-Петровского монастыря хранились частицы мощей митрополита Петра и был устроен придел во имя московского первосвятителя, выросший позднее в самостоятельный храм (55, 41).

Благодаря своему мемориальному значению Высоко-Петровский монастырь играл важную роль в духовной жизни Москвы. В 1379 году настоятель обители Иоанн имел сан архимандрита и был главой всего московского монашества.

Источники называют его «московским киновиархом, начальником общему житию» (114, 223). Из этого можно заключить, что монастырь был любим крестником Калиты митрополитом Алексеем, заботившимся о распространении общежительного устава в русских обителях.

Перед кончиной Петр преподавал наглядный урок милосердия. Щедро раздав милостыню нищим, он не забыл и своих церковных людей. Созвав к себе на двор все московское духовенство, он наделил каждого каким-нибудь подарком. Так он роздал все свое имущество и ушел в иную жизнь бедняком (120, 25). Лучшей памятью о нем остались написанные им иконы, бережно хранившиеся в московских церквях.

Московское предание, навеки соединившее митрополита Петра с Иваном Калитой, особо выделяет милосердие и бескорыстие обоих основоположников «третьего Рима». И в этом есть не только глубокая мудрость возвышенного осмысления прошлого, но и зерно исторической истины.

Старец Пафнутий рассказывал ученикам и следующую поучительную историю из жизни митрополита Петра.

Однажды, когда святитель молился в храме «о неких делах земских», его келейник инок Целада обратился к нему с таким упреком: «Ты молишься и хочеши услышан быти, а в казне у тебе три рубли». Митрополит велел келейнику тотчас пойти и раздать последние деньги нищим. После этого немедленно исполнилось то, о чем он просил Бога в своей молитве. «Види ми, какво нестяжание имяше блаженный сей, и сего ради наречен бысть новый чудотворец», — завершает старец Пафнутий (3, 22).

Москва глубоко чтит умершего святителя. Среди москвичей ходили рассказы о его посмертных чудесах. Один иноврец, присутствовавший на его похоронах, клялся, что увидел своими глазами, как при перенесении тела Петра в гробницу умерший приподнялся на одре и благословил весь народ и князя Ивана. Некий сухорукий юноша исцелился у гробницы Петра уже через 20 дней после его кончины. Потом чудесным образом Петр исцелил слепого. Князь Иван велел записывать все эти происшествия, а также составить краткое «житие» — рассказ о жизни святого.

В первой половине 1327 года во Владимире на Клязьме состоялся поместный собор русской церкви. Исполнявший тогда обязанности митрополита ростовский епископ Прохор зачитал присланный из Москвы список чудес, случившихся у гробницы Петра. Для причисления к лику святых («канонизации») требовались три условия: чудеса у гроба, наличие

письменного «жития» и нетленность мощей. Впрочем, иногда обходились и двумя первыми.

На Владимирском соборе присутствовал и великий князь Александр Тверской. Едва ли он желал появления у Москвы собственного святого. Однако в тот момент князю нельзя было усложнять свое и без того крайне шаткое положение новыми распрями с москвичами, а также с иерархами, которые глубоко чтили Петра и желали его прославления. В итоге Владимирский собор утвердил местное, московское почитание Петра как святого. Это был первый шаг к его общерусской канонизации, состоявшейся в 1339 году. Тогда святость Петра была признана и константинопольским патриархом.

Люди уходили, но начатые ими дела продолжались уже независимо от их угасшей воли. Все лето 1327 года московские строители трудились не покладая рук, возводя собор. Стройный белокаменный красавец рос не по дням, а по часам. Вот уже заострились архивольты порталов и закомар; вот сведены по кружалам гулкие своды; вот поднялся над сводами могучий барабан, окруженный, словно языками пламени, венцом островерхих кокошников; вот уже круглится усыпанный золотистым осиновым лемехом шлем купола; и вот, наконец, возносится к синему летнему небу широко размахнувшийся тяжелые руки-перекладины дубовый крест.

Князь Иван часто приходил поглядеть на работу строителей, послушать бодрый стук молотков по железным зубилам в руках каменотесов. Порой встречал он здесь и ордынского баскака, чей двор располагался тут же, в Кремле, неподалеку от митрополичьих и княжеских хором. По своему степному обыкновению татарин не любил ходить пешком и подъезжал к собору на коренастой монгольской лошадке. Запахнувшись в стеганый шелковый халат, нахохлившись в высоком татарском седле, баскак молча глядел на сноровистую работу каменщиков. На его широком лице невозможно было прочесть ничего, кроме глубокого степного покоя. Почувяв на себе взгляд баскака, мастера ежились, отводили глаза и бранились сквозь зубы.

При встрече Иван первым приветствовал татарина на его родном наречии, почтительно прикладывая руку к груди. Он уже научился глядеть не моргая в узкие, как тетива, глаза ордынца. Уроки митрополита не прошли даром. Князю не требовалось притворяться радостным при виде баскака: он искренне радовался ему как знаку Божьему, ибо «Всевышний владевает над царством человеческим и дает его, кому хочет» (Даниил, 4, 14).

Летом 1327 года судьба улыбалась князю Ивану как никогда. Поднимался к небу долгожданный храм; Москва обрела своего первого святого — митрополита Петра; в княжеской семье родился еще один сын — Андрей. Будущий родоначальник серпуховских князей, Андрей появился на свет 4 июля, в день памяти святого Андрея Критского — знаменитого гимнографа, создателя Великого покаянного канона, читаемого в храмах в первую неделю Великого поста.

В княжеских семьях того времени сыновьям давали два имени: славянское, обиходное — на 7-й день после рождения, а греческое, церковное — при крещении. Обычно церковно-княжеские имена брали от святых-воинов (Георгий Победоносец, Дмитрий Солунский, Федор Стратилат, Андрей Стратилат, Александр — аналогия Александру Македонскому). Иногда в княжеских семьях давали сыновьям имена знаменитых правителей древности — Константина Великого, царя Давида, князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Князь Иван Данилович — сам носивший только одно, церковное имя, причем весьма редкое для князей — окончательно порвал с древней традицией. Он не только не стал давать своим сыновьям славянских имен, напоминавших о язычестве, — но и по-новому подошел к подбору христианских, крестильных имен. Все четыре сына князя Ивана получили свои имена в честь святых монахов — Симеона Столпника, Даниила Столпника, Иоанна Лествичника и Андрея Критского. В этом подходе к наречению имен проявилась глубокая религиозность московского князя, его любовь к иночеству.

Лет через сорок после кончины князя Ивана митрополит Киприан в послании к Дмитрию Донскому назвал Калиту не только «благочестивым и приснопамятным», но и «святым» (114, 203). А этим словом в ту пору даром не разбрасывались...

14 августа 1327 года, в канун праздника Успения Божией Матери, Успенский собор московского Кремля был торжественно освящен. Обряд «великого священья» совершил ростовский епископ Прохор, управлявший митрополичьей епархией после кончины Петра. Согласно киевской традиции, которой на Северо-Востоке Руси особенно твердо придерживались именно в ростовской епархии, день освящения становился как бы «днем рождения», ежегодным праздником этого храма (68, 397). Отсюда и выбору этого дня придавали особое значение.

День, избранный Иваном Калитой для освящения его любимого детища — Успенского собора, имел глубоко символическое значение. Из летописей и преданий было извест-

но, что великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо (родоначальник всех князей, правивших в Северо-Восточной Руси во времена Ивана Калиты) освятил отстроенный им Успенский собор во Владимире 14 августа 1189 года (25, 34). В московском соборе был устроен Димитриевский придел — напоминание о Димитриевском соборе Всеволода.

Владимирская традиция, определившая столь многое в строительстве Ивана Калиты, в свою очередь, восходила к традициям Киевской Руси. Согласно «Киево-Печерскому патерику» (книге, знакомой в ту пору каждому благочестивому человеку) 14 августа 1089 года был освящен каменный собор во имя Успения Божией Матери в Киево-Печерском монастыре. Через два года в тот же самый день было совершено перенесение мощей преподобного Феодосия Печерского в новый собор.

Колыбель русского монашества, Киево-Печерский монастырь пользовался огромным авторитетом по всей Руси. Его устав был взят за образец другими обителями. Собор монастыря вызвал многочисленные подражания, наиболее известным из которых был Успенский собор в Ростове, построенный как точная копия древнего храма. Да и сама ростовская кафедра была создана в XI веке мужественными монахами-миссионерами, выходцами из Киево-Печерской обители.

Но не только ростовский владыка питал особое почтение к киево-печерской традиции. Князь Иван Данилович также имел основания поклоняться киевским святыням. В то время Москва наполнялась беженцами не только из Северо-Восточной, но и из Юго-Западной Руси. Для того, чтобы завоевать доверие южных переселенцев, московскому князю важно было показать преемственность духовных традиций Москвы не только от Ростова, Суздаля и Владимира, но так же и от Киева. Символика посвящений, календарные сближения событий как нельзя лучше служили этой цели. Такие прозрачные намеки были в ту пору понятны и самым незатейливым головам.

14 августа 1327 года протянута была невидимая, но прочная духовная нить от древних киевских святынь через владимирские — к новым святыням поднимающейся Москвы. Полтора века спустя, в 1479 году, в те же дни перед праздником Успения Божией Матери митрополит Геронтий совершил освящение нового Успенского собора московского Кремля.

Сам обряд освящения храма был прост, но торжествен. Вечером накануне и утром в самый день освящения в церкви пели молебен тому святому или празднику, во имя которого

она освящалась. Во время литургии духовенство совершало крестный ход вокруг храма, а вернувшись в него, творило ектению. Освящение нового храма самим епархиальным архиереем называлось «великим священством». «Малым священством», в котором участвовали только местные клирики, освящались рядовые приходские храмы. Священник возлагал на престол освященный владыкой антиминос — особый прямоугольный плат с зашитыми в уголки частицами святых мощей.

Как выглядел Успенский собор 1327 года снаружи и внутри — можно только догадываться. Он был разобран по указу Ивана III, и на его месте Аристотель Фиораванти в 1475—1479 годах построил тот храм, который и поныне украшает кремлевский холм. По мнению Н. Н. Воронина, собор Калиты был небольшим, но стройным и нарядным четырехстолпным одноглавым храмом. Он повторял архитектурные формы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1231—1234) — последнего каменного храма в Северо-Восточной Руси, построенного до Батыева нашествия (66, 152).

Однако последующие археологические работы в московском Кремле дали основание для совершенно иной реконструкции. По мнению новейших исследователей, «Успенский собор Ивана Калиты (1326) вовсе не был своего рода копией Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, а представлял весьма внушительное сооружение. Его подкупольные столбы имели в сечении примерно 240×240 см. Эта величина может показаться невероятной, но почти такими же мощными (233×233 см) были столбы другого собора Ивана Калиты — Архангельского. Иначе говоря, оба собора мало чем уступали по размерам современному Архангельскому собору, построенному Алевизом в 1508 году. Дмитровская же церковь конца XIII века, наоборот, была почти копией небольшого собора в Юрьеве-Польском. Сечение ее подкупольного столба составляет 136×136 см.» (59, 149).

О внутреннем убранстве Успенского собора 1326—1327 годов также можно лишь строить предположения. В одном из списков Жития митрополита Петра сообщается, что князь Иван Данилович украсил храм «святыми иконами, а святитель святыми книгами» (120, 19). Стенописи собора были выполнены греческими мастерами митрополита Феогноста уже после кончины Калиты, в 1344 году.

Убранство Успенского собора Ивана Калиты предопределило убранство Успенского собора 1475—1479 годов. Преемственность образов, идей и настроений была в высшей степени характерна для московской княжеской династии. Отличительной чертой собора Ивана III стала необычайно обшир-

ная галерея образов основателей христианского монашества (на каменной алтарной преграде, в нижнем ярусе иконостаса). Первоначально она состояла из 26 фигур, ныне можно насчитать лишь 23. По мнению некоторых исследователей, появление этой галереи связано с идейной борьбой в эпоху Ивана III. Однако именно в эпоху Калиты возрождение монашества представлялось важнейшей общенациональной задачей: только праведники могли спасти Русь от гнева Божьего, от «вавилонского плена». Тема прославления отцов монашества с особой силой прозвучала уже в убранстве Успенского собора Ивана Калиты. Отсюда она перешла в иконостасы и стенописи московских и подмосковных монастырских храмов конца XIV — начала XV века. В росписях второго Успенского собора она возродилась прежде всего как дань уважения древней московской традиции, у истоков которой стоял Иван Калита.

К первому Успенскому собору, несомненно, восходят и композиции «Три отрока в пещи огненной», «Семь спящих отроков эфесских», «Сорок мучеников севастиийских», изображенные в стенописях восточной части второго Успенского собора.

ПАДЕНИЕ ТВЕРИ

И если какой народ и царство не захочет служить ему, Навуходоносору, царю Вавилонскому, и не подклонит выи своей под ярмо царя Вавилонского, — этот народ Я накажу мечом, голодом и моровою язвою, говорит Господь, доколе не истреблю их рукою его.

Иеремия, 27, 8

В то время как в Москве готовились к торжественному освящению нового Успенского собора, в Твери назревали события совсем иного рода. Их общий ход можно восстановить путем внимательного изучения весьма противоречивых сообщений различных летописей.

Отряд под началом ханского племянника Чолхана разместился прямо в городе. Сам Чолхан со свитой поселился в княжеском дворце. Татары всячески оскорбляли и притесняли горожан. Терпение тверичей иссякло. Достаточно было искры, чтобы в городе полыхнул мятеж.

Как это часто случается в истории, великие события начались с мелких, незначительных происшествий, которые, непостижимым образом цепляясь друг за друга, превращались в грозную лавину. 15 августа рано утром, когда еще только собирался праздничный торг Успеньева дня, некий дьякон по прозвищу Дудко повел лошадь к Волге, чтобы напоить ее. Случившиеся на его пути татары, завидев «кобылицу младую и зело тучну», без лишних слов отняли лошадь. Дьякон стал вопить: «Люди тверские, не выдайте!» Между тверичами и татарами началась драка. Степняки схватились за сабли. Схватка переросла в побоище. Загудели тревожно городские колокола. Толпы народа собрались на вече. Предводителями здесь были братья Борисовичи: тверской тысяцкий и его брат. На вече было решено всем городом выступить против татар. Вооружившись чем попало, тверичи кинулись на врагов. Весь отряд Чолхана был уничтожен. Последние его бойцы укрылись в княжеском дворце, но были сожжены вместе с ним. Татарские пастухи, сторожившие свои табуны в окрестностях города, успели бежать в Москву, а оттуда в Орду.

Узнав о тверском мятеже, хан велел собирать большое войско для карательной экспедиции. К участию в походе на Тверь он решил привлечь и сильнейших русских князей, которые срочно прибыли в ханскую ставку.

Источники по-разному описывают эти события, украшая их множеством дополнений баснословного характера. Один из наиболее интересных рассказов содержится в Никоновской летописи. Несмотря на его фольклорную окраску, он вполне реалистичен и словно обжигает жарким дыханием обезумевшей, жаждущей крови толпы. Очень точно схвачены характерные подробности мятежа: дившаяся целый день резня на узких улочках Твери; отчаянное сопротивление обреченных татар; убийства мирных ордынских купцов и разграбление их имущества; дикая стихия огня, опьяняющая взбунтовавшийся народ...

«Прииде во Тверь посол силен зело царевич Щелкан Дюденевиц изо Орды, от царя Азбяка; бе же сей братаничь царю Азбяку, хотя князей тверских избити, а сам сести на княжении во Твери, а своих князей татарских хотя посажати по руским градом, а христиан хотяше привести в татарскую веру. И мало дней пребывшу ему во Твери много зла сотворися от него христианом; и приспевшу дню тръжествену, а сму хотящу своя творити в собрании людей; уведев же сиа князь велики Александр Михайлович, внук Ярославль, и созва тверичь, и вооружився поиде на него; а Щелкан Дюденевиц с татары противу его изыде, и съступишася обои въсходящу солнцу, и бишася весь день, и едва к вечеру одоле Александр, и побежа Щелкан Дюденевиць на сени, и зажгоша под ним сени и двор весь княже Михайлов, отца Александрова, и ту згоре Щелкан и с прочими татары. А гостей ординских старых и новопришедших, иже с Щелканом Дюденевицем пришли, аще и не бишася, но всех их изсекоша, а иных изстопиша, а иных в костры дров складше сожгоша.

Слышав же сиа царь Азбяк Ординский, и разгореся яростию велиею зело, и во мнозе скорби и печали бысть о братаниче своем Щелкане, и рыкаше аки лев на тверских князей, хотя всех потребити, и прочее всю землю Русскую пленити, и посла на Русь по князя Ивана Даниловича Московскаго» (22, 194).

Был ли князь Александр Тверской предводителем мятежа, как говорят одни летописи, или же он, напротив, успокаивал людей, отговаривал их от мятежа, как сообщают другие? Вероятно, наибольшего доверия заслуживает ранняя версия рассказа, содержащаяся в Рогожском летописце. Согласно ей, князь Александр «видя озлобление людий своих и не могы их оборонити, тръпети им веляше» (23, 43). Однако, когда, несмотря на уговоры князя, горожане все же восстали, он не смог остаться в стороне. Вероятно, именно он впустил ордынцев, преследуемых разъяренной толпой, в ворота княжеского

дворца, а затем, уступив требованиям мятежников, позволил поджечь его.

Тверские книжники, отражая взгляды своих князей и общее настроение тверичей, уже в начале XIV века называли татар «безбожными» и «беззаконными» (86, 16). Эти эпитеты говорили о многом. Их можно было использовать, только отвергнув первоначальную идею о том, что татары приведены Богом и служат «божьим батогом». Несомненно, тверские философы нашли какое-то иное истолкование ордынского господства, допускавшее и предполагавшее возможность борьбы с ним. Между тем москвичи до времен Дмитрия Донского прочно держались за старую идею Серапиона Владимирского («приимем покаянье от сердца, да Бог оставит гнев свой»), которая позволяла им оправдывать и свое верно-подданничество по отношению к «поганой» Орде и свою борьбу с мятежными тверскими князьями.

В то время как тверские книжники изображали своих князей горячими патриотами, благородными рыцарями и мучениками за веру, — московские, напротив, видели в них безумных богоборцев, которые своими безрассудными действиями навлекли на себя и свою землю гнев Божий. Однако со временем сама Москва встала на путь Твери: путь мятежа и неповиновения. В конце концов иго чужеземцев было свергнуто, а Тверь завоевана Иваном III и включена в состав Московского государства. Все эти перемены изменяли и отношение московских книжников к тверскому мятежу 1327 года. Редактируя старые летописи при составлении новых сводов, они изымали те факты, оценки и суждения, которые казались им неуместными, и прибавляли свои собственные комментарии, соответствовавшие взглядам их времени. Менялось со временем и отношение тверских летописцев к деяниям их прежних князей.

Летописи времен Ивана Калиты сохранились до наших дней в списках, древнейший из которых (Рогожский летописец) относится к 1440-м годам, а почти все остальные — к концу XV — первой половине XVI века. Эти тексты представляют собой сложнейшее переплетение различных тенденций. И все же некоторые позиции московских книжников времен Ивана Калиты не вызывают сомнений. Прежде всего — это общий подход к оценке событий, основанный на Библии (тема «вавилонского плена») и наиболее авторитетных историко-литературных произведениях древности. Одним из таких произведений была «Иудейская война» римского историка Иосифа Флавия. Созданное Иосифом Флавием описание народного восстания против римского владычества в

Иудее в 66 — 73 годах н. э. и его жестокого подавления императором Веспасианом привлекало древнерусского читателя не только живостью изложения и яркими батальными сценами, но и своими оценками событий.

Правоверный иудей Иосиф Флавий рассматривал римское владычество как новый «вавилонский плен», как наказание, посланное Богом за грехи иудеев. Восстание против римлян — попытка сопротивляться воле Божией. И подобно тому, как ветхозаветный пророк Иеремия проклинал всякого, кто осмелится самовольно призывать иудеев к мятежу против власти вавилонского царя Навуходоносора, — так и Иосиф осуждал вождей мятежников за попытку свергнуть установленную Богом власть римского императора.

Для читателя-христианина концепция Иосифа была вполне понятной и приемлемой. К ней следовало сделать лишь одно существенное добавление: Бог наказал иудеев римским владычеством и разорением Иерусалима главным образом за то, что они распяли Иисуса Христа. (Сам Иосиф Флавий в своей книге даже не упоминал о христианах и Иисусе Христе.)

Но особый интерес «Иудейская война» с ее идеей покорности и непротivления Божьему гневу вызывала у русских читателей XIII—XIV веков. Параллель между господством римлян в Иудее и господством татар на Руси напрашивалась сама собой. О том, что «Иудейскую войну» хорошо знали и внимательно читали во второй половине XIII века, свидетельствует ее использование неизвестным книжником при составлении Жития Александра Невского (1280-е годы). Два самых важных момента Иудейской войны — осада римлянами крепости Иотапаты и взятие Иерусалима. При штурме Иотапаты император Веспасиан проявил большое личное мужество. Этот эпизод, подробно описанный Иосифом Флавием, использовал и автор Жития Александра Невского. Восхваляя своего героя, он восклицает: «Храборство же его — аки царя римскаго Еуспесиана, иже бе пленил всю землю Иудейскую» (13, 426). Далее идет изложение рассказа Иосифа Флавия о том, как Веспасиан, оставленный своими отступившими воинами, один обратился в бегство целый отряд иудеев. «Тако же и князь Александр — побеждая, а не победим», — заключает агиограф.

Иван Калита, конечно, хорошо знал Житие своего деда. Любивший всякую книжную премудрость, он, вероятно, имел в руках и полный текст «Иудейской войны», содержащийся в Хронографе — своего рода учебнике всемирной истории, известном на Руси уже в XIII веке. Читая Иосифа Флавия,

Иван узнавал в его рассказе прообразы событий своего времени. Более того: он искал эти прообразы, ибо, как и всякий книжный человек Средневековья, понимал историю настоящего как повторение тех или иных событий, изображенных в Священном Писании. Сочинение Иосифа Флавия непосредственно примыкало к Новому Завету и было как бы его историческим послесловием. И потому изображенные историком события были почти так же «каноничны», первообразны, как и события, о которых повествует Библия.

Восстание в Твери было событием из ряда вон выходящим. По своему размаху и ожесточению оно далеко превосходило все те столкновения между русскими и ордынцами, которые случались во второй половине XIII — первой четверти XIV века. Изгнание «бесерменов» из городов Северо-Восточной Руси в 1262 году происходило, судя по летописям, на удивление мягко, бескровно. По-видимому, эту акцию организовал сам Александр Невский по согласованию с ханом Золотой Орды Берке, желавшим избавиться от администрации, присланной из Монголии, от великого хана Хубилая (1260—1271). Тверской мятеж не шел в сравнение и с частыми конфликтами между жителями Ростова и обосновавшимися в этом городе татарами. Так, во время смуты 1320 года, вызванной смертью ростовского князя Юрия Александровича, «злых татар» изгнали из города, но отнюдь не перебили и уж тем более не сожгли заживо, как в Твери.

То, что случилось в Твери 15 августа 1327 года, нельзя было понять иначе, как бунт против ордынской власти над Русью. Дух независимости и своеволия, отличавший тверских князей начиная с Ярослава Ярославича, незаметно передался и простонародью. Вина тверичей усугублялась тем, что они напали на ханского «посла» Чолхана. Убийство посла татары считали тяжелейшим преступлением, совершившие которое подлежали полному истреблению. Словом, тверской мятеж был началом «русской войны»...

Именно так или примерно так рассуждал Иван Данилович, узнав от примчавшихся в Москву Чолхановых татар, а затем и от своих лазутчиков обо всем, что произошло в Твери.

Мог ли он радоваться случившемуся? Едва ли. Теперь ему предстояло принять решение, от которого должно было зависеть не только его собственное будущее, но и будущее всей Руси. Как избежать ханского возмездия, нового Батыева нашествия? Как удержать своих людей от мятежа? Ведь и в Москве было немало людей, готовых последовать примеру тверичей... И не было рядом с Иваном ни отца, ни братьев,

ни мудрого старца митрополита Петра. В гриднице сидели, потупив глаза, спешно съехавшиеся во дворец бояре. Они ждали княжеского слова. И тяжкое бремя ответственности — за Русь, за Москву, за своих малых детей и перепуганную княгиню — ложилось на его плечи. Он уже знал, что должен предпринять, знал, что скажет своим боярам, своему народу.

«В то время, когда почти все народы под солнцем преклоняются перед оружием римлян, вы одни хотите вести с ними войну... Где же вы думаете найти союзников против римлян? В необитаемой ли части земли? Ведь на обитаемой земле все принадлежит Риму... Таким образом, ничего больше не останется, кроме надежды на Бога. Но и он стоит на стороне римлян, ибо без Бога невозможно же воздвигнуть такое государство... Но как вы можете взывать к помощи Бога, если вы преднамеренно грешите против него. Войну начинают обыкновенно в надежде или на божество, или на человеческую помощь; но когда зачинщики войны лишены и того и другого, тогда они идут на явную гибель. Что же вам мешает собственными руками убить своих детей и жен и сжечь свою величественную столицу! Вы, правда, поступите, как сумасшедшие, но, по крайней мере, избегнете позора падения. Разумнее, мои друзья, гораздо разумнее сидеть в гавани и выжидать погоды, чем в самую бурную стихию пускаться в открытое море, потому что, если кого неожиданно постигает несчастье, тот, по крайней мере, вызывает сожаление, если же кто сам обрекает себя на гибель, на того вместе с несчастьем сыплются и укоры. Никто же из вас не станет надеяться, что римляне будут вести с вами войну на каких-то условиях и что когда они победят вас, то будут милостиво властвовать над вами. Нет, они для устрашения других наций превратят в пепел священный город и сотрут с лица земли весь ваш род; ибо даже тот, который спасется бегством, нигде не найдет для себя убежища, так как все народы или подвластны римлянам, или боятся подпасть под их владычество. И опасность постигнет тогда не только здешних, но и иноземных иудеев — ведь ни одного народа нет на всей земле, в среде которого не жила бы часть ваших. Всех их неприятель истребит из-за вашего восстания» (126, 183—184).

Эти слова из книги Иосифа Флавия словно предостерегали русских от повторения роковой ошибки древних иудеев, ценою которой стала гибель Иерусалима. Но с ужасом думал князь Иван о том, в чьи уста вложил Иосиф эту исполненную мудрого благоразумия речь. То была речь к народу иудейского царя Ирода...

Вероятно, не без труда князь Иван убедил москвичей в необходимости смирения. Час падения Навуходоносора еще не настал. Но Бог явил свою волю о Москве и Твери. Тверской мятеж больно отозвался для всей Русской земли. В Орде поднялась волна ненависти к русским. Узнав о гибели отряда Чолхана, Узбек в слепой ярости велел казнить ни в чем не повинного рязанского князя Василия, на свою беду оказавшегося тогда в ханской ставке. Вероятно, тогда же подверглись расправе и другие русские люди, жившие среди татар.

Описывая ханский гнев, русские летописцы использовали образы, заимствованные из той же книги пророка Даниила. Правитель Орды и царь Навуходоносор сливались в одно историческое целое. «Слышав же сиа (то есть получив весть о тверском мятеже. — Н. Б.) царь Азбьяк Ординский, и разгоряся яростию велиею зело, и во мнозе скорби и печали бысть о братаниче своем Щелкане, и рыкаше аки лев на тверских князей, хотя всех потребити, и прочее всю землю Русскую пленити» (22, 194).

По-видимому, князь Иван не рискнул ехать в Орду сразу же после тверского мятежа. Он опасался попасть под горячую руку и понимал, что хан неизбежно вспомнит о нем и призовет к себе, когда утихнет первая вспышка гнева и вернется способность к трезвому расчету.

Московский князь оказался прав в своих предвидениях. Уже осенью 1327 года гонец привез в Москву ханскую грамоту с призывом немедленно явиться в Орду и обещанием «милости». Иван не заставил себя долго ждать. Вскоре он уже преклонял колена перед золоченым престолом «повелителя всех, кто живет за войлочными стенами».

В Орде Иван застал энергичные военные приготовления. Для похода на Тверь (а может быть, и на всю Северо-Восточную Русь?) хан велел собрать около 50 тысяч всадников. Во главе армии стояли пять «темников великих». (Слово «темник» происходило от слова «тьма», означавшего отряд численностью в 10 тысяч человек.) Летопись называет имена некоторых из них — «Федорчюк, Туралык, Сюга» (22, 194). По имени первого из них этот поход остался в памяти русских людей под названием Федорчюковой рати.

Кроме Ивана Калиты, осенью 1327 года в Орду явился с изъявлением покорности и князь Александр Васильевич Суздальский со своим дядей князем Василием Александровичем. Были, вероятно, и другие русские правители. Все они присоединились к Федорчюковой рати, надеясь спасти свои владения от погрома.

Когда морозы сковали реки и болота, карательное войско

из Орды двинулось на Тверь. Вероятно, татары шли по Волге. Замерзшее русло реки образовало гладкую дорогу, достаточно широкую для столь большого количества воинов. Когда-то и сам Батый завоевал Северо-Восточную Русь, двигаясь по льду замерзших рек. Путь по Волге позволял Ивану Калите и суздальским князьям уберечь свои владения от тех опустошений, которые несла с собой ордынская конница. Несомненно, князья призвали свои дружины на помощь карателям. Уклонение от участия в расправе татары расценили бы как измену.

Тверские князья оказались одинокими в своем отчаянном положении. Все их бывшие друзья находились в унынии и отказались помочь им. Когда Федорчукова рать приблизилась к Твери, князья Михайловичи бежали из города. Младшие братья, Константин и Василий, вместе с матерью, княгиней Анной Ростовской, и с тверскими боярами решили переждать грозу в Ладоге, на северной окраине новгородских земель. Отсюда в случае опасности они могли уйти водным путем (через Ладожское озеро, Неву и Финский залив) еще дальше на северо-запад: во Псков или же в чужие земли. Из древней Ладоги открыт был для тверских изгнанников и другой путь бегства — на север, в глухие леса и погосты Обонежья. Предоставив тверскому княжескому семейству возможность жить в своих землях, новгородские бояре позаботились о будущем: один из братьев должен был со временем занять тверской престол. Опальный князь Александр Михайлович Тверской также просил убежища у новгородцев, но получил отказ. Никто не хотел видеть у себя гостя, по следу которого могла нагрянуть страшная Федорчукова рать.

Потерпев неудачу в Новгороде, Александр обратился к псковичам. И те согласились принять его во Пскове. Конечно, ими двигало желание насолить Новгороду. Впрочем, здесь виден и трезвый политический расчет. Псковские бояре, соперничая с новгородскими, считали полезным поддерживать добрые отношения с врагами своих врагов. К тому же псковичи не очень боялись татар, которые никогда не доходили до них сквозь новгородские леса и литовские болота. Наконец, в лице князя Александра псковичи надеялись обрести смелого и авторитетного предводителя своего войска, надежного сторожа псковских земель от покушений западных соседей.

Можно ли считать бегство княжеского семейства из Твери проявлением малодушия? Едва ли. Точно так же поступали в безвыходных положениях многие русские князья XIII—XV веков, включая и таких безупречных бойцов, как Дмитрий Донской и Владимир Андреевич Храбрый. Конечно, тут не

обошлось без некоторой доли эгоизма, органически присущего знати всех времен и народов. Не следует забывать и о том, что война в древности носила во многом личный характер. Один правитель мстил другому за подлинную или мнимую обиду. Жертвами этой мести становились прежде всего подданные. Такое положение дел считалось нормальным, естественным. Теология давала ему свое объяснение. «За государьское согрешение Бог всю землю казнит», — утверждал известный церковный публицист XV века игумен Иосиф Волоцкий (33, 176).

Личный характер средневековых войн часто заставлял того, кто не имел достаточно сил для защиты, уходить подальше от своей земли, подобно тому как некоторые птицы, завидев ястреба, летят в сторону от гнезда, надеясь увлечь его за собой и спасти тем самым свое потомство. Уходя за пределы досягаемости, преследуемый тем самым приближал конец войны, лишая ее самого увлекательного — азарта травли и погони.

В то время как тверская знать рассаживалась на новые, безопасные гнездовья, над занесенной снегом тверской землей уже стелился горький дым пожарищ. Летописи очень кратко описывают погром, произведенный Федорчуковой ратью. Возможно, это следы работы московских редакторов XV—XVI веков, не желавших вспоминать о таких темных пятнах в биографии основателя могущества Москвы, как участие в татарском погроме. Но факт остается фактом: Иван Данилович вместе с татарами опустошал тверскую землю. Тверской летописец, сообщая о нашествии татар зимой 1327/28 года, замечает: «С ними же Иван Московский грядяще и вож (то есть проводник. — *Н. Б.*) им на грады тверскыя бываше» (24, 466).

Эта лаконичная фраза клеймит князя Ивана Даниловича кровавой печатью Орды. Но в ней, как это часто бывает, смешаны два различных элемента: факт и его тенденциозное истолкование. Тверичи (а в их числе и тверские летописцы) ненавидели Калиту. В их изображении он «вож» (то есть провожатый, проводник, наводчик) татар и почти что главный виновник погрома Твери. Однако все это главным образом эмоции потрясенных горем людей.

Нет нужды идеализировать князя Ивана. Он был сыном своего жестокого века, и не просто сыном, а правителем, то есть человеком, заранее обреченным на грех. В самом его наследственном ремесле были неразделимо соединены добро и зло.

Но так ли черен был в действительности поступок Ивана,

как изображает его тверской книжник? (А вслед за книжником — и множество позднейших историков!) Совершенно очевидно, что зимой 1327/28 года каратели, да и сам хан Узбек относились к русским князьям по принципу «кто не с нами, тот против нас». Уклониться от участия в походе на Тверь значило обречь свою землю на опустошение и своих людей на гибель. Ясно и то, что татары все равно разорили бы Тверь — с Иваном или без Ивана. Все русские князья ходили на Тверь, спасая свои собственные княжества, а также и свое положение как правителей. Эгоизм был до неразличимости переплетен здесь со здравым смыслом.

Что до роли Ивана как «проводимого» татар — то это явная гипербола. За сто лет владычества над Русью татары достаточно хорошо изучили дороги к ее городам. Да и городов-то в тверской земле было, собственно, всего два: Тверь на Волге и Кашин на речке Кашинке, притоке Волги. Дойти до них по рекам не составляло никакого труда. Суть же дела состояла в том, что князь Иван как старший среди участвовавших в походе на Тверь русских князей был, видимо, назначен ответственным за действия всей русской части Федорчуковой рати и в этом качестве был ее «вожем», командиром.

По рассказу летописца, тверской епископ Андрей (в действительности умерший еще в 1323 году, но оставшийся в памяти тверичей как мудрый и авторитетный владыка) убеждал князя Александра Михайловича не вступать в сражение с Федорчуковой ратью и не сопротивляться ордынскому царю, которого поставил над Русью сам Всевышний. Именно послушав совета иерарха, князь уехал во Псков. Узнав о том, что Александра нет в Твери, татары «отыдоша в свою землю» (24, 466).

Тверской летописец середины XV века выразил здесь общепринятое для того времени представление о том, что церковь удерживает князей от войны с ордынским царем, которого возвысил Бог. Следуя этим советам иерархов, князья, по натуре склонные к войне, спасают себя и свою землю от беды, от новых «казней Божиих».

Вглядываясь в логику суждений тверского летописца о восстании 1327 года, можно разглядеть и еще одну тенденцию. Мятеж тверичей, согласно летописцу, был направлен не против власти Орды в целом (ибо эта власть ниспослана свыше), а против «губителя христианства», «церковного борителя» воеводы Чолхана (24, 466). Господь руками тверичей и их князя истребил Чолхана за его гордыню. При таком понимании тверского мятежа князь Александр предстает не как богоборец, каким его изображали московские книжники

Ивана Калиты, а как послушный исполнитель воли Божией. Так хитроумные тверские философы XV века примирили непримиримое: осудили идею войны против Орды, но оправдали князя Александра и своих горожан, поднявшихся с оружием в руках против «поганных».

Страшная Федорчукова рать, напомнившая о разорении римлянами Иерусалима, отразилась в летописании всех крупнейших русских городов. Новгородская Первая летопись старшего извода (середина XIV века) в характерном для всего новгородского летописания лаконичном, но по-своему выразительном тоне так повествует о событиях 1327—1328 годов: «Того же лета, на Успенье святыя Богородица, князь Александр Михайлович изби татар много во Твери и по иным городом, и торговци гость хопыльскыи исече: пришел бо бяше посол силен из Орды, именем Шевкал, с множеством татар. И присла князь Олександр послы к новгородцем, хотя бечи в Новьгород, и не прияша его. Того же лета присла князь Иван Данилович наместники своя в Новьгород, а сам иде в Орду. На ту же зиму приде рать татарская множество много, и взяша Тверь и Кашин и Новоторжскую волость, и просто рещи всю землю Русскую положиша пусту, толко Новьгород ублюде Бог и святая Софья. А князь Олександр вбежа в Пльсков; а Костянтин, брат его, и Василии в Ладогу; и в Новьгород прислаша послы татарове, и даша им новгородци 2000 серебра, и свои послы послаша с ними к воеводам с множеством даров. Убиша же тогда татарове Ивана, князя Рязаньского» (10, 98).

Спасение своего родного города от татар новгородский летописец объяснил прежде всего Божьей милостью и покровительством святой Софии. (Во имя св. Софии был освящен главный храм Новгорода.) Земные причины спасения — посольство к татарам, уплата огромного выкупа — остаются для летописца реальностью, но как бы второго порядка: существенной, но не решающей.

По той же самой логической и теологической схеме (хотя и в иной окраске) представил эти события московский летописец. «Тое же осени (то есть осенью 1327 года. — *Н. Б.*) князь Иван Данилович Московский в Орду пошел. Тое же зимы и на Русь пришел из Орды; и бысть тогда великая рать татарская, Федорчук, Туралык, Сюга, 5 темников воевод, а с ними князь Иван Данилович Московский, по повелению цареву, и шед ратью, плениша Тверь и Кашин и прочия города и волости, и села, и все княжение тверское взяша и пусто

сътвориша, и бысть тогда земли великая тягость и много томления, множества ради грех наших, кровь христианская проливаема бываше от поганых татар, овых в полон поведоша, а друга мечи изсекоша, а иныя стрелами истреляше и всяким оружием погубиша и смерти предаша, а князь Александр побежал с Твери в Псков... Того же лета убиша князя Ивана Ярославича Рязанскаго. Великии же Спас милостивыйи чело-веколубец Господь своею милостию заступил благовернаго князя нашего Ивана Даниловичя и его ради Москву и всю его отчину от иноплеменник, от поганых татар» (25, 90).

Согласно московскому летописцу, Москву спасла прежде всего милость Спаса, его благосклонность к благочестивому князю Ивану Даниловичу. Вероятно, этот летописец, столь чтивший Спаса, жил в Спасском монастыре, основанном в московском Кремле в 1330 году Иваном Калитой.

Никоновская летопись, соединившая в себе самые различные летописные традиции, наиболее подробно освещает ход нашествия. Татары и их русские союзники «взяша град Тверь, и Кашин, и прочия грады тверския, и власти (волости. — *Н. Б.*) и села пожгоша, а люди в полон поведоша, и Тръжек и власти пусто сотвориша, и хотяще ити к Новуграду, и не идоша: заступи бо его Господь Бог и святая София, и оттуду послаша послы своя в Новъгород, они же (новгородцы. — *Н. Б.*) убоявшеся послаша к ним послы своя со многою честию, и со многими дары и 5000 рублей новгородских. И тако татарове возвратишася оттуду со многим полоном и богатством, и бысть тогда всей Русской земле велиа тягость, и томление и кровопролитие от татар» (22, 194).

В. Н. Татищев, следовавший в своем повествовании о событиях 1327—1328 годов за текстом Никоновской летописи, после слов о «томлении и кровопролитии от татар» поставил запятую и прибавил уникальную страшную подробность: «зане (потому что. — *Н. Б.*) не токмо имения выбираху, скоты и кони забирали, но жены и дщери емлюще по своей воле и держаху, елико хотяху, а кто поперекова (сопротивлялся. — *Н. Б.*), мучаху и убиваху» (38, 83).

Все летописи сообщают о гибели в ходе этой войны от рук татар рязанского князя Ивана Ярославича. Но ни одна не дает подробностей этой истории. Такая таинственность вызывает множество вопросов, на которые едва ли когда-либо найдутся ответы. Где и за что убили татары князя Ивана? Замешкался ли он вовремя явиться с покорностью в Орду? Или, не стерпев унижения, встал с оружием в руках, чтобы защитить свою честь, спасти своих близких от жадных рук «поганых»? Или стал жертвой клеветы своих врагов? Но как бы там ни было —

он принял мученическую смерть. И еще одним крестом больше стало на том печальном погосте, имя которому — русская история.

Художники Древней Руси всегда изображали святых мучеников бесстрастными, переносящими свои муки с возвышенным спокойствием. (Таков, например, святой Георгий на знаменитой новгородской иконе XIV столетия.) Даже распятый на кресте Спаситель словно спит, широко и вольно раскинув руки. Он несоизмеримо выше своих мучителей и своих мук. Сцены поругания и заушания Христа, его унижения в темнице появились в русской иконописи лишь в период ее упадка, во многом под влиянием западноевропейской живописи.

Подобно иконописцам, русские летописцы XIV—XV веков всячески избегали не только натурализма, но даже и простого реализма. Описывая бедствия, которыми полна была тогдашняя жизнь, они прибегали к трагически-возвышенным формулам Библии. Перенося свои личные страдания в область вечного, древнерусский человек находил успокоение и забвение. Его собственная боль, встречаясь с мировой скорбью Священного Писания, пополняла ее и растворялась в ней, как капля в море.

Разгром татарами Твери зимой 1327/28 года тверская летопись (наиболее внимательная к этим событиям!) рисует буквально в двух словах: «И людей множество погубиша, а иныя в плен поведоша, а Тверь и вся гради огнем пожгоша» (24, 416). Однако в действительности завоевание Твери татарами и их русскими подручниками было, конечно, далеко не легким в военном отношении делом. Тверичи защищались с отчаянием обреченных. Но силы были слишком неравны...

Дымящиеся развалины, застывшие в снегу окоченевшие трупы, над которыми пировало воронье, тишина и безлюдье кладбища — такой была гордая Тверь в начале 1328 года. Со временем она вновь оживет, наполнится людьми и даже зазвонит оружием. Но прошлого величия ей уже не вернуть. Федорчукова рать отбросила Тверь далеко назад и словно переломила ей спину. Отныне она уже никогда не могла подняться в полный рост. Торжество удваивает силы, а участь побежденного — ненависть, зависть и страх.

ВЕЛИКАЯ ТИШИНА

Того же лета седе Иван Данилович на великом княжении всея Руси и бысть оттоле тишина велика на 40 лет...

Рогожский летописец

В эти спокойные годы успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татаринном: они и вышли на Куликово поле.

В. О. Ключевский

Расправившись с тверским мятежом, хан Узбек стал размышлять над тем, как избежать его повторения. Важно было правильно распределить власть между русскими князьями, не оказывая одному из них слишком большого предпочтения. Вместе с тем хан понимал, что разоренная Русь сможет платить Орде установленную дань только в условиях относительного покоя и порядка. Он вовсе не собирался резать курицу, приносящую ему золотые яйца...

Летом 1328 года русские князья были вызваны в Орду. Здесь они узнали окончательное решение Узбека. В Твери утвержден был на княжении брат мятежного Александра князь Константин Михайлович, а в кашинском уделе Тверского княжества — другой брат, Василий.

Распоряжение хана относительно великого княжения Владимирского поразило всех своей необычностью. Обеспокоенный тверским мятежом, хан решил разделить области великого княжения между двумя правителями — Иваном Калитой и суздальским князем Александром Васильевичем, который также принимал участие в походе на Тверь. Так на Руси появились сразу два великих князя Владимирских. Стольный Владимир с округой, а также вернувшиеся в 1320 году в состав великого княжения Владимирского нижегородские земли хан передал Александру Васильевичу. Калите досталась другая часть великого княжения — Костромская земля. К ней хан сделал существенный «довесок» — половину Ростовского княжества, правители которого не в состоянии были выполнять своих финансовых обязательств перед Ордой. Но самой большой победой Калиты было то, что за ним остался Нов-

город. Его наместники сидели там уже с конца 1327 года, когда стало ясно, что правлению великого князя Александра Тверского пришел конец.

Хан мог перетасовать карты и передать право на новгородский стол Александру Васильевичу Суздальскому. Опасаясь такого исхода, новгородцы послали в Орду свое посольство во главе с боярином Федором Колесницей. Они хотели видеть в Новгороде князя достаточно сильного, чтобы оборонять их рубежи, но при этом достаточно благоразумного, чтобы не посягать на их уклад жизни и достояние. Иван казался им именно таким правителем. Судя по всему, хан тоже оценил способности князя Ивана и признал его как бы старшим великим князем, ответственным за весь ход дел на Руси.

Небывалый раздел великого княжения Владимирского напомнил далекие времена хана Батыея. Тогда, в 1249 году, татары поделили великое княжение между Александром Невским и его братом Андреем. Это деление продержалось всего три года: в 1252 году Андрей чем-то прогневил Орду и был силой изгнан из Владимира. Александр стал полновластным хозяином всей территории великого княжения. С тех пор она оставалась неделимой.

Предпринятый Узбеком раздел существовал, как и первый, всего лишь три года. После кончины суздальского князя в 1331 году Иван Калита получил его долю великого княжения. Однако для того, чтобы достичь такого исхода, московский князь должен был проявить за эти три года не меньше талантов, чем его великий дед.

Одним из последствий раздела 1328 года стало обесценивание великокняжеского титула. И если в 1328—1331 годах в Северо-Восточной Руси было два законных великих князя, то в середине XIV века многие русские князья начинают называть себя «великими». При этом обладание Владимиром перестает быть необходимым условием ношения титула «великого князя». Появляются великие князья тверские, нижегородские, рязанские...

Вероятно, тогда же, летом 1328 года, Иван Калита одержал в Орде и еще одну бескровную победу. Летопись сообщает, что, кроме земель из состава великого княжения Владимирского, хан Узбек «и иныя княжения даде ему к Москве» (22, 195). Это были три огромные территории, центрами которых служили города Галич, Белоозеро и Углич. Внук Ивана Калиты князь Дмитрий Донской, передавая эти земли своим сыновьям, назвал их в своем завещании «куплями деда своего».

Историки давно спорят о том, как понимать слово «купля».

Скорее всего Иван Данилович купил в Орде ярлыки, дававшие ему право на пожизненное управление этими областями. Измельчавшие местные князья (главным образом — из ростовского дома) не в состоянии были своевременно и в полной мере платить положенную дань в ханскую казну. Московский князь взял на себя их долги и платежные обязательства, а за это получил право верховной власти над огромными лесными территориями.

Зачем понадобилось Ивану становиться «лесным царем», брать на себя управление безбрежными, как океан, бесплодными пространствами? Прежде всего эти области имели большое стратегическое значение для борьбы с Новгородом за русский Север. Кроме того, Углич с округой имел очень выгодное положение на Волге: отсюда начинались водные пути в тверские, новгородские и белозерские земли. Наконец, лесные княжества были богаты пушным зверем. Ценные меха составляли важнейший источник пополнения казны московского князя. «Мягкое золото» было главной статьей русской торговли с восточными и западными соседями.

Князь Иван посылал на Север и артели охотников-«сокольников» для добычи высоко ценившихся в Орде ловчих птиц — соколов и речетов. Местным властям он строго-настрого приказывал беречь сокольников, не брать с них никаких поборов, «занеже ми люди те надобны» (2, 15).

Осень 1328 года — важный рубеж в жизни нашего героя. Он получил почти всю возможную власть, которую мог иметь правитель в тогдашней Северо-Восточной Руси. Оглядываясь назад, князь вспоминал, как медленно и тяжело, словно по крутой лестнице с высокими ступенями, шел он к этой вершине. И каждая ступень — это чья-то надгробная плита. Вот первая ступень — отец; вот братья — Юрий, Андрей, Борис, Афанасий; вот злосчастная жена Юрия — татарка Агафия-Кончака, умершая в тверском плену, так и не успев стать матерью и родить наследника московского престола. Поживи она хоть немного дольше — и, быть может, не видать тогда Ивану ни владимирского золотого стола, ни даже московского престола, на котором воссел бы узкоглазый внук хана Узбека! Но вот еще ступени страшного восхождения: тверские сородичи Ивана, князья Михаил Ярославич и Дмитрий Михайлович. А вот и последняя ступень — изгнанный из родных краев Александр Тверской со всем его семейством.

Да только ли они! Припомнить — и многие другие встанут в памяти, волей или неволей ставшие ступенями на пути его

восхождения. Так зачем же поднялся он на такую головокружительную высоту? И как устоять там, на вершине, одному под грозным взором Всевышнего?! Одно неловкое движение — и можно сорваться вниз, в бездну, увлекая за собою многих...

Затворившись в дворцовой молельне, Иван любил по ночам беседовать с Богом, изливая душу то в горячем покаянии, то в неторопливом рассуждении под строгим и взыскательным взглядом древнего оплечного Спаса — родовой иконы московских Даниловичей. Прежде, в молодые годы, Иван просил Бога дать ему знания и силы, необходимые для управления людьми. И Господь не отказал ему в этом. Теперь он уверенно держал в руках поводья власти. Ему уже было под сорок. За плечами — огромный опыт управления Московским княжеством и всем великим княжением Владимирским от лица брата Юрия Даниловича. Он знал Орду и все ее тонкие механизмы власти. Это был зрелый мастер княжеского ремесла, смотревший далеко за пределы Московского княжества.

Но Господь дал ему и более того, что он просил. Помимо разума, он одарил его верой. Князь Иван превосходил других правителей не только численностью своих дружин. Его возвышала вера в свою избранность, в соответствие своих замыслов путям Божьего Промысла. Многие обстоятельства его жизни, которые мы посчитали бы случайными, казались ему знаменательными. Ранняя смерть старших братьев и отсутствие у них наследников неизбежно должны были навести его на мысль о собственной избранности. Ведь «страстные натуры никогда не в состоянии примириться с предположением, что тем, что их касается, руководила случайность. Им кажется, что все было предустановлено Богом и они видят в самых незначительных обстоятельствах знаки высшей воли» (116, 51).

И небеса посылали Ивану все новые и новые знаки, подтверждавшие его предчувствия. Падение Твери и его приход к верховной власти совершились в 1327—1328 годах — спустя 70 лет после татарской переписи 1257—1258 годов. И в этом вновь приоткрывалась московскому князю великая тайна Провидения. Он вчитывался в Священное Писание — и оно открывало ему то, что он искал.

Именно перепись, подробно описанная всеми русскими летописями, была для людей той эпохи подлинным началом «ордынского плена». Она произвела неизгладимое впечатление на современников. И глубоко символическим было число лет, прошедших от татарской переписи до великого княжения Калиты. Древнерусские книжники (а князь Иван был их

учеником) вообще были склонны к поискам магии чисел. Но в этом случае тайна лежала на поверхности. «Вавилонский плен» иудеев, согласно Библии, должен был продлиться 70 лет. «Ибо так говорит Господь: когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посету вас и исполню доброе слово Мое о вас» (Иеремия, 29, 10).

Это «доброе слово», согласно Иеремии, будет связано с появлением праведного царя. «Вот, наступают дни, — говорит Господь, — и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле» (Иеремия, 23, 5). Этим «царем», избранным Богом для утверждения правды, князь Иван и ощутил себя, поднявшись на вершину власти. Это ощущение он сохранил до последних дней своей жизни и запечатлел знаменитой записью в Сийском Евангелии 1340 года: «О сем бо князи великом Иване пророк Езекии глаголетъ: в последнее время в апустевшии земли на запад встанеть цесарь правду любя и суд не по мзде судя ни в поношение поганым странам. При сем будетъ тишина велья в Руской земли, и всьсияеть в дни его правда, яко же и бысть при его царстве» (103, 95).

В этих словах ощутим ритм человеческого дыхания. Должно быть, князь Иван сам диктовал их писцам незадолго перед кончиной, оглядываясь на прожитую жизнь и готовясь к переходу в жизнь вечную. Как и было принято в то время среди книжных людей, он цитирует Священное Писание по памяти, смешивая тексты из разных книг Ветхого Завета и стараясь сохранить лишь общий смысл. Многозначность библейской символики позволяла ему использовать образ Царя-Христа в более узком, земном смысле — как царя-правителя...

Но вернемся к событиям 1328 года. Главной заботой нового великого князя стал мир. Иван хотел дать стране покой, прекратить ордынские «рати». Трудно даже представить, сколь сложной была эта задача. Но Калита сумел добиться своего. Летописец, работавший во второй половине XIV века, оглядываясь на времена Ивана Даниловича, позволил себе небольшое, но очень интересное рассуждение. Сообщив о приходе Калиты на великое княжение в 1328 году, он добавляет: «И бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погании воевати Русскую землю и заклати христиан, и отдохнуша и починуша христиане от великиа истомы многыа тягости, от насилия татарского, и бысть оттоле тишина велика по всей земли» (25, 90).

Эта «великая тишина» продолжалась, по мнению летописца, сорок лет — с 1328 года до начала московско-литовских войн в 1368 году. Задумаемся над этим суждением. В нем

отражены религиозно-политические теории ранней Москвы. Конечно, число лет «великой тишины» названо условно. В той же Симеоновской летописи под 1368 годом летописец указывает, что «от Федорчюковы рати до Олгердовы лет 41» (25, 109). Но его явно увлекло число 40 — одно из самых многозначительных в христианской символике. Это и сорок дней искушения Спасителя в пустыне, и «сороковница» Рождественского поста, и «четыредесятница» Великого поста. Число «сорок» в христианском сознании ассоциировалось с идеей очищения от грехов. Летописец словно намекает на то, что продолжительность установленной московскими князьями «великой тишины» — парафраза «Великого поста» — есть новое свидетельство богоугодности их деятельности.

Многозначительное число «сорок» книжники находили и в истории правления предков Ивана Калиты, сыновей Александра Невского. «Бысть же княжения сынов Александровых и великаго князя Даниила Московскаго лет 40» (8, 197). Но то были сорок лет раздоров и бед. Князь Иван подарил Руси сорок лет «великой тишины».

Конечно, «великая тишина» существовала не только в воображении московских книжников. Это была политическая реальность, вселявшая надежду на перемены. Она стала возможной только благодаря тому, что князь Иван, а позднее его сыновья Семен Гордый и Иван Красный, сумели обеспечить полную и своевременную выплату ордынской дани с русских земель. Правители Орды ханы Узбек (1313—1341) и Джанибек (1341—1357) были вполне удовлетворены таким положением дел и не препятствовали постепенному усилению московского княжеского дома. Начавшаяся в Орде после смерти Джанибека длительная смута («замятня великая», по выражению русских летописей) открыла новые возможности для Москвы, которыми не преминул воспользоваться внук Ивана Калиты князь Дмитрий Иванович Донской. Объединив под своим началом большинство князей Северо-Восточной Руси, Дмитрий начал открытую вооруженную борьбу с Ордой, увенчавшуюся великой победой на Куликовом поле. С этого времени, несмотря на все последующие неудачи и промахи московских князей, Москва окончательно стала центром формирующегося единого Русского государства.

Историк В. О. Ключевский справедливо отмечал благотворное воздействие этой «великой тишины» на духовное, нравственное развитие русского народа, которое, в свою очередь, содействовало успехам московской государственности. «Русские люди, сражавшиеся и уцелевшие в бою на Сити (3 марта 1238 года. — Н. Б.), сошли в могилу со своими

сверстниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займется ли где заря освобождения. За ними последовали их дети, тревожно наблюдавшие, как многочисленные русские князья холопствовали перед татарами и дрались друг с другом. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться к необычным делам в Русской земле. В то время как все русские окраины страдали от внешних врагов, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопасным, и со всех краев Русской земли потянулись туда и простые люди. В то же время московские князьки, братья Юрий и этот самый Иван Калита, без оглядки и раздумья, пуская против врагов все доступные средства, ставя в игру все, что могли поставить, вступили в борьбу со старшими и сильнейшими князьями за первенство, за старшее Владимирское княжение, и при содействии самой Орды отбили его у соперников. Тогда же устроилось так, что и русский митрополит, живший во Владимире, стал жить в Москве, придав этому городку значение церковной столицы Русской земли. И как только случилось все это, все почувствовали, что татарские опустошения прекратились и наступила давно не испытанная тишина в Русской земле. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княжение, когда ей впервые за сто лет рабства удалось вздохнуть свободно, и любила укрощать память этого князя благодарной легендой.

Так к половине XIV века подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро забрезжит свет» (84, 66).

Именно это поколение, возросшее под сенью «великой тишины», дало Руси трех знаменитых духовных вождей и учителей — игумена Сергия Радонежского, митрополита Алексея и епископа Стефана Пермского. «Все три святых мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело — укрепление Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XIV века» (84, 67).

Основанием «великой тишины», за которую так чтили Ивана Калиту современники, потомки и историки, был ис-

правный сбор ордынской дани. Этот успех московского князя стал возможным только благодаря общему укреплению государственного начала в жизни Северо-Восточной Руси. Разумеется, на этом пути он не мог обойтись без насилия. Наведение порядка осуществлялось средневековыми методами. Письменные источники сохранили жалобы и стоны удельной знати, попавшей под тяжкие жернова московского порядка. Автор «Жития Сергия Радонежского» монах Епифаний Премудрый, рассказывая о детстве и отрочестве своего героя, делает небольшой исторический экскурс. Он сообщает, что в Ростове, где около 1314 года родился будущий подвижник, царило в то время страшное оскудение. Обнищал и отец Сергия ростовский боярин Кирилл. «Како же и что ради обнища, да скажем и се: яко частыми хоженми еже с князем в Орду, частыми ратми татарскими еже на Русь, частыми послы татарскими, частыми тяжкими данми и выходы еже в Орду, частыми глады хлебными» (14, 288).

Ко всем бедам ростовчан зимой 1327/28 года добавилась страшная татарская рать, «глаголемая Федорчукова Туралыкова». Но и это был еще не конец тяжелых времен. Примерно через год после рати (то есть где-то в конце 1328 года) «наста насилование, сиречь (потому что. — *Н. Б.*) княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение ростовское к Москве. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отьяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москве» (14, 288).

Получив от хана распоряжение о сборе недоимок в Ростове (или попросту взяв на откуп эту статью дохода ханской казны), князь Иван вскоре предпринял суровые меры по отношению к задолжавшим ростовцам. Посланные им воеводы Василий Кочева и Мина учинили в Ростове настоящий погром. Насилием, а порой и пытками они заставляли жителей отдавать последние деньги и ценности. По-видимому, князь Иван выплатил ханской казне недоимку по ордынской дани с Ростова и за это года три спустя получил от хана право включить Сретенскую половину Ростовского княжества в состав великокняжеских владений.

Агиограф в нескольких фразах рисует эту черновую, неприглядную работу князя Ивана и его людей по «собираению Руси». Когда московские воеводы вошли в Ростов, «тогда възложиста велику нужю на град да и на вся живуцаа в нем, и гонение много умножися. И не мало их от ростовец москвичем имениа своа с нуждею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем с укоризною въземающе и тцима

рукама отхождааху. Иже последняго беденьства образ, яко не токмо имениа обнажеша быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себе носиша и претръпеша. И что подобает много глаголати? Толико дръзновение над Ростовом съдеяша, яко и самого того епарха градскаго, старейшаго болярина ростовскаго, именем Аверкый, стремглавы обесиша, и възложиша на ня руце свои, и оставиша поругана. И бысть страх велик на всех слышащих и видящих сиа, не токмо в граде Ростове, но и во всех пределах его».

(«И когда они вошли в город Ростов, то принесли великое несчастье в город и всем живущим в нем, и многие гонения в Ростове умножились. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали, а сами вместо этого удары по телам своим с укором получали и с пустыми руками уходили, являя собой образ крайнего бедствия, так как не только имущества лишались, но удары по телу своему получали и со следами побоев печально ходили и терпели это. Да к чему много говорить? Так осмелели в Ростове москвичи, что и самого градоначальника, старейшего боярина ростовского, по имени Аверкий, повесили вниз головой, и подняли на него руки свои, и оставили, надругавшись. И страх великий объял всех, кто видел и слышал это, — не только в Ростове, но и во всех окрестностях его» (14, 288—290).

Так же, как в Ростове, действовал князь Иван и в других благоприобретенных землях. Однако цель его заключалась не только в том, чтобы выжать из населения припрятанные средства и решить свои сиюминутные финансовые проблемы. Он смотрел дальше. Беспощадно обирая, например, ростовцев, он в то же время давал им возможность подняться и хотя бы отчасти восстановить свое благосостояние, но уже на другой, московской земле. И уже в качестве подданных московского князя. «Житие Сергия Радонежского» повествует, что князь Иван, разорив Ростов, в то же время предоставил широкие льготы тем ростовцам, которые готовы были переселиться в Московское княжество. Обширная и слабозаселенная волость Радонеж в северо-восточной части московских земель, ближе всего к границам Ростовского княжества, была поставлена в особые условия. Здесь князь Иван «лготу людем многу дарова, и ослабу обещаея тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашася мнози, яко же и ростовская ради нужда и злобы разбегошася мнози» (14, 290).

Как и надеялся князь Иван, со временем переселенцы забывали о причиненном им зле. Своим трудом, своей службой они укрепляли Московское княжество. А некоторые из них становились столпами его экономического, военного или

духовного могущества. Так, среди ростовцев, перебравшихся в Радонежскую волость после погрома 1328 года, был сын боярина Кирилла 14-летний отрок Варфоломей — будущий основатель Троицкого монастыря и великий подвижник Сергей Радонежский.

Стремясь упрочить свое положение в ростово-ярославских и белозерских землях, князь Иван прибегнул к старому, испытанному средству — династическим «бракам по расчету». Одна из дочерей Калиты, Мария, в 1328 году была выдана замуж за юного ростовского князя Константина (21, 201). Отец жениха князь Василий Константинович к этому времени уже давно умер, а старший брат Федор, едва ли обрадованный таким поворотом дела, не мог в тех обстоятельствах противиться воле московского князя. (Мнения же самих молодых никто, разумеется, не спрашивал.)

Вероятно, свадьба была сыграна осенью 1328 года, вскоре после возвращения Ивана Даниловича из Орды с великокняжеским ярлыком. Тогда же Калита обеспечил владельческие права своего зятя, организовав формальный раздел города Ростова и Ростовского княжества на две половины — Сретенскую и Борисоглебскую (91, 268). Первая досталась старшему брату, Федору Васильевичу, а вторая — младшему, Константину. После смерти Федора в 1331 году московский князь уговорил хана передать ему Сретенскую половину Ростовского княжества во временное управление как часть великого княжения Владимирского. На практике этими землями от имени Калиты стал править его зять Константин, соединивший под своей рукой обе части Ростовского княжества. Так, благодаря тонкому расчету Калиты (и удивительно своевременной кончине одного из братьев!), Константин Васильевич Ростовский стал одним из сильнейших русских князей, но при этом остался послушным «подручником» московского князя.

Князь Константин Васильевич, кажется, тяготился своей пассивной ролью и долго копил злобу на могущественную московскую родню. Пока великое княжение оставалось в руках московских князей — Константин молчал и повиновался. Но когда в 1360 году суздальский князь Дмитрий Константинович отобрал великое княжение у малолетнего князя Дмитрия Московского, ростовский князь не утерпел. Сговорившись с новым великим князем Владимирским, он присвоил себе всю полноту власти в Ростовском княжестве, захватив не только великокняжескую Сретенскую половину, но и волости, купленные москвичами в ростовской земле в качестве вотчин.

Однако торжество Константина продолжалось недолго. В 1363 году московские войска нагрянули в Ростов и утвердили здесь на княжении племянника и соперника Константина Васильевича — князя Андрея Федоровича. Этот юный искатель удачи давно уже жил при московском дворе в ожидании будущих политических комбинаций. Теперь час настал, и его пустили в дело.

Старый ростовский князь, посрамленный и униженный, поспешил уехать в Устюг — самый северный и далекий угол ростовских владений. Его никто не преследовал. Должно быть, юный Дмитрий Донской сжалился над своей престарелой тетушкой, княгиней Марией Ивановной, и ее незадачливым супругом. Там, в Устюге, Константин Васильевич и окончил свои дни. Есть известия, что его сыновья (внуки Калиты!) владели какими-то глухими волостями по рекам Ваге и Северной Двине.

Другая дочь Калиты, Феодосия, была выдана замуж за князя Федора Романовича. Ее муж со временем стал старшим в доме белозерских князей. Он не был завистлив, дружно жил со своим московским тестем, а потом и с шурьями — Семеном Гордым и Иваном Красным. В 1375 году Федор по призыву Дмитрия Московского принял участие в походе на Тверь. В 1380 году зять Калиты вместе со своим сыном Иваном сложил голову в битве на Куликовом поле, куда он явился во главе белозерских полков. Его владения перешли под власть Москвы.

Княгиня Феодосия Ивановна прожила долгую жизнь. Она была еще жива в 1389 году, когда по завещанию Дмитрия Донского основная часть белозерского княжества была передана его третьему сыну, князю Андрею Дмитриевичу. Однако своей тетке Феодосье Дмитрий Донской оставил в пожизненное владение несколько белозерских волостей. После ее кончины они должны были перейти ко вдове Дмитрия Ивановича княгине Евдокии.

Свою третью дочь, Евдокию, Иван Данилович выдал замуж за ярославского князя Василия Давыдовича, внука знаменитого своим буйством князя Федора Черного и дочери ордынского хана Тохты (29, 113). Василий Ярославский, носивший красноречивое прозвище «Грозные Очи», кажется, унаследовал крутой нрав своего деда. Он не желал тянуть в одной упряжке с Калитой и подчиняться его власти. В 1339 году дело дошло до скандала. Василий поехал в Орду, где должен был решаться старый спор между Иваном Калитой и Александром Тверским. Московский князь, проведав о недобрых замыслах зятя, послал отряд в пятьсот всадников,

чтобы перехватить его по дороге. Однако лихой потомок Федора Черного сумел отбиться от московских воевод и уйти в Орду. Вероятно, эта удача спасла ему жизнь. Одолев Александра Тверского, Калита не стал немедленно сводить счеты с крамольником-зятем. А менее чем через год Иван Данилович сошел в могилу, и его наследник Семен Гордый примирился с ярославским князем. В 1342 году княгиня Евдокия Ивановна умерла. Муж Евдокии также умер молодым, пережив ее всего лишь на три года. У них был сын по имени Василий, который ходил с московскими полками на Тверь в 1375 году.

Помимо брачных союзов, московские правители широко использовали и еще один мирный способ овладения соседними землями — покупку. И сам Иван, и его бояре приобретали у местных правителей на началах частной сделки села, деревни и целые волости. Опираясь на эти островки московских владений, они продолжали внедряться в чужие территории.

Историков давно занимает вопрос: откуда Иван Калита брал деньги для своих приобретений? Одни полагают, что он утаивал часть ордынской дани, другие считают, что он резко увеличил торговлю хлебом, третьи указывают на освоение им богатых пушнинаой областей русского Севера.

Но все это не более чем догадки. Заметим, что от исследователей как-то ускользало самое простое и, как нам кажется, естественное объяснение. Московский князь твердой рукой навел относительный порядок в том беспределе анархии, воровства и местного произвола, который царил на Руси. Огромное количество средств (в том числе и тех, которые должны были идти на выплату ордынской дани) попросту разворовывалось всякого рода «сильными людьми». Эту вакханалию грабежа дополнял разбой на дорогах, сильно затруднявший торговлю между городами.

Один из древних источников с похвалой отзывается об Иване Калите за то, что он «исправи Руськую землю от татеи (воров. — Н. Б.) и от разбоиник» (10, 465). Можно только догадываться, каких усилий это ему стоило и сколько разбойничьих гнезд, свитых в лесных чащобах, было обнаружено, захвачено и разорено тогда московскими воеводами.

По-настоящему приняться за эту работу князь Иван смог только после того, как внес существенные изменения в тогдашние правовые нормы. Согласно древней традиции крупные земельные собственники (бояре, монастыри, епископ-

ские кафедры) имели право суда по всем без исключения уголовным делам в пределах своих вотчин. Однако далеко не все вотчинники имели возможность вести успешную борьбу с разбойничьими шайками или матерыми преступниками-одиночками. Кроме того, даже изловив злодеев, местные судьи зачастую отпускали их за взятку. Только сильная рука центральной власти могла как следует наладить это сложное дело.

Иван Калита стал изымать наиболее серьезные уголовные дела из ведения вотчинников и передавать их своей администрации. Сохранилась его грамота новгородскому Юрьеву монастырю. Согласно ей, монастырские люди, живущие в городе Волоке (современный Волоколамск), должны судиться у своих монастырских властей по всем делам «опроче татьбы, и розбоя, и душегубства»... Расследование и наказание этих преступлений князь вверяет своим наместникам.

Случай с юрьевскими вотчинами — не исключение. Исследователи древнерусского права отмечают, что в московских землях княжеская администрация взяла в свои руки борьбу с тяжкими преступлениями гораздо раньше, чем в других русских княжествах (107, 365).

Но главными ворами всегда были представители местной знати. С ними князь Иван расправлялся «не взирая на лица». Судьба ростовского «епарха градскаго (то есть, видимо, тысяцкого. — Н. Б.), старейшаго боярина» Аверкия, подвешенного за ноги и замученного до полусмерти московскими палачами, служит примером того, какими средствами Иван Данилович сбивал спесь с этих людей. Конечно, жестокость остается жестокостью, даже если она совершается во имя благой цели. И все же трудно не вспомнить в этой связи одного суждения Макиавелли. «Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица» (101, 40).

Свою задачу правителя Калита понимал, однако, гораздо шире, чем только как борьбу с разгулом «лихих людей». Библия воспитала в нем чувство постоянной личной ответственности перед Богом за свою землю. Она учила его во всем устремляться к высшим идеалам. Благодаря ей князь Иван был велик и в своих взлетах, и в своих падениях.

«Вот, Царь будет царствовать по правде, и князья будут

править по закону; и каждый из них будет как защита от ветра и покров от непогоды» (Исаия, 32, 1).

Издавна одной из главных обязанностей князя в Древней Руси был суд и судебное законодательство. Занятые множеством других дел, князья обычно передавали эти полномочия своим управляющим (тиунам), а те, в свою очередь, — другим доверенным лицам. В конце концов, суд становился источником обогащения для судей, получавших доходы не столько от положенных им по закону судебных пошлин, сколько от всяческих «посулов», то есть взяток. Свое отношение к суду народ издавна выражал известной поговоркой: «С сильным не борись, с богатым не судись».

Церковные проповедники часто укоряли князей за пренебрежение справедливым судом. От времени Калиты сохранился список наставления тверского епископа Семена (умер в 1288 году) полоцкому князю Константину Безрукому. Однажды во время пира князь заспорил с владыкой о том, где будет на том свете тиун — в раю или аду? Распаясь, князь заговорил начистоту: «Тиун неправду судит, мзду емлет, люди продает, мучит, лихое все деет»... Епископ не стал с этим спорить, но заметил, что на то и князь, чтобы избирать не плохих тиунов, а хороших. «Аки бешена человека пустил на люди, дав ему меч, — тако и князь, дав волость лиху человеку губити люди. Князь во ад и тиун с ним во ад!» (13, 464).

Не знаем, как отбирал Иван Данилович своих тиунов. Однако несомненно, что он много занимался улучшением суда и развитием законодательства. Исследователи древнерусского права установили, что при Калите, а возможно, и по его указу, на Руси велась работа по собиранию и обработке памятников византийского и русского права. Современники недаром сравнивали его с византийским императором Юстинианом, знаменитым своей законотворческой деятельностью.

Однако сам князь Иван видел свою цель не только в создании хорошего законодательства, но и в утверждении в своей земле Правды. В приписке к Сийскому Евангелию главной добродетелью Ивана Даниловича представлена любовь к правде. Это понятие трижды встречается в первой части произведения.

«О сем бо князи великом Иване пророк Езекии глаголетъ: в последнее время в апустевшии земли на запад встанеть цесарь правду любя и суд не по мзде судя ни в поношение поганым странам. При сем будетъ тишина велья в руской земли и всияеть в дни его правда, яко же и бысть при его царстве. Хвалит римская земля Петра и Павла, Азия Иоана Богословца, Индийская Фому, Ераполь Филипа, Руская земле

первозванного апостола Андрея, греческая земля цесаря Костянтина; сему благородному князю великому Ивану, створшему дела подобна в Руской земли правоверному цесарю Костянтину; о сем бо песнословец глаголет: «постави, Господи, законодавца над ними да разумеют языци яко человеци суть; то же рек: «Боже! суд цесареви даи же правду сынови цесареву». Сии бо князь великой Иоан имевше правыи суд паче меры, поминая Божественае Писания» (103, 95).

Какой смысл вкладывал Калита в слово «правда»? В языке того времени оно было весьма многозначным. Его первое, узкое значение — закон или свод законов («Русская правда»). Но, кроме этого, «правда» может означать и истину, и добродетель, и праведность как соответствие высшему нравственному закону, и божественную волю и, наконец, — справедливость. В Похвале Ивану Калите из Сийского Евангелия слово «правда» применяется в двух смыслах: правда как справедливость (в сочетании с идеей справедливого суда) и правда как христианское учение («и воссияет в дни его правда»). Это последнее значение слова «правда» было общеизвестно благодаря таким церковным песнопениям, как, например, тропарь на праздник Сретения Господня: «Радуйся, Благодатная Богородице Дево, из Тебе бо возсия Солнце правды, Христос Бог наш» (глас 1-й).

Видимо, Иван Данилович действительно стремился утвердить в своей земле «правду» как справедливость, наладив праведный, нелицеприятный суд. Для этого князь должен был, конечно, лично участвовать в разборе тяжб и вынесении приговора, не полагаясь на своих тиунов. При всей его невероятной занятости (одних только поездок в Орду он совершил около десятка!) Иван находил время для «правды» — справедливости. Такое отношение к делу было редким среди князей и создавало Калите славу в народе.

Почитая своим долгом заботу о «правде» — справедливости, князь Иван не только утверждал «правый суд», но и старался помочь тем, кто был обездолен судьбой. В приписке к Сийскому Евангелию сказано, что он был «сирым (бедным, нищим. — Н. Б.) в бедах помощник, вдовици от насильник изимая яко от уст львов» (103, 96).

Согласно библейской традиции милосердие считалось одной из главных добродетелей правителя. В книге пророка Даниила (как и в приписке к Сийскому Евангелию) милосердие упоминается в сочетании с правдой. Пророк предрекает царю Навуходоносору грядущие бедствия и наставляет: «Посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосер-

дием к бедным; вот чем может продлиться мир твой» (Даниил, 4, 24).

Несомненно, книга пророка Даниила была одной из любимых книг Ивана Калиты. И не отсюда ли тема правды и милосердия перенеслась в Похвалу Ивану Калите? (Так именуют иногда приписку к Сийскому Евангелию). Впрочем, было еще одно произведение, послужившее источником не только для «Похвалы», но и для самой жизненной философии князя Ивана. То было «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. В нем ярко представлен образ основателя русского православия, общего предка всех русских князей Владимира Святославича. Иларион восхищается милосердием киевского князя, цитируя при этом книгу пророка Даниила. «К сему же кто исповесть многыа твоа нощныа милостыня и дневныа щедроты, яже к убогим творяше, к сирым, к болящим, к дължным, к вдовам и к всем требующим милости? Слышал бо бе глагол глаголаный Даниилом к Навуходносору: «Съвет мой да будет ти годе, царю Навуходносоре: грехы твоа милостынями оцести, и неправды твоа щедротами нищих». Князь Владимир — «бе вдовицам помощник».

Тема милосердия приобрела особое значение в период «злой татарщины», когда количество «сирых» и «вдовиц» на Руси многократно возросло. Монах Яков в своем послании воинственному ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (около 1281 года) напоминал известные, но оттого не менее важные истины: «милостивии помиловани будут, милость бо на суде при всем лишше хвалима есть и смерти избавляет» (13, 460). Он вспоминал и перефразировал «Слова святого Василия»: «Человече, на торгу еще еси житиисцем; да иже торг не разыдется, купи си милостыню нищих помилованье от Бога» (13, 612).

Исходя «из худшего», можно утверждать, что прославленное «Похвалой» и летописью милосердие Ивана Калиты — не более чем дань «литературному этикету», требовавшему изображать князей идеальными правителями. Однако от подобных подозрений князя спасает его уникальное прозвище: его иронический оттенок убеждает, что оно родилось в народе, а не выдуманно придворными книжниками. Подобно тому как Александр Невский остался в памяти народа как храбрый, а Иван IV как грозный правитель, — так Иван Данилович стал в ней символом правителя доброго. Именно так его и называет один древний источник — Иван Добрый (10, 561). Первое прозвище, Калита, вытеснило второе благодаря своей оригинальности и звучности. Но, в сущности, они обозначают

одно и то же. В историю Руси он по праву должен войти как Иван Добрый.

В. О. Ключевский, весьма скептически отзывавшийся о способностях московских князей XIV—XV веков, нашел, однако, несколько добрых слов для Калиты. Историк тонко почувствовал, в чем состояло своеобразное очарование личности князя Ивана для современников. Став великим князем, Иван Данилович «первый начал выводить русское население из того уныния и оцепенения, в какое повергли его внешние несчастья. Образцовый устроитель своего удела, умевший водворить в нем общественную безопасность и тишину (и справедливый упорядоченный суд, добавили бы мы! — *Н. Б.*), московский князь, получив звание великого, дал почувствовать выгоды своей политики и другим частям Северо-Восточной Руси. Этим он подготовил себе широкую популярность, то есть почву для дальнейших успехов» (83, 20).

Но Калита как историческая личность был гораздо значительнее, чем просто добрый и милосердный правитель, хороший хозяин, «образцовый устроитель своего удела». Порядок, который он навел в своем Московском княжестве и других подвластных ему землях, был, по существу, новым решением вечной проблемы власти. Разрозненные русские княжества XIII века, стонавшие под властью татар, не способны были консолидироваться в единый политический организм. Историки справедливо говорят о «кризисе средневековой Руси» во второй половине XIII столетия, когда преобладающими в жизни страны стали процессы упадка и дезинтеграции. В сущности, князь Иван сотворил чудо: из мертвых с точки зрения будущего политических молекул он создал живую, способную к развитию клетку — Московское княжество. Свое небольшое княжество он обратил в своего рода зерно российской государственности. Со временем это зерно возшло, превратилось в стебель, раскинуло листья и стало уверенно расти ввысь и вширь, следуя заложенной в нем таинственной генетической программе.

В чем же заключается «генетический код» московской государственности? Ключ к ответу на этот вопрос дают уже упоминавшиеся слова из приписки к Сийскому Евангелию — Похвалы Ивану Калите: «и всияеть в дни его правда, якоже и бысть при его царстве». Князь Иван хотел построить государство правды, понимая под «правдой» прежде всего Правду Божию. Ее зримые очертания он искал в глубинах Священ-

ного Писания. И потомки его, каждый в меру своих дарований, шли по его стопам.

Это понимали, между прочим, и московские летописцы XIV—XV веков, с искренним восторгом повествовавшие об успехах своих князей. «Единодержавие казалось им государством правды, ибо вне его они не видели правды, любви и национальной свободы» (134, 284).

Основными взаимодополняющими элементами московской государственности были вера и разум. Вера давала энергию, заставляла во всем стремиться к высшей правде; разум указывал пути наведения государственного порядка в большом и беспорядочном русском мире. Вера была незримой известью, скреплявшей тяжелые камни порядка.

Вся деятельность Ивана Калиты как правителя проникнута пафосом Священного Писания. Ветхозаветный царь удивительным образом уживался в нем с апостолом, а бессердечный мытарь — с кающимся грешником. И в этой своей поразительной противоречивости князь Иван был глубоко русским человеком.

Идея провиденциальной избранности Русской земли, возникшая еще во времена Ярослава Мудрого и зазвучавшая с новой силой при Андрее Боголюбском, возродилась из-под пепла татарских погромов в правление Ивана Калиты. Согласно логике средневекового мышления, сам небывалый масштаб бедствия, обрушившегося на Русь («ордынский плен») и свидетельствовал об особом отношении Бога к этой земле, об его отеческой любви к ней.

Зародившаяся при Калите «московская идея» была, по сути своей, религиозно-политической. Она прочитывается только в контексте ветхозаветных и новозаветных событий. Упрощая и по необходимости схематизируя, ее можно свести к нескольким ключевым положениям.

Бог наказал Русскую землю татарами, подобно тому, как отец порою больно наказывает свое любимое дитя, чтобы направить его на путь истинный. Московская земля первой возвращается на путь правды. Ее правитель князь Иван Данилович своим благочестием снискал милость Божию, которая проявилась в приезде в Москву святителя Петра, в спасении Москвы от разгрома во время Федорчуковой рати, в передаче князю Ивану великого княжения Владимирского.

Благочестивые московские князья строят храмы и монастыри, подчиняют всю жизнь поискам Божьей Правды. Следуя наставлениям ветхозаветных пророков, они верой и правдой служат новому Навуходносору — ордынскому «поганому

царю». И за это Господь воздаст «великой тишиной» для всей Руси.

Такое осмысление событий неизбежно приводило к мысли, что именно Москва и ее правители избраны Богом для спасения Русской земли, для ее возвращения на путь правды. Все, что делают москвичи, они делают не по своей прихоти, но во имя исполнения благодатного Божьего промысла о Руси.

Так у московских правителей появлялась уверенность в своей правоте. Она укрепляла их силы, но порою приводила к трагическим столкновениям с вечным нравственным законом.

В характере Ивана Калиты было нечто, сближающее его с купцами-старообрядцами прошлого столетия. Они славились не только своим истовым благочестием, но и жесткой деловой хваткой, умением «драть три шкуры» со своих работников. Создатели всероссийского хлебного рынка, они в конечном счете стали основоположниками торгово-промышленного капитала в России. Эти неторопливые кряжистые бородачи были связаны между собой незримыми нитями духовной общности. Они спокойно доверяли компаньону-единоверцу целые состояния без всяких векселей.

Князь Иван любил купцов. Ему нравилась их смекалка и деловитость, подвижность и готовность к риску. А главное — они постоянно пополняли его великокняжескую казну, выручали в тяжелую минуту безденежья.

Наведя порядок на дорогах и усмирив произвол местных князей в городах, Иван Данилович заслужил благодарность купцов. В годы его княжения они вздохнули с облегчением. Торговля пошла в гору. Однако, судя по всему, князь не замедлил наложить и на купцов свою тяжелую руку. Одной рукой расчищая им путь, он другой рукой душил их тяжкими налогами.

Административно-хозяйственная сторона правления Ивана Калиты вообще очень мало известна. Почти единственным источником служит его завещание («духовная грамота»), сохранившееся в двух вариантах. Точная дата его написания неизвестна.

Анализируя эти грамоты, сравнивая их с завещаниями его сыновей и внуков, исследователи приходят к выводу, что князь Иван много занимался развитием налоговой системы в своих землях. Его труды в этой области требуют особых комментариев.

Во второй половине XIII века на Руси существовали две самостоятельные налоговые структуры. Одна, укомплектованная в основном татарами и «бесерменами», занималась сбором ордынского «выхода»; другая, княжеская, обеспечивала Рюриковичей средствами для содержания дружины, ведения войны и иных нужд. Со временем русские князья сумели убедить хана передать сбор ордынской дани в их руки. Каждый князь стал лично собирать и отвозить к ханскому двору причитающийся с его удела ордынский «выход». Новый порядок избавил страну от сотен и тысяч чужеземных паразитов — откупщиков, сборщиков дани. Однако и он был весьма несовершенен. Путевые расходы, связанные с частыми поездками в Орду, разоряли мелких князей, делали их неоплатными должниками ордынских ростовщиков. Требуя выплаты княжеских долгов, татары подчистую разоряли целые города и волости. Кроме того, такой порядок отношений с Ордой способствовал возникновению новых усобиц, так как младшие князья часто использовали свои поездки в Орду для сплетения всевозможных интриг против старших сородичей.

Следующим шагом в развитии системы сбора ордынской дани стало признание ханом исключительного права великого князя Владимирского на получение и доставку в Сарай «выхода» со всех русских земель. Разумеется, расплывчатость правовых норм и огромное значение личных контактов в этом патриархальном обществе приводили к тому, что элементы старой системы еще очень долго сохранялись внутри новой. Ханские баскаки и откупщики собирали дань в некоторых областях Руси и после упразднения старой налоговой системы; некоторые местные князья самостоятельно вели дела с Ордой и после признания особых прав в этой области великого князя Владимирского. И все же введение «ордынской монополии» великого князя Владимирского было большим шагом вперед на пути создания единого Русского государства.

Некоторые историки полагают, что именно Иван Калита создал эту новую систему. Источники не содержат, однако, прямых подтверждений этого положения. Единственным косвенным доказательством можно считать одну загадочную фразу Никоновской летописи. Рассказав о передаче Ивану Даниловичу великого княжения Владимирского в 1328 году, летописец многозначительно добавляет: «...и иныя княжения даде ему к Москве» (22, 195). Возможно, летописец имел в виду не привилегию Калиты на сбор ордынского «выхода», а лишь «куплю» князя (Углич, Галич и Белоозеро) и пожалованные ему права на половину Ростовского княжества.

Всегда осторожный в своих догадках В. О. Ключевский объяснял это следующим образом. «Татары по завоевании Руси на первых порах сами собирали наложенную ими на Русь дань — ордынский выход, для чего в первые 35 лет ига три раза производили через присылаемых из Орды численников поголовную, за исключением духовенства, перепись народа, *число*; но потом ханы стали поручать сбор выхода великому князю Владимирскому. Такое поручение собирать ордынскую дань со многих, если только не со всех, князей и доставлять ее в Орду получил и Иван Данилович, когда стал великим князем Владимирским. Это полномочие послужило в руках великого князя могучим орудием политического объединения удельной Руси» (83, 21).

Как бы там ни было, князь Иван собирал ордынский «выход» со всей Северо-Восточной Руси и Новгорода. Он очень дорожил этой привилегией и запечатлел ее в своем титуле. Первым из великих князей Владимирских Калита стал именоваться «князь великий всея Руси». Видимо, здесь он последовал примеру митрополита, который в ответ на галицкий церковный сепаратизм начал именовать себя «митрополит всея Руси» (67, 103).

В поисках выхода из финансовых затруднений Иван Данилович набрел на идею, которая оказалась плодотворной. Он начал расплачиваться со своими слугами не деньгами, а землями. Однако земли эти они получали не «в вотчину», то есть на правах частной собственности, а во временное, условное держание. В завещании Калиты среди прочих встречается и следующее указание: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служить, село будет за ним, не иметь ли служить детям моим, село отоимут». Историки по-разному объясняют это довольно загадочное распоряжение московского князя. Все сходятся на том, что по своему положению Бориска Ворков, несомненно, помещик. Однако далее мнения расходятся. Некоторые считают его первым и даже единственным в то время русским помещиком; другие (как, например, известный историк Н. П. Павлов-Сильванский) полагают, что таких, как он, помещиков во времена Калиты было уже много. Особое упоминание Воркова в завещании московского князя Павлов-Сильванский объясняет тем, что это поместье находилось не в московских землях, а в чужом княжестве. «О селах, пожалованных слугам в пределах московских владений, разделенных между князьями-наследниками Семеном, Иваном и Андреем, не надо было упоминать особо, потому что условия пожалования были хорошо извест-

ны, а принадлежность таких сел тому или другому князю определялась границами выделенных уделов» (107, 453).

Так или иначе, Иван Калита, несомненно, одним из первых среди русских князей оценил преимущества поместного землевладения. С его легкой руки оно со временем станет повсеместным, а выросшее на его основе дворянство — военно-административным каркасом российского централизованного государства.

Среди доходных статей своего бюджета Иван Данилович особо выделял торговые пошлины. И на то были все основания. Если прямой поземельный налог, взимаемый с крестьян («дань»), нельзя было увеличить без риска разорить земледельцев, то городские оброки могли возрастать по мере оживления торговли и промыслов. Вероятно, именно при Калите в Московском княжестве появилась новая торговая пошлина с татарским названием «тамга» (81, 178). Она равнялась определенной части от стоимости проданного и купленного товара. Размер тамги мог изменяться в зависимости от обстоятельств и распоряжений местных властей. Поначалу тамга шла исключительно в ханскую казну и ее сбором занимались сами татары. Тамга дополнила старую русскую таможенную пошлину — «осьмичное», равную восьмой части цены товара. Существовала в то время и еще одна торговая пошлина — «мыт». Она взималась при пересечении купеческим обозом границы княжества, уезда или города.

Распределение доходов от торговых пошлин между княжеской и ханской казной было подвижным, изменчивым. Случалось, что московские Даниловичи уговаривали хана пожаловать им тот или иной город или признать право на его захват под условием передачи татарам сбора в этом городе тамги, осьмичного или мыта. Бывали и обратные случаи, когда доходные статьи, принадлежавшие прежде татарам, возвращались в карманы князей московского дома (81, 184).

Внимательный ко всему, что могло принести доход, князь Иван не упустил из виду и торговлю хмельным «медом». Есть основания думать, что он расширил производство «меда» в своих подмосковных «варях», то есть варницах, где собранный бортниками мед диких пчел превращался в веселящую душу медовуху (81, 186).

Спрос на хмельную продукцию княжеских «варей» был постоянным. Пили русские люди в ту темную пору весьма и весьма основательно, отгоняя хмелем тоску и безысходность. Хмель гулял по избам и по княжеским теремам. Монах Яков в послании к ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (около 1281 года) умолял его — «блюдися запойства!».

Неистовое пьянство сопровождало тяжкие бедствия, которыми так обильна была тогдашняя русская жизнь. По воспоминаниям игумена Пафнутия Боровского, во время «великого мора» 1427 года одни постригались в монахи, а другие, напротив, «питию прилежаху, зане множество меду пометнуто и презираемо бе» (3, 17). Дикое пиршество в заброшенных домах порою прерывалось тем, что «един от пиющих внезапно пад умираше; они же, ногами под лавку впхав, паки прилежаху питию» (3, 17).

Пьянство вошло в повсеместный обычай. В конце XV века преподобный Иосиф Волоцкий в своем монастырском уставе строго воспрещал держать хмельные напитки в обители. Зная, что вино в небольших количествах подавалось на трапезах в греческих монастырях, Иосиф предусмотрительно объяснил, почему этот обычай нельзя переносить в русские монастыри: «В Рустей же земле ин обычей и ин закон: и аще убо имеем питие пианьственное, не можем воздержатися, но приемь до пианьства» (33, 318).

ПСКОВСКИЙ ПОХОД

А еще и много много писал, бывшиа в тое розратие печали и скорби, но за умножение словес и не писано оставим.

Псковская летопись, 1329 г.

В начале 1329 года князь Иван был вынужден на время оторваться от своих обычных дел. Обстоятельства вновь заставили его отправиться в далекий путь. На сей раз — на северо-запад, во Псков. Однако истоки этого путешествия лежали в Орде.

Отпуская русских князей из своей ставки летом 1328 года, хан на прощанье приказал им поймать и привести в Орду на суд князя Александра Михайловича Тверского. В отличие от своего отца Михаила Ярославича, пожертвовавшего собой для спасения Тверского княжества, Александр после восстания в Твери не поехал тотчас в Орду с покаянием.

Александра больше воодушевлял пример его деда Ярослава Ярославича, основателя династии тверских князей. Спасаясь от татар, он в 1253 году бежал во Псков и был принят там на княжение. Года через два Ярослав из Пскова перебрался в Новгород. Вскоре он получил прощение нового хана Берке, вернулся в Тверь и после смерти Александра Невского стал великим князем Владимирским.

Возможно, добровольное покаяние Александра Тверского в Орде могло бы предотвратить Федорчюкову рать и разорение Тверского княжества. Однако 26-летний князь уклонился от мученического венца. Хан, в свою очередь, не мог примириться с тем, что главный мятежник остался безнаказанным. Но он не послал для его поимки новую татарскую рать. Узбек решил поручить это дело самим русским князьям. В исполнении этого поручения таилось и некое назидание для них. Каждый мог представить себя на месте Александра — загнанным волком, по следу которого спешат охотники...

Главная ответственность за исполнение ханской воли падала на московского князя: он получил Новгород, а вместе с ним и ответственность за весь северо-запад Руси.

Ивану очень не хотелось отправляться в этот далекий, трудный и явно бессмысленный поход на Псков. Поймать Александра было так же невозможно, как схватить рукой выпорхнувшую из клетки птицу. Но и оставить приказ хана

без исполнения было немыслимо. Для начала Иван пытался воздействовать на беглеца через его родственников, и прежде всего — брата Константина. Новый тверской правитель выразил готовность сотрудничать с москвичами. Став тверским князем после поездки в Орду вместе с Иваном Калитой летом 1328 года, он никогда не проявлял враждебных намерений по отношению к Москве. Тверская княгиня Софья, племянница Ивана Калиты, сидела на престоле рядом со своим мужем.

Впрочем, дело было не только в личности Константина. Окажись на его месте любой другой — и он едва ли смог бы действовать иначе. Тверское княжество было столь сильно разорено и опустошено, что о какой-либо новой войне с Москвой не приходилось и думать. Рассказывая о возвращении княжеской семьи в Тверь после погрома, летописец замечает: «И седоша во Твери в велицей нищете и убожестве, понеже вся земля Тверская пуста» (22, 195). Другой летописец отметил, что Константин «нача княжити тогды тихо и мирно» (24, 417).

Осторожная политика Константина способствовала возрождению тверской земли после погрома 1328 года. Даже его опальный брат Александр уважительно говорил о Константине: «Се есть наставник отчине нашей, о нем же утвердишася люди по рати сеи» (23, 49).

Московский князь хорошо усвоил уроки ордынской дипломатии: умение ждать, разъединять своих врагов, сталкивать их друг с другом и уничтожать поодиночке. Разгром Твери таил в себе большое искушение для москвичей: попытаться овладеть этой землей. Но князь Иван сумел благоразумно предпочесть журавлю в небе синицу в руках.

Этой «синицей» — «ручным» тверским князем — Иван и решил воспользоваться в самом начале своей многолетней борьбы с неистовым Александром Тверским. Калита убедил Константина написать письмо к брату с призывом явиться на суд к хану и тем самым спасти свое княжество и всю Русскую землю от новых бедствий. Александр не послушался и остался во Пскове. Еще меньшее впечатление произвели на него увещательные послания от новгородцев и от самого Ивана Даниловича.

Впрочем, Иван, вероятно, и не питал особых надежд на эту переписку. Затеяв ее, он хотел лишь потянуть время в надежде на то, что хан забудет о своем приказе и все как-нибудь само собой устроится. Однако Узбек не забыл сказанного. В конце 1328 года он вновь потребовал от русских князей захватить и доставить в Орду Александра Тверского.

На сей раз пришлось князю Ивану без промедления са-

даться на коня. На Псков двинулось большое войско, включавшее в себя, кроме московских ратников, дружины тверских князей Константина и Василия Михайловичей. Отправился в поход и сопровитель Ивана по великому княжению Владимирскому князь Александр Васильевич Суздальский и другие князья. В составе Никоновской летописи сохранилась обширная повесть о псковском походе Ивана Калиты, созданная в окружении князя Александра Тверского. Она начинается словами: «Вложи окаянный враг диавол злую мысль князем русским взыскати князя Александра Михайловича Тверскаго, повелением татарскаго царя Азбяка, и подьяша всю землю Русскую, и поиде ратью князь велики Иван Данилович в Новьград, и с ним тверския князи... и князь Александр Васильевич Суздальский, и пояша всех новгородцев» (22, 201).

Союзники явно не хотели доводить дело до сражения. В глубине души многие рядовые воины «низовских» дружин сочувствовали тверскому мятежу. Когда войско подошло к Новгороду, Иван Данилович отправил к Александру во Псков своего боярина Луку Протасьева (вероятно, сына московского тысяцкого Протасия Вельяминова) с посольством. Новгородцы, в свою очередь, послали к Александру архиепископа Моисея и тысяцкого Авраама, «понужающе его поити во Орду ко царю Азбяку» (22, 201).

Верный своей лаконичной манере, летописец не поясняет, какими доводами московский посол и новгородский владыка «понужали», то есть убеждали князя Александра сдаться татарам. Однако легко догадаться, что у них не было иных аргументов, кроме тех, которые давало им Священное Писание. И наряду с евангельским заветом «положить душу за ближних своих» они, конечно, не могли не вспомнить Ветхий Завет, рассказ о вавилонском плене. Особенно созвучным истории князя Александра было одно место из книги Иеремии. Господь осудил иудеев на поражение и вавилонский плен. Но вопреки его воле царь Седекия сражается против завоевателей. Пророк Иеремия возвещает соотечественникам волю Божию и призывает их подчиниться вавилонскому царю Навуходоносору. Иудеи в ослеплении своем не слушают Иеремию, готовятся продолжать войну и защищать Иерусалим. Но иудейский царь Седекия тайно призвал к себе Иеремию, чтобы выслушать его пророчество.

«Тогда Иеремия сказал Седекии: так говорит Господь Бог Саваоф, Бог Израилев: если ты выйдешь к князьям царя Вавилонского, то жива будет душа твоя, и этот город не будет сожжен огнем, и ты будешь жив, и дом твой; а если не выйдешь к князьям царя Вавилонского, то этот город будет

предан в руки Халдеев, и они сожгут его огнем, и ты не избежишь от рук их» (Иеремия, 38, 17—18).

Конец этой истории был хорошо известен. Царь Седекия не послушал пророка. За это его страну и его самого постигла страшная кара. Иерусалим был взят халдеями, а царь захвачен в плен. «...И взяли его и отвели к Навуходоносору, царю Вавилонскому, в Ривлу, в землю Емаф, где он произнес суд над ним. И заколол царь Вавилонский сыновей Седекии в Ривле перед его глазами, и всех вельмож Иудейских заколол царь Вавилонский; а Седекии выколол глаза и заковал его в оковы, чтобы отвести его в Вавилон» (Иеремия, 39, 5).

Согласно Повести (которая, по-видимому, представляет собой подготовительный материал для Жития князя Александра Михайловича) тверской князь ответил на уговоры москвичей и новгородцев горьким упреком: «Вам же лепо было другу за друга и брату за брата стояти, а татаром не выдавати, но противлятися на них заодин, и за Русскую землю и за православное христьянство стоати, вы же съпротивное творите, и татар наводите на христиан и братию свою предаете татаром» (22, 202).

Независимо от того, говорил ли в действительности Александр эти благородные слова, или это лишь литературный прием для героизации образа князя-мученика, — в них содержится глубокая истина. Разобщенность, эгоизм правителей были главной причиной «ордынского плена» Руси. Но правда была и в словах Калиты, обращенных к Александру: лучше пострадать тебе одному, провинившемуся перед ханом, чем нам всем и всей Русской земле. И все же оба князя в этом контексте рассуждали как идеалисты. Вопреки Александру в реальной жизни объединить людей для борьбы с Ордой можно было лишь на пути насильственного подчинения всех «сильных мира сего» одному, сильнейшему. И вопреки Калите самопожертвование одного человека, пусть даже правителя целого княжества, не могло избавить страну от ордынского плена. Спасение заключалось в парадоксальном соединении противоположных начал: низменного произвола и возвышенного самопожертвования. Иначе говоря, необходимо было облагородить насилие, превратить его в средство для достижения общего блага.

Самопожертвование во имя общего блага, во имя высшей справедливости было духовным знаменем тверских князей. Они подхватили героическую традицию русских князей-мучеников XIII века — Василька Ростовского, Михаила Черниговского, Романа Рязанского. В глазах народа они стали в один ряд со святыми старых времен.

Воздействие этой героической традиции было столь велико, что и князь Александр Тверской, выслушав уговоры московских и новгородских послов, поначалу согласился повторить подвиг своего отца Михаила Ярославича. Согласно Повести, он ответил послам: «Мне убо длжно есть со всяким терпением и любовию за всех страдати, неже отмщати себе лукавнующим и крамолящим; ничто же убо есть житие се: вси убо исчезаем и в небытие отходим, и воздано будет от Господа комуждо по делом его» (22, 202).

Александр уже совсем собрался поехать на расправу к хану. Но тут вмешались тронутые его благородством псковичи, которые обратились к нему с иным увещанием: «Господине княже Александре Михайловиче! Сии тебе посылають во Орду к неверному царю избывающе тебя (то есть желая избавиться от тебя. — *Н. Б.*), дабы тебя в животе (в живых. — *Н. Б.*) не было; а Озбяк присылает к ним, а они обещаешся Азбяку, и все у них заодин предати тебя смерти, и ныне не ходи во Орду напрасно себя смерти предати, но сиди во Пскове, и мы вси главы своя за тебя положим» (22, 202). Подумав, князь поступил согласно их совету. Укрывшись за высокими каменными стенами псковской крепости, он терпеливо ждал своей судьбы.

Опальный тверской князь «бьяше добротою и любовию по сердцу псковичем» (19, 12). Они готовы были стойко сражаться за него. Между тем московско-суздальско-тверское войско уже приближалось к Новгороду. В субботу 25 марта 1329 года Иван Данилович был на Городище. Здесь, на правом берегу Волхова, в двух верстах от города, обычно жили князья, приглашенные в Новгород на княжение. Осторожные новгородцы предпочитали держать своих защитников на некотором отдалении от города.

В центре Городища, рядом с княжеским дворцом, возвышалась каменная церковь Благовещения, построенная еще сыном Владимира Мономаха князем Мстиславом Великим в 1103 году. 25 марта в ней шла торжественная служба по случаю престольного праздника — Благовещения. Благочестивый московский князь, конечно же, был на этой службе со всей свитой. Своим внимательным хозяйским глазом Иван Данилович заметил, что церковь уже сильно обветшала, по стенам протянулись глубокие трещины. Должно быть, князь указал на них своему сыну, 12-летнему Семену, сопровождавшему его в псковском походе. Пройдут годы — и наследник Калиты, взойдя на престол, разрушит ветхую церковь на Городище и заставит новгородцев выстроить на ее месте новый, величественный храм.

На другой день Калита торжественно въехал в Новгород и

был возведен на новгородское княжение. Как обычно, столь важное событие было приурочено к воскресному дню (по-древнерусски — «неделе»), когда весь народ мог приобщиться к торжеству. В этот день (третье воскресение Великого поста) совершался древний обряд поклонения кресту. На утрени священники выносили святой крест для поклонения из алтаря на середину храма. Здесь он лежал на аналое до пятницы четвертой недели (по-древнерусски — «седмицы») Великого поста.

Склонив голову, стоял князь Иван под темными сводами Софийского собора. Медленно и величаво совершал праздничное богослужение новгородский архиепископ Моисей — суровый подвижник, мечтавший о полном отречении от мира. (Через год после этого, в мае 1330 года, он по своей воле оставит кафедру и уединится в тихой обители для поста и молитвы.) И с особой силой звучал здесь, в Софийском соборе, видевшем в своих стенах Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, Всеволода Большое Гнездо и Александра Невского, древний напев тропаря: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим»...

Праздники сменились буднями, а возвышенные настроения — заботами повседневности. Узнав о решимости псковичей твердо стоять за Александра Михайловича, князья затужили. Никому не хотелось пробираться еще две сотни верст через лесные дебри, гнать своих воинов на неприступные стены псковской крепости, подставляя спину под внезапный удар ливонских рыцарей, с которыми, по слухам, псковичи уже имели тайный договор. Да и время было далеко не самое удачное для войны. Для каждого христианина Великий пост — время скорби и покаяния, время примирения со своей собственной душой и с окружающими. Наконец, наступившая весна грозила превратить лесные дороги в непроходимые топи.

Так и сидели в бесплодном раздумье князья на Городище, пока наконец кто-то из них (скорее всего это был князь Иван) не произнес единственное нужное слово — «митрополит».

После кончины митрополита Петра в декабре 1326 года константинопольский патриарх Исая назначил митрополитом Киевским и всея Руси своего придворного клирика Феогноста. По происхождению Феогност был греком из Мореи. Он никогда прежде не бывал на Руси и едва ли даже мог хорошо говорить по-русски. Однако он имел некоторый

опыт в исполнении дипломатических поручений патриарха, был всецело предан интересам Византии. Этого оказалось достаточно. В 1328 году Феогност прибыл из Константинополя в Киев, а оттуда отправился в путешествие по своей огромной митрополии.

Приезд на Русь нового митрополита не вызвал особой радости у Ивана Калиты. По-видимому, он ожидал увидеть на кафедре совсем другого человека — некоего архимандрита Феодора, которого в конце жизни Петр наметил своим преемником. Некоторые историки полагают, что этот Феодор был ставленником московского князя. Примечателен и сам факт появления «наследника» Петра. Церковные правила запрещают передавать митрополичью кафедру «по наследству», от одного лица — к другому. Несмотря на это, русские митрополиты XIV—XV веков постоянно намечали себе преемника и всячески домогались у патриарха его утверждения.

Кандидатура Феодора была отвергнута патриархом по чисто политическим мотивам. Зная о московско-тверском споре за власть, византийцы опасались, что митрополит из русских не сможет сохранить нейтралитет и быстро окажется на самом острие политической борьбы. Это противоречило бы основным принципам поведения «митрополита Киевского и всея Руси», разумеется, как их понимали в Константинополе. Кроме того, патриарх не хотел ставить на киевско-владимирскую кафедру второго подряд митрополита из русских и тем самым создавать определенную традицию.

Благодарный Иван Калита не повторил ошибки Михаила Тверского, поссорившегося с митрополитом Петром. С самого начала он стремился быть в добрых отношениях с новым митрополитом, оказывал ему самое радушное гостеприимство в Москве. Феогност не раз останавливался в Москве, жил во дворце святителя Петра на Боровицком холме. Однако он (вопреки мнению некоторых историков) никогда не был «другом» или «союзником» московского князя. Опасаясь быть втянутым в распри русских князей и понимая, сколь переменчива судьба и ханская милость, Феогност всегда стремился встать над схваткой. Конечно, это не мешало ему воздавать должное победителю и сотрудничать с ним.

К тому же Феогност, кажется, не любил Север. Как истинный грек, он предпочитал московским и новгородским снегам более теплые края. Его манили цветущие равнины Волыни и зеленые холмы Галиции.

Весной 1329 года Феогност прибыл в Новгород. Летописи не сообщают точной даты его визита. Вероятно, он участвовал

в торжествах по случаю возведения князя Ивана на новгородский престол, а затем задержался там на некоторое время, занимаясь церковным устройением.

Когда псковский поход зашел в тупик, Калита, пришедшие с ним князья и новгородцы обратились к Феогносту с просьбой о помощи. Святитель долго медлил, не желая ввязываться в сомнительное дело. Однако Иван Данилович настойчиво напомнил ему, что преследование Александра Тверского совершается по воле хана Узбека. Князь знал, что митрополит как раз намеревался предпринять путешествие в Орду.

В конце концов Феогност уступил. Он отправил грамоту к князю Александру, в которой повелевал ему явиться на ханский суд. В случае ослушания митрополит грозил ему отлучением от церкви. Тверской князь не послушал митрополичьего слова. Тогда Феогност отлучил от церкви не только его самого, но и весь Псков и всю псковскую землю. Эта небывалая церковная кара смутила псковичей. Затворились все церкви, прекратились службы, умолкли колокола. Попы перестали крестить новорожденных, причащать и исповедовать. Между тем это был конец Великого поста, когда по древней традиции даже самые беззаботные бродяги тянулись в церковь, чтобы исповедаться и причаститься Святых Тайн. Поразмыслив, князь Александр собрал псковичей на вечевои площади и обратился к ним с такими словами: «Братиа и друзи вернии, и любовьнии и храбрии псковичи! Не буди на вас отлучения и проклятия святительскаго мене ради худаго и грешнаго. И не буди крестнаго вашего целования на мене грешнем и худем, ни моего на вас. И се убо аз худый отхожу от вас в Немцы и в Литву, да вам и вашей земле никоея же тягости от царя Азбяка и от русских князей не будет. И да починуть вси врази мои, гонящей мя и ищущей душу мою изъяти от мене» (22, 202).

(Патетический рассказ Никоновской летописи о добровольном уходе князя Александра, решившего пожертвовать своими личными интересами для блага псковичей, никак не согласуется с комментарием новгородского летописца. По его объяснению, псковичи «выпроводиша от себе князя Александра» (10, 342). Таковы наши старые летописцы: то, что один изображает как самопожертвование, другой представляет как принудительное и унижительное изгнание. Конечно, никто из них не лгал. Но каждый смотрел «со своей колокольни». В сложном и непостижимом переплетении разноцветных нитей, образующих пеструю ткань жизни, он выбирал ту, которая казалась ему наиболее подходящей для его собственного ткацкого станка. И потому, пытаюсь понять

мотивы поступков своих героев, добросовестный историк становится в тупик. Скучность и противоречивость источников — не говоря уже о противоречивости самой человеческой природы — оставляют ему всего лишь один путь: объяснить поведение людей прошлого, исходя из своей собственной системы ценностей. Так историки обычно и поступают. Но при этом далеко не все отдают себе ясный отчет в своей методике. И уж совсем немногие признаются в этом своим слушателям или читателям...)

Пока псковичи и князь Александр Тверской толковали о митрополичьем отлучении и размышляли о том, как им лучше выйти из создавшегося положения, князь Иван решил их поторопить и подтолкнуть к нужному решению. Его многочисленное, но рыхлое и сильно обленившееся от безделья войско двинулось по раскисшим апрельским дорогам на запад, на Псков.

Дорога из Новгорода во Псков шла сначала вдоль берега озера Ильмень, а затем по реке Шелонь до устья Узы. Здесь Шелонь поворачивала на юг, а псковская дорога тянулась вдоль Узы и дальше, через водораздел — к верховьям реки Черехи, выведившей к Пскову. Большая часть всей дороги пролегла по низменным местам, весной почти непроходимым из-за половодья. В этих условиях войско князя Ивана двигалось крайне медленно. За три недели оно прошло не более полутораста верст и достигло городка Опоки. Здесь союзники встали и начали готовиться к осаде этого восточного форпоста псковской земли.

Псковский летописец проницательно замечает, что князь Иван вел свою армию столь медленно «не хотя пскович розьгневити» (35, 91). Это похоже на правду. Князь Иван, конечно, понимал, что стремительное вторжение вражеской армии воодушевило бы привычных к войне псковичей на решительное сопротивление. Напротив, медлительность наступавших давала им время одуматься, здраво оценить ситуацию и принять благоразумное решение. Впрочем, и политический расчет, и природные условия действовали в данном случае в одном направлении. И результат этого действия оказался именно тот, какого хотел Калита.

В лагерь Калиты, разбитый близ Опоки, прибыли псковские послы во главе с посадником Селогой. Они передали великому князю «слово псковское» (послание псковского вече): «Князь Александр изо Пскова поехал прочь; а тебе господину своему князю великому весь Псков кланяется» (35, 91—92).

В присутствии Ивана Калиты между новгородцами и пско-

вичами был заключен «вечный мир», подтверждавший традиционный суверенитет Пскова. При этом псковичи взяли на себя обязательство не принимать князей «из литовской руки». Это условие было важным и для великого князя Владимирского, не желавшего упускать Псков из сферы своего политического влияния, и для новгородцев, опасавшихся чрезмерного усиления Пскова за счет его литовских и полоцких связей.

Согласно убедительному предположению историка В. Л. Янина, этот мир был заключен в деревне Болотово (Волотово) верстах в 7 к юго-востоку от городка Опоки (позднее — Погост Опоцкий на Шелони). В историю новгородско-псковских отношений он вошел под названием «Болотовский договор» (142, 5).

Довольные таким исходом дела, князья и новгородцы поспешили назад. Теперь Калита мог доложить хану, что они сделали все возможное для исполнения его воли. На радостях союзники закрыли глаза на то, что князь Александр оставил во Пскове свою жену и свиту — верный признак надежды на скорое возвращение.

Из Новгорода в Москву князь Иван выехал уже где-то в начале лета. Скрылись за горизонтом величественные очертания святой Софии, остались позади хмурые новгородские леса и комариные болота. Веселыми подсохшими дорогами ехал он через Валдайские горы, потом вдоль берега вертлявой Тверцы, мимо Торжка, потом — через безлюдные, но цветущие разнотравьем тверские земли. От Твери — на Волок Ламский и дальше на Истру. И вот уже сверкнула среди лугов своим мелким плесом родная Москва-река. Ну как тут было не вспомнить князю Ивану с детства знакомые слова: «О, светло светлая и украсно украшена, земля Русская! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о правоверная вера христианская!» (13, 130).

Ныне же Господь Бог мой даровал мне покой отовсюду: нет противника и нет более препон; и вот, я намерен построить дом имени Господа Бога моего...

3 Царств, 5, 4

Москва встретила князя, вернувшегося из псковского похода, радостно: он сумел отвести грозу ханского гнева от своей земли, да на сей раз от всей Руси. Уже за несколько верст от города его приветствовали бояре. Княгиня Елена с детьми ждала в воротах Кремля. Здесь же толпилось, блистая праздничными ризами, придворное духовенство. В окружении толпы, под радостные крики москвичей, Иван прошел в Успенский собор. Там он отстоял обедню и усердно помолился у гроба митрополита Петра.

Потом был краткий отдых. К вечеру, взбодрившись банькой с духовитыми вениками из молодой березы, князь собрал на пир московскую знать. Поначалу все шло чинно, основательно. Иван жаловал бояр именными здравицами и чарками, те кланялись, благодарили степенно, без подобострастия. Далеко еще было до тех времен, когда московские государи станут смотреть на своих бояр как на бесправных холопов, когда Иван Грозный скажет о них высокомерные слова: «А мы своих холопов жаловать вольны, а и казнить вольны же...»

Здесь, за столом Ивана Калиты, сидели свободные люди, его соратники и сотрудники. Свои отношения с князем они строили на основе неписаного, но прочного договора. Князь обязан был заботиться о своих боярах и их семьях, уважать интересы и достоинство каждого. Бояре должны были хранить верность своему князю в удаче и в беде, не жалеть сил и самой жизни в борьбе за его дело.

В случае, если боярин почему-то решал перейти на службу к другому князю, он имел на это полное право. Сохранился договор между двумя князьями, внуками Ивана Калиты Дмитрием Московским и Владимиром Серпуховским. Среди прочих условий князья признают: «А бояром и слугам вольным воля». Даже земли, пожалованные ему в вотчину одним князем, боярин сохранял, отъехав к другому. В этих условиях от князя требовались многие привлекательные личные качества, чтобы сохранить костяк своего воинства — бояр с их отрядами и вольных слуг. Он должен был быть мужественным

и щедрым, терпимым и приветливым, веселым и удачливым. Последнее ценилось особенно высоко: в удачливости видели знак избранничества, особую мистическую силу.

И как не похожа была сама атмосфера тогдашнего московского двора, дышавшая патриархальной простотой, на грубую жестокость Орды или холодную пышность Византии. И хотя тлетворное воздействие чужеземного ига сказывалось и здесь, сгибая спины и ожесточая сердца, — Москва при Иване Калите хранила еще память о лучших временах.

С умилением глядел князь Иван сквозь хмельной туман на шумное застолье своих богатырей. Здесь собрались они все — отцы-основатели Московского государства: Федор Бяконт, Протасий Вельяминов, Иван Зерно, Андрей Кобыла, Родион Нестерович. Неуклюжие, тяжелые, но надежные, как валуны в северных лесах, они умели неделями не слезать с седла, одним ударом срубать головы врагам. Умели они и другое: подать князю вовремя добрый совет, разделить с ним последнюю гривну, уладить его дела с помощью своих родственников в иных княжествах и землях. Известно, что большинство московских бояр времен Калиты были выходцами из других краев. В основном это были переселенцы из киево-черниговских, новгородских или ростово-суздальских земель.

В книжной премудрости Иван давно превзошел самых любознательных из своих бояр. Но как все великие люди, он умел быть простым, наслаждаться обществом простых людей. Он любил их, любовался ими, от души веселился вместе с ними. Их грубоватый юмор, запечатленный в их прозвищах, порой заставлял его смеяться до слез.

Когда пир дошел до известной черты, за которой начиналось самое разудалое веселье — с гусярами, плясунами-скоморохами и всякими непотребствами, сидевшее неподалеку от князя московское духовенство зашевелилось, стало собираться. Первым подошел к Ивану с прощальным благословением архимандрит Данилова монастыря, за ним — протопоп Успенского собора и княжеский духовник.

Распроставшись со святыми отцами, Иван подумал о том, что скоро он снова будет пировать с ними в той же палате. Ведь уже в полном разгаре было в Кремле строительство новой каменной церкви во имя Иоанна Лествичника...

За хлопотами практической политики Иван Данилович не забывал о возвышенном. Бесконечная повседневная борьба освещалась светом его великой веры в богоизбранность Москвы, в свое собственное особое предназначение как «царя

последних времен». Библия была его вечным маяком, по которому он правил свой жизненный путь. И подобно библейскому царю Соломону, сыну Давида, князь Иван мечтал построить в своем городе величественный храм — символ возвращения милости Божией к многострадальному народу.

Обстоятельства и недостаток средств не позволяли Ивану возвести храм, подобный Успенскому собору во Владимире или Софийскому собору в Киеве. И все же он сумел исполнить задуманное. Согласно Библии, царь Соломон строил свой храм семь лет. Не разменяв на мелочи выпавшую ему крупную удачу (падение Твэри, временное затишье в междукняжеских распрях), присовокупив к ней собственные достижения (дружба с митрополитом Петром, доверие хана Узбека), московский князь сумел за те же «Соломоновы» семь лет, с 1326 по 1333 год, выстроить в московском Кремле пять небольших белокаменных храмов. Зримо соединенные в единый архитектурный ансамбль, а незримо — в некую теологическую формулу величия Москвы, они образовали духовное целое.

Продолжая традицию, восходящую к Ивану Калите, московские государи и в более поздние времена любили строить храмы, состоявшие из нескольких небольших храмов-приделов, соединенных композиционно (через их формы) и духовно (через их посвящения) в единое целое. Это «собирательное» начало в древнерусской архитектуре в XVI веке увенчалось такими перлами, как храм Василия Блаженного в Москве и Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря.

Возводя Успенский собор, князь Иван еще не знал, что это только начало. Но осенью 1328 года, вернувшись с победой из Орды, он окончательно убедился в том, что его пути правит Бог. Свое призвание он увидел в том, чтобы стать строителем Храма.

Древнерусские летописцы, часто пропускавшие целые пласты событий, бережно сохранили сведения о строительстве Ивана Калиты. Вероятно, они и много лет спустя осознавали его особое историческое значение. Благодаря этому известны почти все даты закладки и освящения храмов, а также их посвящения. Во всем этом угадывается сложная символика, связанная с московским княжеским домом и с общерусскими духовными традициями.

Как и все люди той эпохи, князь Иван полагал, что между ним и Господом находится множество земных и небесных посредников, от простого монаха, молящегося о здравии князя, до самой Пречистой Богородицы, нашей общей заступницы. Среди этих посредников князь особо выделял

своего патронального святого Иоанна Предтечу, а также преподобного Иоанна Синайского. Его знаменитый трактат «Лествица» (то есть «лестница»), рассказывающий о путях достижения духовного совершенства, был переведен с греческого на старославянский язык еще в XI веке и пользовался огромной любовью русских иноков. Сам Иоанн Синайский, которого на Руси называли обычно Иоанн Лествичник, почитался церковью как один из отцов христианского монашества.

Именно ему, отцу иноков, а также любимому святому митрополита Петра, задумал Калита посвятить новую каменную церковь в московском Кремле. Этот замысел возник у князя еще при жизни святителя. По возвращении из Орды летом 1328 года началась вся необходимая подготовительная работа. В подмосковных каменоломнях близ села Мячкова рубили и по зимнему санному пути возили в московский Кремль глыбы белого камня-известняка. В огромных ямах заготавливали известь. Доставляли на Боровицкий холм добрый лес для строительных лесов и внутрискладских связей. Подыскивали искусных мастеров и добросовестных работников. Наконец весной 1329 года все уже было готово к закладке храма.

Решив продолжить начатое постройкой Успенского собора каменное строительство в московском Кремле, князь Иван, несомненно, имел в виду одну затаенную цель: произвести хорошее впечатление на нового митрополита, убедить Феогноста обосноваться у могилы святителя Петра, сделать Москву своей постоянной резиденцией. Примечательно, что московские Даниловичи никогда не просили для своего княжества особого епископа: им нужен был митрополит и только митрополит.

Мастера, построившие Успенский собор, готовы были еще раз потрудиться для московского князя. Иван долго разглядывал искусно вырезанную ими из дерева модель будущего храма, поправлял и дополнял ее. Следуя его воле, они измыслили нечто невиданное и незабываемое. Храм представлял собой сооружение типа башнеобразной колокольни, первое в своем роде не только в Москве, но и в Северо-Восточной Руси.

В воскресенье, 21 мая 1329 года, толпы москвичей собрались в Кремль, чтобы стать свидетелями торжественной церемонии — закладки церкви Иоанна Лествичника. Согласно некоторым летописям, князь Иван в это время еще не вернулся из псковского похода. «Того же лета мая 21, егда бысть князь великий в Новгороде, заложена бысть церковь камена на Москве — Иоанн Лествичник» (30, 68). Очевидно, Калита не знал, сколько времени ему придется еще пробыть в Нов-

городе, и потому велел начинать строительство без него. Однако день закладки храма, конечно, не мог быть избран без его ведома.

Кто же играл главные роли в церемонии закладки церкви Иоанна Лествичника? Вероятно, здесь распоряжался тысяцкий Протасий Вельяминов — душеприказчик митрополита Петра. Возможно, что средства для постройки храма в честь учителя иноков были завещаны Петром. На это косвенно указывает одно место из первоначальной редакции жития Петра, написанной кем-то из его современников. Здесь говорится, что перед кончиной Петр призвал Протасия Вельяминова. Этому боярина он особенно любил за его милосердие и нищелюбие. Благословив его, Петр «вда ему влагалище, еже на строение церкви и на поминание своея памяти, и прочаа дома церковныя приказа» (120, 25).

21 мая праздновалась память «святого правоверного царя Костянтина и матери его Елены». Для людей той эпохи имя римского императора Константина Великого (309—337) символизировало торжество христианства над язычеством, прекращение эпохи гонений. Византийцы считали его основателем своего государства, идеальным правителем, чьи деяния служат вечным образцом для подражания, а узаконения — незыблемыми устоями порядка в империи (123, 30).

По легенде, мать Константина Елена, исполняя волю сына, отыскала в Палестине Животворящий Крест, на котором был распят Спаситель. По приказу Константина над пещерой Гроба Господня был сооружен храм во имя Воскресения, ставший маяком для паломников со всего христианского мира.

Величественный образ императора Константина, созданный многовековой христианской традицией, неотступно стоял перед мысленными очами Ивана Калиты. С годами князь находил все более и более общего в своей собственной судьбе и судьбе «царя Константина». Подобно Константину, он видел свое высшее назначение в том, чтобы утвердить христианство, искоренить ереси, избавить православных от насилия «поганых». Вслед за Константином князь Иван стремился перенести столицу страны из старого города в новый, молодой. Он мечтал основать новое сильное государство, которому суждено великое будущее.

Московские книжники, посвященные в чаяния своего князя, не случайно к концу жизни назвали его русским Константином. Такого почетного сравнения удостоивались лишь очень немногие правители Древней Руси.

Подтверждение своей духовной близости с царем Кон-

стантином князь Иван мог видеть и в некоторых случайных совпадениях, которые в ту пору рассматривали как намеки на сокровенный, провиденциальный смысл. Московский князь правил ровно тысячу лет спустя после Константина. Библейская традиция придавала «круглым датам» особое мистическое значение. И мог ли такой любитель всякой книжной премудрости, как князь Иван, оставить без внимания эти знаменательные рубежи?

Являясь средством постижения мира, средневековая символика была сложной и многослойной, как и сам мир. В истории постройки церкви Иоанна Лествичника общехристианские образы и символы тесно переплетались с личными, относящимися только к семье Ивана Калиты. За три года до постройки церкви, 30 марта 1326 года, «на память святого преподобного отца Ивана Лествичника князю Ивану Даниловичу родился сын и наречен бысть Иван» (25, 89). Соответственно, святой Иоанн Лествичник стал считаться небесным покровителем сына Калиты.

Церковь Иоанна Лествичника была освящена в пятницу, 1 сентября 1329 года. Как обычно, для торжества такого значения был избран нерабочий день, когда все горожане могли собраться в Кремль. Византийская церковь с древнейших времен праздновала 1 сентября начало нового года. Этот выбор имел два исторических обоснования. Во-первых, иудеи во времена Христа считали началом нового года 1 сентября и сам Спаситель, согласно некоторым евангельским текстам, придерживался того же мнения. Во-вторых, согласно церковному преданию, император Константин Великий одержал победу над Максентием, увидев в небе знамение креста, именно в этот день — 1 сентября 312 года (54, 337). После этого он признал христианство полноправной религией.

Помимо новогодних торжеств, 1 сентября церковь отмечала память преподобного Симеона Столпника. Это был день именин старшего сына Калиты, названного в честь преподобного. Семен родился 7 сентября 1317 года, через неделю после Семенова дня.

Таким образом, Ивановская церковь (древняя основа современной колокольни Ивана Великого) стала своего рода памятником не только митрополиту Петру, но и московскому княжескому дому.

К концу лета, когда созидание Ивановской церкви уже подходило к концу и строители стали понемногу освобождаться, решено было устроить при Успенском соборе придел

Поклонения веригам апостола Петра. Уникальное посвящение придела основано на одном событии, описанном в Деяниях апостолов. Брошенный в темницу царем Иродом, апостол Петр накануне суда «спал между двумя воинами, скованный двумя цепями («веригами». — Н. Б.), и стражи у дверей стерегли темницу. И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его. И сказал ему Ангел: опояшься и обуешься. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною» (Деяния, 12, 6—8). Ангел вывел Петра из темницы и спас его от неминуемой гибели. Благодетельные люди, узнав о чуде, отыскивали спавшие с Петра оковы и хранили их как драгоценную реликвию.

Какие мысли и образы хотел выразить князь Иван через это новое строительство?

Символика Петроверигского придела сложна и неоднозначна. Несомненно, она была тесно связана с византийской духовной традицией. Одной из главных святынь Константинополя была верига апостола Петра, хранившаяся в одноименном храме. (Другая верига находилась в Риме в особом храме, посвященном этой святыне.) Константинопольский храм, в котором хранилась верига, был создан еще императором Юстинианом и представлял собой пристройку к храму святой Софии. Московский Петроверигский придел был задуман Иваном Калитой как подражание царьградскому храму. Он представлял собой небольшой самостоятельный храм-придел, примыкавший к северо-восточному углу собора. Такие храмы-приделы часто встречались у древнерусских соборов. Имел такой придел (во имя святой Троицы) и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, возможно, послуживший образцом для московского Успенского собора. В кафедральных храмах эти приделы обычно использовались как усыпальницы для епископов.

Князь Иван не забыл о том, что в Твери к этому времени уже существовал Введенский придел Спасского собора — самостоятельная «малая церковь», предназначенная быть усыпальницей тверских владык. Москва не имела своих епископов. Но она уже располагала чудотворными мощами «своего» митрополита и теперь надеялась заполучить к себе его преемника. Во всяком случае, достойная усыпальница для него уже была готова. Митрополиту предоставлялась возможность лечь на вечный покой бок о бок с новым чудотворцем митрополитом Петром.

Феогност, конечно, не торопился воспользоваться московской любезностью. Он без усталости странствовал по всей Вос-

точной Европе, то сходясь, то расходясь с московскими князьями, устраивая дела своей огромной митрополии в соответствии с интересами Константинополя. Прошла без малого четверть века прежде чем он оправдал надежду давно уже спавшего могильным сном князя Ивана и занял-таки предназначенное ему место в глубокой нише южной стены Петроверигского придела.

Торжественная закладка придела состоялась в воскресенье, 13 августа 1329 года (25, 91). Выбор именно этого дня был обусловлен многими соображениями. Конечно, князю нужен был нерабочий день, чтобы дать возможность всем москвичам стать свидетелями еще одного знаменательного события. Однако остается неясным, почему князь назначил торжества не на 15 августа — Успение Божией Матери, престольный праздник Успенского собора? Очевидно, он хотел выделить закладку придела из череды служб, связанных с Успением, и сделать это событие самостоятельным предисловием к успенскому циклу.

В день 13 августа церковь праздновала память Максима Исповедника (582—662). Этот святой был весьма примечательной фигурой. Всю жизнь он неустанно боролся с ересью монофелитов, утверждавших, что Христос имел две разные сущности: божественную и человеческую, но единую волю. Шестой вселенский собор в 680 году осудил монофелитство и признал за истину, что Христос имел две воли, одна из которых (человеческая) подчинена другой (божественной). Однако Максиму не суждено было дожить до торжества его идей. Много пострадав, он умер в ссылке вдали от Константинополя. В позднейшей христианской традиции его имя стало символом непримиримой борьбы с ересью. В церковных песнопениях он именуется «рачителем Троицы» (54, 49).

Обращение Калиты к памяти Максима Исповедника в связи с началом строительства храма, служившего памятником не только апостолу Петру, но и митрополиту Петру, несомненно, объяснялось тем, что и московский первосвященник, и сам князь были известными борцами против ересей. Не зная подробностей этой стороны деятельности князя Ивана, мы знаем ее результат: «...безбожным ересям преставшим при его державе» (Сийское Евангелие 1340 г.).

В обращении Калиты к памяти Максима Исповедника была и еще одна грань: Максим Исповедник был небесным покровителем предшественника Петра и Феогноста на кафедре — митрополита Максима. Не знаем, как относился к нему сам Иван Данилович, встречался ли с ним когда-нибудь. Однако очевидно, что память о нем должна была быть дорога

не только его соотечественнику греку Феогносту, но и многочисленным беженцам из Южной Руси. Именно Максим, «не стерпев насилия татарского», перенес митрополичью резиденцию из Киева во Владимир-на-Клязьме. Его отъезд вызвал новую волну переселений из южных районов в Северо-Восточную Русь.

Освящение придела Поклонения веригам состоялось в субботу 14 октября 1329 года (25, 91). Маленький придельный храм был выстроен за два месяца. В этот день праздновалась память святых мучеников Назария, Гервасия, Протасия и Кельсия. Учитывая «именинный» характер некоторых дат московского строительства, можно предположить, что в данном случае освящение было приурочено к именинам московского тысяцкого Протасия Вельяминова.

В то время как мастера возводили Ивановскую церковь и Петроверигский придел, Иван Данилович уже был воодушевлен новым замыслом: выстроить в Кремле близ своего двора монастырь с белокаменным собором. Благодатным летом 1329 года сложилась своего рода строительная программа московского князя. Целью всей цепи строительных работ, предпринятых Калитой, было зримое воплощение его мечты о Москве как новой столице Северо-Восточной Руси. Обновленный московский Кремль должен был стать постоянной резиденцией митрополита Киевского и всея Руси.

Суть этой программы состояла в том, чтобы повторить в Москве воплощенную в белокаменных храмах церковно-государственную символику Владимира-на-Клязьме. Успенский собор во Владимире отозвался Успенским собором в Москве. Владимирский Димитриевский собор (придворный храм, выстроенный князем Всеволодом Большое Гнездо во имя своего небесного покровителя святого Димитрия Солунского) повторился в белокаменной Димитриевской церкви, фрагменты которой обнаружены недавно археологами (59, 148). Ее сменил одноименный придел Успенского собора. Пантелеймоновский придел Успенского собора во Владимире, в котором был похоронен его устроитель митрополит Максим, был воспроизведен в Петроверигском приделе московского Успенского собора.

Следующим шагом Калиты неизбежно должно было стать устройство близ княжеского дворца и митрополичьего двора мужского монастыря — аналога придворных монастырей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Придворный монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы был

основан во Владимире великим князем Всеволодом Большое Гнездо в 1191 году. Посвящение главного храма нового монастыря было предопределено тем особым почитанием Богородицы как заступницы Владимиро-Суздальской Руси, начало которому положил князь Андрей Боголюбский (1157—1174). В XIII столетии Рождественский монастырь стал главной обителью всей Северо-Восточной Руси. Его настоятели с 1230 года носили почетный и редкий в то время сан архимандрита. Из иноков этой обители подбирались кандидаты на епископские кафедры. Во время своих приездов во Владимир киевский митрополит обычно останавливался в Рождественском монастыре. Перенос митрополичьей кафедры из Киева во Владимир в 1299 году превратил обитель в постоянную резиденцию митрополита. И после переезда главы русской церкви в Москву Рождественский монастырь еще долго сохранял свое прежнее положение. Только в 1561 году Иван Грозный особым указом передал первенство среди русских обителей Троице-Сергиеву монастырю, поставив Рождественский на второе место.

Дед Ивана Калиты великий князь Александр Ярославич Невский питал особое почтение к Рождественскому монастырю и завещал похоронить себя в его стенах. Благодарные иноки чтили память князя и работали над составлением его жития. Для этого у них имелись необходимые источники: монастырь обладал хорошей библиотекой. Здесь велось летописание, работали многие выдающиеся книжники и писатели XIII столетия.

Бывая во Владимире, князь Иван неизменно приходил в Рождественский монастырь, чтобы постоять у могилы Невского, приложиться к древним монастырским образам, поведи неспешную душеполезную беседу с отцом-настоятелем. И всякий раз он думал о том, как хорошо было бы иметь у себя дома, в московском Кремле подобное «богомолье» — островок тишины, порядка и благочестия.

История владимирского Рождественского монастыря предопределила многое в истории его московского собрата — Спасского монастыря. Так же как и владимирский, московский монастырь был задуман как придворный, расположенный близ княжеского дворца. Историк Москвы И.Е. Забелин полагал, что Спасский монастырь существовал на Боровицком холме задолго до Калиты. Древнейший из московских монастырей, он представлял собой небольшую и незнатную обитель, все постройки которой были деревянными. В 1319 году князь Юрий Данилович приказал поместить в Спасском монастыре гроб с телом князя Михаила Тверского, привезен-

ный им из Орды. Иван Калита решил перенести монастырь на новое место (ближе к своему дворцу), выстроить в нем белокаменный собор и «подтянуть» его до уровня знатнейших монастырей Северо-Восточной Руси.

Приготовление к строительству Калита начал уже в 1329 году. А к концу весны 1330 года все необходимое было собрано. 10 мая, в четверг, состоялась закладка белокаменного собора новой обители. Летопись сохранила своего рода повесть об основании Спасского монастыря. В ней нарисован, возможно, идеализированный, но, конечно, не противоположный реальности портрет создателя обители.

«В лето 6838 (1330) месяца маиа в 10 день, на память святого апостола Симона Зилота, благоверный князь великий Иван Данилович заложи церковь камену на Москве, во имя святого Спаса, честнаго его Преображения, близ суцу своего двора, и нарече ту быти манастырь и собра чернци, и възлюби манастырь этот паче инех манастырев, и часто прихожаше в он молитвы ради, и многу милостыню подаваше мнихом живущим ту, ясти же и пити, и одежа, и оброку, и всяка требованиа неоскудна, и лготу многу и заборонь велику творяше им, и еже не обидимым быти никим же. И церковь ту украси иконами и книгами и сосуды и всякими узорочьи, и приведе ту перваго архимандрита, именем Ивана, мужа сановита суци, разумна же и словесна, и сказателя книгам, иже за премногую его добродетель последи поставлен бысть епископом Ростову и тамо добре упасе порученое ему стадо, и в старости глубоце к Господу отыде.

Глаголют же неции от древних старец, яко первее бе князь Данило Александрович сию архимандритию имееше у святого Данила за рекою, яко в свое ему имя церкви той поставленой суци. Последи же не по колицех летех сын его, князь великий Иван, боголюбив сын, паче же рещи мнихолубив и страннолюбив, и теплее сын верою, преведе оттуду архимандитю и близ себе учини ю, хотя всегда в дозоре видети ю; и въздвиже и устрои таковую богомолию, и приобрете себе мзду благочестну и славу богоугодну, благую бо часть избра, яже не отьимется от него. Да яко же он христоролюбивый князь благое основание положи, сице и дети его и внучата, и правнучата по тому же ходяще и тако же творяще, ту же мзду и славу приемлют, благаго бо корени и отрасли благородни суще неизреченни» (25, 91).

Эта повесть (написанная, вероятно, при «правнучатах» Калиты, то есть где-то в первой четверти XV века), помимо благочестивой риторики, содержит несколько интересных фактов, перекликающихся с историей владимирского Рожде-

стенского монастыря. Так, повесть сообщает, что настоятель Спасского монастыря получил сан архимандрита; что из числа спасских иноков избирались кандидаты на епископские кафедры; что монастырь содержался на средства самого великого князя Ивана Даниловича, а позднее его потомков; что монастырь с самого начала стал центром книжности.

Из других источников к этому можно прибавить, что Спасский монастырь получил «все наследие Даниловского монастыря», включая и сам погост Даниловский и принадлежавшие монастырю села (32, 84). Спасский архимандрит стал одновременно и настоятелем Даниловского монастыря, которым он управлял, вероятно, через своего заместителя.

Летописи рассказывают и предысторию создания Спасского монастыря. Согласно церковным канонам, основать новую обитель можно было только по благословению епархиального архиерея. Поскольку Московское княжество входило в состав митрополичьей епархии, Иван Калита должен был получить благословение самого митрополита Феогноста. Весной 1329 года, когда они вместе действовали против Александра Тверского, Калита, видимо, еще не имел замысла относительно монастыря (или же не хотел оглашать его прежде времени). Из Новгорода митрополит в конце весны 1329 года отправился в Юго-Западную Русь. Путь его лежал через земли Великого княжества Литовского. (Иначе трудно объяснить отсутствие Феогноста в Москве на торжествах по случаю закладки церкви Иоанна Лествичника 21 мая 1329 года.) Вероятно, он посетил епархиальные центры, а также столицу княжества — Вильно. Митрополит встречался, конечно, с правителем Литвы князем Гедимином (1316—1341). Затем Феогност поехал на юг — на Волынь, в Галич и, наконец, в Киев. Там, в Киеве, осенью 1329 года и посетили его московские послы. Их целью было получить благословение митрополита на создание или перенесение на новое место Спасского монастыря. Вероятно, в составе посольства был и монах Иоанн, которого московский князь хотел видеть архимандритом своей новой обители. Обряд возведения в сан архимандрита мог совершить только епископ, глава той епархии, где находился монастырь. Для Москвы этим епископом был сам митрополит.

Уникальное известие об этом московском посольстве сохранилось в Никоновской летописи. «Того же лета (1329) пресвященный Феогнаст митрополит Киевский и всеа Руси поиде из Новгорода в Волыньскую землю, и оттуда иде в Галич и в Жараву, а оттуда прииде в Киев. И тамо приидоша к нему послы от великаго князя Ивана Даниловича Володи-

мерского и Московского составить ему монастырь внутри града Москвы, и церковь въздвигнути святого Спаса Преображения, и тамо архимандритию принести от Данила святого из Заречья, юже князь велики Данило Александрович имяше тамо в свое имя... Сей же (Иван Данилович. — *Н. Б.*) възхоте ю вселити внутри града, близ своего двора... И тако благословение приемлет от пресвященнаго Феогнаста, митрополита Киевскаго и всея Руси, и делу касаешься» (22, 203).

Только заручившись благословением митрополита (и при этом напомнив ему о себе!), князь Иван мог начать сложные и дорогостоящие зимние работы по заготовке и доставке в Кремль строительных материалов для монастырского собора. Одновременно следовало приготовить множество необходимых вещей, без которых храм и монастырь не могли существовать, — книги, иконы, ризы духовенства, церковную утварь. Зима 1329/30 года прошла для князя Ивана в этих бесконечных, но радостных хлопотах.

Между тем митрополит Феогност, уладив кое-как свои дела в Юго-Западной Руси, вновь приехал в Северо-Восточную Русь. В марте 1330 года он провел в Костроме поместный собор северо-восточных епископов, на котором, в частности, был возведен в сан суздальский владыка Даниил. Там же разбиралась тяжба рязанского и сарайского владык о Червленом Яре. Каждый из них считал эту обширную область на юго-восточных окраинах Руси частью своей епархии.

Сразу после окончания собора (март — апрель 1330 года) митрополит уехал обратно на Волынь. Можно лишь гадать, действительно ли его гнали на юг неотложные дела, или же он нарочито уклонялся под разными предлогами от участия в московских торжествах по случаю постройки новых храмов. Последнее вполне возможно: тесное сотрудничество митрополита с великим князем Владимирским в его церковно-политических начинаниях возмутило бы врагов Москвы, литовских князей, дало им повод обвинить его в промосковских настроениях.

На сей раз Феогност пробыл в польских и литовских землях около трех лет. Сюда, на Волынь, приезжали к нему на поставление тверской владыка Феодор (1330), новгородский архиепископ Василий Калика (1331), псковский кандидат в епископы Арсений (1331). В 1332 году митрополит ездил по церковным делам в Константинополь и Орду. Лишь в 1333 году он вновь появился в Северо-Восточной Руси (10, 346).

Отъезд митрополита весной 1330 года и его долгое отсутствие во многом объяснялось церковно-политической борьбой того времени. Перенос митрополичьей резиденции из

Киева во Владимир-на-Клязьме в 1299 году неизбежно должен был повлечь за собой всплеск недовольства и сепаратистских настроений на юге Руси. Митрополит Максим, конечно, понимал это. Не случайно он первым среди русских святителей прибавил к своему титулу «митрополит Киевский» красноречивое дополнение «и всея Руси». И все же ему не удалось избежать раскола. Уже в 1303 году шесть епархий Галицко-Волынской Руси — галицкая, перемышльская, владимироволынская, луцкая, холмская и туровская — образовали самостоятельную, независимую от владимирской митрополию. Поставление первого галицкого митрополита Нифонта, несомненно, было поддержано галицким князем Юрием Львовичем, внуком знаменитого воителя Даниила Галицкого. Константинопольский патриарх Афанасий счел за лучшее признать новую митрополию. С этого момента и на протяжении более чем ста лет борьба против выделения самостоятельной галицкой митрополии становится постоянной заботой великорусских иерархов. Их задача все более и более усложнялась по мере перехода власти в Галицко-Волынской земле из рук Рюриковичей в руки князей литовского и польского происхождения, совершавшегося в первой трети XIV века. Правители Литвы и Польши хотели иметь своих людей и во главе православной церкви.

Митрополит Петр, получивший свой сан при помощи галицкого князя Юрия Львовича, впоследствии также много пострадал от галицкого церковного сепаратизма. Его привязанность к Северо-Восточной Руси и к Москве в последний период его жизни объяснялась, в частности, тем, что на юге он не имел твердой опоры. Некоторые юго-западные епархии отказались признать его власть и образовали самостоятельную Литовскую митрополию. Византийский император Андроник Палеолог Старший (1282—1327) и константинопольский патриарх Иоанн Глика (1316—1320) по просьбе великого князя Литовского Гедимина согласились на открытие самостоятельной Литовской митрополии. Известно, что в 1317 году она уже существовала, а ее глава, митрополит Литовский, участвовал в патриаршем соборе в Константинополе.

В этой церковной смуте многое остается неясным. В частности, нет сведений о том, какие из существовавших тогда в Юго-Западной Руси епархий входили в состав новой митрополии. Однако очевидно, что как возникновение этой митрополии, так и ее упразднение было тесно связано с переменами в расстановке политических сил в Восточной Европе, с личными симпатиями и антипатиями «сильных мира сего». После смерти митрополита Петра (1326) новые

правители империи решили восстановить единство митрополии под началом своего ставленника грека Феогноста. Приехав на Русь в 1328 году и управившись с самыми неотложными делами (посещение Северо-Восточной Руси и Новгорода, участие в борьбе с Александром Тверским, поездка в Орду на поклон к хану Узбеку), Феогност принялся за восстановление своей власти в епархиях Юго-Западной Руси. Это сложное и трудное дело потребовало не только его личного присутствия в крае, но и поездки в Константинополь в 1332 году.

Долгое отсутствие митрополита не помешало князю Ивану Даниловичу продолжать каменное строительство в московском Кремле. Однако он постоянно думал о том, как вернуть Феогноста в Москву. Калита делал все возможное для того, чтобы показать митрополиту свое благочестие и уважение к византийским традициям. Об этом свидетельствуют и обстоятельства, связанные со строительством Спасского монастыря.

Закладка Спасского собора состоялась в четверг 10 мая 1330 года. В этот день не было никакого большого церковного праздника. До ближайшего из них, Вознесения, оставалась еще неделя. Согласно древним месяцесловам 10 мая вспоминается Симон Зилот — один из 12 апостолов. Однако в русской традиции его память ничем не выделялась из других рядовых памятей церковного календаря. Таким образом на первый взгляд это был вполне обычный, будничным день.

И все же, зная внимательное отношение Калиты к выбору дней для начала и окончания строительных работ, нельзя усомниться в том, что день 10 мая был избран им не случайно.

Загадка этого дня несколько проясняется, если ввести его контекст древнерусской книжной и фольклорной традиции. Прежде всего становится очевидным, что день 10 мая был одним из дней, когда вспоминались события земной жизни Спасителя. Древнерусские книжники заимствовали из византийской традиции представление о том, что Иисус Христос был распят 30 марта, воскрес 1 апреля — и «взнесен на небеса к Отцу» в четверг 10 мая (24, 4). Такие глубокие знатоки книжности, как Иван Калита и митрополит Феогност, несомненно, знали эту древнюю легенду.

На выборе дня сказалось и еще одно народно-христианское представление: о счастливых и несчастливых днях. Наблюдения над летописями показывают, что четверг считался в старину счастливым днем, благоприятным для всяких начинаний. На него падает гораздо больше всевозможных торжеств, чем на любой другой будний день (52, 131). Для Калиты имело значение и то, что соседние дни, среда и пятница, были «постными». В эти дни церковь вспоминала осуждение и

распятие Спасителя и потому требовала соблюдать пост. Праздничный пир, сопровождавший торжественное начало строительства, в среду и пятницу был неуместен. В четверг никаких ограничений по части поста не существовало.

Глубоко символичен и тот хронологический ряд, в котором князь Иван определил место для своего праздника. 10 мая он заложил Спасский собор, а на другой день, 11 мая, был великий праздник Византийского государства и церкви — день основания Константинополя. Согласно древней традиции считалось, что Константин Великий освятил отстроенный им Константинополь 11 мая 330 года. В этот день в Царьграде ежегодно совершались молебны, торжественные процессии и яркие представления на ипподроме. Однако 11 мая 1330 года было особым днем в этом ряду — это было 1000-летие Константинополя. (Конечно, Калита едва ли знал точную хронологию византийской истории. Древнерусские представления о ней были весьма смутными и противоречивыми. Согласно Хронографу, «от вознесения Господня до первого лета Коньстяньтина царя лет 306» (27, 269), а Константинополь был основан «в 13-е лето царства его» (27, 443).

Закладка Спасского собора накануне, а не в самый день празднования вполне понятна. Точно так же Успенский собор в московском Кремле был освящен в 1327 году не в самый праздник Успения, а накануне — 14 августа. В Древней Руси канун праздника был духовно и ритуально связан с самим праздником. Песнопения в честь праздника звучали уже накануне вечером и в ночь на самый день празднования. Событие, совершавшееся накануне, служило как бы предисловием к празднику (53, 112).

Праздник основания Константинополя был хорошо известен русским летописцам, называвшим его «бытие Царяграда» (24, 236). Знали о нем и книжники. Он содержится в русских месяцесловах XIV века, в том числе и в месяцеслове Евангелия Семена Гордого — сына Калиты (96, 11). Однако уже Ярослав Мудрый придал этому дню новое значение. 11 мая он совершил освящение Софийского собора в Киеве, используя тем самым византийскую традицию для возвеличивания Русского государства.

Весьма памятным в истории русского храмоздательства был и следующий день — 12 мая. В этот день князь Владимир Святославич освятил Десятинную церковь в Киеве — первый и главный до построения Софийского собора храм победившего христианства на Руси. Разрушенная во время нашествия Батыя Десятинная церковь была символом прежнего величия и нынешних бедствий русской церкви.

Увязав день закладки своего Спасского собора с важнейшими датами киевского строительства, а также с днем основания Константинополя, Иван Калита протянул еще одну незримую нить преемственности от «второго Рима» и Киева — к Москве, будущему «третьему Риму».

К сожалению, летописи не сохранили день освящения собора Спасского монастыря. Однако о многом свидетельствует и само посвящение этого храма, избранное Калитой. Его нельзя объяснить только преемственностью от прежнего Спасского монастыря в московском Кремле: летописи дают немало примеров изменения названия соборов и монастырей после их обновления. Кроме того, Иван Данилович при желании мог бы перенести на новое место, в Кремль, Данилов монастырь. Сам по себе такой акт не представлял нарушения канонов. (Так поступил полтора века спустя Иван III, перенесший Спасский монастырь Калиты из Кремля в урочище Васильцев стан на левом берегу Москвы-реки. Там он существует и по сей день под названием Ново-Спасского монастыря.)

Иван Калита хотел, чтобы его монастырь был посвящен именно Спасу, по многим причинам как религиозного, так и политического характера. В этом посвящении прежде всего ясно читается желание князя превратить Москву в столицу всей Северо-Восточной Руси. И вполне закономерно, что построенные им в 1327—1333 годах в московском Кремле белокаменные храмы были посвящены центральным образам тогдашнего христианского «пантеона» — Успению Божией Матери, Спасу, Архангелу Михаилу, а также патрону Москвы святому Петру (как апостолу, так и митрополиту) и покровителю иноков Иоанну Лествичнику. Московский Кремль становился впечатляющим зримым символом политических притязаний этого города. Собираение земли и власти шло рука об руку с собиранием святости.

Посвящение собора придворного монастыря было связано и с желанием Калиты воспроизвести в Москве святыни стольного Владимира. Еще Владимир Мономах, основав город Владимир, выстроил в нем каменный храм Спаса. В 1160-е годы Андрей Боголюбский заново отстроил этот храм и сделал его своей дворцовой церковью. Своими утонченными формами Спасская церковь напоминала построенную в те же годы церковь Покрова-на-Нерли. Известно, что в XIII веке храм Спаса был монастырским. Вероятно, Спасский монастырь существовал во Владимире и при Калите. Спасская церковь простояла до конца XVIII века, когда была разобрана за ветхостью (115, 56).

Идея посвящения собора придворного княжеского монас-

тыря в московском Кремле «святого Спаса Преображению» имела владимирское происхождение. Однако, принимая такое решение, князь Иван учитывал и огромную популярность культа Спаса в Северо-Восточной Руси. В то время почитание Спаса было особенно характерно для ростово-ярославских земель. Здесь этот культ был в первую очередь монастырским. Виднейшие монастыри Ростовской земли в ту пору — Спасский Княгинин в Ростове и Спасский в Ярославле. Крупнейшим монастырем Белозерья был Спасский монастырь на Кубенском озере, основанный около 1260 года ростовским князем Глебом Васильковичем. В костромском крае культ Спаса также имел первостепенное значение. В 1330-е годы в Галиче («купля» Ивана Калиты!) близ княжеского дворца стояла церковь Спаса и был устроен монастырь. Уступая по численности лишь храмам, посвященным Богородице, Спасские соборы имелись во многих русских городах: Твери, Нижнем Новгороде, Угличе, Торжке, Переяславле-Залесском.

Отсутствие в летописях дня освящения собора Спасского монастыря, возможно, указывает на то, что работы по его отделке затянулись на несколько лет. Этому не приходится удивляться. Ведь и сам великий Всеволод строил свой владимирский Рождественский монастырь целых четыре года. Но то были времена свободной и богатой Владимиро-Суздальской Руси. А ныне праправнук Всеволода князь Иван Данилович правил «в опустевшей земле», над которой постоянно была занесена ордынская сабля.

Год 1331-й оказался на редкость тяжелым для князя Ивана. 1 марта умерла его жена Елена. Перед кончиной она приняла монашеский постриг.

Без материнской ласки и пригляда остались трое сыновей: 13-летний Семен, пятилетний Иван и трехлетний Андрей.

Княгиню похоронили в стенах собора Спасского монастыря. Думал ли князь Иван, создавая эту обитель, кто станет первым в ее некрополе!

С кончиной Елены князь Иван потерял тот островок семейного счастья, на котором он мог порою укрываться от тревог своего жестокого века и своего беспокойного ремесла.

В день смерти княгини церковь вспоминала мученицу Евдокию. В народе жила примета: «На Евдокию погожо — все лето пригожо». Для князя Ивана примета эта оказалась дурной. На Евдокию было все вокруг для него темно и мрачно. Таким вышло и все остальное лето. В начале мая полыхнул по Москве небывалый пожар, испепеливший весь деревян-

ный Кремль. Город остался почти беззащитным. Нужно было срочно собирать деньги на строительство новой крепости, а кроме того, долго и трудно убеждать хана в ее необходимости. Князь Иван знал, что татары крайне подозрительно относились к постройке любых военно-оборонительных сооружений на Руси, видя в этом угрозу своему господству. И потому, прежде чем приступить к строительству, необходимо было получить дозволение от ордынского «царя».

Впрочем, в том же 1331 году нареченный новгородский владыка Василий Калика, ни у кого не спрашиваясь, возобновил начатое в 1302 году строительство городских каменных стен. Узнав об этом, московский князь, вероятно, сказал немало крепких слов в адрес новгородцев. Ясно было, что за этими стенами они надеялись отсидеться не только от западных соседей, но в случае необходимости и от великокняжеских войск.

Энергичную строительную деятельность Василия Калики прервал строгий окрик митрополита. Через своих послов Феогност велел избранному горожанами, но еще не утвержденному владыке срочно явиться к нему на Волынь для поставления в сан. Пришлось новгородскому избраннику отправиться в долгое путешествие через всю Литву — на Волынь. Выехав из Новгорода 24 июня 1331 года, он вернулся домой только 8 декабря. Пережив во время своих странствий немало опасностей и приключений, Василий получил, однако, официальное признание в качестве новгородского архиепископа. В лице этого необычайно крепкого и телом и духом человека новгородцы обрели одного из самых талантливых своих предводителей.

Не радовали князя Ивана и вести из Пскова. Там вновь был принят с почетом князь Александр Тверской.

На сей раз он явился во Псков не как беглец, ищущий убежища, а как доверенное лицо великого князя Литовского Гедимина. Псковичи приняли его «из литовской руки», по выражению летописца (10, 343). Желая ослабить связь Пскова с Новгородом, Александр принялся хлопотать об открытии во Пскове особой епархии. Эту идею энергично поддержали литовские князья, надеявшиеся со временем оторвать Псков от Новгорода и переподчинить его Литве как в политическом, так и в церковном отношении. Но, к счастью для князя Ивана, митрополит Феогност решительно воспротивился этим замыслам. Прибывший к нему на Волынь летом 1331 года псковский кандидат в епископы по имени Арсений возвратился с пустыми руками.

Череду несчастий 1331 года усугубило солнечное затмение

30 ноября (47, 284). «Бысть знамение на небеси, помръкне солнце» (22, 204). Затмение всегда считалось на Руси предвестником всяческих бедствий...

Московский пожар 1331 года прервал равномерный ритм кремлевского строительства. В этом году летописи не сообщают о каких-либо новых работах на Боровицком холме. Впрочем, это объяснялось не одним только пожаром. В 1331 году случились два события, которые заставили князя Ивана прекратить расходы и собрать все средства для поездки в Орду. 28 марта, на Страстной неделе, умер, не оставив наследников, ростовский князь Федор Васильевич, правивший в Сретенской половине Ростовского княжества. Калита решил добиться в Орде права на управление этими землями.

Вскоре подоспела и другая новость: умер соправитель Калиты по великому княжению Владимирскому князь Александр Васильевич Суздальский (23, 46). Этот правитель прославился тем, что, получив от хана в 1328 году стольный Владимир, велел в знак своей «победы» снять с соборной колокольни «вечный» (то есть вечевой, созывавший горожан на площадь) колокол и отвезти его к себе в Суздаль. Но, словно в насмешку над честолюбцем, колокол в Суздале не стал звонить так громко и чисто, как во Владимире. Перепуганный князь решил, что сама Богородица разгневалась на него за проделку с колоколом — «и помысли в себе князь Александр, яко съгруби святеи Богородици» (10, 469). Опасаясь небесной кары, он велел срочно вернуть колокол на место. Там он зазвучал с прежней силой.

Однако смерть не различала мудрых от недалеких. «Кто из людей жил — и не видел смерти, избавил душу свою от руки преисподней?» (Псалтирь, 88, 49). Князь Александр ушел «в путь невозвратимый», а Иван Данилович стал собираться в свой новый земной путь — в Орду. Там предстоял очередной передел русских земель и жестокий торг между князьями за их приобретение.

Зимой 1331/32 года князь Иван, тверской князь Константин Михайлович и другие князья побывали в Орде. Домой Калита вернулся обладателем всей территории великого княжения Владимирского, а также Сретенской половины Ростовского княжества. Это был большой успех московского князя. Раздел великого княжения Владимирского современники восприняли как трагедию русской государственности, а его воссоединение Иваном Калитой — как ее возрождение. Не случайно летописец повествует об этой поездке московского князя в Орду в особом, приподнятом тоне. «И по смерти сего Александра поиде в Орду князь великий Иван Данилович, и

царь его пожаловал и дал ему княжение великое надо всею Русьскою землею, яко же и праотец его великий Всеволод Дмитрии Юрьевич; а правил княжение ему Албуга. И оттоле пошли рускыи князи. Во всех сих прославим в Троици единого Бога и православных великих князеи, заступников наших всея Русьския земля» (10, 469).

Приведенное выше рассуждение имеет большую историческую ценность. Оно находится среди статей, предшествующих Комиссионному списку Новгородской Первой летописи. Эти статьи представляют собой своего рода конспект русской истории, написанный на бумаге с водяными знаками 1441 года (10, 7). Наблюдения над рукописями показывают, что бумага обычно шла в дело в течение одного-двух десятилетий после ее изготовления. Почерк рукописи также указывает на время ее создания — первую половину или середину XV века. Таким образом уникальный рассказ о приходе Калиты на великое княжение в 1332 году и о торжественном возведении его на владимирский престол ханским послом Алабугой был переписан в сохранившуюся до наших дней Новгородскую летопись (Комиссионный список) из какого-то древнего московского летописца около ста лет спустя после самого события. Учитывая, что большинство существующих списков русских летописей относится к концу XV — первой половине XVI века, это свидетельство следует признать очень ранним и достоверным.

После рассказа о приходе Ивана Даниловича на великое княжение в том же тексте содержится очень интересное, хотя и не вполне понятное добавление: «А Иванова княжения Даниловича до преставления князя Ивана Васильевича и тогда минуло великому князю Ивану Данильевичу 100 лет и 8. А митрополит был Петр, иже бе пришел из Волыня на Суждальскую землю, на Москву, в лето 6824 (1316), и приа его князь великий Иван Данилович с честью великою» (10, 469). О каком князе Иване Васильевиче, сопоставленном с Калитой, идет речь в этом исчислении? В первой половине XV века было только три правивших князя, носивших это имя. Один из них — внук дочери Калиты Евдокии и ее мужа ярославского князя Василия Давыдовича. Он владел Ярославлем и назывался «великим князем ярославским» (91, 288). Умер Иван Васильевич Ярославский в 1426 году. Однако в данном случае речь идет не о нем, так как за 108 лет до его кончины, в 1316 году, Иван Данилович не был ни великим, ни даже московским князем. Другой князь Иван Васильевич, младший брат первого, по прозвищу Воин, был совсем мелким князем и рано умер бездетным. Речь явно не о нем.

Третий и единственно возможный претендент на сопоставление с Калитой — московский князь Иван Васильевич, прямой потомок Ивана Даниловича. После возвращения его слепого отца Василия Темного на великокняжеский престол в 1447 году Иван стал его официальным наследником и соправителем. Незаурядные таланты молодого князя были очевидны. Задолго до кончины его отца (1462) современники увидели в юноше будущего великого правителя Руси.

Приведенное летописцем исчисление указывает именно на Ивана Васильевича Московского. Он родился в 1440 году, то есть как раз через 108 лет после того, как Иван Калита стал полновластным великим князем в 1332 году. Что касается ломающего весь смысл слова «преставление» (то есть кончина, смерть), то оно могло быть результатом рассеянности летописца. Рассказав перед тем о смерти князя Александра Васильевича Суздальского, он машинально повторил это слово и в следующих строках.

Впрочем, возможно и иное понимание искаженного летописного текста. Слово «преставление» могло быть написано летописцем по ошибке вместо близкого по составу «поставление» (то есть возведение в княжеское достоинство, коронация). В таком случае изначальный, правильный вид фразы очевиден: «А Иванова княжения Даниловича до поставления князя Ивана Васильевича и тогда минуло великому князю Ивану Данильевичу (то есть со времен правления Ивана Даниловича. — *Н. Б.*) 100 лет и 8». Действительно, от кончины Ивана Калиты в 1340 году до официального объявления Ивана Васильевича великим князем в 1448 году прошло 108 лет. Разночтения в летописях и других источниках позволяют менять первую дату на 1341 год, а вторую — на 1449-й. Общее число лет от этого не меняется.

При любом из двух предложенных выше вариантов прочтения летописного текста середины XV века становится очевидным, что уже в те времена русским людям открывалось глубоко верное по своей исторической сути сопоставление: от времен расцвета суздальской земли при Всеволоде Большое Гнездо через пепелища татарских погромов — к ее новому возрождению при Иване Калите. От князя Ивана Даниловича нить исторической преемственности тянулась к «государю всея Руси» Ивану Васильевичу.

Летом 1332 года Северо-Восточную Русь посетила беда: неурожай и вызванный им голод. «Того же лета бысть меженина велика (засуха, недород. — *Н. Б.*) в земли Русской,

дороговь и глад хлебныи и скудота всякого жита. Сию же дорогюв неции глаголют: рослюю рожь» (23, 46).

Расходы, связанные с поездкой в Орду и получением всей территории великого княжения Владимирского, а также голод на Руси не позволили князю Ивану и в 1332 году возобновить каменное строительство. Однако уже к концу года он начал готовиться к тому, чтобы заняться этим в следующем, 1333 году. Вновь по зимнему санному пути повезли в Кремль глыбы белого камня и добрый строевой лес, вновь застучали топоры и молотки каменотесов. Вероятно, это было благоприятное время для подготовительных работ, которые можно было выполнить почти бесплатно. Тысячи изголодавшихся крестьян, собравшихся в Москву, готовы были трудиться целый день за кусок хлеба или горсть муки из княжеских закромов. Князь Иван спасал их от голодной смерти, а они его — от забвения...

Когда столь удачно закончилась тяжба в Орде, когда вновь стало оживать московское строительство — полегчало и на душе у Ивана Даниловича. Пришло время подумать и о собственном семейном устройении. И вскоре в его опустевшем и затихшем после кончины княгини Елены доме вновь зазвучал женский смех. Под 1332 годом Рогожский летописец сообщает: «Того же лета в другое оженися князь великий Иван Данилович» (23, 47).

О второй жене Калиты известно только то, что ее звали Ульяна. В браке с ней у князя Ивана были дети. Но за этим — много неясного (129, 13). Первый биограф Калиты историк А.В. Экземплярский полагал, что «от второго брака он имел неизвестную нам по имени дочь, которая родилась уже по смерти его, ибо в его духовной грамоте она не упоминается» (138, 79). Однако внимательное изучение текстов двух духовных грамот Калиты заставляет усомниться в суждении Экземплярского. В обеих грамотах несколько раз встречается выражение: «А се даю княгини своей с меньшими детьми»... Ясно, что речь идет не о княгине Елене (о ней сказано как об умершей), а об Ульяне. Трудно представить, что «меньшие дети» — это младшие дочери Елены. Они уже были выданы замуж ко времени составления завещания и могли рассчитывать только на кое-какие личные драгоценности их матери — ожерелья, монисты, обручи для волос. Между тем этим загадочным «младшим детям» Калита дает в нераздельное владение с их матерью многочисленные села и слободки.

По убедительному предположению В. А. Кучкина, под «младшими детьми» Калита разумел двух своих дочерей,

родившихся в браке с Ульяной, — Марию-меньшую и Феодосию.

Из этих дочерей к 1359 году осталась при матери только одна. О ней упоминает в своем завещании сын Калиты Иван Иванович, приказывая дать ей кое-какие волости из владений ее матери в случае смерти последней. Другая дочь либо рано умерла, либо просто исчезла из поля зрения московских летописцев.

Судя по тому, как внимательно оговорил Калита в завещании интересы своей жены и ее детей, можно думать, что отношения в их семье были самые теплые. Ульяна была хорошей женой для князя Ивана, опорой для него в трудную минуту. А таких минут в жизни «собирателя Руси» было куда как немало...

Замысел постройки нового Архангельского собора органично связан с другими идеями Калиты. Быть может, его вдохновляла изложенная в Хронографе легенда о том, как император Константин Великий построил в городе Анапле «церковь прекрасну» во имя предводителя небесного воинства. Будучи в этом городе, император однажды услышал во сне «глас велик»: «Аз есмь архистратиг силы Господня, христианом заступник и тебе, яко верну угоднику владыкы моего Исус Христа, поспешник невидимо на вся злочестивыя мучителя и поганыа языкы» (27, 269). Прежде в Анапле существовала «мала церквица» во имя Михаила. Она была поставлена местными жителями в память о том, как архистратиг помог им победить напавших на них врагов. Он явился им в образе «мужа страшна» с орлиными крыльями на плечах.

В Москве, как и в Анапле, была старая деревянная церковь во имя архистратига Михаила, построенная еще во времена жившего здесь некоторое время князя Михаила Хоробрита — младшего брата Александра Невского. Задуманный князем Иваном новый белокаменный храм должен был стать одновременно и семейной усыпальницей — достойным последним приютом всех представителей мужского потомства Даниила Александровича. Посвящение храма-усыпальницы именно архистратигу Михаилу определялось общими градостроительными идеями Калиты, его желанием ввести Москву через библейские и «константиновские» ассоциации в круг всемирной истории, а через киевско-владимирские параллели — в круг истории общерусской.

В стольном княжеском Киеве Михаила Архангела почитали как покровителя города. Здесь в домонгольский период

было построено три каменных храма во имя «Михаила, князя великого» (Даниил, 12, 1). Ему же был посвящен и южный придел Софийского собора.

Давнее почитание «ангельских ликов чиновачальника» существовало и во Владимиро-Суздальском княжестве. В самом Владимире великий князь Константин Всеволодович выстроил на своем дворе в 1218 году церковь Михаила Архангела. Храм во имя архистратига, выстроенный из белого камня, существовал во времена Калиты в Нижнем Новгороде. Однако особым распространением этого культа отличалась Тверь. Михаил Архангел считался патроном тверского княжеского дома. Многие важные события в Твери были приурочены к дням памяти архистратига. Однако тверские князья имели у себя при дворе лишь деревянную Михайловскую церковь. Выстроив в московском Кремле каменный Архангельский собор, Калита наглядно продемонстрировал свое превосходство над Тверью.

Некоторые свидетельства источников позволяют думать, что Архангельский собор Калиты отличался большими размерами. Во времена Семена Гордого художники не успели за одно лето выполнить и половины его росписи «величества ради церкви тоя» (23, 56). Успенский собор, построенный Иваном Даниловичем, был расписан за один сезон.

Летописи не сохранили день торжественной закладки Архангельского собора. Известно лишь, что построен он был «одиного лета» и освящен 20 сентября 1333 года (18, 266). Это был первый каменный храм в московском Кремле, который освятил сам митрополит Феогност.

В этой дате содержится загадка — одна из многих загадок в истории того времени. Весьма странным оказывается выбор дня недели, когда было совершено торжественное освящение Архангельского собора. 20 сентября 1333 года — понедельник. Этот день недели в Древней Руси почитался несчастливым и крайне редко избирался для каких-либо важных событий. Кроме того, освящение храма обычно приурочивали к нерабочему дню — воскресенью или празднику. Эту неожиданную дату можно объяснить только двумя предположениями: либо летописец ошибся и отнес событие 1332 года к 1333 году; либо князь и митрополит непременно хотели освятить храм 20 сентября.

За первое объяснение говорит то, что 20 сентября 1332 года было воскресенье. В смысле дня недели все становится на свои места. Кроме того, летописи вообще весьма сбивчивы в датировке событий 1331—1333 годов (91, 141).

Однако второе объяснение подкрепляется тем, что в

1332 году митрополит едва ли мог быть в Москве: он ездил в Константинополь и в Орду. (18, 265). Сама его поездка была вызвана кончиной патриарха Исайи в мае 1332 года. Вероятно, Феогност участвовал в избрании нового патриарха. В Орду он поехал с каким-то дипломатическим поручением императора Андроника III. Использование духовных лиц для переговоров с татарами было обычной практикой константинопольского двора.

Как бы там ни было, день 20 сентября был выбран, конечно, не случайно. В это день наряду с памятью византийского святого Евстафия Плакиды чтится память князя Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в Орде в 1246 году за отказ поклониться «кусту и идолам». Имя этого князя-мученика символизировало готовность к самопожертвованию за веру. Подобно трем отрокам, брошенным царем Навуходоносором в огненную печь за отказ поклониться идолу, он отвечал грозному повелителю Орды: «Тебе, цесарю, кланяюся понеже Бог поручил ти есть царство света сего. А ему же велиши поклонитися не поклонюся» (13, 228). В подвиге Михаила Черниговского, каким он представлен в его житии, явно ощутимо горячее дыхание библейской книги Даниила — любимой книги Калиты. Освящая собор во имя небесного «великого князя» Михаила Архангела в день памяти великого князя Михаила Черниговского, Калита приобщался к важной для него духовной традиции.

Имя Михаила Черниговского в начале XIV века было широко известно в Северо-Восточной Руси. В середине XIII века в Ростове при дворе княгини Марьи Михайловны, дочери князя-мученика, было составлено его краткое проложное житие. Оно легло в основу всех последующих пространных редакций этого памятника. Самая ранняя из них была создана в конце XIII — начале XIV века неким священником Андреем. Есть сведения, что уже в середине XIII века в Ростове существовала церковь, посвященная новым святым — князю Михаилу Черниговскому и казненному вместе с ним боярину Федору. Вероятно, именно о ней упоминает Никоновская летопись под 1288 годом: «В Ростове сторела церковь от грома святого Михаила» (22, 167). Пожар деревянной церкви — дело весьма обычное и редко упоминаемое летописью. Однако в данном случае летописец отмечает это как событие особое, достойное внимания.

Еще одним очагом культа Михаила Черниговского был, по-видимому, суздальский Ризположенский монастырь, в котором с 1227 по 1250 год жила другая дочь князя-мученика — Евфросинья. Уже в XVI веке было составлено житие

Евфросиньи Суздальской, согласно которому именно она своим посланием вдохновила отца на подвиг в Орде. По описи 1628 года в Ризположенском монастыре существовал придел во имя Михаила Черниговского и его боярина Федора.

Особым почитанием Михаила Черниговского отличалась его родина — Северская земля. Во второй половине XIII века в Чернигово-Брянской земле, столицей которой стал Брянск, правил князь Роман Михайлович Старый (1263—1288), сын Михаила Черниговского. Его братья и племянники сидели в Глухове, Новосиле, Карачеве и других уделах. Однако в начале XIV века брянским столом завладели князья из смоленского дома, что привело к переезду многих бояр в московские земли. Среди бояр, выехавших в Москву из Чернигова во времена князя Даниила Александровича, выделялся Федор Бяконт, отец будущего митрополита Алексея. Согласно свидетельству родословных книг, при Иване Калите «за ним была Москва» (61, 247). Видимо, именно он в качестве княжеского наместника отвечал за безопасность и порядок в городе во время отлучек князя. Историк А. Е. Пресняков полагал, что Федор Бяконт занимал должность московского тысяцкого — главы посадской общины и ополчения (110, 290).

День освящения Архангельского собора приобщал Москву к традиции прославления той святой жертвенности, которая для тверичей была связана с именем их князя Михаила Ярославича. Почитание первого князя-мученика Михаила Черниговского как бы заглушало, отодвигало на второй план тверской культ, который претендовал на то, чтобы стать общерусским. Борьба между Москвой и Тверью шла не только на полях сражений и в юртах ханской ставки, но и в душах людей. Каждый из молодых городов стремился показать себя наследником почтенной старины, обрести собственных святых, свои традиции и предания.

Образ Михаила Черниговского со времен Калиты прочно вошел в московскую традицию. Князь-мученик и погибший вместе с ним боярин Федор представлены в росписи Благовещенского собора московского Кремля, выполненной в 1508 году. Многие сюжеты этой росписи восходят к предшествовавшей ей росписи 1405 года. Интересна композиционная деталь этой росписи: композиция «Чудо Георгия о змие», символизировавшая победу над вековым врагом Руси — Золотой Ордой, зрительно как бы опирается на фигуры Михаила Черниговского и боярина Федора. Это сочетание самостоятельных композиций создает своеобразный живописный диптих, выражающий мысль о подвиге и самопожертвовании как подлинной основе торжества Руси над врагом.

Архангельский собор был последним каменным храмом, построенным Иваном Калитой. Настало время подвести итоги. За семь лет напряженной работы, строжайшей экономии и риска прослыть богачом он превратил свою столицу в один из самых красивых городов Северо-Восточной Руси. Москва стала достойным местопребыванием не только великого князя Владимирского, но и главы церкви — митрополита Киевского и всея Руси.

Конечно, ограниченность в средствах сильно сказалась на московском храмоздательстве. Более десяти лет после их освящения московские соборы стояли без росписей. Только сын Калиты Семен Гордый, став великим князем Владимирским, в 1344—1346 годах завершил дело отца.

Мастера, строившие для Калиты (вероятно, это была одна артель), не имели богатого строительного опыта. К тому же они работали в спешке, надеясь успеть до нового передела власти в Орде. В результате уже через полтора века после их постройки соборы Калиты выглядели плачевно. Своими закопченными в пожарах, растрескавшимися и подпертыми бревнами стенами они напоминали израненных в боях старых солдат-инвалидов. В сущности, так оно и было. Белокаменные воины первого московского полка, они донесли свою славу до нового рубежа. Потомок Калиты «государь всея Руси» Иван III приготовил им достойную замену. На месте разобранных храмов Калиты встали новые, одноименные им богатыри-соборы, понесшие дальше сквозь века недостижимую московскую мечту о государстве правды Божией.

*Из глубины взываю к Тебе, Господи!
Господи! услышь голос мой.*

Псалтирь, 129, 1—2.

Свой последний собор великий князь Иван Данилович строил в беспокойное время. Земля под его ногами, не успев отвердеть, уже заколебалась. Он понял, что устоять на вершине еще труднее, чем подняться на нее.

Во время съезда князей в Орде по случаю кончины Александра Васильевича Суздальского и вызванного ею нового перераспределения власти, хан объявил им о своем решении увеличить размеры дани, выплачиваемой русскими землями. Возможно, он сделал это по предложению Калиты, купившего себе такой ценой единоличную власть над великим княжеством Владимирским. Свое решение хан объяснил тем, что со времен татарской переписи 1257—1259 годов территория Руси увеличилась, а количество дворов в городах и селах возросло. Великому князю Владимирскому совместно с другими правителями предоставлялось самим произвести новую раскладку ордынского «выхода» по городам и волостям. Хана в данном случае интересовал лишь конечный результат.

Посоветовавшись с князьями, Калита решил, что основную тяжесть новых платежей следует возложить на Новгородскую землю. Ее территория и податное население действительно заметно возросли после 1259 года за счет освоения обширных областей по рекам Вычегде и Печоре, а также в верховьях Камы.

Отношения Новгорода с Ордой очень слабо освещены источниками. Ясно лишь, что в основе их лежал «черный бор» — новгородская дань в Орду. Одни историки считают, что «черный бор» составлял только часть всего новгородского «выхода» в Орду; другие полагают, что этим термином обозначался весь «выход» (140, 102). Как бы там ни было, новгородцы платили «черный бор» примерно один раз в восемь лет. Его общая сумма была вычислена еще в 1259 году, когда татарские «численники» посетили Новгород и под защитой князя Александра Невского провели перепись дворов в городе. Установив общую сумму, татары предоставили нов-

городцам самим определить порядок сбора денег. В соответствии с традициями древнерусского налогообложения новгородские бояре решили возложить эту подать на определенную территорию. Такой областью стала новоторжская волость, центром которой был город Торжок. Расчет бояр вполне понятен: именно здесь, в самой южной части новгородских земель, угроза татарского погрома ощущалась особенно живо. Весной 1238 года полчища Батыея разорили эти земли, оставив по себе страшную память.

В год, когда новоторжцы выплачивали «черный бор», они освобождались от «поралья посадника и тысяцкого» — основной поземельной дани в казну Великого Новгорода. В 1331 или 1332 году как раз наступал срок очередной уплаты новоторжцами «черного бора». Однако на сей раз князь Иван, вернувшись из Орды весной 1332 года, потребовал от новгородского правительства уплаты еще и новой, прежде не существовавшей дани — «закамского серебра». Несомненно, князь ссылался на распоряжение хана и приводил соответствующую аргументацию. Однако новгородцы истолковали дело по-своему: московский князь за их счет решил устроить свои собственные дела. Они наотрез отказались платить «закамское серебро».

Новгородцы не хотели идти ни на какие уступки северовосточным князьям, так как хорошо знали их ненасытность. В отношениях с ними они поднимали шум из-за любой мелочи, в которой можно было усмотреть посягательство на их независимость. Бесконечные препирательства с новгородскими «золотыми поясами» были общим уделом всех великих князей Владимирских. Их накипевшую досаду ярко выразил московский летописец конца XIV столетия в своем комментарии к сообщению об очередной тяжбе. «Таков бо есть обычай новгородцев: часто правают ко князю великому и паки рагозятся. И не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокоривы, упрямчиви, непоставни... Кого от князь не прогневаша, или кто от князь угоди им, аще и великии Александр Ярославич не унорвил им?..

И аще хоцещи распытовати, разгни книгу, Летописец великии русьский, и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго» (34, 438).

В спорах с «золотыми поясами» великие князья использовали все средства, не исключая и откровенную демагогию. В конфликте 1332 года князь Иван Данилович, явно стущая краски, пытался представить дело так, будто, отказываясь платить возложенную на них новую ордынскую дань, новгородцы фактически выходят из политического сообщества княжеств и земель, возглавляемого великим князем Влади-

мирским. Такое решение следовало понимать как измену. Последствия этой «измены» легко было предвидеть: карательный поход на Новгород объединенных сил всех северо-восточных княжеств. В сущности, Калита на полтора столетия предвосхитил замысел Ивана III, обосновавшего завоевание боярской республики борьбой с «новгородской изменой».

Новгородская Первая летопись так сообщает о начале тяжбы с Калитой: «Того же лета (1332. — *Н. Б.*) великыи князь Иван приде из Орды и възверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамского, и в том взя Торжек и Бежичьскыи верх за новгородскую измену» (10, 99). Другой извод той же летописи передает это известие в чисто новгородском толковании: без упоминания «измены», но с указанием на то, что князь Иван действовал «черес крестное целование» (10, 344).

Летописи позволяют разглядеть несколько этапов наступления Калиты на Новгород. В его действиях явственно заметны черты, ставшие со временем традиционными для московских князей: неторопливость, последовательность и тщательное идейное обоснование. Летом 1332 года князь Иван сделал только первый шаг: направил в Торжок и Бежецкий Верх московских воевод с полками, но сам остался дома (130, 503). Захватив эти области, он стал ждать ответа новгородцев. Ему явно не хотелось рисковать. Да и куда ему было спешить? Вперед, на Новгород? Но штурмовать Новгород было бы большой глупостью. Даже если бы у Калиты достало сил, чтобы одолеть новгородскую рать, Орда никогда бы не позволила ему стать покорителем Новгорода.

Упрямые новгородцы не поддались первому нажиму Калиты. Тогда в конце 1332 года он предпринял еще более грозную акцию — поход на Новгород объединенного войска всех «низовских» (то есть северо-восточных) князей. Отозвав своих наместников из Новгорода, князь Иван со своими союзниками остановился в Торжке, ожидая, когда у новгородцев сдадут нервы. Его огромное войско, томясь безделием, кормилось грабежом окрестных сел и деревень.

«Приде князь Иван в Торжек со всеми князи низовьскыими и рязаньскыими, и присла в Новьгород, сведе наместники, а сам седе в Торжьку от Крещения до Сбора» (с 6 января до 21 февраля 1333 года) (10, 99).

Наконец новгородцы не выдержали и направили к Ивану послов: юрьевского архимандрита Лаврентия и с ним двух бояр. Не знаем, что они предложили Калите, но их предложение его не устроило. Князь «мольбы не принял, а их не послушал, а миру не дал, и прочь поихал» (10, 345). Оккупация новгородских областей, разумеется, продолжалась:

Не успев в мирных переговорах, новгородцы стали укреплять город. Архиепископ Василий Калика достроил начатую им еще в 1331 году каменную стену вокруг своей резиденции на Софийской стороне. Ему хватило средств и на то, чтобы заняться ремонтом Софийского собора — покрыть крышу свинцом, позолотить крест на центральной главе. Серьезный вклад в оборону города внес и архимандрит Юрьева монастыря Лаврентий. Он окружил свою обитель — южный форпост города — мощными стенами (10, 100).

Укрепившись, новгородцы вернулись к мысли о переговорах. На сей раз к московскому князю отправился сам архиепископ Василий с двумя боярами. Они нашли Калиту в Переяславле-Залесском, где он любил бывать летом.

Новгородцы предложили Ивану 500 рублей откупа (сумма по тем временам огромная) в обмен на мир и возвращение к условиям договора 1329 года. Но Калита и на сей раз остался тверд в своем запросе «закамского серебра». «И много моли его владыка, чтобы мир взял, и не послуша» (10, 345).

И вновь маятник новгородской политики от смирения перед великим князем Владимирским качнулся в сторону сопротивления. Не имея ни сил, ни желания воевать со всей Северо-Восточной Русью, новгородцы вступили на путь хитроумной и сложной дипломатической игры. Архиепископ Василий Калика хорошо знал, что слабое место Калиты — отношения с Литвой. Однако здесь необходим особый исторический экскурс...

Литва стала враждебной силой для Руси еще в XIII веке. Однако тогда мелкие литовские князьки ограничивались грабежом пограничных русских волостей. Однажды Александр Невский жестоко их проучил. Он «победи 7 ратий едином выездом и множество князей их изби, а овех рукама изыма. Слугы же его, ругающесея, вязахуть их к хвостом коней своих» (13, 434).

После превращения Северо-Восточной Руси в «русский улус» Орды открылась возможность совместных действий русских и татар против сохранившей независимость Литвы. Однако жизнь показала, что подобное «сотрудничество» между поработителями и поработенными к добру не приводит. В 1275 году состоялся совместный поход татар и русских князей на Литву. В войне с литовцами союзники «не успевше ничто же». Однако по дороге татары страшно разграбили русские земли. «Татарове же велико зло и велику пакость и досаду сотвориша христианом, идуще на Литву, и пакы назад

идуше от Литвы того злее сътвориша, по волостем, по селом дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили и облупивше нагого пустят, а около Курска и кострове лнянии в руках потерли, и всюду и вси дворы, кто чего отбежал, то все пограбиша погании, творящися на помощь прешедше, обретошася на пакость» (25, 74).

Рассказав эту поучительную историю, летописец не удержался от прямого назидания: «Се же написах памяти дея и пользы ради».

Не принеся Руси никакой выгоды, военное сотрудничество князей с татарами дало обратный результат: оно ускорило военно-политическую централизацию в самой Литве, оказавшейся под угрозой не только с севера, от Ордена, но и с юга. Уже при князе Витене (1293—1315) Литва значительно консолидировалась и усилилась. Подлинным создателем могущественного Великого княжества Литовского стал брат Витеня Гедимин (1316—1341). В первой четверти XIV века в состав Великого княжества Литовского были включены Полоцк (1307) и Витебск (1320) с прилежавшими к ним землями (44, 38). Своего рода «буферной зоной» между Великим княжеством Литовским и сферой влияния великого князя Владимирского стало Смоленское княжество.

Именно при Иване Калите началось прямое противостояние между Литвой и московско-владимирским политическим миром, за спиной которого стояла Орда.

Это была поистине странная война между двумя половинами одной и той же страны. Коренные земли Литвы (Аукуштайтя и Жемайтя) составляли лишь около 1/10 в сравнении с попавшими под ее власть восточнославянскими землями (108, 27). Русские земли в составе Великого княжества Литовского преобладали не только территориально — они были его лучшей частью и в экономическом, и в культурном отношении.

В этой трехвековой тяжбе русско-литовского и русско-татарского блоков историкам порою трудно бывает определить, какая сторона в большей степени представляла интересы русского народа.

Борьба с Москвой толкала Литву к унии с Польшей, Москву — к сохранению вассальных отношений с Ордой. В конце концов между двумя частями русского народа, оказавшимися по разную сторону московско-литовской границы, легла отчетливая социально-культурная межа...

Завязку этого трагического противостояния точно очертил историк А.Е. Пресняков. «Образование Великого княжества Литовского, завершенное великим князем Гедимином, оказывает значительное давление на Псков, Новгород и Тверское

княжество, не говоря уже о Смоленске и чернигово-северских княжествах...

Великокняжеское положение Ивана Даниловича сильно осложнялось этими литовскими отношениями: тяготение западных областей Великороссии к новой политической силе Великого княжества Литовского питалось в значительной степени ролью великого князя, как представителя ордынской власти и ее требований.

А такая роль была для великого князя Ивана Даниловича неизбежной политической необходимостью. С трудом отвел он от Руси грозу золотоордынского гнева и на покорности власти хана построил свое значение главы великорусского политического мира. Нараставший напор литовской силы лишь укреплял связи Великороссии с ханской властью, заинтересованной в сохранении своего «русского улуса» (110, 142).

К этому можно добавить лишь одно. Тяготение западно-русских земель к Литве усиливалось по мере ее побед над татарами. Обратной стороной литовской экспансии на территорию Юго-Западной Руси было избавление этих земель от власти татар и от ордынского «выхода». После гибели в борьбе с татарами последних галицко-волынских князей из рода Романовичей (1323) литовцы начали большое наступление и уже в 1324 году захватили Волынь и Киев (131, 28). Одновременно Польша и Венгрия ввели свои войска в Галичину.

Орда пыталась отстоять свои позиции в Юго-Западной Руси как военными, так и дипломатическими средствами. Однако вскоре, занявшись войной на Кавказе и в Северном Иране, татары примирились с потерей части русских земель. Впрочем, они твердо держались за район южнее Киева, где с давних времен находились любимые летние кочевья золотоордынских ханов. На несколько десятилетий Киев стал литовско-ордынским пограничьем.

Опасность нового натиска татар, а также общие интересы в борьбе с крестоносцами в Прибалтике побудили правителей Литвы и Польши к сближению. Проявлением этого сближения стал брак дочери Гедимина Альдоны (Анны) и сына польского короля Владислава Локетекса Казимира в конце 1325 года. Укрепляя свой союз с польской короной (наследником которой был его зять Казимир), Гедимин уступил полякам некоторые из захваченных им русских областей.

Московский князь Иван Данилович внимательно наблюдал за развитием событий на западе. Больше всего он опасался того, что литовцы, соединившись с поляками и примирившись с Орденом, двинутся на восток (Смоленск и Москву)

либо на северо-восток (Псков и Новгород). И тогда первые слабые ростки московской государственности могли погибнуть под копытами литовских полчищ или «дружественных» татарских орд...

В конце 1320-х годов татары, собравшись с силами, стали вытеснять польско-литовские войска из южных областей Киевской земли и Подолии. Многие местные правители, посаженные из Вильно или Кракова, обязались платить дань Золотой Орде и принимать у себя ханского баскака. В воздухе запахло новой большой войной между Западом и Востоком, исход которой трудно было предугадать. И вот в этой предгрозовой ситуации произошло событие, о котором заговорили все. Зимой 1333/34 года 17-летний наследник московского престола Семен женился на дочери Гедимина Айгусте, в крещении — Анастасии.

Не приходится сомневаться в том, что идея этого брака принадлежала хану Узбеку. Князь Иван едва ли мог даже предложить хану эту династическую комбинацию, слишком похожую на измену. Самое большее, что он мог сделать, это исподволь, через подкупленных придворных вложить хану мысль о повторе неудавшейся комбинации 1320 года — брака тверского князя Дмитрия Михайловича и дочери Гедимина Марии.

Ход рассуждений, склонивших хана в пользу этой новой русско-литовской свадьбы, мог быть примерно следующим. Брак московского князя с дочерью Гедимина должен был способствовать безопасности «русского улуса» со стороны Литвы. Сыновья, рожденные в этом браке, могли со временем выступить в роли претендентов на княжение в западнорусских землях. Именно такие правители смешанного, русско-литовского или русско-польского, происхождения сидели в то время в областях, находившихся под двойной (ордынско-литовской) или тройной (ордынско-польско-литовской) юрисдикцией. Так, например, в Галицко-Волынском княжестве с 1324 по 1340 год правил ставленник польской короны Болеслав-Юрий II — сын мазовецкого князя Тройдена и его жены Марии Юрьевны, дочери галицко-волынского князя Юрия Львовича. (Мазовия — историческая область Польши в среднем течении Вислы.)

Будущий внук Калиты и Гедимина, по мысли хана, мог принять под свою власть не только великое княжество Владимирское, но и спорные территории Юго-Западной или Северо-Западной Руси. Орда, конечно, предпочла бы иметь

дело со своим выдвигенцем, нежели со ставленником Литвы или Польши.

Непосредственно на мысль о московско-литовском браке хана навела, вероятно, женитьба галицко-волынского правителя Болеслава-Юрия на дочери Гедимины Евфимии. Этот брак был заключен в 1331 году, причем венчание состоялось в Польше по католическому обряду (131, 36). Брак Семена Ивановича и Анастасии Гедиминовны должен был стать своего рода противовесом галицкой династической комбинации.

Можно полагать, что хан высказал свою мысль Калите во время его пребывания в Орде зимой 1331/32 года. Вернувшись домой, Иван Данилович принялся за дело. Более года ушло на переговоры с Гедимином, на засылку сватов и путешествие невесты из Вильно в Москву.

Что касается отца невесты великого князя Литовского Гедимины, то и он возлагал на этот брак большие надежды. Ему нужен был покой на восточной границе для того, чтобы иметь свободные руки в войне с Орденом. Впереди он видел также тяжелую борьбу с Польшей за юго-западные русские земли. Московские родственники могли стать хорошими посредниками в отношениях с Ордой, которую Гедимин в это время предпочитал не задевать.

Таким образом, женитьба старшего сына Калиты стала большим политическим событием. Она оказалась одним из узловых моментов в истории Восточной Европы в 1330-е годы. Особое значение, которое придавалось этому браку, отразило и летописное известие о нем. «Тое же зимы приведена бысть князю Семену Ивановичу княжна из Литвы, именем литовьским Аигуста, и крестиша ю, и наречена бысть в святом крещении Анастасия; и бысть брак велик на Москве, свадьба князю Семену, а князь Семен тогда был семинатцати лет» (25, 92). Торжественно-витиеватый характер этого сообщения, уникальная формулировка «брак велик» явно свидетельствуют об особом значении события в глазах современников.

Но более всех радовался на свадебном пиру сам князь Иван Данилович. Он очень хотел «тишины» в отношениях со своим могущественным соседом великим князем Литовским Гедимином. Война с Гедимином была бы для Ивана подлинным бедствием. Справиться с ним в одиночку он не мог, а звать на помощь татар не хотел, зная, что от их буйных полчищ пострадали бы прежде всего сами московские земли. Конечно, ни один брак не давал гарантий от военных столкновений между родственниками жениха и невесты. Однако семейные

связи, несомненно, увеличивали возможность избежать войны или побыстрее ее прекратить.

Брак князя Семена Ивановича с Анастасией Гедиминовной (как и брак Дмитрия Тверского) не имел, однако, тех последствий, которых от него ожидали. Первым ребенком в их семье стала дочь, названная Василисой. Она родилась в 1334 или 1335 году. Летописи об этом умалчивают, однако известно, что в 1349 году Василиса была выдана замуж за князя Михаила Васильевича Кашинского — внука казненно-го в Орде в 1318 году князя Михаила Тверского (138, 88).

В 1337 году у княжича Семена родился наконец первенец-сын, нареченный Василием. Московские летописи отметили это важное событие: «В лето 6845 (1337) месяца априля в 12 день князю Семену Ивановичу родился сын, и нарекоша имя ему Василие» (25, 92). Княжич родился в Лазареву субботу, канун Вербного воскресенья. По месяцеслову 12 марта была память исповедника Василия Парийского — византийского святого, известного своей борьбой с иконоборцами. То было счастливое совпадение. Калита, должно быть, очень хотел, чтобы его внук, которому готовилось великое будущее, носил царское имя. Равным образом и внучка была названа Василисой (в переводе с греческого — царственная), конечно, не только по случайности срока рождения.

Так часто, наверное, видел князь Иван в мечтах своего плачущего в колыбели внука на престоле великого русского царства! Но жизнь еще раз напомнила ему горькую библейскую истину: «Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом» (Притчи, 19, 21). Внук Калиты, с которым связывали столько надежд, умер через год после рождения. Вторым сыном у князя Семена и княгини Анастасии родился только в 1341 году. Он умер в тот же день, но его успели все же окрестить и назвать Константином. А еще через четыре года, 11 марта 1345 года, умерла и сама Анастасия Гедиминовна. Идея династического сближения Москвы и Вильно потерпела неудачу по причинам, не зависевшим от воли людей.

Время показало, сколь прозорлив был князь Иван в своих опасениях относительно Литвы. Именно нашествие литовцев в 1368 году и последовавшая за ним пятилетняя война оборвали ту «великую тишину», которую установил Калита. Но когда литовцы всей своей силой навалились на Москву — она уже достаточно окрепла, чтобы выдержать этот натиск.

Два основных завета Калиты — мир с Ордой и мир с Литвой — стали путеводными для московской дипломатии на полтора столетия. Руководствуясь этими принципами, мос-

ковские правители сумели объединить Северо-Восточную и Северо-Западную Русь и к концу XV века поднять Московию на ту ступень могущества, с которой открывались уже совершенно новые горизонты.

Но вернемся к новгородским делам князя Ивана. Потерпев неудачу в своей попытке договориться с Калитой о мире во время встречи в Переяславле летом 1333 года, новгородский архиепископ Василий Калика решил «разыграть литовскую карту». Незадолго перед тем Василий совершил поездку в Юго-Западную Русь к митрополиту. Во время этого путешествия владыка мог подробно изучить расклад политических сил в Литве и вокруг нее. Он имел даже личную встречу с великим князем Гедимином, которая носила весьма своеобразный характер. Согласно летописи, архиепископ и его свита в Литве были схвачены и брошены в темницу. «Гедимен Литовский поима их на миру, и в той неволе дали слово правое сыну его Нариманту на пригороды на новгородцкия Ладогу и Орехов городок, и Корельскую землю и половину Копорья ему и детям его в вотчину и в дедину, и тако отпустиша их» (22, 204).

Смысл политики Гедимины совершенно ясен. Прибрав к рукам Псков с помощью Александра Тверского, литовский князь собирался теперь проделать то же самое с Новгородом при помощи своего старшего сына.

Конечно, обещания, данные новгородскими представителями под угрозой темницы, стоили не многого. Владыка вполне мог отречься от них, вернувшись домой. Однако он решил слегка попугать московского князя возможностью сближения Новгорода с Литвой. Не исключено, что вся эта история с пленением послов и их вынужденным согласием на предоставление важнейших новгородских пограничных крепостей «в вотчину и в дедину» князю Наримонту Гедиминичу была тонкой инсценировкой, разыгранной архиепископом Василием. Новгородским правителям было выгодно балансировать между Москвой и Вильно. В условиях, когда ни Калита, ни Гедимин не собирались начинать большой войны, такая политика была особенно выигрышной для Новгорода. Однако она требовала определенного камуфляжа, так как для православного архиепископа и его паствы было непозволительным делом сотрудничать с «погаными огнепоклонниками» — литовскими князьями. Кроме того, Новгород временами остро ощущал над собой тяжелую десницу хана Узбека. Правитель Орды очень не любил, когда его подданные

проявляли излишнюю самостоятельность в политических вопросах...

Литовский флирт новгородцев начался с того, что архиепископ Василий сразу по приезде из Переяславля отправился во Псков. Этот город, фактически не признававший над собою власти Орды, принял у себя князя-изгнанника Александра Тверского. «Отъехав» на полтора года в Литву весной 1329 года, Александр вновь вернулся во Псков и княжил здесь «из литовской руки». Формально он все еще находился под отлучением, которое наложил на него митрополит Феогност в 1329 году. Однако об этом никто, в том числе и сам митрополит, предпочитал не вспоминать.

Псковичи были очень обрадованы приездом Василия Калики и приняли его «с великою честью» (10, 345). Последний раз глава новгородско-псковской епархии был во Пскове семь лет назад — в 1326 году. Потерпев неудачу в своей попытке получить собственного епископа, псковичи рады были восстановить нормальные отношения с новгородским архиепископом. Приезд владыки Василия во Псков означал прекращение церковно-политической изоляции города. Более того, псковичи увидели в этом событии предвестие надвигающихся больших перемен. Архиепископ встретился с князем Александром Тверским и в знак дружбы окрестил его новорожденного сына. Из этого можно было сделать заключение, что Новгород решил прочно сойтись с Литвой.

Имя, данное при крещении сыну тверского князя, — Михаил — указывает на время его рождения и, следовательно, на время приезда во Псков владыки Василия — осень 1333 года. (Михайлов день отмечался 6 сентября и 8 ноября.)

Пройдут годы, и этот младенец, рожденный в свободном Пскове, крещенный, а позднее и воспитанный вольными новгородцами, станет правителем всей Тверской земли, великим князем Михаилом Александровичем. Он будет непримиримым врагом московского княжеского дома и попортит много крови потомкам Калиты. При этом он же в 1372 году учинит такой небывалый по своей жестокости разгром новгородских земель, который заставит содрогнуться современников. Но «всеу свое время, и время всякой вещи под небом: время родиться, и время умирать» (Екклесиаст, 3, 1).

Вторым действием политической игры, начатой новгородцами против Калиты, стало прибытие на берега Волхова литовского князя Наримонта Гедиминовича в октябре 1333 года. Эта вызывающая по своей сути акция также была обставлена некоторыми декоративными инсценировками.

Согласно Новгородской летописи, князь хотел приехать в город с духовной целью — «поклониться святей Софеи». Новгородцы послали к нему своих послов с официальным приглашением. Он приехал, был встречен с честью и решил принять крещение с именем Глеба. После этого он целовал крест на верность Новгороду и получил в управление обещанные ему во время литовского плена новгородского владыки пригороды. Новгородцы, в свою очередь, присягнули на верность Наримонту-Глебу.

Надеясь на помощь со стороны Литвы, новгородское правительство в то же время продолжало укреплять город. В 1334 году над каменными стенами поднялись высокие деревянные «заборолы» — башни и навесы. Руководителем строительства по-прежнему выступал сам архиепископ.

Между тем князь Иван зимой 1333/34 года побывал в Орде. Хан вызвал его к себе для каких-то объяснений. Возможно, причиной вызова стали новгородские дела. Узбека не могли не беспокоить сведения о литовских сношениях новгородцев, об их примирении с Псковом и сидевшим там Александром Тверским. Такие сведения он, несомненно, получил от своих осведомителей уже осенью 1333 года. Служба стратегической разведки была хорошо поставлена в Монгольском государстве еще со времен Чингисхана.

Вызов в Орду привез князю Ивану ханский «посол Саранчюк». Не медля ни дня, Калита отправился к степному «царю Азбяку». Это была его первая «ордынская» разлука с княгиней Ульяной. Что говорил он ей на прощание? Какие слова доносил ветер вслед уходящим в снежную мглу всадникам? Бог весть...

Поездка в степи на этот раз не была долгой и обошлась вполне благополучно. Вероятно, князь Иван заплатил недостающую сумму «закамского серебра» из собственного кармана или же собрал ее со всех русских князей.

По замечанию летописца, Калита вернулся домой «с пожалованием и с честью» (22, 206). Несомненно, хан одарил князя по случаю бракосочетания его старшего сына и прислал подарки молодоженам.

Вернувшись домой и отпраздновав свадьбу Семена, Калита начал распутывать новгородский узел. Вероятно, по его просьбе митрополит Феогност вступил в переговоры с Василием Каликой во Владимире. Он пригласил его к себе для участия в поставлении нового сарайского епископа, однако использовал эту встречу и для обсуждения политических событий. Исследователь хронологии русских летописей Н. Г. Бережков полагает, что переговоры во Владимире имели

место в марте — августе 1334 года (47, 295). О содержании переговоров летопись, конечно, умалчивает. Известно только, что смекалистый новгородец явился к самолюбивому и скуповатому византийцу «со многими дары и с честью» (22, 207). Видимо, Василий предчувствовал, что разговор будет тяжелым...

Посредничество митрополита Феоноста вновь, как и во время псковского похода 1329 года, принесло князю Ивану успех. Архиепископ Василий от имени новгородского правительства согласился на выплату «закамского серебра». Новгородские летописи умалчивают об этом событии. Молчат об исходе спора и московские летописцы. Свет проливает лишь провинциальная Коми-Вымская летопись. Под 1333 годом она сообщает: «Князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, почто устюжци и ноугородци от Вычегды и от Печеры на дают чорный выход ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру, и с тех времен князь московской начал взымати дани с пермские люди» (140, 101).

Летописец в этой записи вплотную сблизил завязку и развязку конфликта. В жизни между ними пролегло более двух лет драматической борьбы, прибавившей немало седых волос в бороду князя Ивана Даниловича.

Осенью 1334 года в Москву прибыло новгородское посольство во главе с тысяцким Варфоломеем Юрьевичем. Должно быть, именно он и привез великому князю «закамское серебро». Не случайно летопись отмечает, что Калита принял новгородцев на сей раз «с любовью» (10, 346).

Новгородские послы пригласили князя Ивана вновь посетить город и торжественно возобновить свое пребывание на новгородском столе. Иван не заставил себя долго упрашивать: «Он же приат моление их, иде в Новгород» (38, 88).

16 февраля 1335 года князь Иван Данилович приехал в Новгород. Архиепископ Василий встречал его с крестами и иконами перед воротами своей резиденции на Софийской стороне. Почему Калита выбрал для своего въезда в город именно этот день: ничем не примечательный четверг, отмеченный в церковном календаре лишь памятью малоизвестного мученика Памфила? Выбор «скоромного» дня понятен: князь Иван собирался отметить свой приезд добрым застольем с новгородскими боярами. Кроме того, это был канун дня памяти великомученика Феодора Тирона — знаменитого змеборца, образ которого в период ордынского ига приобрел особое, героико-патриотическое содержание. Со времен Чингисхана дракон (он же — крылатый змей) изображался на

монгольских знаменах. Древний китайский символ счастья стал для русских людей знаком беды. Победители змия Георгий Победоносец и Феодор Тирон чтятся как заступники от татар (117, 124).

Несомненно, князь Иван учитывал настроения вольных новгородцев, горячо почитавших великомученика Феодора Тирона. Да и сам он, оставаясь ханским подданным, в конечном счете работал для будущего освобождения страны от власти «поганных».

Вероятно, сам акт торжественной интронизации князя Ивана в Новгороде состоялся в воскресенье 19 февраля в Софийском соборе. В это воскресенье («неделя о блудном сыне») церковь вспоминала вавилонский плен иудеев. Под сводами древней Софии звучал скорбный и величественный напев 136-го псалма, столь созвучный чувствам русских людей того времени. «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали» (Псалтирь, 136, 1).

Приезд князя Ивана в Новгород имел большое политическое значение. Уже самое его появление на берегах Волхова заставило уехать оттуда литовского князя Наримонта-Глеба Гедиминовича. Впрочем, он оставил в новгородских пригородах своих наместников, которых Калита благоразумно не тронул. Ему вообще не удалось полностью разбить тревоживший его новгородско-псковско-литовский альянс. Желая основательно рассорить Новгород со Псковом, князь Иван стал уговаривать новгородцев предпринять вместе с ним и со всей «низовской» силой новый поход на Псков. Основанием для войны, как и в 1329 году, было пребывание во Пскове опального князя Александра Тверского. При этом князь Иван ссылался на ханский приказ и на угрозу татарского нашествия в случае его неисполнения.

Однако новгородские бояре отказались воевать со Псковом. Им не хотелось закрывать себе дорогу на запад. Дело ограничилось лишь разрывом прежнего новгородско-псковского договора, заключенного во время визита во Псков архиепископа Василия в 1333 году. Калита мог быть доволен лишь тем, что новгородцы великодушно оставили ему оправдание перед ханом: поход на Псков был всего лишь «отложен».

Весной 1335 года архиепископ Василий продолжил строительство новгородских каменных стен. На сей раз он решил укрепить правобережную, Торговую сторону. Согласно летописи, князь Иван был свидетелем этого события. «Того же лета заложи владыка Василии со своими детьми, с посадником Федором Даниловицем и с тысячким Остафьем и со всем

Новым городом, острог камен по одной стороне, от Ильи святого к Павлу святому, при великом князи Иване Даниловичи» (10, 346). (В этом сообщении летописец запечатлел характерную особенность новгородского диалекта: замена «ц» на «ч» и наоборот.)

С грустью смотрел князь Иван на закладку еще одного пояса новгородских каменных стен: у себя в Москве он имел лишь изъеденный пожарами старый деревянный Кремль, помнивший времена Юрия Долгорукого...

Князю Ивану не было нужды долго гостить в Новгороде. Сделав все, что позволяли обстоятельства, он стал собираться в обратный путь. Довольные сдержанным поведением великого князя, новгородские бояре на прощание «почтиша его дары многими» (38, 88).

На обратном пути из Новгорода Калита неожиданно получил возможность показать новгородцам на деле, что дает им дружба с великим князем Владимирским. В Торжке он узнал, что некоторые новоторжские волости подверглись нападению литовцев. Удар был вероломным: Новгород имел тогда мир с Литвой. Вероятно, литовцы этим набегом хотели наказать новгородцев за их сближение с Москвой. Впрочем, это мог быть и обычный разбой.

Не медля, великий князь послал своих людей вместе с новоторжцами в ответный набег. Отойдя верст на 50 к юго-западу от Торжка, они разорили приграничные литовские городки Осечен и Рясну с прилегающими к ним волостями. Литовцы, видимо, были готовы к нападению и оказали сильное сопротивление. Несмотря на скромные масштабы этого конфликта, он стоил жизни многим: «...и убиша тогда литва много мужей добрых новгородцких, а литвы избиша без числа» (38, 88).

Вернувшись в Москву, князь Иван стал понемногу забывать горький осадок, оставшийся после новгородской поездки. Но судьба уже готовила ему новые испытания. 3 июля 1335 года вновь запылала Москва — всего через три года после страшного пожара 1332 года. Летописи несколько сбивчиво сообщают об этом событии. Новгородская Первая летопись говорит о пожаре Москвы под 1335 годом, но не дает точной даты (10, 346). Симеоновская летопись, лучше других сохранившая фрагменты раннемосковских летописей, указывает месяц и число, но из-за сдвига хронологии в этой ее части на два года вперед относит пожар к 1337 году (91, 141). Вот как дано здесь известие о пожаре: «Тое же весны месяца июня

в 3, на память святого отца Лукиана, бысть пожар на Москве, згорело церквей 18» (25, 92). Несчастье случилось в самый канун Троицына дня. Вместо дня радости он превратился в день плача.

Пожары были словно грозным окриком с небес, предупреждением сбившимся с пути истинного людям: «Сии же многы пожары бывають грех ради наших, да ся быхом покаяли от злюб своих; но мы на боольшая возвращаемся» (10, 371).

Деревянные города быстро поднимались из пепла. Лесу вокруг Москвы хватило бы и на десять новых городов. Да и в лес-то ездил далеко не каждый. Предусмотрительные торговцы продавали на посаде уже готовые избы, срубленные заранее и потом разобранные на бревна. Каждое бревно имело метку, указывавшую на его место в срубе. Из таких бревен избу можно было собрать за два-три дня.

Страшнее пожара была весть, прилетевшая из Пскова. Князь Александр Тверской отправил в Орду своего старшего сына Федора. Тот должен был от имени отца молить хана Узбека о прощении. Сама поездка тверского княжича была, конечно, результатом каких-то предварительных переговоров и перемен в настроениях хана. Выражая готовность принять сына мятежника, Узбек недвусмысленно показывал свое охлаждение к московскому великому князю. Все это могло иметь тяжелые последствия для московского дела.

Князь Иван знал, что очень многое в этом новом споре будут решать деньги. Проблема сводилась для него к двум вопросам: кто даст деньги Александру Тверскому и где взять денег ему самому?

Многое, если не все, зависело от позиции Новгорода. Он в это время был богат как никогда прежде. Почти каждый год здесь строились новые каменные церкви. Калита подозревал, что поездка Федора Александровича в Орду оплачена не только псковским, но и новгородским золотом. В Новгороде существовала сильная боярская партия, тянувшая к Литве и ее ставленнику Александру Тверскому. Время от времени эта партия устраивала в городе мятежи и беспорядки, пытаясь захватить власть. Однако основная часть новгородского боярства была настроена на сотрудничество с великим князем Владимирским. К тому же новгородцы слишком хорошо помнили о своих кровавых счетах с Михаилом Тверским и его старшим сыном Дмитрием.

Как бы там ни было, Ивану Даниловичу нужно было срочно переговорить с новгородскими правителями, попросить их поддержки в борьбе с тверскими князьями. Ехать для этого самому на Волхов было унижительно, а вести перегово-

ры через послов — сомнительно. И князь Иван нашел необычное решение. Он пригласил к себе в Москву всю новгородскую верхушку как бы в ответ на добрый прием, оказанный ему в Новгороде. «Золотые пояса» не заставили себя долго упрашивать: им самим хотелось переговорить с Калитой о происходящем. Осенью 1335 года «князь великийи позва владыку к собе на Москву на честь, и посадника и тысячкого и вятших бояр; и владыка Василии ездив, и чести великойи много видел» (10, 347).

Не знаем, насколько успешными были переговоры Калиты с новгородской знатью в Москве. Однако его опасения относительно Александра Тверского быстро сбывались. Поездка Федора Тверского в Орду прошла успешно и стала началом возвращения его отца на общерусскую политическую арену. Эту историю на основании летописей, часть которых не сохранилась до наших дней, подробно излагает В. Н. Татищев. «Князь великий Александр Михайлович, видя себя и свои чада отчины лишен, и умысли со псковичи, посла во Орду сына своего Федора с дары просити хана Азбяка, дабы дал ему отчину его или некие волости детям его. И егда прииде Феодор Александрович во Орду к хану Азбяку и просил его со слезами многими об отцы своем, хан же отвесча: «Аще отец твой сам приидет с виною и просит, тогда не отыдет от меня без милости». И с тем отпусти его, и с ним отпусти посла своего. И того же лета прииде из Орды князь Федор Александрович во Тверь, а с ним посол ханский Авдул» (38, 88).

Глубоко встревоженный политическим воскрешением своих старых соперников, князь Иван зимой 1336/37 года сам совершил поездку в Орду (47, 295). По свидетельству летописи, он вернулся оттуда «с пожалованием и с честию» (22, 207). Однако остановить процесс, начатый поездкой Федора Тверского ко двору Узбека, Калита был не в состоянии. Казалось, хан решил вернуться к прежней, традиционной схеме: соперничеству двух сильнейших русских князей при минимальном перевесе одного из них.

Стиснув зубы, князь Иван наблюдал за действиями Александра Тверского. Помешать им он был не в силах, ибо на то была воля хана. Говорит Никоновская летопись: «Того же лета (1336. — Н. Б.) князь велики Александр Михайлович Тверский поиде изо Пскова во Тверь и, взем сына своего князя Федора, паки возвратися во Псков. Того же лета князь велики Александр Михайлович Тверьский начя тужити и скорбети, живя во Пскове, глаголя сице: «Аще прииму смерть zde, что убо ми будет и детем моим? Ведят бо вси языци (все народы. — Н. Б.) яко отбежа княжения своего и смерть приа, и

тогда дети мои лишены будут княжения своего. Лутчи убо ми умрети Бога ради, неже зле жити» (22, 207).

Александр Тверской отправил послов к митрополиту Феоносту. Тот прислал ему от себя и всех епископов благословение и совет ехать в Орду на поклон к хану. Однако опальный князь не спешил отправляться в путь, который некогда оказался последним для его отца.

Между тем князь Иван хорошо понимал, что только деньгами, «данными новгородскими», он может остановить восхождение Александра Тверского. Вернувшись из Орды, он снова вспомнил о каких-то подлинных или мнимых долгах новгородцев и решил сам заняться их возвращением. В 1337 году он послал войско «на Двину за Волок» — во владения новгородцев, откуда шел основной доход пушного промысла. При этом он вновь нарушил присягу, скрепленную целованием креста. Но такие вещи никогда не проходят безнаказанно. И если верить новгородскому летописцу, московские воины на Двине «крестной силою посрамлены быша и ранены» (10, 348).

Однако во все времена отчеты об одних и тех же сражениях, представленные разными сторонами, очень сильно отличались. Московские летописцы (в изложении В. Н. Татищева) представляют эту кампанию как довольно удачную. «Великий князь Иван Данилович (в тексте ошибочно — Иван Иванович. — *Н. Б.*) прогневался на новгородцы за неисpravление их, посла на Двину за Волок дани взяти. Они же, взявше дани, идоша; а новгородцы с белозерцы, пришед, хотяху не дати, и бысть им бой, и тако разыдошася» (38, 89).

Но даже и сквозь оптимизм московских летописей угадывается слабый успех двинской экспедиции. Испортив отношения с Новгородом, Иван не получил в Заволочье большой добычи, столь необходимой ему для противодействия успехам Александра Тверского в Орде.

Впрочем, новгородцы по многим причинам не стали раздувать этот конфликт с Калитой. Они сами переживали тогда довольно трудные времена. Хрупкое равновесие, установившееся в 1335 году в треугольнике Москва — Новгород — Псков, было вскоре нарушено псковичами. В 1337 году (вероятно, уже после отъезда из Пскова князя Александра Тверского) псковичи отказались дать новгородскому архиепископу традиционный «подъезд» — право высшего апелляционного суда по духовным делам. Уехав из города ни с чем, владыка Василий проклял псковичей. Отныне Псков опять становился врагом Новгорода. Вновь возникла опасность союза Пскова с Литвой или Орденом.

Другой неприятностью для новгородцев стало нападение «немцев» (так в новгородских летописях именуются все западные народы; в данном случае — шведы) и подвластных им корел на новгородские земли. В 1337 году нападению подвергся новгородский город Корела на западном берегу Ладожского озера. На следующий год новгородский посадник попытался миром уладить дело со шведами и с этой целью ездил в Ореховец на переговоры со шведским воеводой Стеном. Но шведы не пошли на мир. Они совершили новый набег на приладожские земли и даже попытались захватить внезапной атакой крепость Ладогу. Последнее им не удалось, но ущерб новгородской торговле и промыслам был нанесен большой. В ответ «молодцы новгородстеи с воеводами» совершили набег на карельские области, находившиеся под контролем шведов. Рейд завершился удачно: «И много попустошиша земли их и обилье хлеб пожгоша и скот иссекоша, и приидоша вси здравии с полоном» (10, 349).

Шведы предприняли в том же 1338 году ответный удар. Они вторглись в Водскую землю, но были отбиты отрядом, вышедшим навстречу им из Копорья. После этого шведы начали мирные переговоры. Зимой 1338/39 года из Выборга прибыли уполномоченные тамошнего воеводы Петрика. Объявив конфликт в Приладожье результатом самоуправства местных военачальников, они заключили мир с Новгородом, подтвердив условия Ореховецкого договора 1323 года.

Все эти события наглядно показали новгородцам, что Литва не собирается помогать им в борьбе со шведами. Князь Наримонт-Глеб, приглашенный в 1333 году именно для управления пограничными крепостями Ладогой, Корелой, Орешком и Копорьем, не только сам отсиживался в Литве, но даже своего сына Александра спешно отозвал из Орешка. В крепостях он оставил только своих наместников с поручением собирать причитающиеся ему платежи. Вероятно, Наримонт имел соответствующие указания от Гедимины, не желавшего портить отношения со Швецией.

Неудачное сотрудничество с литовцами лишило новгородцев возможности воспользоваться покровительством великого князя Владимирского. И если Юрий Данилович в свое время не щадя сил бился со шведами за интересы Новгорода, то теперь его брат Иван лишь посмеивался у себя на Боровицком холме, наблюдая за ходом новгородско-шведской войны.

В конце концов многие в Новгороде стали поговаривать о необходимости более прочного союза с Калитой. К положенному сроку в 1339 году новгородцы загодя приготовили для

великого князя ордынский «черный бор» и со своим посольством отправили его в Москву. Однако ордынские неурядицы вновь заставили князя Ивана положить камень в протянутую руку Новгорода...

Новгородские отношения и заботы отступали на второй план перед смертельной враждой князя Ивана с Александром Тверским. В этой подготовленной Ордой усобице в ход шли любые средства. Ставка была очень велика. В сущности, на карту было поставлено будущее обоих княжеских домов. И потому не исключено, что пожар Москвы накануне Троицына дня в 1335 году был делом рук поджигателей, подкупленных тверичами. На другой год последовал ответ: страшный пожар во Пскове, где княжил тогда Александр Тверской. Псковский посад выгорел «весь, что ни есть дворов за стеною и церковей» (10, 347). Странное совпадение: Псков, как и Москва в 1335 году, вспыхнул в канун двенадцатого праздника — Рождества Богородицы (47, 295). Теперь настало время псковичам и их князю Александру в день веселья рыдать на пепелищах. А на следующий год снова запылала Москва. Здесь летом 1337 года одних только церковей сгорело сорок одна (38, 89). Иначе говоря, этот пожар почти вдвое превзошел пожар 1335 года по своей разрушительной силе. Страшный ливень погасил огонь, но затопил имущество москвичей, вынесенное из горящих домов или спрятанное от пожара в подвалы. «Того же лета Москва вся погоре; и тогда же наиде дождь силен, и потопе все, иное в погребех, иное на площадех, что где выношено» (10, 348). Понятно, что каждый такой пожар наносил тяжелый удар по благосостоянию города и его правителей.

Московский пожар стал хорошей новостью для Александра Тверского. Занятые восстановлением города москвичи не могли в полной мере выплатить свои долги Орде. Между тем сам Александр осенью 1337 года решился наконец на рискованный шаг и отправился с повинной в Орду.

Тверской князь поехал к хану, находясь в состоянии войны с великим князем Иваном Даниловичем (по выражению летописи — «не укончав с князем с великим с Иваном с Даниловичем») (25, 92). И потому, прежде чем попасть в Орду, ему пришлось сделать большой крюк, объезжая стороной земли, находившиеся под властью великого князя Владимирского. Александр предполагал (или знал), что Калита выслал заставы с приказом перехватить его на пути из Пскова в Нижнее Поволжье. Именно так в 1304 году пытался оста-

новить на пути в Орду своего соперника Юрия Московского князь Михаил Тверской. Так и сам Александр в 1322 году захватил казну и обоз Юрия, но упустил его самого. Теперь настал черед тверского князя остерегаться вражеских засад.

«Обойдя всю землю Русскую» (то есть, очевидно, проехав через Литву и Киев), Александр Тверской явился в Орду и ударил челом хану. Тверская летопись так передает его показную речь: «Господине царю! Аще много зло сотворих ти, во всем есмь пред тобою, готов есмь на смерть» (23, 48). В ответ хан ободрил князя: «Аще тако еси сотворил (то есть пришел с повинной. — Н. Б.), то имаши живот получитьи, многы бо послы слах, не приведоша тя».

Узбек «пожаловал» князя Александра: разрешил ему вернуться в «отчину свою» — тверскую землю.

В начале 1338 года Александр Михайлович в сопровождении «сильных послов» Киндяка и Авдула вернулся в Тверь и торжественно взошел на престол своего отца. Младший брат Александра Константин, княживший в Твери в 1328—1337 годах, безропотно удалился в свой Клинский удел (91, 184). Впрочем, не только он, но и сам Иван Калита не посмел воспрепятствовать возвращению Александра.

Пребывание татарских «сильных послов» (то есть послов с большим отрядом сопровождения) разоряло и возмущало тверичей. От этих незваных гостей «много сотворишеться тягости христианом» (23, 48). Отвыкнув от татарского произвола, многие бояре Александра Тверского, по свидетельству летописи, покинули своего патрона и перебрались на службу к Ивану Калите. Вероятно, так поступили и бояре прежнего тверского князя Константина Михайловича, не пожелавшие сидеть с ним в его захолустном Клинском уделе, от которого было рукой подать до московской границы. Раздоры среди тверского боярства усугублялись тем, что за десять лет жизни во Пскове и Литве князь Александр обзавелся новыми любимцами, заносившимися перед старой придворной знатью.

Калита радушно встречал перебежчиков, находил каждому достойное место в кругу своих бояр. Широкое гостеприимство было одной из основ московской политики. Ведь каждый человек мог стать той песчинкой, которая потянет чашу весов в нужную сторону...

Татарские послы пробыли в Твери все лето 1338 года. Тогда же состоялись и какие-то переговоры между Калитой и Александром Тверским. Соперники через послов обсуждали вопрос «о вотчине», но «не dokonчаша и мира не взяша» (22, 208). Легко догадаться, что «вотчиной своей» Александр считал не только Тверь (здесь его уже утвердил хан, с решением

которого Калита спорить не мог), но и великое княжение Владимирское. В свое время великое княжение занимали отец, дед и прадед тверского князя. Среди князей того времени никто не мог с большим основанием претендовать на Владимир исходя из династических расчетов, нежели Александр.

Александр мог бы, конечно, и остановиться на достигнутом, заняться тверскими делами и не искать великого княжения Владимирского. В этом случае он, вероятно, избежал бы своей трагической участи. Однако подобное смирение было выше его меры. Он не сумел свернуть с дороги, проторенной его отцами и дедами. Историк тверского княжества В. С. Борзаковский справедливо заметил: «Виноват был Александр в том, что в последствие времени, получив прощение в Орде и вернув Тверь, поднял спор с Москвой и за то погиб сам в Орде» (50, 132).

Хан Узбек, следуя старой ордынской традиции, не спешил определять свое мнение в вопросе о великом княжении Владимирском. Орде выгодно было устроить своего рода аукцион, где побеждал тот, кто обещал заплатить наибольшую сумму. В свою очередь, Александр страстно желал получить Владимир. Дело заключалось не только в честолюбии и властолюбии: тверского князя мучили долги, расплатиться с которыми он надеялся при помощи великокняжеской владимирской казны. В «Истории» Татищева находим уникальное свидетельство на сей счет: «Бывшу же Александру Михайловичу в Немцах и Литве, тогда мнози истязаху от него многи дары и обеты, прирекающе ему помогати, но ничто полезно ему сотвориша. И он, отдав имения своя, живяше во странех чюжих в велием убожестве и нищете. И егда прият от хана княжение Тверское... тогда тии немцы и литовстии вельможи прошаху от него обетов. Он же, яко ведый себя неповинна и не имуща, что дати, разорено бо еще бе и княжение его, отказа им, а инех проси, да пождут до исправы» (38, 89).

Выдвинув соперника московскому великому князю, хан занял выжидательную позицию. Он с удовольствием искусленного зрителя наблюдал за тем, как разворачивалась очередная схватка русских князей.

Уразумев позицию хана, тверской князь решил действовать так, как действовали все его предшественники по борьбе за великое княжение Владимирское. Осенью 1338 года он отправил в Орду с ханским послом Авдулом своего старшего сына Федора. Тверской княжич поселился в ханской ставке в качестве одновременно и представителя своего отца, и заложника. Сопровождавшие Федора бояре должны были

следить за настроениями ханского двора, мешать интригам сторонников Москвы, словом, прикрывать своего князя со стороны Орды. А в это время сам Александр Тверской готовился к войне. Он собирал вокруг себя всех недовольных возвышением Калиты, «насилованием» его воевод в зависимых от Москвы землях.

Многие приходили под знамена Александра Тверского уже потому, что сочувствовали его жизненному пути. Князь-мятежник, десять лет враждовавший с ханом; друг могущественных литовских князей и предводитель вольных псковичей; сын князя-мученика, отдавшего жизнь за веру и отечество, — кто еще из русских князей того времени мог похвастаться таким прошлым?! Несмотря на унижительное покаяние Александра Орде, многие видели в нем героя и патриота — прямую противоположность Ивану Калите, достигшему успеха благодаря беспрекословной покорности «поганым». Конечно, князю Ивану было чем ответить на упреки своих недругов, было чем гордиться как правителю всей Северо-Восточной Руси. И все же в ярком ореоле Александра Тверского тускнели скромные добродетели московского реалиста. Иван работал для будущего, а такие люди редко пользуются популярностью у современников.

К Александру потянулись все униженные и оскорбленные Калитой. Был среди них и лихой рубака князь Романчук Белозерский, и другой зять Калиты — Василий Давыдович Ярославский; были, вероятно, и обиженные московским засильем ростовские князья.

Появление антимосковской коалиции грозило вернуть страну ко временам усобицы между старшими сыновьями Александра Невского. Тогда каждый из соперников создавал свою «партию», и вся Северо-Восточная Русь постепенно оказалась втянутой в междуусобную борьбу, переплетавшуюся с татарскими «ратями». Мог ли князь Иван последовать этому примеру? Мог ли отдать на волю слепой военной удачи все, что было достигнуто за десять лет неустанных трудов? Александр Тверской восстал не против одного только московского князя — своего старого врага и соперника; он замахнулся на ту «великую тишину», в соблюдении которой Калита видел свое провиденциальное назначение. И потому первой заботой Калиты было не допустить войны, перенеся дело на суд Орды. Понимая, что и приговор Орды может открыть дорогу войне, князь Иван хотел добиться радикального решения — казни Александра Тверского.

Искать свидетельства (или лжесвидетельства) измены Александра Тверского Орде следовало на западе, в Литве. Вся

сеть московской разведки была поставлена на ноги. И кажется, эти люди свои деньги получали не зря...

Уникальное известие Татищева о литовских кредиторах Александра Тверского позволяет понять общий замысел Калиты. Разыскав кредиторов, потерявших надежду вернуть свои деньги, московские агенты обещали им возместить ущерб, но при одном условии: пострадавшие должны были устно или письменно обвинить Александра Тверского перед ханом. Конечно, Узбека мало интересовали неоплаченные долги его русского вассала виленским или рижским купцам. Однако ясно, что озлобленные кредиторы, подученные московской разведкой, примешивали к финансовым претензиям политические обвинения. Самым тяжким из них могло быть обвинение Александра в связях с Литвой после покаяния в Орде и возвращения в Тверь.

Искушенный в интригах хан, конечно, понимал, «откуда дует ветер». Однако и Калита был мастером интриги. Обвинения кредиторов чередовались с жалобами и заявлениями русских князей, тайно сотрудничавших с москвичами. «И аще (хотя. — *Н. Б.*) хан отсылая их (кредиторов. — *Н. Б.*), но чрез князей толико наполниша уши ханский горести и гнева, яко оскорбися до зела» (38, 89).

Неизвестно, какими именно аргументами или документами князь заставили хана «оскорбиться до зела». Вероятно, самые сильные из них представил Узбеку сам Иван Калита, явившийся в Орду вместе с двумя старшими сыновьями в начале 1339 года. Судя по последующим событиям, можно думать, что речь шла о литовско-тверском сговоре, направленном против Орды. Вероятно, московский князь сумел добыть (или сфабриковать) какие-то документы на сей счет.

Впрочем, речь тогда шла не только об «измене» Александра Тверского. Этот визит Калиты к хану отличался какой-то особой значительностью и торжественностью. По мнению многих историков, князь Иван во время этой поездки не только представил хану своих старших сыновей, но и предложил для утверждения «духовную грамоту» — завещание.

Дальновидный князь Иван включил в свое завещание даже распоряжение о том, что делать наследникам в случае, если татары отнимут у одного из них часть владений. При таком несчастье следует проявить смирение, а пострадавшему выделить понемногу из наделов всех других наследников.

Особый, итоговый характер своей последней поездки в Орду в 1339 году князь Иван мог обосновать только двумя причинами: тяжкая болезнь, предчувствие скорой кончины — или намерение принять монашеский постриг. Вероятно, само

по себе заявление Калиты о его намерении уйти с политической сцены было тонко рассчитанным действием. Этот ход должен был произвести впечатление на старого хана, заставить его благосклоннее отнестись к молодому предводителю московского княжеского дома князю Семену Ивановичу.

В ходе недолгого, но весьма важного по своим последствиям визита Калиты в Орду в 1339 году судьба Александра Тверского была предreshена. Хан вновь остановил свой качнувшийся выбор на московских князьях. Его насторожила не только личная неблагонадежность Александра Тверского, о которой так много говорили московские ходатаи. Один из самых выдающихся правителей Орды, хан Узбек умел заглянуть в будущее. Он хорошо понимал, что возвышение тверского княжеского дома неизбежно приведет к усилению антиордынских настроений на Руси. Дело было не в личностях, а в логике политических традиций и геополитических интересов. Тверь уже в силу своего географического положения выступала носителем «западнических» настроений в сообществе земель и княжеств, объединенных под эгидой великого княжения Владимирского. В условиях быстрого усиления Литвы передача великокняжеской власти тверским князьям могла привести к ослаблению контроля Орды над русскими землями. Игра с «помилованием» опального Александра Тверского была затеяна ханом главным образом для того, чтобы дать наглядный урок русским князьям, попугать Ивана Калиту и потешить собственное самолюбие. Теперь эта игра подходила к концу. Продолжать ее было не только бессмысленно, но и опасно для Орды.

Предшественники Узбека на ханском престоле любили создавать на Руси ситуацию двоевластия, борьбы двух соперничавших княжеских группировок. Это приносило ханской казне новые доходы и устраняло возможность объединения страны под единой властью. Возвышение Литвы заставило Узбека постепенно отойти от этой традиционной политики. Теперь Орде нужна была единая Северо-Восточная Русь, покорная Орде, но способная самостоятельно дать отпор Литве на всем протяжении русско-литовских границ. Московский князь Иван сумел убедить Узбека, что именно он и его потомки лучше других исполнят замысел хана. Конечно, Узбек понимал, что никакие клятвы не удержат московских князей от восстания против татар, если Орда утратит свою монолитность и силу. Но хан предпочитал не думать о плохом и гнал от себя черные мысли. В конце концов, он имел право на душевный покой: своим выбором в пользу Москвы хан лет на двадцать отсрочил Куликовскую битву. Не проиграл и

князь Иван. Сделав ставку на верность Орде, он помог своему внуку Дмитрию одержать победу на Куликовом поле...

Когда в степи зазеленела первая трава, князь Иван стал собираться в обратную дорогу. Последний раз пришел он в позолоченную юрту «повелителя всех, кто живет за войлочными стенами». Даже в своем роскошном дворце, выстроенном мастерами из Хорезма в центре многолюдной столицы Золотой Орды, хан держал посреди двора походную юрту и часто принимал посетителей именно в ней. Его почерневшее от степного солнца лицо было, как обычно, непроницаемо. Но Калита давно научился и под этой маской угадывать движения души. Сегодня хан был печален и задумчив. Он знал, что видит Ивана в последний раз.

Прощаясь с князем Иваном, Узбек подарил ему на память шапку-тюбетейку, сделанную из искусно спаянных золотых проволочек. В бесконечном кружеве ее узоров словно переплелись нити их общих судеб. Пройдут годы — и тюбетейка Узбека, слегка переделанная московскими умельцами, превратится в знаменитую «шапку Мономаха» — главный символ московской государственности (45, 20). Начисто забыв ее подлинное происхождение, московские придворные книжки составят легенду о том, как византийский император Константин Мономах прислал эту шапку в знак уважения своему внуку, киевскому князю Владимиру Мономаху. Но странный подарок ордынского хана был наделен тяжелой, таинственной силой. И, возлагая его себе на голову в день коронации, московские цари, сами того не ведая, становились наследниками древних повелителей степей...

Князь Иван вернулся в Москву «пожалован Богом и царем» (22, 92). Теперь хан вызвал к себе его тверского соперника. Новгородская Первая летопись под 1339 годом сообщает: «Ходи князь великий Иван в Орду; его же думою приславше татарове, позваша Александра и Василья Давыдовица Ярославьскаго и всех князии в Орду. Князь же Александр бе послал преже себе в Орду сына своего Федора, чая отголе вести; и присла по него цесарь, и поиде в Орду» (10, 349—350).

Другие летописи сообщают некоторые подробности этой трагической поездки. Опасаясь, что князь Александр, предупрежденный сыном об опасности, вновь уйдет в бега, Узбек отправил к нему своего посла, некоего Исторчея с наказом: «Иди в Русь, призови ми семо (сюда. — Н. Б.) князя Александра, не яростию, но тихостию» (23, 49). Явившись в Тверь, ханский посол стал уверять князя, что «царь» хочет передать

ему великое княжение Владимирское. Однако перед этим по обычаю должен был состояться суд, где будут рассмотрены все обстоятельства дела и выслушаны все свидетели.

Версия о суде казалась правдоподобной: в Орду поехали тогда многие русские князья и в их числе все три сына Калиты. Сам Иван остался в Москве, сославшись, вероятно, на недуги.

Тверская разведка имела сведения о намерении хана расправиться с князем Александром. Однако настроения хана менялись, и тверской князь, конечно, не жалел последнего золота, чтобы качнуть чашу весов в свою пользу. После долгих колебаний в самом конце лета 1339 года он все же решил ехать в Орду. У многих было такое ощущение, что они провожают Александра в последний путь. Тверское духовенство во главе с епископом, княгиня Анастасия с младшими детьми сопровождали его по Волге до устья речки Кашинки. Здесь стояла церковь Спаса, в которой отслужили напутственный молебен. Брат Александра Василий Михайлович ехал с ним еще дальше — до Святославля Поля, находившегося, вероятно, на месте нынешнего города Калязина (91, 160). Другой брат, Константин, не смог прибыть на проводы из-за тяжелой болезни, приковавшей его к постели.

После гибели князя Александра в Орде тверские книжники составили особую повесть об этом событии, занесенную в некоторые летописи. Согласно повести, поездка Александра в Орду была таким же самопожертвованием, как и последнее путешествие к хану его отца Михаила Тверского. Провидя свою судьбу, князь-мученик говорил: «Аще поиду во Орду, смерти предан буду; аще ли не иду к нему во Орду, да приидет от него рать и много христианства пленено и убиено будет. А вина тому всему аз и всяко от Господа Бога отмщение и казнь прияти имам. Лутче убо ми есть единому за всех смерть прияти» (38, 89).

Чудесная сила останавливала Александра на его пути в Орду. Встречный ветер на Волге был таким сильным, что тверские насады еле двигались вперед...

В Орде Александр по обычаю одарил хана и ханшу, всех влиятельных придворных. Сын Федор передал ему последние новости. Они были неутешительны. Князю оставалось только ждать и молить Бога о милости. Хан не спешил объявить свою волю. В тягостном ожидании прошел целый месяц. Одни говорили Александру, что хан хочет дать ему великое княжение Владимирское, другие предупреждали о скорой гибели. За три дня до казни князю был объявлен смертный приговор. Обреченный Александр то истово молил-

ся в походной церкви, то проклинал себя последними словами за доверчивость, то бросался обивать пороги своих прежних доброхотов. Но все было напрасно. Настал день казни — четверг, 28 октября 1339 года. Исповедавшись и причастившись святых тайн, отец и сын ждали страшного конца, распевая псалмы.

Наконец показалась толпа татар во главе с неким Черкасом. Татары подбежали к Александру, схватили его за руки, сорвали с него одежду. Нагой, со связанными руками он был поставлен перед ханским вельможей Товлубеем. Восседавший на коне Товлубей приказал своим подручным: «Убейте их!» Оба князя были тут же зарезаны ножами. Бросив тела на землю, палачи отрубили им головы.

При виде кровавой расправы приближенные и слуги князя в ужасе разбежались. Обезглавленные тела Александра и Федора долго лежали в пыли, собирая ворон и бродячих собак. Наконец хан разрешил подобрать их и, положив в гробы, отправить на Русь.

Мертвые уже не были опасны для Орды. Воздавать им последние почести не возбранялось. Во Владимире печальную процессию встретил митрополит Феогност. Вместе с собором местного духовенства он отслужил панихиду по погибшим. Затем тела князей через Юрьев-Польской повезли на Переяславль. Там им отдали последние почести ростовский епископ Гавриил и тверской владыка Феодор. Здесь же были и братья Александра Константин и Василий Михайловичи.

Из Переяславля похоронная процессия направилась в Тверь. Горожане встретили ее на подъезде, возле Михайловского монастыря. Они взяли из повозки гробы с телами отца и сына «и на главах несоша в град к святому Спасу» (23, 51).

Рассказ тверского летописца о гибели Александра Тверского и его сына Федора, о возвращении их останков через всю Северо-Восточную Русь обратно в Тверь, несмотря на свой лаконизм, зримо передает то глубокое потрясение, которое испытали свидетели и современники этой трагедии. Такого еще не бывало в северорусских княжеских семьях: сразу три поколения (дед, отец и сын) стали жертвами ханских палачей. Многие вспоминали о том, что и Ярослав Ярославич (прадед) умер на пути из Орды, а Ярослав Всеволодович (прапрадед) был отравлен татарами. Невольно возникала мысль о проклятье, тяготевшем над этой линией потомков Всеволода Большое Гнездо...

Гибель Александра Тверского и его сына легла мрачной тенью на историческую репутацию московских князей. Оче-

видно, что Калита приложил немало стараний, чтобы избавиться от опасного соперника руками ханских палачей. Однако не следует механически переносить в прошлое современную систему моральных оценок. Казнь тверских князей воспринималась людьми той эпохи прежде всего как Божий суд. Описывая их гибель, летописец содрогается не столько от самого зрелища крови и убийства, сколько от трепета перед грозным явлением Провидения. Хан Узбек — новый царь Навуходоносор. Он есть орудие Божьего промысла. Поэтому обвинять лично его в жестокости и прочих пороках — бессмысленно и нелепо. К тому же жестокая казнь есть такой же необходимый атрибут верховной власти, как и милосердие.

Средневековая концепция царской власти, которой руководствовались летописцы, четко изложена в библейской Книге Даниила. Пророк возвещает вавилонскому царю Вальтасару: «Царь! Всевышний Бог даровал отцу твоему Навуходоносору царство, величие, честь и славу. Пред величием, которое он дал ему, все народы, племена и языки трепетали и страшились его: кого хотел, он убивал, и кого хотел, оставлял в живых; кого хотел, возвышал, и кого хотел, унижал. Но когда сердце его надмилось и дух его ожесточился до дерзости, он был свержен с царского престола своего» (Даниил, 5, 18—20). Итак, царю позволено все, кроме одного: дерзости перед Богом. В его деяниях можно видеть исполнение высшей воли.

Только в этой провиденциальной системе представлений о судьбе и власти объяснима поразительная «бесчувственность» древнерусского летописца. Завершив рассказ о гибели Александра Тверского и его сына Федора жуткой подробностью: «и разоимани быша со ставом» (то есть палачи разрубили тела убитых князей по суставам, как разделявают животных), летописец в следующей фразе радуется благополучию тех, кто с точки зрения реальной истории был причастен к гибели тверичей. «А князя Семена и братию его с любовию на Русь отпустиша и приидоша из Орды на Русь пожалованы Богом и царем» (23, 51).

Как восприняли в Москве расправу хана с тверскими князьями? Конечно, сама жуткая сцена казни на всю жизнь осталась в памяти сыновей Калиты, находившихся тогда при ханском дворе. Они либо видели казнь своими глазами, либо слышали о ней подробные рассказы очевидцев. Однако трудно поверить некоторым современным романистам, рисующим дело так, будто Калита и его сыновья чувствовали себя убийцами тверских сородичей, стонали под тяжестью смертного греха, каялись ночи напролет в дворцовой молельне.

Едва ли это было так. Напротив, осенью 1339 года в Москве торжествовали победу и благодарили Бога за такой исход дела. Одна из летописей сообщает, что сыновья Калиты вернулись из Орды «с великою радостию и веселием» (22, 211). Конечно, они радовались не самой гибели Александра (ибо сказано: «Не радуйся смерти человека, хотя бы он был самым враждебным тебе: помни, что все мы умрем» (Сирах, 8, 8), а тому политическому облегчению, которое наступило в Северо-Восточной Руси с уходом этого неутомимого бойца.

Гибель Александра Тверского и его сына Федора была страшной. Но следует учесть и то, что люди Средневековья вообще были менее чувствительны к жестокости. Зрелище крови и страданий не вызывало у них столь сильного потрясения, как у современного человека. Смерть была скучной повседневностью в обществе, где большинство детей умирали в младенчестве, а средняя продолжительность жизни не превышала сорока лет. Да и сама грань между «быть» и «не быть» не ощущалась тогда с той болезненной остротой, которая присуща новому времени. Средневековые правители развлекали толпу зрелищем казни. Иногда такие действия устраивались с целью назидания. Александр Невский в 1257 году во Пскове устроил публичную казнь своих захваченных в плен недругов: одним палачи отрезали носы, другим выкалывали глаза. «Всяк бо зло дея зле да погибнуть», — назидательно замечает по этому поводу летописец, явно сочувствуя акции князя (10, 309). Враг должен погибнуть, иначе погибнешь ты сам — такова была аксиома того времени. Милосердие допускалось лишь как роскошь: в небольших количествах и там, где оно не могло повредить делу. Могли ли московские князья думать и поступать иначе?

Летописание не сохранило каких-либо упреков в адрес московских князей в связи с гибелью Александра Тверского. Упоминание Новгородской Первой летописи о том, что тверской князь был вызван в Орду «думую», то есть по замыслу Ивана Калиты, есть лишь констатация факта. Действительно, московский князь хотел вынести на суд Орды свой спор о власти с Александром Тверским, грозивший полыхнуть общерусской кровопролитной усобицей. И каждый из них делал все возможное, чтобы чаша весов этого суда склонилась в его пользу. Показательно, что и «Повесть об убиении Александра Тверского», сохранившаяся в составе некоторых летописей, далека от каких-либо политических обвинений. Ее тема — гибель двух благочестивых христиан, отца и сына, от рук «поганных» татар. Мораль повести — чисто христианская идея гибели «за ближних своих».

Если бы Иван Калита был только лишь «выдающимся государственным деятелем», он вполне мог бы успокоить свою совесть рассуждением о необходимости державной жестокости для общего блага. Однако он был не политик, а «царь последних времен». И потому своих оправданий он искал не в тусклом свете здравого смысла, а в ослепительных вспышках пророческих откровений. Он видел гибель иудейского царя Седекии, который послушался пророка Иеремии и выступил против царя Вавилонского. «И заколол царь Вавилонский сыновей Седекии в Ривле перед его глазами, и всех вельмож Иудейских заколол царь Вавилонский, а Седекии выколол глаза и заковал его в оковы, чтобы отвести его в Вавилон» (Иеремия, 39, 6—7). Он слышал, как говорит с Иеремией Господь Саваоф: «Кто обречен на смерть, тот предан будет смерти; и кто в плен, пойдет в плен; и кто под меч, под меч» (Иеремия, 43, 11)...

В 1339 году произошел важнейший перелом в истории русско-ордынских отношений, а вместе с ним — и в истории формирования единого Русского государства. Казнь Александра Тверского знаменовала окончательный отказ Орды от политики «разделяй и властвуй» внутри Северо-Восточной Руси и переход к той же политике, но в масштабе всей Восточной Европы. По многим причинам, среди которых далеко не последнюю роль сыграла тонкая политика Ивана Калиты, Орда решила отдать предпочтение московским князьям, дать этой династии возможность консолидировать Северо-Восточную Русь под эгидой великого княжения Владимирского.

Три тяжких удара — казнь князя Михаила Ярославича (1318), «Федорчукова рать» (1328) и гибель в Орде князя Александра Михайловича и его сына Федора (1339) — положили конец длившемуся около столетия расцвету Твери. Центр политической и духовной жизни Северо-Восточной Руси, переместившийся в конце XIII века из Владимира в Тверь, теперь вновь переместился, но уже из Твери в Москву.

Князь Иван остро ощутил эту историческую перемену. Человек своего времени, он захотел отметить ее каким-нибудь символическим торжественным действием. Зимой 1339/40 года такое действие состоялось...

Символом достоинства всякого средневекового города, его гордостью, если угодно — его душой был колокол. Горожане относились к колоколу как к живому существу, давали ему

имя. Согласно древнему поверию, звон колокола отгонял злые силы. На Руси в эпоху Калиты лишь немногие крупные города могли позволить себе такую роскошь, как колокола. Но и в больших городах они имелись обычно только на соборной колокольне. Прочие церкви довольствовались повешенными на ремне железными или медными досками («било»). Когда нужно было созвать прихожан на богослужение, в эти доски изо всех сил били молотом.

Колокола соборной колокольни различались соответственно их церковному назначению: «благовестный», «звонный», «красный», «трапезный». Другие колокола исполняли сигнальные функции и имели соответствующие названия — «вестовой», «набатный», «осадный», «сполошный», «ратный». Тревожный звон набатного колокола, созывавшего народ на площадь в случае пожара или неожиданного нападения врагов, был хорошо знаком каждому горожанину. Заслышав его, люди бросали свои дела и бежали на соборную площадь. Именно такой «набатный» колокол и поднял тверичей на восстание в тот роковой день 15 августа 1327 года.

И вот теперь московский князь Иван решил наказать колокол-мятежник. Зимой 1339/40 года по его приказу колокол был снят с соборной колокольни в Твери и отвезен в Москву. Тверская летопись сообщает об этом предельно лаконично: «А князь великий Иван в Твери от святого Спаса взял колокол в Москву» (23, 52).

Калита не был оригинален в своем деянии. Такое случилось на Руси и прежде, хотя не часто. В 1066 году князь Всеслав Полоцкий, захватив Новгород, снял колокола у Софийского собора. «О, велика бяше беда в час тьи!» — воскликнул по этому поводу новгородский летописец (10, 17). Снимал колокол у владимирского Успенского собора и незадачливый князь Александр Васильевич Суздальский, вскоре возвративший его назад. В первом случае это был чистый грабеж, во втором — грабеж слегка прикровенный: Александр получил тогда от хана великокняжеский титул и хотел иметь у себя дома «великокняжеский» колокол.

Совсем по-иному воспринималась акция Калиты. Это было символическое деяние, смысл которого можно выразить словом «покорность». Тверской колокол был отвезен в Москву точно так же, как позднее Иван III увез в Москву вечевой колокол из Новгорода, а Борис Годунов отправил в Сибирь набатный колокол из Углича, поднявший горожан на восстание в мае 1591 года. Такие уроки запоминались надолго в силу своей наглядности.

Вывоз колокола (вероятно, единственного в Твери) в Москву, еще не имевшую своих собственных колоколов, символизировал полную победу Москвы над Тверью. Этот удар должен был сломить самолюбие тверичей, заставить их смириться со своей участью побежденных. Похоже, что удар Калиты достиг цели. Летопись сообщает, что после гибели Александра Михайловича в Орде «княжение тверское до конца опусте» (22, 210). Тогда же произошел и новый массовый отъезд тверских бояр на московскую службу (110, 158). И как было не вспомнить тогда князю Ивану Книгу притчей Соломоновых: «Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним». (Притчи, 16, 7). Впрочем, у бояр были, конечно, и земные причины для такого решения: мало кто хотел служить вернувшемуся в Тверь из своего клинского удела смиренному князю Константину Михайловичу.

Еще одним наглядным свидетельством глубоких перемен в политической ситуации в Восточной Европе явился новый московский Кремль. Он был выстроен из могучих дубовых бревен зимой 1339/40 года (30, 205). Старая московская крепость после многих пожаров обветшала и выглядела совсем убого. Однако для сооружения новой требовалось, конечно, разрешение Орды. Князь Иван мог получить такое разрешение во время своей поездки к хану весной 1339 года. Свое прошение Калита, вероятно, обосновал тем, что ему нужно подготовиться к серьезной войне с Литвой. Именно желание превратить великое княжение Владимирское в мощную антилитовскую силу и предопределяло решение хана относительно казни тверских князей и поощрения москвичей.

Однако и получив одобрение хана, осмотрительный князь Иван не спешил приступать к делу. Он ждал окончательного решения судьбы Александра Тверского. До этого он не мог начать разборку старых стен для их замены новыми. Ведь в случае неожиданной перемены настроений хана князь Александр мог вернуться из Орды с пожалованием. И тогда война Твери с Москвой была бы неизбежной. И можно ли было вступать в эту войну с разобранными городскими стенами?

Князь Иван ждал из Орды не только вестей, но и своих сыновей. Без них он вряд ли начал бы столь знаменательное дело, как постройка крепости. Вероятно, княжичи выехали из Сарая сразу же после казни князя Александра Тверского 28

октября 1339 года. Нахлестывая коней, они домчались до Москвы недели за три. Обняв сыновей, выслушав их рассказы о событиях в Орде, Калита велел немедленно собирать бояр для совета. Такое дело, как возведение крепости, делалось всем миром, и потому князю нужна была поддержка не только знати, но всей московской посадской общины. На эту коллективность замысла и исполнения указывает, и летописец, используя множественные формы глагола: «На ту же зиму месяца ноября в 25, на память святого мученика Климента, замыслиша рубити город Москву, а кончаша тое же зимы на весну, в великое говение» (23, 51).

Для начала столь великого дела князь Иван, как обычно, выбрал день не случайный. В четверг, 25 ноября, когда состоялась торжественная закладка новой крепости, церковь вспоминала святого мученика Климента, ученика апостола Петра. Это имя многое говорило людям той эпохи. Оно было окружено множеством легенд. Сосланный во времена гонений на тяжкие работы в крымские каменоломни, римский епископ Климент и здесь прославился своими проповедями, обращением в христианскую веру множества язычников. Мощи святого, находившиеся в Корсуні (Херсонесе), были обретыены святыми братьями-миссионерами Кириллом и Мефодием. Завоевав Корсунь, князь Владимир Святой перенес мощи Климента в Киев и поместил их в Десятинной церкви. Полагают, что «креститель Руси» был похоронен в этой церкви именно в приделе святого Климента. Наряду с легендой о посещении Руси апостолом Андреем, история святого Климента утверждала древность русского христианства, его прямую связь с апостольской традицией.

Почитание святого Климента из Киева перешло в Новгородскую землю. В 1153 году архиепископ Нифонт заложил каменную церковь Климента в Ладоге. Среди прочих избранных святых Климент был изображен на медных позолоченных дверях новгородского Софийского собора, изготовленных архиепископом Василием Каликой в 1336 году. Позднее Климента изобразил Феофан Грек в своих росписях в церкви Спаса на Ильине в Новгороде (1378).

Через образ святого Климента протянулась еще одна нить духовной связи от Москвы к стольному Киеву и Великому Новгороду.

Однако выбор дня для закладки московского Кремля был еще более многозначительным, чем можно видеть с первого взгляда. 25 ноября был канун праздника святого Георгия — «осеннего Юрьева дня». Этот праздник также имел киевское происхождение. Его установил Ярослав Мудрый в память об

освящении построенной им Георгиевской церкви. Покровитель воинов, победитель дракона, мученик за веру — святой Георгий был одним из самых светлых, героических образов в древнерусской христианской традиции. Знаменитый эпизод его жития — «Чудо Георгия о змие» — стал символом борьбы русского народа за свою независимость в XIV—XV веках. Со временем Георгий-змееборец станет официальным гербом Москвы.

Не ограничившись возведением нового Кремля, князь Иван одновременно предпринял и некоторые работы по благоустройству и укреплению Москвы: «Такоже и посады в ней украсив и слободы, и всем утверди» (74, 82). Простояв всего около 25 лет, Кремль Калиты был заменен на новый, белокаменный. Внук князя Ивана Дмитрий Донской, подобно своему деду, предусмотрительно подготовился к войне с Литвой, отстроив заново московскую крепость. Но эти тревожные 25 лет Москва без потерь прожила под защитой стен Калиты, поминая добрым словом их строителя.

И ныне при строительных или археологических работах в Московском Кремле из глубины земли время от времени извлекают полуистлевшие, но все еще поражающие своей мощью дубовые бревна — останки Кремля Калиты. Глядя на них, думаешь о том, какой непомерный труд был надобен, чтобы приготовить и сложить в городни стен этих лесных великанов. Но еще более удивителен духовный труд и подвиг строителей той славной крепости, имя которой — Московское государство.

Последний год своей жизни князь Иван сильно хворал. Тяжело было вставать с постели, не по силам уже стало садиться на коня. Но и ослабев физически, он сохранял ясность ума, силу духа. Сыновья стали его руками, его помощниками в делах власти. Они были еще совсем молоды: 23-летний Семен, 13-летний Иван, 12-летний Андрей. Но когда они стояли перед ним, крепкие, как три молодых дубка, он радовался и вспоминал мудрое слово Библии: «Кто наставляет своего сына, тот будет иметь помощь от него и среди знакомых будет хвалиться им. Кто учит своего сына, тот возбуждает зависть во враге, а пред друзьями будет радоваться о нем. Умер отец его — и как будто не умирал, ибо оставил по себе подобного себе; при жизни своей он смотрел на него и утешался, и при смерти своей не опечалился; для врагов он оставил в нем мстителя, а для друзей — воздающего благодарность» (Сирах, 30, 2—6).

Руками сыновей князь Иван отводил новые напасти, подступавшие со всех сторон.

Зимой 1339/40 года хан Узбек приступил к исполнению своего замысла о совместном русско-татарском наступлении на Литву. Из Орды с этой целью отправлен был с войском воевода Товлубей — тот самый, что руководил казнью Александра Тверского. Вероятно, он был одним из тех ханских вельмож, которые выступали за войну с Литвой и потому ненавидели дружившего с литовцами тверского князя. С Товлубеем шел и некий «князь Менгукаш, и иные мнози князи с татараы» (38, 93).

Первым из русских князей к войску Товлубея присоединился рязанский князь Иван Коротопол. Он шел вместе с татарами из Орды, где был, вероятно, свидетелем казни Александра Тверского. По дороге в степи им повстречался другой местный князь — Александр Михайлович Пронский. Тайком от старшего в роду Ивана Коротопола он вез в Орду собранную со своих земель дань. Подобно тому как великий князь Владимирский запрещал другим князьям иметь прямые контакты с Ордой и возить туда свой «выход», так и местные правители не пускали свою младшую братию к хану. Причина запрета была та же самая: боязнь интриг и подсиживания.

Разгневанный Иван Коротопол, имея за спиною Товлубевых татар, велел схватить своего двоюродного брата, отнять у него весь обоз, а самого под стражей доставить в Переяславль Рязанский.

Род рязанских князей уже с начала XIII века отличался какой-то особой жестокостью. Ненависть к ближнему часто толкала их на братоубийство. Конечно, тут сказывалась близость степи, бедность и безысходность пограничного быта. Обиженные судьбой, рязанские князья ощущали себя изгоями, «отрезанными ломтями». Но и слиться со степным миром они, конечно, тоже не могли. Такая раздвоенность надламывала психику, толкала на безрассудные поступки. Князь Иван Коротопол не был исключением. Доставив своего пленного сородича в Переяславль Рязанский, он тут убил его. Разумеется, эта расправа не прошла для него безнаказанно. Несколько лет спустя сыновья убитого, захватив в плен самого Коротопола, поступили с ним так же, как он поступил с их отцом.

Кровавая разборка рязанских князей не остановила поход на Литву. Расправившись с братом, Иван Коротопол собрал своих воинов и вместе с татарами направился дальше, на Смоленск.

Смоленское княжество в этот период, по-видимому, перестало платить дань Орде. Надеясь на помощь Литвы, смоленские князья держались независимо по отношению к татарам. Конечно, такая позиция вызывала зависть и злобу их соседей, вынужденных тянуть лямку ордынского «выхода». В 1334 году князь Дмитрий Брянский жаловался на них хану. Узбек отпустил войско на Смоленск. Вместе с татарами брянский князь попытался захватить город, но встретил сильный отпор. Дело кончилось тогда ничем. Теперь татары вновь вспомнили о Смоленске.

В походе на Смоленск хан велел принять участие всем военным силам Северо-Восточной Руси. Туда пошли со своими дружинами князья Константин Суздальский, Константин Ростовский, Иван Юрьевский, Иван Друцкий, Федор Фоминский. Московскую рать возглавили бояре-воеводы Александр Иванович и Федор Акинфович. Примечательно, что в числе участников коалиции летопись не называет тверских князей. Видимо, хан еще не решил тогда, кому передать тверской престол после казни Александра Михайловича. Поэтому тверичей решили пока оставить в покое. К тому же они были не очень надежными в войне с Литвой из-за своих давних литовских связей.

По свидетельству летописи, на эту войну явились со своими отрядами и остававшиеся еще кое-где в Северо-Восточной Руси ханские баскаки. Калита поднял и погнал под Смоленск даже и тех, кто отродясь не хаживал в такие походы — «князей мордовских с мордовичами».

Замах был сделан очень сильный, но результаты смоленского похода оказались весьма скромными. «И пришедше под Смоленск, посады пожгоша, и власти (волости. — Н. Б.) и села пограбиша и пожгоша, и под градом немного дней стояше, и тако татарове поидоша во Орду со многым полоном и богатством, а рустии князи возвратишася во свояси здравы и целы» (22, 211).

В концовке этого сообщения явно ощутимы нотки горькой иронии: татары ушли «со многим полоном и богатством», а русские князья — ни с чем, но благодаря Бога за то, что остались «здравы и целы». Странные это в самом деле были союзники: порабитители и поработенные, самодовольные господа и безответные слуги...

«В сказанном подразумевай и умолчанное», — учил Василий Великий (39, 15). За горькой иронией летописца стояли не только его жизненные наблюдения, но и печальный исторический опыт. Вся вековая традиция русско-ордынских отношений, хорошо известная летописцу, свидетельствовала о

том, что совместные военные действия с «погаными», да еще на русской территории, никогда не кончались добром не только для мирного населения, но и для самих князей.

Неожиданно быстрый и бесславный конец смоленского похода вызывает недоумение. Стоило ли собирать и гнать за сотни верст такое огромное войско, чтобы пограбить несколько десятков смоленских деревень? Конечно, Товлубей не рискнул бы своей властью прекратить поход и вернуться в Сарай с таким ничтожным результатом. Его ждал бы там в лучшем случае позор, а в худшем — петля ханского палача. (Впрочем, по отношению к знатым преступникам из рода Чингисхана татары применяли особую казнь: их душили, заворачивая в ковер или войлок. Священную кровь «потрясателя Вселенной» нельзя было проливать на землю...)

Но Товлубею явно ничего не грозило. Он ушел из-под Смоленска, выполняя ханский приказ.

В начале 1340 года Узбек, видимо, получил какие-то важные вести, которые заставили его начать подготовку к большой войне с Польшей. О характере этих вестей позволяют догадываться предшествующие события в Восточной Европе. В 1335 году венгерский король Карл-Роберт и польский король Казимир III Великий (1333—1370) на встрече в Вышеграде заключили союз. Венгерский монарх обещал помочь полякам в их стремлении полностью овладеть Галицко-Волынской землей, а Казимир III посулил союзнику право на польский трон в случае, если он умрет без наследников. На следующей встрече двух монархов, состоявшейся в 1338 году, к из союзу присоединился и галицко-волынский князь Болеслав-Юрий II. Он присягнул на верность венгерскому королю и объявил Казимира III своим преемником в Галицко-Волынском княжестве (131, 36). Во время встречи 1338 года короли подтвердили свою верность соглашениям 1335 года. Таким образом впервые возникла вполне реальная перспектива ухода огромного и богатого региона из-под власти Орды, которая доселе исправно получала дань с Галицко-Волынских земель и считала их своим «улусом». Уяснив ситуацию, хан Узбек понял, что медлить нельзя. Вероятно, решение о войне с Польшей было принято им еще до смоленского похода, а сам этот поход имел целью показать литовскому князю Гедимину военный потенциал Северо-Восточной Руси и Орды, заставить его воздержаться от вмешательства в ордынско-польский конфликт. Хан хотел как бы пригрозить кулаком Гедимину, но при этом не озлоблять его ударом. Поэтому для демонстрации сил ордынско-московского блока был избран

«ничейный» Смоленск, а сама эта демонстрация носила откровенно предупредительный характер.

Хорошо осведомленный о делах в Юго-Западной Руси благодаря митрополиту Феогносту, князь Иван, конечно, понимал подлинный смысл ханских распоряжений. Возможно, Узбек и не скрывал от него своих замыслов. Именно поэтому он и не послал в смоленский поход своих сыновей, ограничившись воеводами. В глубине души он благодарил Бога за такой оборот событий: ему очень не хотелось всерьез воевать с Литвой. А кто бы ни победил в ордынско-польской войне — Москва от этого только выигрывала, ибо ее до времени оставляли в покое.

Впрочем, задуманная ханом война в Юго-Западной Руси больно отозвалась для Калиты внеочередным денежным «запросом». Для столь важного похода Орде нужны были большие деньги. Узбек полагал, что московский князь столь сильно обязан ему за исход спора с Александром Тверским, что с него не грех потребовать и дополнительного «серебра». Однако не исключена и обратная последовательность событий: зная, что хану остро нужны деньги для польской войны, Калита пообещал срочно добыть «серебро», если хан решит в его пользу спор с Александром Тверским.

Как бы там ни было, вернувшись из Орды весной 1339 года, Калита занялся сбором с новгородцев очередного «черного бора». Минуло как раз восемь лет с последнего взноса, и настало время нового платежа. В прошлый раз князь Иван накинул новгородцам еще и «закамское серебро», что привело к трехлетней тяжбе. Теперь поначалу все шло благополучно. Новгородцы в установленный срок привезли в Москву деньги и сдали их в княжескую казну.

Но едва успели отвозившие дань новгородские бояре вернуться домой, как на Волхов прибыли московские послы. От имени своего князя они попросили новгородцев немедленно собрать еще один «выход». Изумленные новгородцы выслушали княжеское послание, суть которого летописец выразил в нескольких словах: «А еще дайте ми запрос цесарев; чего у меня цесарь запрашал» (10, 350).

Неясно, шла ли речь о досрочном сборе следующего (за 1347 год) «черного бора» или же об одноразовой выплате крупной суммы на нужды хана. Как бы там ни было, новгородские бояре не захотели идти на уступки. Их ответ Калите в передаче новгородской летописи был столь же лаконичным: «Того у нас не бывало от начала миру, а ты целовал крест к Новугороду по старой пошлине новгородчкои и по Ярославлим грамотам» (10, 350). Этот чрезвычайный московско-ор-

дынский запрос был, несомненно, связан с подготовкой хана к польской войне. Отказ новгородцев положил начало новому острому московско-новгородскому конфликту. Князь Иван зимой 1339/40 года вывел своих наместников из Новгорода, что означало формальный разрыв отношений. Однако завершать этот спор довелось уже сыну Калиты Семену Гордому. Вступив на великокняжеский престол после смерти отца, он повел дело по тому же самому сценарию, который разработал князь Иван в 1332 году: захват московскими войсками Торжка, разграбление новоторжской волости, посредничество митрополита и, наконец, смирение новгородцев и желанный «черный бор».

Сын Калиты сдержал слово, которое дал хану его отец. Но когда новгородские дани, с таким трудом вырванные московскими князьями, пришли в Орду, там уже царили совсем другие настроения. С весны 1340 года события в Восточной Европе пошли стремительной чередой. 7 апреля 1340 года галицко-волынский князь Болеслав-Юрий был отравлен своими боярами. В его гибели не без основания видели месть Орды. На опустевший трон местные бояре пригласили сына литовского князя Гедимина Дмитрия-Любарта. В ответ польский и венгерский короли двинули свои войска в Галицию и на Воынь (131, 38). Предвидя вмешательство Орды, король Казимир обратился к папе с просьбой объявить крестовый поход против татар. 1 августа 1340 года папа Бенедикт XII направил соответствующую буллу своим епископам в Польше.

Часть галицко-волинских бояр, не желая попасть под власть обоих королей, обратилась за помощью к хану Узбеку. Тот и сам давно уже был готов к вторжению. В конце июля 1340 года огромная ордынская армия отбросила польские войска за Вислу и страшно разорила весь Привисленский край. В итоге Галицко-Воыньское княжество осталось в совместном владении Литвы и Орды. Татары по-прежнему брали с этих земель дань, а литовские князья Гедиминовичи спорили здесь за власть с местными боярскими кланами.

Князь Иван мог быть удовлетворен таким исходом событий: жизнь еще раз подтвердила правильность его стремления к мирным отношениям с татарами. Орда в ту пору была на вершине своего могущества, и одолеть ее не могли даже такие крепкие страны, как Польша, Венгрия и Литва. Идея «крестового похода» против татар вновь оказалась утопичной. Для русских земель ставка на «помощь Запада» была самоубийственной.

Ход событий вновь и вновь подтверждал преимущество неяркой, но жизненно реалистичной традиции Александра Невского (укрепление владими́ро-суздальской государственности в рамках «русского улуса» Золотой Орды, энергичный отпор военно-политической и духовной экспансии католического мира) перед яркой, но пагубно-идеалистичной традицией Даниила Галицкого, суть которой — стремление освободиться от власти Орды на путях военно-политического и культурного сближения с католическим миром.

Но ничего этого князю Ивану узнать уже не довелось. Он умер, когда тетива войны была натянута, но рука стрельца еще удерживала стрелу...

ЗАВЕЩАНИЕ

Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника?

Иов, 7, 1.

Современники видели нечто мистическое не только в том, как четвертый сын Даниила Московского (младшего из сыновей Александра Невского!) стал вдруг главной фигурой своего времени, но и в том, как он ушел с политической сцены.

«Великому князю Ивану Даниловичу, некогда же во едину от ночей спящу ему на одре своем, и внезапно поторже цепь у дверей ложницы его и глас слыша: «Се старец прииде», а не виде никого же глаголющего. И уразуме великий князь, яко се збысться ему пророчество святаго Петра; и скоро востав и нимало помешкав, иде в монастырь Преображения Господня, его же сам устроил близ двора своего, оставив вся и пострижеса во иноческий образ» (32, 85).

Многие русские князья XIII века принимали монашеский постриг перед самой кончиной. В этом была своего рода хитрость: желание получить на небесах те преимущества, которые полагались монахам, без тех земных подвигов, которых требовал иноческий чин. «Нередко бывало, — замечает С. Б. Веселовский, — что ввиду безвозвратности акта пострижения его откладывали до последних часов, даже минут своей жизни, когда уже не было никого отказа от соблазнов и сует мира и не могло последовать никаких подвигов самоотречения. Происходило грубое извращение идеи монашества. Безуспешно лучшие представители церкви протестовали против этого обыкновения» (60, 326).

Калита не пытался обмануть небеса. Он искренне тревожился о своем посмертном уделе и потому решил стать иноком отнюдь не в день кончины. Согласно летописи, его решение ускорил таинственный старец, приход которого некогда предсказал Ивану митрополит Петр.

В монастыре князь прожил немалое время. Господь дал ему такую возможность, чтобы он мог подвести итоги своей жизни, покаяться и должным образом наставить сыновей.

Его духовная грамота (завещание) была составлена заранее. Она дошла до наших дней в двух экземплярах, которые

различаются лишь тем, что во втором упомянуто несколько больше сел и волостей. Историки до сих пор спорят о том, один ли это документ в двух вариантах — или два самостоятельных акта, составленных в разное время. Как бы там ни было, вполне очевидно, что оба экземпляра грамоты уже существовали весной 1339 года, когда Иван был в Орде и там представил свое завещание на утверждение хана Узбека.

Теперь в тишине монашеской кельи князь вновь и вновь перечитывал грамоту, волнуясь: не забыл ли чего важного, необходимого...

Начало грамоты дышит христианским смирением: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се аз, грешный худый раб Божии Иван, пишу душевную грамоту, ида в Орду, никим не нужен (то есть никем не принуждаем. — *Н. Б.*), целым своим умом, в своем здоровьи. Аже Бог что розгадет о моем животе, даю ряд сыном своим и княгини своеи» (5, 7).

Насколько известно, в таких смиренных тонах не писали свои завещания великие князья ни до, ни после Калиты.

Иван завещает: «Приказываю сыном своим очину свою Москву». Это значит, что Москва и ближайшая округа в радиусе около 40 км от столицы оставалась в совместном владении Семена, Ивана и Андрея Ивановичей. Каждый из них имел в городе свою треть, и потому каждый был кровно заинтересован в благосостоянии Москвы, в ее защите от врагов. Мудрое решение Калиты стало примером для его потомков.

Сложнейшей задачей было распределение между наследниками сосредоточенных в руках Ивана Даниловича земель, сильно различавшихся по их военно-стратегическому значению, юридическому статусу и хозяйственной ценности. Раздел должен был устранить возможные поводы для споров между сыновьями Калиты, а также обеспечить имущественные интересы их мачехи — княгини Ульяны с ее двумя дочерьми. Исследования духовной грамоты показывают, что Калита сумел найти удачное решение. Его завещание не стало поводом для раздоров (как, например, завещание Дмитрия Донского), а, напротив, послужило основой для сплочения московского княжеского дома. Примечательно, что доля старшего сына Семена (получившего из городов Можайск и Коломну) превосходила уделы младших братьев. В этом проявилась дальновидность Калиты. Явное материальное превосходство старшего брата сдерживало младших от мятежей. Последующие московские князья не только придерживались этого принципа, но и постоянно увеличивали надел старшего сына.

Важной частью наследства была движимость: парадные княжеские одежды и украшения, инсигнии власти, драгоценные сосуды для торжественных приемов. Здесь у Калиты скопилось, по-видимому, достояние всех его умерших бездетными братьев. Всем этим он и наделяет своих сыновей, тщательно обозначая каждый предмет.

«А при своем животе дал есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты с женчуги, блюдце золото с женчугом с камнем. А к тому еще дал есмь ему 2 чума золота болшая¹. А из судов (сосудов. — Н. Б.) из серебряных дал есмь ему 3 блюда сьрбьрна»...

«А из золота дал есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, пояс болшии с женчугом с камнем, пояс золот с капторгами², пояс сердоничен золотом окован, 2 овкача золота³, 2 чашки круглыи золоты; блюдо сьрбьрно ездниньское⁴, 2 блюдци меншии»...

«А из золота дал есмь сыну своему Андрею: 4 чепи золоты, пояс золот фрязьский с женчугом с камнем⁵, пояс золот с крюком на червчате шелку, пояс золот царевский⁶, 2 чары золоты, 2 чумка золота меньшая; а из блюд, — блюдо сьрбьрно, а 2 малая»...

По подсчету К. В. Базилевича, Калита завещал наследникам 12 золотых цепей, 9 поясов и 13 золотых предметов посуды (45, 9). Вместе с цепями пояса составляли наиболее ценную часть великокняжеской казны. Им придавалось особое, символическое значение. И в Орде, и в Византии они были в ту пору признаками социального статуса человека, его «визитной карточкой». Материал, из которого сделаны сам пояс и его накладки, количество бляшек и подвесок — все имело определенное значение. На Руси в XIV—XV веках золотой пояс был необходимым знаком княжеского достоинства, а «золотая шапка» и бармы — великокняжеского. Примечательно, что в XVI веке, когда и Орда, и Византия уходят

¹ По разъяснению К. В. Базилевича «чумом у монголов называется чаша, имеющая коническую форму, например, чаша из рога» (45, 9).

² Капторгами у татар назывались металлические футлярчики для мелких вещей, подвешенные к поясу.

³ Овкач — ковш особой формы.

⁴ Ездниньское — персидское.

⁵ «Фряги» — итальянцы. «Фрязьскии» — итальянский.

⁶ «Царевский» — сделанный в Царьграде, византийский.

в историю, пояс перестает быть для русских символом верховной власти.

Семейные ценности и знаки власти, перечисленные в духовной грамоте Ивана Калиты, вовсе не свидетельствуют о его «богатстве». Все эти вещи были фамильными, наследственными и практически неотчуждаемыми. Они представляли собой своего рода «лежачую казну», то есть ценности, изъятые из оборота. Князь Иван берег свой «золотой запас», приумножал его, но тратить мог только в случае крайней, катастрофической необходимости.

В раздел пошли и парадные одежды Калиты. «А ис порт моих сыну моему Семену: кожух черленыи жемчужныи, шапка золотая¹. А Ивану, сыну моему: кожух желтая обирь с женчугом и коць² великий с бармами³. Андрею, сыну моему: бугай соболии с наплечки с великим женчугом с камением⁴, скорлатное портище сажено з бармами⁵. А что есмь нынеча нарядил 2 кожуха с аламы с женчугом⁶, а то есмь дал меньшим детям своим, Марьи же Федосьи, ожерельем».

Поделив между наследниками различные доходные статьи, обязав их совершить справедливый передел земель в случае, если какие-то волости будут отняты татарами, Иван переходит к следующей теме — о «численных людях». «А численныи люди, а те ведают сынове мои собча, а блюдут вси с одного».

Название этой довольно загадочной категории населения происходит от термина «число». Так называли на Руси ордынскую перепись 1257 года, определившую размер дани с каждой территории. Полагают, что московский князь, стремясь упорядочить сбор ордынского «выхода», выделил особую категорию податного населения — «численных людей». Их численность при всех обстоятельствах должна была оставаться неизменной, а собранные с них налоги шли только для уплаты ордынского «выхода». Сумма этих налогов была приравнена к сумме «выхода». Согласно другому объяснению, численники занимались обслуживанием сбора ордынской дани (42, 30).

¹ Видимо, это «шапка золотая» — будущая «шапка Мономаха».

² Коць или кочь — накидка, длинный княжеский плащ, в более раннее время — корзно.

³ Бармы — нагрудные украшения из нанизанных на цепь золотых бляшек.

⁴ Бугай — по-монгольски бык. Так называли и непромокаемый плащ из бычьей кожи, который изнутри подбивался мехом.

⁵ Скорлатное портище сажено — одеяние из французского сукна, унизанное жемчугом.

⁶ Аламы — серебряная бляха, окаймленная жемчугом.

Как бы там ни было, «численники» находились под особой опекой властей: их благосостояние было гарантией своевременной выплаты дани татарам. Калита приказывает сыновьям вместе заботиться о «численных людях». Из этого можно сделать два вывода: во-первых, сумма «выхода» исчислялась со всего Московского княжества, а во-вторых, князь Иван делал все, чтобы связать сыновей общими интересами.

Особо перечисляет князь Иван во второй, «пространной», версии своей духовной грамоты села, купленные им в других русских землях: в Новгороде, Владимире, Ростове и Костроме. Они также идут в раздел между сыновьями.

Значительную часть своего движимого имущества Иван Калита, заботясь о спасении души, завещал духовенству. «А что моих поясов серебряных, а то роздаять по попьам. А что мое 100 руб. у Ески, а то роздаять по церквем. А что ся остало из моих судов из серебряных, а тым поделаться сынове мое и княгини моя. А что ся останеть моих порт, а то роздаять по всим попьам и на Москве. А блюдо великое серебряное о 4 колца, а то есмь дал святеи Богородици Володимерьской».

Княжеские пояса и одежды («порты») раздавались попам московских церквей, конечно, не для использования по прямому назначению. Известно, что еще в домонгольский период великие князья Владимирские завещали часть своих церемониальных одежд Успенскому собору, где они хранились как реликвии, напоминавшие об умерших благодетелях.

Среди распоряжений Ивана Даниловича, относящихся к церкви, особо выделяется пожалование трех сел «святому Александру себе в поминанье». По-видимому, речь идет о небольшом Александровском монастыре, который, как можно понять из другого фрагмента завещания, был куплен Иваном Даниловичем «на Костроме» и завещан «княгини своеи». В источниках нет никаких сведений об этом монастыре. Однако и сам контекст, в котором он упомянут, и его посвящение позволяют догадываться о причинах особой любви Ивана Даниловича к этой забытой обители, которой он поручил самое главное — вечный помин своей души. «А что село Павловское, бабы нашее купля, и Новое селце, что есмь купил, и Олександр святыи, что есмь купил на Костроме, даю княгини своеи» (5, 10).

Под «бабой нашей» (то есть «бабушкой, бабкой») князь Иван понимает жену Александра Невского Александру — мать Даниила Московского. В логической связи с этим воспоминанием стоит и Александровский монастырь — либо основанный самим Александром, либо поставленный в память о

нем и его супруге. Обители и храмы с таким посвящением были крайне редки в ту эпоху. Подобное посвящение могло объясняться только мемориальным значением храма.

Все это позволяет обрисовать историю «святого Александра» следующим образом: князь Иван Данилович, получив великое княжение и став хозяином в Костроме, выкупил у прежних владельцев, благоустроил, а в конце жизни завещал своей жене Ульяне Александровский монастырь, связанный с именем Александра Невского. Заметим, что Калита тогда был последним из оставшихся в живых внуков Александра Невского. Это возлагало на него особую ответственность за сохранение памяти Невского героя. Возможно, подражая деду, Иван Данилович завещал обитель своей вдове, которая и поддерживала вечное поминовение деда и внука. Если допустить, что монастырь был женским, можно думать, что вдова Калиты приняла здесь постриг.

Завершается завещание Калиты строгим наказом старшему сыну Семену: «А приказываю тебе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меньшими детьми, по Бозе ты им будешь печалник. А кто сю грамоту порушит, судить ему Бог»...

Духовная грамота Ивана Калиты — его расчет с семейными делами. Но это была лишь часть его Завещания.

Еще в 1339 году Калита распорядился приготовить хороший список Евангелия. Работу выполняли в течение нескольких месяцев два переписчика — Мелентий и Прокоша. Первый из них был старшим, а второй — его молодым помощником. Князь Иван хотел видеть книгу нарядно украшенной, и потому к делу были привлечены два художника. Один из них, Иоанн, нарисовал две красочные миниатюры — «Поклонение волхвов» и «Отослание апостолов на проповедь»; другой, неизвестный по имени мастер, сделал к главам нарядные заставки — цветные рисунки в виде фантастического переплетения растительных и животных мотивов. Нравоучительный смысл этих заставок был вполне ясен: только тот, кто следует путем Евангелия, может избежать сетей грехов, которые сплетает враг рода человеческого — дьявол.

Свое Евангелие князь Иван задумал послать «на Двину к святой Богородици». Полагают, что это был основанный в 1330-е годы близ устья Северной Двины Успенский Лявленский монастырь, из которого рукопись в XVII веке была передана в крупнейшую обитель края — Антониев-Сийский монастырь. Там она и была обнаружена в 1829 году известным

археографом П. М. Строевым (62, 143). Возникает вопрос: зачем понадобилось Калите отсылать эту превосходную и дорогую книгу в маленький лесной монастырь на самом краю Русской земли?

Обычно это решение объясняют в контексте борьбы Москвы и Новгорода за влияние в Подвинье. Но можно посмотреть на дело и с другой стороны. Сийское Евангелие содержит своего рода послание Ивана Калиты к будущим поколениям, его отчет перед Богом и людьми. И где он мог найти более надежное место для него, как ни там, на краю света, где не ступала нога татар и литовцев, шведов и немцев?! Московские пожары 1330-х годов, уничтожившие среди прочего и множество книг, неизбежно должны были заставить Ивана задуматься о сохранности своего послания. И он, как всегда, нашел единственно правильное решение. То, что сегодня мы держим в руках его Евангелие, лучше всех других соображений подтверждает прозорливость Калиты, его умение заглянуть в будущее.

История Сийского Евангелия полна загадок. И самая сложная из них — знаменитое послесловие. Чего стоит одна только его хронологическая часть! Дата завершения книги указана сразу в нескольких календарных системах. «В лето 6000-е 800-е 47-е, индикта 12, миротворенаго и солнечного круга в 4-е лето висикостное, жидовь сего ирук в 7-е лето, епакта 18 лето, в 5-и каланд месяца марта, жидовьскы нисана, написано бысть си еуангелье» (102, 94). Однако эти системы противоречат друг другу. 6847 (1339) год имел число индикта 7, а не 12, и число круга солнца 15, а не 4. Указания на «лето висикостное» и на еврейский «длинный год» («сено ируко») совпадают, однако високосным был не 6847-й, а следующий, 6848 (1340) год. Запись указывает на календы марта, и если римский счет употреблен правильно, то это — февраль, однако в древнееврейском календаре месяц нисан соответствует марту, а перед ним в «долгом» (високосном) году вставляется дополнительный месяц «второй адар» (135, 340).

Очевидно, что автор приписки либо не вполне владел еврейским, римским и византийским календарями и запутался в них, либо и не стремился к точности, используя все системы иносказательно, как своего рода метафоры. Последнее вполне вероятно: он действовал подобно художнику и создавал своего рода «вселенскую» заставку перед текстом приписки. В самой приписке дела великого князя Ивана сравниваются с деяниями знаменитых лиц Священного Писания и византийской истории. Они представляются как исполнения ветхозаветных пророчеств: «О семь бо князи

великом Иване пророк Езекии глаголетъ: в последнее время в апустевшии земли на запад встанеть цесарь правду любя и суд не по мзде судя, ни в поношение поганым странам» (103, 95).

Уже в этой первой фразе похвалы Ивану Калите хорошо виден весь ее дальнейший склад: очень вольное, «творческое» использование текстов Священного Писания. В основе этого фрагмента — одно яркое место из книги пророка Иезекииля: «Так говорит Господь Бог: рыдайте! о, злосчастный день! Ибо близок день, так! близок день Господа, день мрачный; година народов наступает. И пойдет меч на Египет... И опустеет он среди опустошенных земель, и города его будут среди опустошенных городов... И реки сделаю сушею и предам землю в руки злым, и рукою иноземцев опустошу землю и все, наполняющее ее» (Иезекииль, 30, 2—12). Все эти беды исполнятся рукою Навуходоносора, царя Вавилонского. Так возник образ «апустевшей земли». (Это один из первых примеров характерного московского диалекта с заменой «о» на «а».)

Но далее звучит мотив уже другой библейской книги — пророка Иеремии. «Вот, наступают дни, говорит Господь, и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле. Во дни его Иуда спасется и Израиль будет жить безопасно; и вот имя Его, которым будут называть Его: «Господь оправдание наше!» (Иеремия, 23, 5—6).

Из туманных пророчеств Иезекииля, Иеремии, Исаии и Даниила вырисовывается образ грядущего в мир «Царя» — Иисуса Христа. Его важнейшим достоинством будет «праведный суд». «Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине» (Исаия, 11, 4). В сложной, многоплановой символике похвалы образ земного «царя последних времен» великого князя Ивана как бы наслаивается на образ Царя Небесного.

Из той же книги Иезекииля происходит и мысль о наступлении «последних времен». Рассказ о Гоге, «князе Роша, Мешеха и Фувала», которого Господь «в последние времена» выведет из земли Магог и пошлет «от пределов севера» войной на Израиль, — одна из любимых ветхозаветных тем византийского Средневековья. Там этот народ ассоциировался с руссами, часто нападавшими с севера на Византию.

Но сами русские увидели библейского Гога в татарах, а их приход восприняли как знак наступления «последних времен». Иными словами, на иносказательном языке древнерусского книжника «последние времена» — это времена татар-

ского владычества над Русью. «В тот день, когда народ Мой Израиль будет жить безопасно, ты (Гог. — *Н. Б.*) узнаешь это: и пойдешь с места твоего, от пределов севера, ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное. И поднимешься на народ Мой, на Израиль, как туча, чтобы покрыть землю: это будет в последние дни»... (Иезекииль, 38, 14—16).

От книг пророков автор похвалы обращается к Псалтири. И здесь его привлекает та же тема: царь-законотворец и праведный судия. Именно о князе Иване «песнословце» (то есть автор Псалтири, царь Давид) возвещал в своих псалмах: «Постави, Господи, законодавца над ними, да разумеют языци яко человеци суть». И другое: «Боже! суд цесареву даи же правду сынови цесареву». (Псалтирь, 9, 21; 71, 1.)

Знаменитый царь Давид, основатель династии, подготовивший все необходимое для строительства Храма в своей новой столице Иерусалиме; его сын, мудрый царь Соломон, выстроивший Храм, — этот библейский диптих волновал воображение князя Ивана. Ведь и его отец Даниил был родоначальником московского дома, а сам он, подобно Давиду, был одним из младших сыновей его, достигших власти Божией милостью. Подобно Соломону, князь Иван выстроил в своем городе Храм и окружил его новыми крепостными стенами; подобно Соломону, князь Иван предстал перед современниками и потомками в образе праведного судии. Еще одна добродетель царя Соломона как идеального правителя — его милосердие. Оно было воспринято и Калитой, прославившимся своим «нищелюбием».

В 71-м псалме звучит и уверение в том, что процветание земли неотделимо от милосердия правителя. «... И поклонятся ему (Соломону. — *Н. Б.*) все цари; все народы будут служить ему; ибо он избавит нищего, вопиющего и угнетенного, у которого нет помощника. Будет милосерд к нищему и убогому, и души убогих спасет; от коварства и насилия избавит души их, и драгоценна будет кровь их пред очами его» (Псалтирь, 71, 11—14).

В правление этого милосердного царя люди «будут молиться о нем непрестанно, всякий день благословлять его; будет обилие хлеба на земле, наверху гор; плоды его будут волноваться, как лес на Ливане, и в городах размножатся люди, как трава на земле; будет имя его благословенно вовек; доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его» (Псалтирь, 71, 15—17).

Камнем преткновения для современного биографа Калиты становится вопрос: как отделить в похвале из «Сийского

Евангелия» истину от хвалебной риторики, правду жизни — от обычной придворной лести. Один из путей приближения к истине — воссоздание самой обстановки, в которой создавалась похвала. Очевидно, что она была написана по окончании политической жизни князя Ивана, когда ложь уже не нужна была для его текущей работы. Но при этом похвалу нельзя назвать и посмертной, когда ложь получает оправдание как необходимый элемент исторического мифа. Создатель похвалы исходил из того, что тот, кому она посвящена, успеет прочесть, а стало быть, и ощутить ответственность перед Богом за достоверность этого послания к потомкам. Иначе говоря, похвала возникла на узкой меже правды, разделяющей два бескрайних поля лжи — прижизненное и посмертное.

Вчитываясь в текст, легко заметить, что похвала — не напыщенное холодное произведение придворного ратора, а горячая молитва о спасении души князя Ивана. Ее пронизывает острое ощущение греховности, страх скорого Страшного суда. Автор словно торопливо вспоминает все, что сможет сказать князь Иван на Страшном суде в свое оправдание.

Несомненно, писавший похвалу (или диктовавший ее переписчику) был лично близок к Калите. Конечно, он действовал не по собственной инициативе, но исполнял княжеское повеление: составить перечень важнейших деяний великого князя Ивана Даниловича. Он был хорошо осведомлен о том, какие деяния сам князь считал своими главными заслугами.

Неизвестный автор похвалы был человеком весьма образованным, свободно владевшим текстами Священного Писания, наследием византийской и древнерусской литературы. Среди литературных источников похвалы — «Слово о Законе и Благодати», созданное в середине XI века киевским митрополитом Иларионом. Одно из самых ярких и патриотических произведений древнерусской литературы, «Слово» прославляло Русскую землю, первых христианских князей — Владимира Святославича и его сына Ярослава Мудрого.

Трудно удержаться от предположения, что составителем похвалы был любимец Ивана Калиты архимандрит придворного Спасского монастыря Иван. Летопись характеризует его как «мужа сановита сущи, разумна же и словесна, и сказателя книгам» (25, 91).

В деяниях князя Ивана автор похвалы выделяет семь главных заслуг: праведный суд, миролюбие («тишина велья в Руской земли»), храмоздательство, прекращение «безбожных ересей», забота о написании книг («многим книгам написанным его повелением»), любовь к «святительскому сану» и

монашескому «постническому житию», милосердие к слабым и бедным. Все эти добродетели Калиты, названные в похвале, прямо или косвенно подтверждаются и другими источниками.

Текст Сийского Евангелия (Г. И. Вздорнов предпочитает называть его «Евангелием Ивана Калиты») содержит две миниатюры — «Поклонение волхвов» и «Отослание апостолов на проповедь». По наблюдению того же исследователя, они не связаны напрямую с текстом, возле которого помещены. Их сюжет «навешан косвенно, исходя из каких-то личных соображений заказчика рукописи или ее исполнителей» (62, 147). Эти «личные соображения» вполне очевидны в контексте всей жизни князя Ивана, своеобразным итогом которой стало Сийское Евангелие.

Первая миниатюра, которой открывалась рукопись, представляет сидящую на престоле Божию Матерь с младенцем. К ней в молитвенном движении устремлены три «волхва», подносящие дары. На заднем плане — фантастические «палаты». Символический смысл миниатюры понятен: она изображала то церковно-государственное почитание Богородицы, которое установилось в Москве стараниями Ивана Калиты и митрополита Петра. Успенский собор московского Кремля стал архитектурным образом ключевой идеи нарождавшейся московской государственности, а миниатюра «Евангелия Ивана Калиты» — ее живописным воплощением.

Вторая миниатюра, помещенная в середине книги, — «Отослание апостолов на проповедь». Двенадцать апостолов тесной группой приближаются к благословляющему их Иисусу Христу. В левой руке его — свиток с записью учения, которое апостолы призваны нести миру. В выборе сюжета также легко угадывается «личное соображение» создателей книги: князь Иван всю жизнь ощущал себя божьим избранником, призванным исполнить провиденциальную миссию. Согласно похвале, «во дни его воссияла правда» — восторжествовало христианское учение. Свою государственную деятельность он понимал как апостольское служение.

Евангелие было закончено еще при жизни князя Ивана. По одним расчетам, это произошло 25 февраля, по другим — 5 марта, по третьим — 28 марта 1340 года. Как бы там ни было, князь успел познакомиться с книгой, оценить по достоинству труд своих мастеров, красноречие своего первого биографа.

Но дни его уже были сочтены. 31 марта 1340 года инок Анания — великий князь Иван Данилович, прозванный за щедрость Калитой, — отошел в вечность.

Уже на другой день, 1 апреля, его похоронили в заранее

приготовленной каменной гробнице в Архангельском соборе московского Кремля. Кончалась пятая седмица Великого поста. В день погребения Ивана была «суббота Акафиста» — особый день, когда во всех церквах читался знаменитый Акафист Божией Матери, написанный в VII веке дьяконом константинопольской Софии Георгием Писидой. Создатель московского «дома Пречистой Богородицы», князь Иван особенно любил это древнее песнопение, в котором выражалось твердое уверение в неотступном покровительстве Божией Матери чтущим ее с верой и любовью. И вот теперь — как последняя милость Пречистой — именно оно прозвучало над его раскрытой могилой...

«Светоприемную свещу, сущым во тме явльшуюся, зрим святую Деву: невещественный бо вжигаючи огнь, наставляет к разуму божественному вся, зарею ум просвещающая... Радуйся, яко гром, враги устрашающая... Радуйся, чаше, черплющая радость»...

Но отзвучал Великий акафист, и потекли печальные напевы панихиды. Склонив головы и широко крестясь, стояли вокруг гроба московские бояре, едва удерживала рыдания жена, хмурились, потупив взоры, сыновья...

А на площади у храма теснился плачущий, перепуганный московский народ, потерявший своего защитника и предводителя.

В летописном сообщении о кончине князя Ивана сквозь обычную риторику некролога пробивается искреннее чувство осиротелости. «Преставился князь великий Московский Иван Данилович, внук великаго Александра, правнук великаго Ярослава, в чернцах и в скиме, месяца марта в 31... И плакашася над ним князи, бояре, велможи и вси мужие москвичи, игумени, попове, дьякони, черньци, и вси народи, и весь мир христианьскыи, и вся земля Русская, оставши своего государя... Проводиша христиане своего господина, поюще над ним надгробныя песни, и разидошася плачюще, наполнишася великия печали и плача, и бысть господину нашему князю великому Ивану Даниловичу всеа Руси вечная память» (25, 93).

Кроме духовной грамоты Ивана Калиты и похвалы ему в «Сийском Евангелии», существовало и третье, невещественное завещание князя Ивана. Оно заключалось в его политическом наследии. Конечно, Иван использовал опыт своего отца. Но князь Даниил никогда не поднимался до тех горизонтов, которые увидел его сын. Именно Калита стал осно-

вателем московской «большой политики», определил ее принципы, цели и средства.

Сыновья князя Ивана получили от отца достаточно ясный политический «наказ». Суть его сводилась к одному — сохранить любыми средствами ту «великую тишину», под покровом которой шло медленное «собираение Руси» вокруг Москвы. Две составляющие этой «великой тишины» — мир с Ордой и мир с Литвой. Московские братья Ивановичи часто ездили в Орду, пользовались доверием сына Узбека хана Джанибека (1341—1357). Благодаря этому татары в середине XIV века не беспокоили Северо-Восточную Русь своими нашествиями.

Подобно отцу, сыновья твердой рукой смиряли Новгород, не останавливаясь и перед военным давлением. Соперничая с Литвой за влияние в брянских и смоленских землях, наследники Калиты, однако, никогда не доводили дело до большой войны. Они умели примириться с некоторыми довольно ощутимыми потерями во имя сохранения заветной «тишины».

Семен, Иван и Андрей восприняли от отца и его умение использовать церковные средства для достижения своих политических целей. Их дружба с митрополитом Феогностом привела к тому, что старый византиец оставил своим наследником на кафедре московского монаха Алексея — сына боярина Федора Бяконта. В 1354 году патриарх Филофей утвердил его в качестве митрополита Киевского и всея Руси. Так осуществилась мечта Ивана Калиты о собственном, «московском» митрополите.

Сыновья продолжили и отцовское храмоздательство. В 1344—1346 годах силами московской княжеской семьи и митрополита Феогноста были украшены росписями кремлевские соборы Калиты. А в 1346 году братья заказали 5 колоколов для соборной звонницы. В 1349 году возле Спасского собора в Кремле был устроен «притвор, придел камен» — небольшая церковка, примыкавшая к основному храму. В каменном строительстве участвовали и бояре. В 1340 году Вельяминовы поставили каменный храм в своем фамильном «богомолье» — московском Богоявленском монастыре. Украшалась Москва и множеством прекрасных деревянных церквей. В одном только пожаре 1343 года «изгорело церкви 28» (25, 94). В пожаре 1355 года, когда пострадал в основном Кремль, сгорело 13 церквей (25, 99).

Братья Ивановичи были, конечно, очень разными людьми. Им случалось ссориться, а потом торжественно мириться «у отня гроба». Помня о своих собственных интересах, младшие, однако, никогда не доходили до измены старшему брату —

великому князю Семену Ивановичу. И в этом тоже был сохранен завет Калиты, 20 лет верой и правдой служившего старшему брату Юрию.

Источники не позволяют увидеть характер младшего, Андрея. Основатель династии серпуховских князей, всегда отличавшихся мужеством и верностью московскому престолу, князь Андрей умер в возрасте 26 лет в 1353 году от чумы, свирепствовавшей тогда на Руси.

Средний брат, Иван, был щедро наделен отцовским смирением и благочестием. Митрополит Киприан советовал сыну Ивана Дмитрию Донскому помнить «отца твоего кротость же и милость и безлобие многое, и богобоязньство» (114, 203).

Доброта Ивана Ивановича порою вступала в противоречие с его обязанностями как правителя. «Ослабив вожжи», он позволил московским боярам затеять какую-то свирепую распрю, завершившуюся убийствами и бегством некоторых вельмож из Москвы в Рязань. Рано умерший (в возрасте 33 лет), Иван Красный оставил по себе добрую память, хотя и не без некоторой горечи по причине его «мягкотелости».

Старший Иванович, Семен, отличался дерзостью и каким-то оскорбительным для окружающих высокомерием. За него-то он и получил прозвище — Гордый. В ту пору слово это звучало зловеще, ибо каждый знал слова апостола: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет. 5, 5). Согласно уникальному известию Татищева князь Семен, устранив новгородцев в войне 1341 года, потребовал, чтобы их предводители в знак смирения явились к нему в стан босыми и просили о прощении на коленях.

Но при этом князь Семен был мудрым и дальновидным правителем. Чего стоит одна только его речь о единстве на княжеском съезде осенью 1340 года! В сущности, это его первая тронная речь: Семен только что вернулся из Орды великим князем Владимирским. Вот ее полный текст в изложении Татищева.

«Братия драгия и любезная, весте, яко доколе великие князи сильнии бываху, а другия князи слушаху и за един хождаху, тогда Руская земля множися в людех и богатстве, и не смеяше на мя никто дерзнути, но всии покоряхуся и дани даяху, яко Ярослав, Владимир Мономах и Мстислав. А коли поделилися и друг друга начаху воевати, а князь великий их не слушаху, тогда наидоша татары, князя убиша, грады разориша, всею Рускою землею обладаше и дань тяшку возложиша. И ныне князей убивают, люди, всегда пленясче, ведут и в бусурманство обращают, и вся наша имения тасчат. А мы толико силы можем имети, что землю Рускую оборонити и

толико нами ругатися не дати нечестивым, коли токмо меня послушаете. А первее требе сих новгородцев смирити, и покорити, и послушными великим князем учинити, и всем заедин противо враг стати. А буде кому в князях будет о вотчине или о чем ином котора распря, ино не воеватися, а судитися пред князи. А начнет кто войну и позовет татаря или тамо суда поисчет, и на того всем нам быти заедин».

Речь Семена произвела на князей сильное впечатление. Кажется, в ту пору никто не позволял себе говорить так прямо и открыто об общей беде. «И любо бысть всем речь сия, и всии князи на том крест целоваху, и поидоша ратью к Торжку» (38, 94).

Мог ли Татищев придумать эту речь для украшения своей «Истории» или для утверждения своих «монархических взглядов»? Едва ли. Подтвержденная многими современными исследователями его трудов, «субъективная добросовестность историка уже не может вызывать сомнений» (88, 339). К тому же если бы он и захотел вставить в текст «Истории» свое собственное суждение, он, конечно, приписал бы его более знаменитому, чем князь Семен, историческому лицу.

Примечательно само построение рассказа Татищева о московско-новгородском конфликте 1340—1341 годов. В целом он следует за Никоновской летописью. Однако легко узнаваемый текст Никоновской несколько раз прерывается вставками из какого-то другого уникального источника. Одной из таких вставок является и речь Семена на княжеском съезде в Москве. Разумеется, нельзя ручаться за протокольную точность княжеской речи. Более того, эту речь скорее всего написал какой-то древнерусский книжник, из труда которого она вместе с другими уникальными подробностями была извлечена Татищевым. Однако само содержание этих выдержек говорит о многом. Такая, например, деталь, как коленопреклоненные и босые новгородцы, могла быть известна только современнику и скорее всего — очевидцу события. Им же могла быть воссоздана по памяти и речь Семена перед князьями. Судя по всему, этот повествователь принадлежал к ближайшему окружению князя или митрополита Феогноста, также находившегося тогда в Торжке.

В итоге можно утверждать, что так или примерно так, как это изложено у Татищева, и говорил своим братьям по ремеслу 23-летний великий князь Семен Иванович. Нетрудно догадаться, от кого почерпнул молодой великий князь свою государственную мудрость. Устами Семена к современникам и потомкам обращался его великий отец, «собиратель Руси» Иван Данилович Добрый, прозванный за щедрость Калитой...

Судьба жестоко посмеялась над Семеном Ивановичем, словно наказав его за «гордость». После двух неудачных, бездетных браков он, перешагнув через церковные каноны и выдержав тяжелую ссору с митрополитом, женился в 1347 году на Марии Тверской — дочери казненного в Орде в 1339 году Александра Тверского. В этом браке, возродившем старые идеи Даниловичей о династическом «освоении» тверских земель, князь Семен был счастлив и многодетен. Казалось, его сыновьям суждено было стать главной ветвью московского дома. Но в 1353 году тяжелая рука «черной смерти» смахнула с лица земли сначала всех сыновей князя Семена, а потом и его самого. Из трех сыновей Калиты Всевышний сохранил тогда лишь одного — богобоязненного и кроткого Ивана Красного...

Полузадушенный смертельной болезнью, Семен Гордый диктовал свое завещание. В нем он умолял наследников мирно жить друг с другом и исполнять его последнюю волю — «чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла»...

Это неожиданное «лирическое отступление» в суховатых росписях княжеского имущества и по сей день остается загадкой. Какое значение вкладывал Семен в эту таинственную «свечу»? Говорил ли он о продолжении московского дела «собрания Руси»? Беспокоился об исполнении родительских заветов? Или же вспомнил вдруг последние часы своего отца князя Ивана, его последний Акафист: «Светоприемную свещу, сушым по тме явльшуюся, зрим святую Деву»?..

В бесконечных тревогах пролетали годы. Люди с плачем приходили в этот мир и с плачем покидали его. Все казалось зыбко и ненадежно. Но между тем дела шли своим неспешным чередом, подчиняясь неведомым законам. Под снисходительным надзором хана Джанибека Московское княжество неприметно росло и крепло. Но в 1357 году «добрый царь» Джанибек был убит своим сыном Бердибеком, уставшим дожидаться заветного золотого престола. Заодно Бердибек прикончил и 12 своих братьев, избавив себя от лишних хлопот. Однако такой поворот дел в Орде понравился не всем. Среди татар началась длительная усобица (по выражению летописца — «замятня великая в Орде» (22, 229). За период с 1357 по 1381 год на ордынском престоле сменилось более 25 ханов (71, 50).

Воспользовавшись ордынскими усобицами, суздальский князь Дмитрий Константинович в 1360 году сумел ненадолго отобрать великое княжение Владимирское у малолетнего сына Ивана Красного Дмитрия. Возможно, эту мысль ему

подказали некоторые «сильные люди» в Орде, озабоченные неуклонным ростом могущества Москвы. Но московское боярство, сплотившись вокруг митрополита-москвича Алексея, отстояло права своего князя-отрока. С этого времени великое княжение Владимирское становится «вотчиной» (неотъемлемой привилегией) московских правителей.

Внуки Калиты Дмитрий Иванович Московский и Владимир Андреевич Серпуховской выросли фактически без отцов. Над ними не довлела семейная выучка, им легче было отойти от политических традиций Калиты, о которых они знали только понаслышке, от старых бояр или митрополита Алексея. И не случайно именно эти дерзкие отроки, возмужав, встряхнули Русь, вывели ее из лесов и болот на простор Куликова поля.

Новое вино вливалось в новые мехи. Московские правители искали и находили новые решения старых проблем. Но окруженный глубоким почтением образ их прадеда, первого «собиравателя Руси» Ивана Калиты, жил в их семейных преданиях. Все понимали, что Москва пошла в рост от посаженного и взлелеянного им зерна. Трудно определить словами, в чем же состояло не имущественное, не политическое, а именно духовное, вечное наследие Калиты. Как известно, родители познаются в детях. Всех правивших в Москве потомков князя Ивана отличало необычайно развитое чувство ответственности. Его истоки — в изначальном церковно-государственном характере московского домостроительства.

Создание Московского государства воспринималось ими как исполнение провиденциальной задачи — построения небывалого дотоле Царства Божией Правды. И потому строители всегда помнили грозные слова пророка Иеремии: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иеремия, 48, 10).

Московское самодержавие смогло стать жизненной политической формой только благодаря чувству огромной ответственности перед людьми и перед Богом, никогда не покидавшему носителей тяжелой «шапки Мономаха». Со времен Калиты строительство Московского, а потом и Российского государства стало одновременно и возведением Храма. И потому люди, строившие его, работали не за страх, а за совесть.

**Грамота Новгорода тверскому великому князю
Михаилу Ярославичу**

1304—1305 гг.

Благословление от владыкы, поклон от посадника Георгия, и от тысячкого Андреяна, и от всех старейших, и от всех мьнших, и от всего Новгорода господину князю Михаилу Ярославичю. На семь ти, княже, хрьст целовати к всему Новугороду, на чемь целовали пьрвии князи, и дед твои, и отьць твои. Новгород ти дьржати по пошлине, како держал дед твои и отьць твои. Грамот ти не посужати. А мужа ти без вины волости не лишити. А бес посадника ти волости не раздавати, ни суда ти судити, ни грамот давати. А волости ти, княже, новгородьских своими мужи не дьржати, дьржати ти мужи новгородьскими; а дар тебе от тех волости емати. А се волости новгородьскыя: Волок с всеми волостьми, а дьржати ти свои тиун на половине, а новгородьць на половине, в всеи волости Волочкои; а на Тьржку ти, княже, дьржати свои тиун на своеи части, а новгородьць на своеи части. А се волости новгородьскыя: Бежице, Городьць, Мелеча, Шипино, Егна, Вольгда, Заволочие, Голопьрьмь, Тьре, Пьрьмь, Печера, Югра; а ты волости дьржати ти мужи новгородьскими. А свинье бити ти, княже, за 60 вьрст около города, а дале куда кому годно. А закладников ти не приимати, княже, по всеи волости Новгородьскои, ни княгыни твоеи, ни бояром твоим, ни дворяном твоим. А сел ти не ставити по Новгородьскои волости, ни твоеи княгыни, ни твоим бояром, ни твоим дворяном, ни купити, ни даром приимати. А свобод ти не ставити по Новгородьскои волости. А что сел, княже, на Новгородьскои земли твоих, или княгыниных, или бояр твоих, тех сел тебе съступитися: а куны емати на них у истьцев своих, у кого будеть кто купил; а земля святои Софии к Новугороду. А что сел и свобод Дмитриевых, то дали есме быле Андрею до живота Андреева в хрьстное целование, а потомь Новугороду то все; а тебе, княже, в то не вьступитися. А рубеж ти дати правы по старому рубежу, в хрьстное

целование, как было при отци твоємъ Ярославѣ. А на Озвѣд ти, княже, ездити лете звери гонит. А в Русу не ехати, ехати в Русу на третьюю зиму. А в Ладогу ти, княже, ездити на третее лето. А осетрънику твоему ездити в Ладогу по грамоте отца твоего, како пошло. А в Вьльгде ти тиуна не държати. А судиям твоим ездити по волости, куда пошло, лете с Петрова дни, по пошлине. А что пожень княжих, то князю; а новгородское Новугороду. А вывод ти, княже, в всеи Новгородской волости не надобе. А с Суждальской земли тебе, княже, новгородца не судити, ни грамот давати, ни волости раздавати. А по всеи Суждальской земли гостити новгородцю без рубежа. А у мыта у новгородца и у новоторъжца по две векше от воза, и от лодие, и от хмелна короба, и от льняна. А дворяном твоим ходити по пошлине: от князя по пяти кун, а от тиуна по две куне. А за Волок ти, княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя новгородцю. А холопу и робе на господаря веры не яти. А в Немечком дворе тебе, княже, тръговати нашею братиею; а приставов ти не приставливати; а двора ти не затваряти. А что подеялося доселе межи тобою и твоими мужи Новугороду до хръстного целования, то ти все, княже, отложити и твоим мужем. А твоим судиям по волости самосуда не замышляти на людех по Новгородской волости. А вязчего не пошло по Новгородской волости, то судиям твоим отложити. А холопа и половника не судити твоим судиям без господаря; судити князю в Новегороде, тако пошло. И купщины в силу не судити въ волости. А кто живет въ Търъжку на Новотъръжкой земли, а к святому Спасу не тягнеть к Търъжку, князем отъемся, а ти поидуть ис Торъжку, куда им годно. Аже възидеть к тебе, княже, на мужа обада, тому ти веры не яти, дати тому исправа. А у купць повозов не имати, разве ратной вести. А коли, княже, поедешъ въ Новгородъ, тьгда тебе дар емати по постоянням; а коли поедешъ из Новагорода, тьгда дар не надобе. А холоп или половник забежитъ в Тферьскую волость, а тех, княже, выдавати; которыи ли вьстворить суд собе, судити его в Новегороде. А нелюбие, княже, тебе отложити и от старейших, и от мьнших, и от всех. На семь, господине, на всемь целуи хръст при нашей братии, при послех.

Текст печатается по изданию:

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 16—18.

Жалованная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты печорским сокольникам Жиле с ватагой об освобождении их от даней и некоторых повинностей

1328—1340 гг.

Се яз, князь великий Иван Даниловичь всея Руси, пожаловал есмь соколников печерских, хто ходит на Печеру, Жилу с други. А се их имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федец, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрок, Власии, Микитица Иванов сын, Семенец, Кондрат, Чешко, Семенец, Григорь, Степанец, Савица. Не надобе им никоторая дань, ни ко старосте им не тянути; и что у них третники и наимиты, хто стражет на готовых конех, а в кунах, и тем не надобе никоторая дань, ни ко старосте им не тянути, ни биричь их не поторгьват, не надобе ни корм, ни подвода. Хто ли через мою грамоту что у них возмет, и яз, князь великий, кажню, занеже ми люди те надобны. А приказал есми их блюсти Меркурю. А ты, Меркурей, по моеи грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому.

Текст печатается по изданию:

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т.3.М.; Л., 1964. С. 15.

Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты

Около 1339 г.

а) Первый вариант

Во имя Отця и Сына и Святаго Духа, се яз, грешный худый раб Божии Иван, пишу душевную грамоту, ида в Ворду, никимь не нужен, целымь своимь умоь, в своемь здоровьи. Аже Бог что розгадаеть о моемь животе, даю ряд сыном своим и княгини своеи.

Приказываю сыном своим очину свою Москву. А се есмь им роздел учинил:

Се дал есмь сыну своему болшему Семену: Можаск, Коломьну со всеми Коломенскими волостми, Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне, Усть-Мерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивани, деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северьске в Похрянском уезде, село Костянтиновское, село Орининское, село Островское, село Копотеньское, селце Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города.

А при своемъ животе дал есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты с женчуги, блюдо золото с женчугомъ с каменьемъ. А к тому еще дал есмь ему 2 чума золота болшая. А ис судов ис серебряных дал есмь ему 3 блюда серебряна.

А се даю сыну своему Ивану: Звенигород, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходол, Великую свободу, Замошьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьева свобода, Скирминовское, Тростна, Негуча. А села: село Рюховское, село Каменичское, село Рузское, село Белжинское, село Максимовское, село Андреевское, село Вяземское, село Домонтовское, село в Замошьской свободе, село Семьцинское.

А из золота дал есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, пояс болшии с женчугомъ с каменьемъ, пояс золот с капторгами, пояс сердоничен золотомъ окован, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебряно езднинское, 2 блюда меншии.

А се дал есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Северску, Нарунижское, Серпохов, Нивну, Темну, Голичичи, Щитов, Перемышль, Растовець, Тухачев. А се села: село Талежское, село Серпоховское, село Колбасинское, село Нарское, село Перемышльское, село Битяговское, село Труфоновское, село Ясиновское, село Коломнинское, село Ногатинское.

А из золота дал есмь сыну своему Андрею: 4 чепи золоты, пояс золот фрязьский с женчугомъ с каменьемъ, пояс золот с крюкомъ на червчате шелку, пояс золот царевский, 2 чары золоты, 2 чумка золота меньшая; а из блюд, — блюдо серебряно, а 2 малая.

А се даю княгини своєї с меншими детми: Сурожик, Мушкову гору, Радонежское, Бели, Воря, Черноголовль, на Вори свобода Софроновская, Вохна, Деиково рамень, Данилищова свобода, Машев, Селна, Гуслица, Рамень, что было за княгинею. А села: село Михайловское, село Луцинское, село у озера, село Радонежское, село Деигунинское, село Тыловское, Рогожь, село Протасьевское, село Аристовское, село Лопастеньское, село Михайловское на Яузе, 2 селе Коломенский.

А из городьских волости даю книгини своєї осмничее. А тамгою и иными волостми городьскими поделятся сынове мои; тако же и мыты, которыи в котором уезде, то тому. А оброкомъ медовымъ городьскимъ Василщева веданья поделятся сынове мои. А что моих бортников и оброчников купленых, которыи в которой росписи, то того.

А по моим грехом, ци имуть искати татарове которых

волости, а отоимуться, вам, сыном моим, и княгини моеи поделити вы ся опять тыми волостми на то место.

А численныи люди, а те ведають сынове мои собча, а блюдутъ вси с одиного. А что мои люди куплении в великомъ свертце, а тыми ся поделять сынове мои.

А что золото княгини моее Оленино, а то есмь дал дчери своеи Фетиныи, 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковал. А чело и гривну, то есмь дал при себе. А что есмь придобыл золота, что ми дал Бог, и коробочку золотую, а то есмь дал княгини своеи с меншими детми.

А ис порт из моих сыну моему Семену: кожух черленыи женчужьныи, шапка золотая. А Ивану, сыну моему: кожух желтая обирь с женчугомъ и коць великии с бармами. Андрею, сыну моему: бугаи соболии с наплечки с великимъ женчугомъ с каменьемъ, скорлатное портище сажено з бармами. А что есмь нынеча нарядил 2 кожуха с аламы с женчугомъ, а то есмь дал меншимъ детемъ своимъ, Марьи же Федосьи, ожерельемъ.

А что моихъ поясовъ серебряныхъ, а то роздаять по попьямъ. А что мое 100 руб. у Ески, а то роздаять по церквемъ. А что ся остало из моихъ судовъ из серебряныхъ, а тымъ поделять сынове мое и княгини моя. А что ся останеть моихъ порт, а то роздаять по всимъ попьямъ и на Москве. А блюдо великое серебряное о 4 колця, а то есмь дал святей Богородици Володимерьскойи.

А приказываю тебе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детми, по Бозе ты им будешь печалникъ.

А что есмь дал сыну своему Семену стадце, а другое Ивану, а иными стады моими поделять сынове мои и княгини моя.

А на се послуси: отецъ мои душевьныи Ефрем, отецъ мои душевьныи Федосии, отецъ мои душевьныи поп Давыд.

А грамоту писал дьяк князя великого Кострома.

А кто сю грамоту порушитъ, судить ему Бог.

На лицевой стороне грамоты привешена серебряная позолоченная печать великого князя Ивана Даниловича Калиты.

б) Второй вариант

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се яз грешныи худыи раб Божии Иван, пишу душевную грамоту ида в Ворду, никимь не нужен, целымъ своимъ умомъ, в своемъ здоровьи. Аже Бог что розгадаеть о моемъ животе, даю ряд сыномъ своимъ и княгини своеи.

Приказываю сыном своим очину свою Москву. А се есмь им роздел учинил:

Се дал есмь сыну своему болшему Семену: Можаяск со всими волостями, Коломну со всими Коломенскими волостями, Городенку, Мезыню, Песочну, и Середокоротну, Похряне, Усть-Мерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивани, деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северьске в Похрянскомъ уезде, село Костянтиновское, село Орининское, село Островское, село Копотеньское, селце Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города.

А при своемъ животе дал есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты с женчюги, блюдо золото с женчюгомъ с каменьем, 2 чума золоты болшая. А ис судов ис серебряных дал есмь ему 3 блюда серьбрьна.

А се даю сыну своему Ивану: Звенигород, Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходол, Великую свободу, Замошьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободу, Скирминовское, Тростну, Негучю. А села: село Рюховское, село Каменичское, село Рузское, село Белжинское, село Максимовское, село Андреевское, село Вяземское, село Домонтовское, село в Замошьской свободе, село Семциньское.

А из золоты дал есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, пояс золот болшии с женчюгомъ с каменьем, пояс золот с капторгами, пояс сердоничен золотомъ окован, 2 овкача золоты, 2 чаши круглыи золоты, блюдо серьбрьно езднинское, 2 блюдци меншии.

А се дал есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Северьску, Нарунижское, Серпохов, Нивну, Темну, Голичичи, Щитов, Перемышль, Растовець, Тухачев. А се села: село Талежьское, село Серпоховское, село Колбасинское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговское, село Труфоновское, село Ясиновское, село Коломнинское, село Ногатинское.

А из золоты дал есмь сыну своему Андрею: 4 чепи золоты, пояс золот фрязьский с женчюгомъ с каменьем, пояс золот с крюкомъ на чървьчате шелку, пояс золот царевский, 2 чары золоты, 2 чумка золоты меншая; а из блюд, — блюдо серьбрьно, а два малая.

А се даю княгини своеи с меншими детми: Сурожик, Мушкову гору, Радонежьское, Бели, Воря, Черноголовль, на Вори свобода Софроновская, Вохна, Деиково рамень, Данилищова свобода, Машев, Селна, Гуслиця, Рамень, что было за княгинею. А села: село Михайловское, село Луцинское, село у озера, село Радонежьское, село Деигунинское,

село Тыловское, Рогожь, село Протасьеvское, село Аристовское, село Лопастеньское, село Михайловское на Яузе, 2 селе Коломеньскийи.

А из городских волостии даю княгини своеи осмничеe. А тамгою и иными волостми городскими поделаться сынове мои; тако же и мыты, которые в которого уезде, то тому. А оброкомь городскимь Василцева веданья поделаться сынове мои. А что моих бортников и оброчников купленых, которые в которого росписи, то того.

А по моим грехом, ци имуть искати татарове которых волостии, а отымуться, вам, сыном моим, и княгини моеи поделити вы ся опять тыми волостми на то место.

А числьными люди ведають сынове мои собча, а блюдуть вси с одного. А что мои люди куплени в великом свертце, а тыми ся поделать сынове мои.

А что золото княгини моеe Оленино, а то есмь дал дчери своеи Фетиньи, 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковал. А чело и гривну, то есмь дал при себе. А что есмь придобыл золота, что ми дал Бог, и коробочку золотую, а то есмь дал княгини своеи с меншими детми.

А ис порт из моих сыну моему Семену: кожух черлении женчужный, шапка золотая. А Ивану, сыну моему: кожух желтая обирь с жьнчугомь, коць великии с бармами. Андрею, сыну моему: бугаи соболии с наплечки с великимь женчюгомь с каменьем, скорлатное портище с бармами. А что есмь нынеча нарядил 2 кожуха с аламы с женчюгомь, а то есмь дал меншим детем своим, Марьи же Федосьи, ожерельем.

А что моих поясов серебряных, а то роздадать по попьям. А что мое 100 руб. у Ески, а то роздадать по церквам. А что ся остало из моих судов из серебряных, а тым поделаться сынове мои и княгини моя. А что ся останеть моих порт, а то роздадать по всим попьям и на Москве. А блюдо великое о 4 колця, а то даю святеи Богородици Володимерской.

А что есмь дал сыну своему Семену стадце, а другое Ивану, а иными стады моими поделаться сынове мои и княгини моя.

А прочь Московьских сел, даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское в Новегороде на Улале, другое в Володимери Борисовское.

А что есмь купил село Петровское, и Олексиньское, Вседобричь, и Павловьское на Масе, половину есмь купил, а половину есмь сменил с митрополитом.....¹ця на Масе, что есмь купил у Афинея, то даю сыну своему Ивану.

¹ Лист с текстом разорван: в этом месте может уместиться около 12 букв.

А что есмь купил село Варварьское и Меловьское у Юрьева, что есмь сменил на Матфеищовьское село, то даю сыну своему Андрею.

А что село Павловское, бабы нашее купля, и Новое селце, что есмь купил, и Олександр святыи, что есмь купил на Костроме, то даю княгини своеи.

А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимь, не иметь ли служити детем моим, село отоимут.

А что есмь прикупил селце на Кержачи у Прокофья у игумна, другое Леонтиевское, третье Шараповское, а то даю святому Олександру себе в поминанье.

А приказываю тебе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детми, по Бозе ты им будешь печалник.

А кто сю грамоту порушит, судить ему Бог.

А на се послуси: отець мой душевныи Ефрем, отець мой душевныи Федосии, отець мой душевныи, поп Давыд.

На обороте листа помета: Духовные, и списки з духовных, и прошная грамота.

На лицевой стороне грамоты след от прикрепления печати.

Текст печатается по изданию: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 7—11.

Докончание (договор) великого князя Семена Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем.

Около 1350—1351 гг.

Се я[з, князь великии Семе]н Иванович [всея] Руси, [с св]оею братьею с молодшею, со князем с [Иваном] и с князем [Андреем], целовали есмы межи со[бе] крест у отня гроба.

Быти ны заоди[н до живота. А брата своего стареиш]его имети ны и чтити в отцево место. А брату нашему нас име[ти]...¹[А кто буде]ть брату нашему стареишему [недруг, то и н]ам недруг. А кто будеть брат[у нашему ста]реишему [друг, то и] нам друг. А тебе, господине, князь вел[икии, без нас] не доканчивати ни с ким. [А братье твое]и молодше[и без] тебе не доканчивати ни с [ким. А кто и]меть нас сваживати...², [исп]рава ны учинити, а нелюбья не держати, [а винов]атого казнити по [исправе]...

¹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 10 букв.

² Лист разорван: в этом месте может уместиться около 12 букв.

...¹ [целовали] есмы по душевной грамоте отца нашего, како ны отець наш роздел [дал, того ти под нами блос]ти, а не обидети. А что есмы съступилися тебе на стареи[шинство]...² пол-тамги, да тебе соколничии путь, и садовници, да конюшии путь, и кони ставити...³, ловчии путь, то же и потом на стареишии путь, кто будеть стареишии, [тому] пол-тамги, [а младшим двум] пол-тамги, а опрочь того все на трое, и бортници в Пере...⁴, и Добря[тинская борть].

А сел [князю] великому: Новое село на Купавне, Вышневьское село. А князю Ив[ану и] князю Андрею: Мих[але]вьское село, Ми[кульс]кое село [на Пру]женке, Мики[форо]вьское село, Парфень[евское] село...

...⁵ [ко]го из нас Бог отъведет, печаловати[ся княгинею его и] детьми, как при ж[ивоте, так и по жив]оте, а не [обидети тебе, ни] имати ничего ото княгини и от детии, чим ны [кого благословил отець наш по ро]зделу. [А по животе кто из бо]яр и слуг иметь служити у наших княгинь [и у детии...⁶, нелюбья не] держати, [ни посягати] без исправы, но блюсти, как и своих. Или кто [из нас...⁷ что примыслил или прику]пил, или кто по семь что кто прикупить [или примыслить чужее...⁸ сво]им волостем, и того...⁹ блюсти, а не обидети. Или что мя благослов[ила которыми волостьми тетка моя], княгини Анна, [Заячко-вым...¹⁰], Тешевым, ...¹¹ свободкою, или что есмь прикупил Забереги...¹² куплю и того...¹³ моеи...¹⁴ обидети...¹⁵ кто что нашему...¹⁶ блюсти, а не обидети...¹⁷ а то...¹⁸ с нами...¹⁹

¹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 14 букв.

² Лист разорван: в этом месте может уместиться около 18 букв.

³ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 8 букв.

⁴ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 6 букв.

⁵ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 7 букв.

⁶ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 10 букв.

⁷ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 12 букв.

⁸ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 8 букв.

⁹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 5 букв.

¹⁰ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 26 букв.

¹¹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 9 букв.

¹² Лист разорван: в этом месте может уместиться около 12 букв.

¹³ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 6 букв.

¹⁴ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 7 букв.

¹⁵ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 20 букв.

¹⁶ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 12 букв.

¹⁷ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 10 букв.

¹⁸ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 6 букв.

¹⁹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 6 букв.

...а нам в твои удел не слати...¹ московски имут бити челом тебе, князю великому, на наших бояр и слуг московских, аже будешь на Москве, [тобе судити, а мы с тобою в суд шли, господине, опрочь Моск]вы, слати к тво[ему наместнику и к нашим...] ...², чинять исправу [московским бо]яром и слугам, а при[ставов ти не слати...]...³ тебе, князю великому...⁴ на наших бояр...⁵ пристава, а нам...⁶ к великому князю...⁷ пошлые к городу...⁸ наших уделех не купити, ни твоим бояром, ни слугам, ...⁹ ни нашим бояром, ни слугам сел в твоём уделе и у численных...¹⁰ двор московский...¹¹

А которыи люди по нашим во[ло]стем выиманы...¹² нам к себе [не при]имати. А которы[х] людии отець наш, князь великий, выимал...¹³ те так и знаютъ свою службу, в которую кто уряжен, а нам их к себе не приимати.

А во[льны]м слугам воля, кто в кормленьи бывал и в доводе при нашем отци и при нас.

А чим ны благословил отець наш, волостми ли, порты ли, или инымъ чимъ, а тымъ ся есмы поделили, того ны не поминати.

А где ми будетъ въсести на конь, всести вы со мною. А где ми будетъ самому не всести, а будетъ ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья. А что ся учинить просторожа от мене, или от вас, или от моего тысяцьского, и от наших наместников, исправа ны учинити, а нелюбья не держати.

А бояром и слугам вольным воля: кто поедет от нас к тебе, к великому князю, или от тебе к нам, нелюбья ны не [держати]. А что Олексе Петрович вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к себе его не приимати, ни его детии, и не надеятися ны его к себе до Олексеева живота, волен в нем князь великий, и в его жене, и в его детех. А тебе, господине, князь великий, к себе его не

¹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 12 букв.

² Лист разорван: в этом месте может уместиться около 15 букв.

³ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 9 букв.

⁴ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 5 букв.

⁵ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 5 букв.

⁶ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 5 букв.

⁷ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 15 букв.

⁸ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 15 букв.

⁹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 6 букв.

¹⁰ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 12 букв.

¹¹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 10 букв.

¹² Лист разорван: в этом месте может уместиться около 6 букв.

¹³ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 16 букв.

приимати же в бояре. А мне, князю Ивану, что дал князь великий из Олексеева живота, того ми Олексею не давати, ни его жене, ни его детем, ни инымъ ничимъ не подмагати их.

На семь на всемъ целовали есмы крест межи [собе у] отня [гроба], [по любви, в правду].

[А туто были]: Петр архимандрит московский, Фили[мон] архимандрит [перемыславский, Василии¹... ты]сяцкий, Михаил Олександрович...² [Васильев]ич, Василии [Окатыевич, Онанья околничи], Иван Ми...

На лицевой стороне грамоты привешена желтовосковая, почти совсем разрушившаяся печать.

Текст печатается по изданию: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. С. 11—13.

Похвала Ивану Калите из «Сийского Евангелия»

Около 1339—1340 г.

В лето 600-е 800-е 47-е (1340-е) индикта 12 миротворенаго и солнечного круга в 4-е лето висикостное, жидовь сего ирук в 7-е лето, епакта 18 лето, в 5-и каланд месяца марта, жидовьскы нисана, написано бысть си еуангелие в граде Москве на Двину к святеи Богородици повелениемъ рабомъ Божиимъ Ананию черныцемъ. О семь бо князи великомъ Иване пророк Езекии глаголетъ: «В последнее время в апустевшии земли на запад встанеть цесарь правду любя и суд не по мзде судяи ни в поношение поганымъ странам. При семь будетъ тишина велья в Руской земли и всияеть в дни его правда», яко же и бысть при его царстве. Хвалить Римская земля Петра и Павла, Асия Иоана Богословеца, Индийская — Фому, Ераполь — Филипа, Руская земле — перевозванаго апостола Андрея, Гречьская земля — цесаря Костянтина. Сему благородному князю великому Ивану створшему дела подобна в Руской земли правоверному цесарю Костянтину. О семь бо песнословыць глаголетъ: «Постави, Господи, законодавца над ними, да разумеють языци, яко человеци суть». То же рек: «Боже, суд цесареви даи же правду сынови цесареву».

Сии бо князь великой Иоан имевше правыи суд паче меры. Поминая божественае писания, исправлния святых и преподобных отец, по правиломъ монокануннымъ ревнуя правоверному цесарю Устиану. В то бо время благочестию велию восиявши, многимъ святымъ церквамъ съзидаемымъ, учьнику бо-

¹ Лист разорван: в этом месте может уместиться около 7 букв.

² Лист разорван: в этом месте может уместиться около 4 букв.

жественных словес от уст его яко источнику велию текущую, напаяючи благочестивых святитель сердца и христолюбивых в его державе людии. Безбожным ересам преставшим при его державе, многим книгам написаным его повелениемъ, ревнуня правоверному цесарю гречьскому Мануилу. Любиа святительскыи сан, постничьское житье любя и удержает правоверную святую веру. Сирым в бедах помощник, вдовици от насилник изимая яко от уст лвов.

Всеи Руской земли поминая велегласно державу его царства. Сии бо великии раб Божии Анания чернць, поминая его святительскыи сан, горя духовною мыслию к Богови, хотяи видети вышнии Ерусалим, поминае душею первых правоверных цесарии, всех святых и молитвою — прародитель своих.

А писали многогрешнии дьяци Мелентии да Прокоша. Благословите их, а не клените.

Текст печатается по публикации: Мещерский Н. А.

К изучению ранней московской письменности. //

Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 94—96.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА КАЛИТЫ

Около 1288 г. — рождение Ивана Даниловича.

1293 — «Дюденева рать», разгром татарами 14 русских городов.

1303, 5 марта — умер отец Ивана князь Даниил Александрович.

1304 — сопровождал старшего брата Юрия в походе на Можайск.

1304 — разгромил тверское войско в битве у Переяславля-Залесского.

1310 — участвовал в церковном соборе в Переяславле-Залесском.

1315, весна — 1317, осень — управляет Москвой в отсутствие Юрия.

1317 — родился сын Семен.

1317 — ездил в Новгород по поручению Юрия.

1319 — родился сын Даниил.

1320 — сопровождал Юрия в походе на Рязань.

1320—1321 — жил в Орде при дворе хана Узбека.

1322 — вернулся на Русь с отрядом ордынского «посла» Ахмыла.

1322 — начал самостоятельно управлять Москвой.

1326 — поездка в Орду.

1327, 14 августа — освящение Успенского собора в Москве.

1327, 15 августа — восстание против татар в Твери.

1328, начало — вместе с татарами участвовал в разгроме Твери.

1328, лето — получил в Орде ярлык на великое княжение Владимирское.

1329, весна — посещение Новгорода и поход на Псков.

1329, 1 сентября — освящение церкви Иоанна Лествичника в Москве.

1331, 1 марта — умерла княгиня Елена, первая жена Калиты.

1333, 20 сентября — освящение Архангельского собора.

1335 — поездка Ивана Калиты в Новгород.

1339 — вместе с сыновьями ездил в Орду.

1339, 25 ноября — закладка новых стен московского Кремля.

1340, 31 марта — смерть Ивана Калиты.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Акафисты с канонами. Киев. Издание Киево-Печерской лавры, 1831.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964.
3. Волоколамский патерик (По рукописи Московской Синодальной библиотеки № 927), Сергиев Посад, 1915.
4. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
6. Житие митрополита Петра (Киприановская редакция). — В приложении к книге: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.
7. Житие Пафнутия Боровского. — В приложении к статье: Кадуловский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Саниным //Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899.
8. Идея Рима в Москве XV—XVI веков. Источники по истории русской общественной мысли. Рим, 1993.
9. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
10. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
11. Памятники древнерусского канонического права. — Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880.
12. Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
13. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
14. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.
15. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.
16. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962.
18. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Вып. 1. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915.
19. Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851.
20. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1856.
21. Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
22. Полное собрание русских летописей. Т. X. Никоновская летопись. СПб., 1885.
23. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. М., 1965.
24. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 2. Тверской сборник. М., 1965.
25. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

26. Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Степенная книга. СПб., 1909.
27. Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911.
28. Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921.
29. Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
30. Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. Уваровская летопись. М.; Л., 1963.
31. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. М., 1965.
32. Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968.
33. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
34. Приселков М. Д. Троицкая летопись. (Реконструкция текста.) М.; Л., 1950.
35. Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л., 1941.
36. Путешествия в Восточные страны. (Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в Восточные страны.) М., 1957.
37. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 2—3. М., 1987.
38. Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965.
39. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Каппадокийского. Изд. 3. Ч. 1. М., 1891.
40. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры. М.; Ростов-на-Дону, 1992.

Литература

41. Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. (Введение. Историческая география завещания Ивана Калиты). М., 1993.
42. Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. (Московские «трети». Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества). М., 1993.
43. Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска.) М., 1994.
44. Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веках. М., 1994.
45. Базилевич К. В. Имущество московских князей в XIV—XVI веках. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 3. М., 1926.
46. Барабанов Н. Д. Византия и Русь в начале XIV в. Некоторые аспекты отношений патриарха и митрополии. // Византийские очерки. М., 1991.
47. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
48. Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаза. // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. М., 1970.
49. Блок Марк. Апология истории. М., 1986.
50. Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876.

51. Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986.

52. Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV—XV веков. // История СССР, 1983, № 4.

53. Брюсова В. Г. О времени освящения новгородской Софии. // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

54. Булгаков С. В. Настольная книга священно-церковно-служителей. М., 1993.

55. Бураков Ю. Н. Под сенью монастырей московских. М., 1991.

56. Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

57. Вагнер Г. К. Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владими́ро-суздальском искусстве. // Византийский временник. Т. XXIII. М., 1963.

58. Вагнер Г. К. К судьбам византийского наследия во владими́ро-суздальской пластике. // Византийский временник. Т. XXIV. М., 1964.

59. Вагнер Г. К., Шеляпина Н. С. Фрагменты раннемосковской скульптуры из находок в Московском Кремле. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976.

60. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

61. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

62. Вздорнов Г. И. Из истории искусства русской рукописной книги XIV века. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972.

63. Вздорнов Г. И. Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» — памятник круга Феофана Грека. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976.

64. Воронин Н. Н. Тверской Кремль в XV веке. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 24. М.; Л., 1949.

65. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. М., 1961.

66. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2. М., 1962.

67. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.

68. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Вторая половина тома. М., 1881.

69. Горский А. А. Брянское княжение в политических взаимоотношениях Смоленска, Москвы и Литвы (XIV в.). // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. М., 1990.

70. Горский А. А. О времени присоединения Можайска к Московскому княжеству. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1993.

71. Греков Б. Д. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.

72. Древнерусское градостроительство X—XV веков. (Под общей редакцией Н.Ф. Гуляницкого.) М., 1993.

73. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

74. Забелин И. Е. История города Москвы. Ч. 1. М., 1990.

75. Зимин А. А. Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси. // Из-

вестия Академия наук СССР. Серия истории и философии. Т. IX, № 1. 1952.

76. Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М., 1958.

77. Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории. Т. 1. М., 1992.

78. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. / Под редакцией Б. А. Рыбакова. М., 1975.

79. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. / Под редакцией Б. А. Рыбакова. М., 1983.

80. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

81. Каштанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.

82. Ключ Эккехард. Княжество Тверское (1247—1485). Тверь, 1994.

83. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 2. М., 1988.

84. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.

85. Колобанов В. А. К вопросу о происхождении Евфросины Суздальской. // Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976.

86. Конявская Е. Л. Повесть о Шевкале. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988.

87. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Господство дома св. Владимира. СПб., 1915.

88. Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981.

89. Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

90. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.

91. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV веках. М., 1984.

92. Кучкин В. А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого. // История СССР, 1988, № 4.

93. Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1989. М., 1989.

94. Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович. // Отечественная история, 1995, № 1.

95. Ле Гёфф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

96. Леонид, архимандрит. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры. // ЧОИДР. 1880. Книга 4.

97. Логвин Н. Г. Первоначальный облик Десятинной церкви в Киеве. // Древности славян и Руси. М., 1988.

98. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

99. Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1951.

100. Макарова Т. И., Николаева Т. В. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря. // Советская археология, 1976, № 4.

101. Макиавелли Николо. Государь. М., 1990.

102. Марк Аврелий Антонин. Размышления. СПб., 1993.
103. Мещерский Н. А. К изучению ранней московской письменности. // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.
104. Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983.
105. Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
106. Охотина Н. А. Изменения в положении Киевской митрополии в условиях монголо-татарского ига. Середина — вторая половина XIII в. // Религии мира. История и современность. М., 1989.
107. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.
108. Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
109. Плигузов А. И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам. // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 2—3. М., 1987.
110. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
111. Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
112. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1933.
113. Постникова-Лосева М. М. Три камеи Государственной Оружейной палаты. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975 год. М., 1976.
114. Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.
115. Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
116. Ренан Э. Жизнь Иисуса. СПб., 1906.
117. Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.
118. Салимов А. М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994.
119. Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978.
120. Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.
121. Сергеевич В. Древности русского права. Т. III. СПб., 1909.
122. Соловьев С. М. Сочинения в 18-ти книгах. Книга II. Тома 3—4. М., 1988.
123. Терновский Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Вып. 1. Киев, 1875.
124. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
125. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.
126. Флавий Иосиф. Иудейская война. Минск, 1991.
127. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.
128. Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
129. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.
130. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

131. Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе великого княжества Литовского. Киев, 1987.
132. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.
133. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
134. Шахматов М. Государство правды. // Евразийский временник, 1925, № 4.
135. Шапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
136. Шапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983.
137. Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. X—XIII вв. М., 1989.
138. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889.
139. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.
140. Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
141. Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
142. Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV веках. // Отечественная история, 1992, № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ВАВИЛОНСКИЙ ПЛЕН	13
ОТРОК ИОАНН	33
ПОД ЗНАМЕНАМИ ЮРИЯ	47
РОКОВОЙ СПОР	82
ГОРЕЧЬ ПОБЕДЫ	102
СНЕЖНАЯ ГОРА	128
ПАДЕНИЕ ТВЕРИ	150
ВЕЛИКАЯ ТИШИНА	163
ПСКОВСКИЙ ПОХОД	186
ХРАМОЗДАТЕЛЬСТВО	196
ДАНИ НОВГОРОДСКИЕ	224
ЗАВЕЩАНИЕ	265
Приложения	282
Основные даты жизни и деятельности Ивана Калиты	294
Библиография	295

Борисов Н. С.

Б 82 Иван Калита. — 3-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 302[2] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 954).

ISBN 5-235-02847-3

Эта книга — первая биография московского князя Ивана Даниловича Калиты (ум. 1340), «собирателя Руси», подлинного основателя Московского государства.

Ему не повезло в историографии. «Скупец», «лицемер», «вероломный татарский угодник» — какими только эпитетами не награждали его историки прошлого и нынешнего столетий. Автор книги попытался по-новому взглянуть на этого человека — и перед нами предстал другой Иван Калита, мудрый правитель, заслуживший у современников прозвище «Добрый», человек, всю свою жизнь старавшийся ревностно исполнять долг государя и христианина.

**УДК 94(47)(092)“12/14”
ББК 63.3(2)42**

Борисов Николай Сергеевич
ИВАН КАЛИТА

Главный редактор **А. В. Петров**
Зав. редакцией **О. И. Ярикова**
Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **А. В. Никитин**
Технические редакторы **В. В. Пилкова, Н. А. Тихонова**
Корректоры **И. В. Ларина, Н. Д. Овсяникова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 22.06.2005. Подписано в печать 18.08.2005. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл.-печ. л. 15,96+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 53928.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02847-3